

ЛАРА АЛЬМ

Счастье!

Счастье?

**НА ЗАКАТЕ
НАСТУПАЕТ
РАССВЕТ**

РОСТОВ НА ДОНУ

2019

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу!

/ А.С. Пушкин /

- Недавно я одно стихотворение прочитала – в Интернете нашла, и признаюсь тебе, Жанночка, целый день ходила сама не своя, - с трудом выговорила фразу Ангелина Михайловна Белова. С трудом - не потому, что приболела или с дикцией были проблемы - дама пребывала в легком подпитии, как и ее проверенная временем подруга Жанна Петровна Рябченко.

Две дамы раннего пенсионного возраста не сказать, чтобы злоупотребляли спиртными напитками, вовсе нет, но иногда позволяли себе рюмочку-другую наливки собственного приготовления, прилагаемые к приятной беседе.

На город давно опустились сумерки, поэтому Жанна сосредоточенно смотрела себе под ноги, да так увлеклась, что не сразу отреагировала на высказывание подруги.

- Жанка, глухая тетеря, ты меня слышишь? - напомнила о себе Ангелина.

- Сама ты глухая тетеря, - парировала та, тоже нечетко выговаривая слова, но нашла в себе силы выдать длинную фразу, - в твоём дворе надо идти как по минному полю, чтобы кое-куда не угодить. – Хмыкнула, вспомнив известное изречение главного героя одной кинокомедии, - кругом капканов понаставили.

- И не говори, душа моя, - с печалью вздохнула Ангелина, - а все почему? Потому что собачники выводят своих питомцев на прогулку не дальше нашего двора и не убирают за ними. Вот сколько раз мы им говорили, говорили... Впрочем, сейчас не об этом, - замахала руками Ангелина, покачнувшись, вовремя ухватила за подругу, которая тверже стояла на ногах по причине избыточного веса.

Жанна Петровна была невысокой, кругленькой, щекастой тетенькой на коротких ножках. Ее закадычная подруга Ангелина – а дружили девчонки еще со школьной скамьи, точнее, с первого класса, получается полвека - была выше почти на голову, с хорошей фигурой, практически не прибавила в весе с выпуска из школы и очень этим гордилась. Жанна любила вкусно поесть и любила готовить. Ангелина относилась к еде безразлично, пусть не была знатной кулинаркой, но не ограничивалась яичницей и жареной картошкой.

- О чем ты хотела со мной поговорить? – деловито поинтересовалась Жанна Петровна, притормаживая.

- О стихотворении из Интернета, - напомнила Михайловна. – Сейчас я тебе процитирую отрывок.

- Давай, - великодушно разрешила подруга, складывая колечком руки на груди.

Ангелина встала в первую позицию, вытянула руки по швам, вздернула подбородок и трагическим голосом начала декламировать:

- Кто силен, тот побеждает, кто упал, не встанет вновь. И дорогу покрывает человеческая кровь.

- Ангел, - обратилась к ней Жанна. Надо признать, что Ангелом Белову нарекли не благодаря производной от имени Ангелина, не за ангельский характер, напротив, характер у нее был шептунной, склонный к проказам – прям, сущий «Ангел». Про

кавычки со временем позабыли, прозвище приклеилось. – Ангел, признайся, сама сочинила в редкие минуты печали?

- Чтобы я сочиняла какие-то там лирико-трагические стихи! – с гримасой на лице возмутилась Белова, делая паузы между словами для лучшего усвоения сказанного.
- Кто бы спрашивал, только не ты. Нет у меня таких талантов, увы, - и развела руками.
- А кто сочинил сей шедевр? – прицепилась Жанна Петровна.
- Забыла фамилию автора. Но точно помню, что это женщина.
- Кровожадная какая-то женщина.
- У тебя тоже кровь в жилах застыла, когда ты представила...
- Прошу, не продолжай! – взмолилась Жанна, сморщив нос. Кому как ни ей была известна склонность подруга к красочным описаниям. – Такой прекрасный вечер получился, мы так хорошо посидели, а ты взяла и все испортила.
- Ну, прости... Вечер сегодня, действительно, замечательный. И погода хорошая, даже не верится, что сегодня первое апреля, начал отсчет второй месяц весны.
- Сколько лет мы с тобой отмечаем праздник юмора?
- Сколько-сколько, - задумчиво пробормотала Ангелина, - с первого курса института, когда впервые пошли на межвузовскую юморину.
- Не просто пошли, а приняли непосредственное участие, - гордо высказалась Жанна, но не преминула добавить без всякой зависти, - приняли – это громко сказано, я себя имею ввиду, ты-то у нас всегда участвовала в КВН, а я так, на подхвате, пойд-принеси.
- Жанка, какое было веселое время! - с ностальгическими нотками в голосе воскликнула Ангелина Михайловна Белова.
- Будто вчера... Да, жизнь пролетела незаметно, - вставила с печалью в голосе Жанна Петровна Рябченко.
- Что значит – пролетела? Мы с тобой еще ого-го!
- Мы с тобой – охо-хо, так правильнее. Ноги болят? Болят! Спину ломит? Ломит! Голова кружится? Кружится!
- Особенно, когда мы твоей смородиновой наливочки выпьем, - усмехнулась Ангел.
- Имеем право расслабиться.
- Конечно, имеем. А то все дела-заботы, взрослые дети, малые внуки. Совместными посиделками только и живем – как-то себя развлекаем.
- И мужей нет, ни у тебя, ни у меня, - без всякого расстройства проговорила Жанна Петровна.
- Если жить с мужем без любви, согласия и взаимопонимания, то лучше жить одной.
- Да, Лина, не повезло нам с тобой. У меня был муж горький пьяница, а твой ни одной юбки не пропускал. И развелись мы с ними почти одновременно, и больше замуж так и не вышли. А ведь мы с тобой в ту пору были еще молоды и хороши собой, - поиграла бровями Рябченко.
- Лина пропустила мимо ушей последнее игривое высказывание Жанны, заиклившись на воспоминании о бывшем муже.
- Ты тоже хороша – знала, что муж мне изменяет, а молчала, - с укором произнесла Ангелина.
- Вспомнила вчерашний день!

- Нет, ты мне скажи – почему скрывала правду? Ведь ты с ним в одном отделе работала! Получается, знала о его похождениях! Спрашивается, почему молчала? Только не говори, что хотела сохранить дружную советскую семью, ячейку общества.

- А ты что – в другом городе в это время обитала? У тебя глаз не было? На том же предприятии ты работала, только в другом корпусе, но не за тридевять земель. И я думала, что ты знаешь о его походах налево, и тебя все устраивает. Ведь ты сама...

- Что я сама? Думай, что говоришь! Я ему ни разу не изменила, хотя, за мной ухаживали мужчины, - ни без гордости произнесла Ангелина Михайловна.

- Ты всегда была видной девушкой, - с восторгом сказала Жанна. – И сейчас на тебя мужчины заглядываются.

- Тоже, скажешь, - отмахнулась Лина, но лесть ей пришлось по вкусу.

Подруги переместились на скамейку, и продолжили беседу.

- Дура я была, надо было отомстить бывшему мужу, пусть бы локти кусал! - опять пустилась в воспоминания Белова. – А я все ждала – вот-вот вернется, одумается и вернется. А он выжидал, наблюдал, потом понял – раз она никому не нужна, то мне тоже не нужна. И укатил неведомо куда.

- Странная логика.

- Ничего странного. Мужики только с виду ревнивы, а на самом деле им нравится, когда их женщинам оказывают внимание посторонние мужчины, только дозволенных границ переходить нельзя. Я и не переходила, пусть внимание посторонних мужчин мне льстило, но я оставалась верной женой, про разные ухаживания скрывала. Ни тебе рассказывать, как я любила мужа, мне не хотелось, чтобы мой красавец муж услышал из чужих уст разные небылицы обо мне. Это потом до меня дошло, что легкий флирт пошел бы только на пользу нашему браку: пусть бы узнал, пусть бы приревновал, пусть бы до него дошло, кто живет рядом с ним – не какая-то забитая бабенка, которая кроме работы и дома ничего не видит, а симпатичная женщина, которая пользуется успехом у представителей противоположного пола. Стал бы мною дорожить, забыл бы о других женщинах.

- Не думаю, что твой Славик считал тебя забитой бабенкой. Ты всегда выделялась из общей массы, всегда была хорошо и модно одета, участвовала в художественной самодеятельности...

- Жанка, ты сейчас даешь мне комсомольскую характеристику?

- Ты и впрямь дура.

- Спасибо за комплимент.

- Ангел, ты обиделась, что ли?

- Ничего я не обиделась. Просто вспомнила молодость и мне взгрустнулось.

- В каждом возрасте есть свои плюсы.

- Жанна, что я слышу?! Это говоришь мне ты? Впервые не я тебя успокаиваю, уговариваю, а ты меня.

- Когда-нибудь должно что-то измениться.

- Философское замечание с намеком.

- А что? Все может быть! Будет и на нашей улице праздник, - рассудила Жанна Петровна.

- Кто нам устроит праздник, если не мы сами. Тем более сейчас, когда мои дети с внуком уехали в отпуск.

- Раньше твоя Ленка была вся в папочку, а чем старше становится, тем больше похожа на тебя. А внук Пашка – вылитый отец, твой зять Вовка.

- Ленка хорошая мать, я даже не ожидала от нее такой самоотверженности. Я вообще думала, что она замуж никогда не выйдет – слишком была разборчивая.
- Выбор был велик – ухажеров много. В том числе и мой Виктор.
- Они с рождения дружили, выражаясь фигурально. Почти ровесники – всего-то три месяца разницы. Жан, а ведь совсем недавно мы их в колясочках возили. Как быстро время пролетело.
- Незаметно, - согласилась Жанна. – Иной раз я чувствую себя девяното летней старухой – то одно болит, то другое, а иногда готова горы свернуть, чувствую себя на двадцать пять.
- Так уж и на двадцать пять? – усмехнулась Лина.
- Ну, на тридцать, тридцать пять... У тебя хотя бы дочь пристроена, внук растет, а у меня душа за Виктора болит. Давно пора жениться, а ему все некогда.
- Я так мечтала, что они с моей Ленкой поженятся, мы с тобой породнимся. И будто бы промеж них любовь была.
- Детская любовь, а повзрослели, разошлись по своим компаниям и забыли обо всем.
- Жанна, сегодня первое апреля, праздник юмора, а мы вдруг заговорили на серьезные темы! Забыла установку – первого апреля только шутим и разыгрываем, на один день забываем обо всех проблемах.
- Пойду я, Ангел, поздно уже. Довольно на сегодня шуток, веселья и розыгрышей.
- Теперь давай я тебя провожу, - предложила Ангелина подруге.
- Как в детстве? Помнишь? Мы по часу провожали друг друга. Так и ходили туда-сюда, туда-сюда, как два маятника.
- Жанна, а пойдём ко мне? Посидим, примем капелек на сон грядущий, а то у меня весь хмель выветрился, пора повторить.
- Вот я так и знала!
- И что?
- А то! Прихватила с собой микстуру. – Жанна достала из сумки маленькую пластиковую бутылочку, наполненную фиолетово-красной жидкостью. Покосилась на компанию подростков, что-то бурно обсуждающую неподалеку, сделала вид, что ей все равно, и заговорщицким голосом предложила, – Ангел, давай вспомним студенческую молодость и пригубим прямо здесь, на скамейке?
- Кажется, тебя тянет сегодня на приключения, - без осуждения произнесла Белова, тоже кинула беспечный взгляд на молодежь и напомнила, – ты зачем к мужику пристала? Зачем ему сказала, что у него носки разного цвета?
- Так ведь смешно вышло. Он попытался одновременно оценить цвет носок на обоих ногах, начал задирать брючины и пританцовывать, как на горячих углях.
- Не знаю, чем бы дело закончилось, если бы я ему не напомнила про первое апреля. Еще повезло, что попался понимающий человек, с чувством юмора.
- Вот ты меня осуждаешь, - затянула Жанна, доставая из сумки два пластиковых стаканчика, расставила их на скамейке между ними и разлила в них напиток из бутылочки, - но сама тоже хороша: принялась говорить с высокомерной девицей на тарабарском языке, та попыталась вникнуть в суть, изображая из себя полиглота, ты над ней измывалась десять минут, а потом на ломаном русском спросила: «Как пройти в Ленинскую библиотеку, мы не знаем дороги, мы приезжие, но очень бы хотели туда попасть».
- А девица решила предстать перед заморскими гостями гостеприимной хозяйкой и поинтересовалась, из какой страны мы приехали, - вставила Жанна.
- Но я подумала, что она уже приняла нашу игру, что она в теме, а оказалось, что она не только без чувства юмора, но и незнакома с классикой советского кинематографа

и с детской классической литературой и мультипликацией: я ей сказала, что мы приехали из Тилимилитрамдии, и уже приготовилась рассмеяться во все горло, а чуть не рухнула прямо на асфальт, когда та со знанием дела спросила: «Это в Южной Африке?»»

Вспомнив свои похождения, выделив «всезнающую» девицу, подружки закатились безудержным хохотом. Чуть успокоились, бесшумно чокнулись пластиковыми стаканами и выпили «за все хорошее». Затем выпили «за умных людей с чувством юмора», что считается связующими понятиями.

Они посидели еще чуть-чуть, потом еще чуть-чуть, пока не опорожнили бутылку, после чего Ангелина Михайловна призналась:

- Хорошо-то как, Жанка!

- Прекрасно! – согласилась подруга. – Однако, мне пора.

- Куда ты пойдешь? Ночь на дворе. Вдруг маньяк...

- Кому я нужна!

- Не скажи, - покачала головой Лина. – Пойдем ко мне, переночуешь, а утром встанем, позавтракаем, пойдем в кино или еще куда-нибудь, просто погуляем в парке.

- Ангел, я пьяная, - огорченно призналась Жанна, - поэтому я принимаю твое приглашение. Но обещай - ты сварешь крепкого кофе, чтобы я немного пришла в себя.

- Как скажешь. Поднимайся и пошли.

Они с трудом оторвались от скамейки и потопали к подъезду, тихо напевая: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...»

Дверь подъезда отсекала от женщин уличные звуки, пришлось прервать и песню, рвущуюся из груди. Они ни без труда преодолели несколько ступенек до первого этажа, подобрались к лифту. Ангелина нажала кнопку вызова лифта, кнопка засветилась обнадеживающе-красным цветом, и тут Жанна придушенным шепотом произнесла:

- Больше ни-ни.

- Тебе никто и не предлагает, - шепотом парировала Ангелина, прислушиваясь к звукам в шахте лифта.

- Ангел, мне мерещатся... трупы. А все ты : ...и дорогу покрывает человеческая кровь, - покривлялась Рябченко, округлив глаза до невероятных размеров.

- Просто в голову взбрело. А тебе надо меньше пить, - похихикала бойкая пенсионерка.

- Я больше не буду... Никогда.

- Никогда не говорила никогда, - рассудила Белова. – Сейчас поднимемся ко мне домой, и я... проведу эксперимент.

- Я не хочу экс-пе-ри-мен-тов, - по слогам выговорила Рябченко, иначе выговорить у нее не получилось.

Лифт все шелестел и шелестел где-то наверху. Жанна смотрела куда-то в сторону, потом принялась дергать подругу за рукав куртки.

- Ты чего? – спросила подруга, обратив, наконец, внимание на Жанну.

Та продолжала дергать одной рукой за рукав куртки, а другой указывала на одну из квартир первого этажа, дверь которой пряталась в темноте. На первом этаже горела лишь одна лампочка, и та находилась ближе к двум другим квартирам, расположенным на противоположной стороне площадки. Лампочка Ильича давала скудное освещение, оставляя без заботы две трети части первого этажа.

- Жанна, что ты там увидела? – без всякого любопытства задала вопрос Ангелина, мечтая вновь затянуть песню про айсберг, страстно и с надрывом. Не удосужилась обратить внимание туда, куда указывала подруга, а смотрела на ее цепкий кулачок, скомкавший ткань рукава куртки.
- Ангел, там ноги, - наконец, призналась подруга. – И на этих н...ногах ды... домашние тапки.
- Что значит – дыдомашние? – уточнила Лина.
- До-маш-ние, без «ды», я от волнений оговорила, - пояснила Жанна Петровна и сурово заметила, - прошу не привязываться к словам.
- Значит, ноги. Значит, в тапках дыдомашних, простите, домашних.
- Точно. Только один тапок слегка съехал с ноги. Так мне, по крайней мере, показалось, а зрение у меня, как у кошки...
- В мартовскую ночь, - брякнула Ангелина Михайловна и противненько захихикала.
- Ну, что за женщина! – возмутилась подруга, - я говорю ей о серьезных вещах, а ей бы все хиханьки да хаханьки.
- Еще про возраст напомни, - беззлобно добавила Белова.
- Не хочу! Потому что не люблю вспоминать наши... горькие цифры. Я тебе втолковываю, что тааам ноги в тапках, и один тапок...
- Нужное уточнение, и кажется, я его уже слышала.
- Ангел! Чего ты на меня пялишься, ты воон туда смотри, - рассердилась Рябченко и указала в темноту.
- Я плохо вижу в темное время суток, - проямлила подруга, прищурившись, все же взглянула в указанном направлении. – И я, вообще, не понимаю, почему так темно? У нас всегда здесь горит три светильника, а сейчас, - она задрала голову, чтобы оценить количество работающих светильников, покачнулась и навалилась на Рябченко, та привычно устояла. – А сейчас дает освещение всего один. Почему?
- Ты у меня спрашиваешь?
- У тебя, у кого же еще?! Могу, конечно, постучать в дверь к Никифоровне и спросить у нее, она-то точно знает, потому что Никифоровна знает всё и обо всех.
- У меня тоже есть версия – злоумышленник специально выкрутил две лампочки, чтобы его не увидели в дверной глазок, когда он позвонил в дверь.
- Жанна Петровна, вы заслуживаете уважения и восхищения – после долгого застолья и продолжения в моем дворе, вы смогли что-то там себе придумать и складно озвучить. Но я, в отличие от вас, ни-че-го не поняла, уж простите тупейку.
- Повторяю для особо бестолковых – злоумышленник выкрутил две лампочки в светильнике и только после этого позвонил в дверь. Хозяин не смог увидеть, кто к нему пришел по причине тусклого освещения первого этажа, распахнул дверь и...
- И?
- И его убили.
- Кого?
- Того, кто живет воон в той квартире.
- Я ничего подозрительного не вижу, - с задором заявила Ангелина Михайловна, словно гордилась данным обстоятельством.
- Но ЭТО ты должна разглядеть. Ну, увидела?
- Мне довольно уже того, что ноги увидела ты. Продолжай описание увиденного, - разрешила Белова.
- Я вижу только ноги в тапках.
- Ноги без человека? Что ж так бывает, - беспечно рассудила Ангелина.

- Ангел, ты еще пьянее, чем я думала, - с легко читаемым восторгом произнесла Рябченко – все-таки она трезвее подруги. Сие обстоятельство позволило на время забыть о находке.

- Обижаешь, - протянула Ангелина. – Я могу пройти по прямой линии, не пошатнувшись, а ты можешь?

- И я могу... Но завтра.

Тут подъехал долгожданный лифт, двери великодушно разъехались.

- Загружайся! – приказала Белова.

- погоди, мы должны разобраться, чьи это ноги? Кому они принадлежат?

- Это ноги принадлежат тому, кому надо. Так что загружайся.

Жанна не загрузилась в лифт, напротив, потянула подругу в недавно указанном направлении. Сделав всего четыре сложных шага, подруги одновременно согнулись и, наконец, рассмотрели... человека, верхняя часть которого находилась в квартире, нижняя – в подъезде. Дверь квартиры была открыта не настежь, слегка приоткрыта, поэтому сначала зоркая Жанна заметила только ступки в домашних тапках.

Человек лежал на спине, вытянув руки по швам. На нем была белая футболка и серые трикотажные треники. На белой футболке живописно разлилось пятно красного цвета, которое подслеповатая Ангелина приняла за рисунок импрессиониста. Хотела высказать свои соображения – что сие значит, но не успела.

- К... кровь? – заикаясь, спросила Жанна. - У него на груди к...кровь? Он уубит? – протянула она, как паровозный гудок, позабыв про недавнее предположение.

- Кто? – не сразу сообразила Белова, выпрямляясь, но не сводя озадаченного взгляда с импрессионистского пятна красного цвета.

- Этот парень, - вновь пояснила для особо бестолковых Жанна без всякого пренебрежения или недовольства, тоже выпрямилась и озабоченно взглянула на подругу с туманным взором карих глаз. Поинтересовалась, - ты как?

- Лучше, чем он, - бесчувственно заявила подруга и зачем-то притронулась ладонями к своему лицу. Подержала ладони в одном месте, затем переместилась на другое, как будто проверяла на ощупь, она это или не она. В заключении ощупывания приложила одну ладонь ко лбу, как обычно проверяют повышена ли температура. Другую кисть руки использовала в качестве веера: видимо, стало жарковато.

Жанна Петровна сложила губы трубочкой и подула подруге в лицо – помогла освежиться. После чего вкрадчиво поинтересовалась:

- Ангел, ты думаешь, он уууу...

- Получается – убит, - дала конкретный ответ Ангелина, не дождавшись окончания паровозного гудка.

- Чем же его так?

- Орудия преступления я не вижу, - деловито сообщила Ангелина Михайловна, повертев головой.

- Ангел, ты так спокойно говоришь, как будто каждый день видишь трупы.

- Это от шока, - призналась сообразительная подруга. – Надо проверить, жив он или нет.

- Проверь, - разрешила Петровна.

- Сейчас, соберусь с силами.

- Неужели ты боишься?

- Чтобы я чего-то или кого-то боялась, - передернула плечами Ангелина, выделяя местоимение.

- Ты его, этого убитого, узнаешь?.. Господи, молоденький совсем... Так знаешь или нет? Он здешний или пришелец? Чего молчишь? Воды в рот набрала?
 - Размышляю. Думаешь, он прилетел на Землю с другой планеты и именно здесь завершил свою жизнь?
 - Не дури, дело принимает серьезный оборот, - с осуждением проговорила Жанна, - я враз отрезвела.
 - Сегодня первое апреля, - напомнила Белова, - день смеха.
 - Своевременное замечание, - окрысилась подруга.
 - Однако, ты плохо соображаешь, - с укоризной произнесла Ангелина Михайловна, - свое первоначальное мнение о тебе я забираю назад.
 - Черт побери, ты хочешь сказать, что мальчик решил нас разыграть. Но разве подобным образом шутят, тем более, когда имеют дело с...
 - Со старухами? Ты так хотела нас охарактеризовать? И чего ж ты замолчала? Даже в такой ситуации ты не хочешь признать, что нам далеко не тридцать пять.
 - Причем здесь наш возраст, - отмахнулась Жанна Петровна. - Просто я опять вспомнила строку из твоего стихотворения, про человеческую кровь.
 - Хватит уже, а? Не мое это стихотворение!
 - Не кричи, - осадила Рябченко, - разоралась, понимаешь. Перед ней труп, а она орет... Если, конечно, труп, - добавила она с надеждой.
 - Если перед нами труп только и остается, что орать – голосить.
 - Давай вместе как заорем, - предложила Жанна, - народ сбежится, мы не будем к нему прикасаться, пусть народ сам выясняет – труп или не труп, пусть звонят в полицию, и так далее, и так далее.
 - Жанка, ты ведешь себя как... как не знаю кто.
 - Спасибо и на этом.
 - Всегда пожалуйста.
 - Ты боишься к нему прикоснуться? – спросила с хитринкой в голосе Жанна Петровна. - И эта женщина меня уверяла, что ничего и никого не боится! - высказалась она о подруге в третьем лице.
 - Не подначивай. Я не боюсь прикасаться к Вадиду.
 - Его зовут... звали при жизни Вадик?
 - Не спеши ты меня хоронить, - шепотом пропела Ангелина, вспомнив известную песню группы «Чайф». И доложила, - Имя Вадим. Фамилия Пушкин.
 - Пушкин?
 - Пушкин.
 - Это его фамилия? На самом деле?
 - Нет, имя! – взвилась Белова. – Можно подумать, ты его первый раз видишь! Столько лет ко мне ходишь, и не знаешь, кто это.
 - Может быть, и видела, но не знала, что его зовут Вадим Пушкин. Когда ты сказала, я решила, что Пушкин – это его прозвище – он пишет стихи, вот его Пушкиным и прозвали.
 - Вадик Пушкин. Живет с матерью, мать работает санитаркой в морге... Ох...
 - В морге, - выдохнула Жанна. – А где же она сейчас? На работе? Представляешь, ей на работу сейчас привезут труп ее собственного сына. Бедная женщина.
 - Не дай Бог, - пробормотала Ангелина и неожиданно для себя потолкала носком своего ботинка тапок на ноге Вадима.
- Нога Вадима поддалась действию раскачивания, сам Вадим никак не отреагировал.
- Ангелина, надо вызвать полицию, пусть полицейские сами во всем разбираются, - замороженно глядя на ноги то ли трупа, то ли не трупа, призвала к действию

Рябченко. Для себя женщина решила – труп, потому как на ускорение, которое придала подруга, отреагировала одна нога. Никаких гримас на лице Вадима не появилось. Если в такой полутьме можно что-то разглядеть.

- Смешно же мы будем выглядеть, если это розыгрыш, - пробормотала Ангелина, склоняясь к противоположному мнению.

- Что ты предлагаешь? Так и стоять перед т...телом? Или еще лучше - сесть в лифт, умчаться на твой седьмой этаж и забыть обо всем? – с издевкой прошептала Жанна, не дождалась ответной реакции и заключила в лирическом тоне, - то ли мальчик, то ли виденье. – Собиралась еще раз повторить, но осеклась, обратив взор на мальчика-виденье с красным пятном на груди.

- Можно подняться на мой седьмой этаж пешком, - как ни в чем ни бывало предложила Лина, как будто ее предложение что-то меняло.

- И оставить т...тело? Вдруг труп вовсе не труп, в том смысле, что он жив, но находится в пограничном состоянии, и ему, Вадиму, еще можно помочь, а мы стоим как два тополя на Плющихе, ровным счетом ничего не предпринимаем, и тем самым теряем драгоценное время.

- А ты не теряй время даром, проверь у него пульс, - предложила Белова.

- Я до жути боюсь тру...людей в таких вот состояниях, - выкрутилась Жанна, - и ты знаешь, какая я трусиха, в отличие от тебя.

- А еще мне известно, что ты любишь «делать из мухи слона».

- Ты зачем сейчас это сказала?! – вспыхнула Рябченко. - Из твоих слов можно понять, что он жив, а я представляю его трупом? Так получается?

- Жанна, ты главное не волнуйся, - успокоила ее Ангелина. – А то давление подскочит, сердце заколет во всех местах. Я во всем разберусь, ложись на меня. – С этими словами женщина, которую нельзя назвать пожилой, ласково отцепила от себя цепкий кулачок подруги, ни без труда обошла тело Вадима с правой стороны, отпихнув входную дверь, приподнялась на цыпочках и дотянулась до выключателя. В чужой прихожей вспыхнул свет.

Перед подругами предстала еще более ужасающая картина.

- Ой, мамочки, ой, мамочки, - запричитала Жанна, Лина никак не отреагировала, только ожесточенно закусила губы.

Теперь подруги отчетливо увидели белую футболку с пятном красного цвета, безжизненно вытянутые руки, и мертвенно-белое лицо парня. Следов побоев на белом лице не было. Несмотря на безжизненный цвет, лицо оставалось одухотворенным и спокойным, словно его обладатель просто спит и видит хорошие сны, а перед сном решить припудриться.

- Если бы не кровавое пятно на груди, я бы подумала, что он вдребезги пьян, - шепотом сообщила Жанна за спиной Ангелины. – Ангел, может быть, он и вправду перепил? С трудом добрался до дома, открыл дверь, но до кровати не добрался, его сморило на пороге. Лицо белое по причине плохого самочувствия, возможно, он не привык много пить. А пятно на футболке вовсе не кровь, а вино. - Рябченко потянула носом воздух и высказалась, - я чувствую запах спиртного.

- Этот запах идет из твоей сумки, наверное, наливка пролилась из бутылки, - уверенно произнесла Ангелина Белова. Покачала туда-сюда головой, как бы оценивая кляксообразное пятно на белой футболке, и промямлила, - цвет странный, непохож на цвет крови. Может быть, ты и права. Хотя, меня смущают домашние тапки. Что же он в тапках ходил по улице?

- Ангел, да проверь же у него пульс, сколько можно ждать, - прошипела Рябченко.

- Сейчас, - отрубил подруга, пристально вглядываясь в лицо Вадима. – Жанка, мне всё это совсем не нравится.

- Мне тоже.

- Ты же уверяла меня еще полминуты назад, что на футболке не кровь, а вино.

- Ну, уверяла. Я имею право ошибаться, хотя, мне этого совсем не хочется...

- Вадик, Вадик, - пробормотала Ангелина Михайловна, - как же так? Что я твоей матери скажу?

- Можно подумать, ты в чем-то виновата, - брякнула Рябченко. – Лин, а чем его, а? Если выстрелили из пистолета, то должно быть входное отверстие от пули, а если его ударили ножом, холодным оружием, то на футболке должна остаться прорезь, а на футболке только кровавое пятно и никакого сквозного отверстия или прорези.

- Некоторые начитаются детективов, а потом стоят и умничают, - теперь в третьем лице высказалась о подруге Белова.

- А то ты детективы не читаешь, - парировала Жанна Петровна.

- Что ж мне любовные романы читать? - возмутилась подруга, отступила на шаг и уперлась спиной в Жанну, которая успела подобраться к ней с тыла. – Не стой под стрелой, - брякнула Лина и вернулась на прежнее место, ближе к телу.

- Чего ты мечешься, - шикнула на нее Жанна, - делай же что-нибудь. Неужели так сложно приложить палец к сонной артерии на шее или пульс пощупать - проверить, жив Вадим или нет.

- Сейчас.

- Сейчас, сейчас, сколько можно!

В это мгновение запиликала входная подъездная дверь с домофоном, вскоре у лифта притормозила молодая девушка.

- Добрый вечер, - бойко поздоровалась она, не замечая за толстенькой тетечкой лежащего на пороге квартиры парня. И беспечно поинтересовалась, тыкая пальцем в кнопку вызова лифта, – Ангелина Михайловна, Жанна Петровна, а что это вы делаете?

Двери лифта тотчас разъехались. Девушка, не дожидаясь ответа, собралась просочиться в кабину лифта, но напоследок покосила глазом и только сейчас заметила две мужские ноги в домашних тапках. Ойкнула и сдала назад с такой быстротой, словно парень лежит не на пороге квартиры, а в самой кабине лифта. Вжалась в стену и заискивающе спросила:

– Ангелиночка Михайловна, это вы... Вадика... замочили?

- Люся, ты с дуба рухнула?! – возмутилась Белова. – Мы его нашли в таком положении. Еще ничего не успели предпринять, тут ты.

- А что вы хотели... предпринять? – уточнила Люся Яварчук, ближайшая соседка Ангелина.

- Хотели понять, жив Вадик или... Кстати, ты же в медицинском колледже учишься, тебе и карты в руки.

- Какие карты? – не сообразила Люся. – Вы хотите играть в карты?

- Охо-хо, вот тебе и нынешняя молодежь, - осуждающе покачала головой Жанна Петровна, - а еще считают себя умникам, а нас, стариков... ой...

- Жанна, да, ты это сказала. Продолжай.

- А нас, людей старшего поколения, полными дебилами, которые ничего в современной жизни не смыслят.

- Я не поняла, - протянула Люся, переводя взгляд с одной женщины на другую.

- Что ж тут непонятного - ты медик, дай нам профессиональный ответ – жив он или... - не стала продолжать Ангелина Михайловна.

- Я? – удивилась Люся, едва не теряя сознание.

- Так, проехали. Я сделаю всё сама. – Ангелина пристроилась на корточках возле тела Вадима, зачем-то дотронулась пальцами до красного пятна на футболке, поднесла пальцы к носу, принялась, скривилась. Держа испачканную руку на весу, другой рукой стала тянуться к сонной артерии, позабыв про другую проверку – пульс на запястье.

Не успела дотронуться, как Вадим распахнул свои очи и гробовым голосом произнес:

- Изыди! – А потом по нарастающей, нараспев, - изыди, изыди!

Присутствующим «девушкам и не очень» хватило и первого изыди: Люся сжалась-согнулась, заткнула уши, как бы предчувствуя, что сейчас будет с ее перепонками от ее же крика; Жанна Петровна начала искать мягким местом несуществующий стул, не нашла, и бухнулась тем самым местом на цементный пол, а затем и вовсе распласталась на полу, приткнув подошвы своих туфель к подошвам мужских тапок; Ангелина замерла как изваяние скульптора, так простояла пару минут, не сводя взгляда с улыбающегося лица Вадима Пушкина. Опомнилась, наконец, потом прихватила обеими руками концы его футболки, испачканной красной жидкостью, и натянула футболку ему на голову – чтобы не видеть улыбающейся физиономии. После чего отряхнула ладони друг о друга.

Вадим сразу сел, стянул футболку с головы, и недоуменно произнес:

- Первое апрель – никому не верь! Один-один, уважаемая гражданка Белова! Я вам отомстил! Помните, как вы меня разыграли в прошлом году? Небось, не помните, а я весь год готовился. И сегодня несколько часов просидел у окна в ожидании вашего возвращения. А вы вернулись и на скамейку уселись...

Ангелина слушала парня вполуха, она приводила в чувство подругу и успевала прикрикивать на вопящую Люську. Удивительно, но та услышала, или самой надоело верещать. Люська разом смолкла и обвела лестничную площадку напряженным взглядом. Новых персонажей не появилось, она невозмутимо изрекла:

- Во народ – убивать будут, никто не выйдет.

Жанна тоже медленно возвращалась к жизни. Ангелина с трудом поставила ее на ноги, без спроса завела в чужую квартиру, без спроса усадила в кресло.

- Отдыхай, моя милая, - заботливо высказалась Белова. – Я тебе сейчас валидолчику дам, положишь таблеточку под язык, - бормотала она, копаясь в своей сумке, которая все время болталась у нее на плече.

Рядом оказалась Люся со стаканом воды. Она протянула стакан Жанне Петровне. Та сделала несколько глотков и вернула стакан. Люська, недолго думая, выплеснула остатки воды в уже «пострадавшее» лицо Вадима Пушкина, тот отерся все той же футболкой, размазав по лицу красную краску.

- Так тебе и надо, - процедила Люся и расхохоталась гомерическим хохотом.

Вадик решил ее поддержать и тоже расхохотался, только услужливо и заигрывающе.

Пожилые женщины показательно отвернулись от него.

- Чуть не умерла, честное слово, - призналась подруге Жанна Петровна. – Парню как будто не пять лет, должен хотя бы немного соображать. Были бы два трупа на его совести.

- Три, - подсказала Люся, присоединяясь к женской коалиции. – Идиот несчастный, - обозвала она Вадика, не поворачиваясь в его сторону.

- Я не виноват, - спешно проговорил он и указал на Ангелину Михайловну, - это всё она. Это из-за нее я пошел на этот розыгрыш, признаю – жестокий. Но ни я первый начал.

- Ангел, расскажи нам, в конце-то концов, с чего все началось, - попросила Жанна, - я хочу знать, за что я сегодня пострадала.

- Да, Ангелина Михайловна, расскажите нам, - подключилась Люся.

- Я, конечно, могу рассказать, что произошло первого апреля прошлого года, но хочу сначала услышать версию, так сказать, пострадавшего, Вадима Пушкина. А потом уже я подключусь с пояснениями.

- Не хочу я ничего рассказывать, - пробурчал однофамилец известного поэта.

Ангелина Михайловна решила в отместку его позлить.

- Надо признать, что у нашего Вадика совершенно отсутствует чувство юмора, и своими первоапрельскими розыгрышами, а также рассказами анекдотов я стараюсь ему привить это чувство, хотя, уверена, что надежды мало – нет, значит, и не будет.

- Но зачем тогда? – спросила Люся, жалостливо поглядывая на молодого человека с «тяжелым диагнозом», который в данный момент сидел на стуле, зажав между коленями кисти руки, и упорно ни на кого не смотрел.

- Сама не знаю, - передернула плечами Белова. – Возможно, хотела, чтобы он перестал быть букой, научился улыбаться, воспринимал анекдоты так, как их положено воспринимать, без подсказок и пояснений: смеяться после слова лопата, - вспомнила она известное изречение. И обратилась к своей «жертве», - Вадюшка, ну, расскажи, что случилось год назад, тебя народ просит. Раз ты нанес народу моральный урон, то обязан своеобразно извиниться.

Вадик свел брови на переносице и молчал.

В дело вступила еще одна «пострадавшая», Жанна Петровна Рябченко:

- Молодой человек, вы зла на мою подругу не держите, для нее первое апреля - праздник смеха и юмора - сродни большому национальному празднику.

- Спасибо, что не сравнила с днем рождения, - усмехнулась Ангелина и для молодежи, пояснила, - это раньше я с радостью принимала каждый свой новый год, а сейчас стараюсь о нем забыть. Стараюсь вообще о возрасте не думать. И поменьше в зеркало на себя смотреть. Самообман? Конечно, самообман. Скажу избитую фразу – человеку столько лет, на сколько он себя ощущает. Я ощущаю себя по-разному: в зависимости от настроения и самочувствия. Когда настроение гадкое, стараюсь себя взбодрить... Как в случае с тобой, мой дорогой отрок... Перенесемся не в прошлый год, а еще на год раньше. Я повесила на двери подъезда объявление следующего содержания: сегодня, первого апреля, с девяти ноль-ноль до восемнадцати ноль-ноль в доме будет отключена горячая вода. Просьба запастись горячей водой. И подпись – управляющая компания. Шутка, скажем прямо, «с бородой», но Вадик купился.

- Вы еще расскажите, что дальше было, - набычившись, приказал Вадим.

- Что дальше? Я дальше я ему позвонила на домашний телефон и спросила, набрал ли он горячей воды? Вадик отрапортовал, что набрал целую ванну. Тогда я выступила с важным сообщением: сейчас к вам приведут купать слона.

- Слона? – выставила брови домиком Люся, обводя непонимающим взглядом присутствующих. Вадик по-прежнему изучал ковер на полу, Жанна Петровна закусил губы, чтобы не рассмеяться, Ангелине Михайловне взбрело в голову оценить потолок в комнате. Люся решила порассуждать, - конечно, я понимаю, что первый этаж и всё такое, то есть слона можно как-то завести в квартиру, но ванная

в наших квартирах – не бассейн... Может быть, к Вадику хотели привести маленького слоненка?

- Еще одна! – не выдержала Жанна и закатилась хохотом, позабыв о недавнем стрессе.

- Ну что с ними такими делать? – задалась вопросом Белова и воззрилась сначала на Вадика, потом на Люську. Вадик скривил рот - усмехнулся, порадовался, что он ни один такой, без чувства юмора.

- Так это была шутка? – сдержанно улыбнулась девушка. – Я поняла.

- Или был еще случай, тоже ничего необычного, - продолжила рассказ о празднике юмора Белова, - я позвонила Вадику на домашний номер и попросила не отвечать на телефонные звонки в течении десяти минут, потому что на линии работает телефонист и его может ударить электрическим током. Через пару минут перезвонила. Вадик трубку не берет – послушный. А я настырная – опять звоню. Тогда он не выдержал и ответил.

- А ты издала душераздирающий крик, - договорила за подругу сообразительная Жанна.

- А с телефонистом что было? – уточнила Люся.

- Током долбануло, как и обещали, - зло проговорила Белова и посетовала, - как все запущено, ай-ай-ай.

- Насмерть? – со слезами на глазах поинтересовалась девушка.

- Люся, - обратился к ней Вадим, - тебе сейчас лучше помолчать. А я тебе скажу то, что мне тогда сказала Ангелина Михайловна: надо было в школе лучше учиться.

- Подууумаешь, - обидчиво протянула Люся. – Нужна мне эта физика, как собаке пятая нога. Хотела обидеться окончательно, встать и уйти, но любопытство пересилило – все-таки хотелось узнать, как опростоволосился сосед Вадик в прошлом году. Уж она найдет причину его «макнуть» - а нечего зазнаваться! И нечего обзывать ее Тонкой-звонкой!

Долго ждать не пришлось. Раз правда о нем всплыла, то чего уж – одной правдой больше, одной меньше.

- В общем, я готов рассказать. Я изложу свою версию... - Набрался духу и продолжил. - В прошлом году день первого апреля выдался очень теплым. Он и сегодня ничего так денек, а в прошлом году – ну ваще: мы куртки снимали, в одних свитерках ходили.

- Про погоду опустим, - пресекла Ангелина.

- Спозаранку ко мне заглянула вот эта самая тетенька, - он указал на нее. – Я толком не проснулся, поэтому...

- Ой, ладно, - махнула рукой Люся, - мы уже все про тебя знаем.

- Люся, не перебивай, пусть рассказывает, - осадила ее Рябченко, - а то опять закроет рот на замок.

- И закрою, - пригрозил молодой человек.

- Я молчу. – Девушка приложила ладонь к своим губам.

- Приходит она, значит, и спрашивает, не хочешь ли ты, Вадик, денжат подзаработать. Работа, скажу честно, пыльная, связана с тяжелым физическим трудом. Но получишь ты за эту работу по двойному тарифу: и от меня, и от еще одного человека.

- Что за работа? – не сдержалась от вопроса Жанна.

- Работа грузчика. В одной бригаде вышел некомплект - один работник заболел гриппом. С бригадиром Ангелина Михайловна была знакома, он к ней и обратился за помощью – нет ли у нее на примете физически крепкого парня. Она вспомнила

обо мне. Надо признать, мне это польстило – все-таки посчитали физически крепким. Как вы сами заметили, я не качок, но жилистый. И от физического труда не уваливаю. Давно хотел денег заработать в свободное от учебы время, но не хочу устраиваться мерчендайзером и не хочу рекламные листовки на улице раздавать. Не по мне это.

- А почему оплата по двойному тарифу? Там было что-то ценное?

- Потому что мне за работу заплатил не только бригадир грузчиков, а ему, в свою очередь, человек, мебель и вещи которого мы перевозили из одной квартиры в другую, но и сама Ангелина Михайловна.

- А она-то за что? – удивилась Жанна Петровна, вскинув глаза на притихшую подругу, которая намеренно отстранилась от разговора – хотела услышать версию парня.

Вадим опять скривил рот, показательно отвернулся от самоустранившейся Беловой и признался:

- Моя уважаемая соседка, на вид приличная женщина, предложила мне... кое-что умыкнуть.

- О как! И что же? – сверкая глазами, встряла Люська. – Золото-бриллианты?

- Люся, ты как всегда, - нахмурился Вадим. – Где ты видела, чтобы грузчики переносили ценные вещи, принадлежавшие хозяевам? С этим добром они как-нибудь сами справятся, без посторонних.

- Раритет? – спросила Жанна.

- Она мне просто сказала, что я должен взять нечто, завернутое в газету «Правда». Сверток размером с большую книгу, энциклопедию, должен находиться в одном из выдвижных ящиков письменного стола.

- И сколько же тебе обещала заплатить твоя соседка? – уточнила Рябченко.

- Точной суммы она не называла, просто сказала, что не обидит... И еще сказала, что ничего криминального в этом нет, эта вещь принадлежит ей. Заказчик ей якобы знаком, я сыграю роль передаточного звена. Он человек занятой, никак не выберет минутку для встречи. Но лучше, чтобы никто не видел, как я экспроприрую тот самый сверток из ящика письменного стола. Без свидетелей чтобы.

- И с бригадиром грузчиков она знакома, и с заказчиком, - пробубнила Жанна. – Получается, что заказчик ей позвонил и сообщил, что вещь будет завернута в газету «Правда»? Откуда он узнал, что среди грузчиков будет ее сосед, который станет передаточным звеном?

- Я об этом как-то не подумал, - пробормотал Вадим и почесал затылок.

- Жанна, ну, хватит уже! – цыкнула на нее Ангелина. – Сейчас эти тонкости никому не нужны. И тогда они были не нужны Вадиму. Главное – он согласился помочь.

- Да, я неплохо тогда подзаработал, и принес Ангелине Михайловне ту самую вещь, завернутую в газету «Правда».

- Э, нет, голубчик, ты давай начистоту! – рявкнула на него Белова. – Прежде чем вернуть мою законную вещь, что ты сделал? Расскажи-ка всей честной компании!

- Я... полюбопытствовал. В конце-то концов, я обязан был знать, что в свертке.

- И что? – сжалась от напряжения Люська.

- А там... была коробка из-под конфет...

- Из-под? Без конфет? Пустая? – затараторила девушка.

- Из-под, но не пустая, - нехотя, ответил Вадим Пушкин. – В коробке были пятитысячные купюры. Много. Я никогда не видел столько денег. Мы с мамой люди небогатые.

- И что дальше? Ты присвоил деньги? Или решил все-таки отдать? – замороженно спросила Люся.

Жанна сидела как обухом прибитая – не знала, что за подвох скрывается за всей этой разгрузочно-передаточной историей. Но подвох – это точно, все-таки дело было первого апреля.

- Чтобы я присвоил чужие деньги! – закатил глаза Вадим, - да ни за что! Только я собрался идти к соседке, как в мою дверь позвонили. Я решил, что это Ангелина Михайловна, собственной персоной. А оказалось...

- А оказалось? – поторопила его девица.

- А оказалось – Ангелина Михайловна заявила в сопровождении полицейского. Тот взял под козырек, я не успел ничего сказать, стою как дурак с этой коробкой в руках, и смотрю то на одного, то на другого, а они смотрят на меня. Тогда полицейский спрашивает у Беловой: «Эта?» И кивает на коробку в моих руках. Она подтверждает, эта. Полицейский забирает из моих рук коробку, открывает ее, удовлетворенно улыбается, словно он нашел клад и ему полагаются положенные двадцать пять процентов, после чего обращается ко мне со словами: «Ну, что гражданин Пушкин, ваша песенка спета». Достает наручники и собирается защелкнуть их на моих запястьях. Я спрашиваю, за что? Я ничего такого не совершал.

- А он? – напряженным голосом спросила Люська.

- Он отвечает, что меня задерживают по подозрению в фальшивомонетничестве.

- Тебя упекли в тюрьму? – округлила глаза девушка.

- Пряма там! – впервые за все время искренне обрадовался парень.

- Ангелина Михайловна пояснила все полицейскому и тебя отпустили? – продолжила допрос Людмила.

- Тонкая-звонкая, ты до сих пор не поняла, что это был розыгрыш?!

- Но ты в камере успел побывать? – допытывалась Люська, желая разобраться в мелочах.

- Если тебе нужны подробности, пожалуйста, - нервозно заявил Пушкин, - я не успел испугаться, Ангелина Михайловна напомнила о себе следующей фразой: «Вадик, улыбайся, тебя снимает скрытая камера!» Я принялся вращать головой – камеру искать, а она заголосила: «Первоапрельский розыгрыш!» Скажу честно – у меня упал камень с души: я не фальшивомонетчик, я не вор, меня не посадят в тюрьму. Тогда я вместе с ней и полицейским посмеялся, а потом... затаил обиду.

- Откуда взялся полицейский? – спросила Жанна.

- Это давний приятель моего зятя, - пояснила Лина, - я его попросила мне подыграть.

- Жестокая шутка, - хмуро заметила Люся.

- Шутка как шутка, - передернула плечами Белова.

- Всё так и было? – спросила Рябченко, - Вадик ничего не забыл?

- Как будто бы ничего. Действительно, мне позвонил мой знакомый, бригадир грузчиков, Григорий Юрьевич Пышненко. Заказов у них навалом, а рабочих рук не хватает. И правда заболел гриппом один работник. Я подумала о Вадике. Пусть парень заработает копейку, а потом глядишь и вольется в бригаду. Так и вышло. Вышло же, Вадик?

- Да, - односложно ответил тот.

- Он время от времени помогает ребятам. Зная, что лени в нынешней молодежи почти столько же, сколько гонору, но гораздо больше, чем желания трудиться, я решила заинтриговать молодого человека – рассказала про некий предмет, завернутый в газету «Правда». Мы обо всем договорились с Пышненко: я сама

отвезла ему коробку с «пятитысячными купюрами», отпечатанными на принтере, и предложила самому выбрать место. А бригадир, как человек опытный, заранее мне сообщил, где будет находиться сверток – в ящике письменного стола. Ну, а потом уже пошел чистый розыгрыш.

- Вадик, с одной стороны ты благодарен моей подруге, с другой - затаил обиду?

- Благодарен за то, что у меня есть постоянный заработок, что теперь, прежде чем оказать человеку подобную услугу, я сто раз подумаю. А что я пережил за те минуты, когда я стоял перед полицейским, об этом знаю только я. Поэтому вы должны меня понять. Конечно, я извиняюсь на мою сегодняшнюю выходку, но меня оправдывает одно – я не думал, что Ангелина Михайловна будет в обществе своей подруги, и появится еще одно действующее лицо с голосом-сиреной.

- Я тоже должна перед тобой извиниться. Лучше поздно, чем никогда, - вставила Ангелина. – И не думай, что я осознала свою оплошность только сейчас, я сразу поняла, что перегнула палку. И дала себе слово, что следующий день юмора и смеха обойдет тебя стороной. Довольно измываться над парнем. Какое мне дело – есть у него чувство юмора ли нет, у каждого свои недостатки.

- Опомнилась она, - пробурчала Рябченко. - Хорошо, что я жива осталась.

- Осталась же, - парировала Белова.

- Мне не нравится твой тон! И твое безрассудство тоже не нравится! – взвилась Жанна Петровна.

- А мне не нравится твой менторский тон! Ты еще мне морали почитай!

- И почитаю! Кто если ни я?!

- Найди себе другой объект для воспитания! - Белова резво вскочила с места и покинула квартиру Пушкиных, громко хлопнув дверью.

Но через минуту вернулась, заглянула в прихожую и окликнула Жанну как ни в чем ни бывало:

- Ты идешь ко мне ночевать? Я тебя жду!

- Я пойду домой!

- Ну, и пожалуйста...

Когда Ангелина Михайловна окончательно ушла, Вадим Пушкин признался:

- А сейчас я вам расскажу продолжение прошлогодней истории. Мне стыдно признаться, но я позарился на пятитысячные купюры – стыбрил пять штук, засунул в карман и забыл вернуть.

- Так уж и забыл? – не поверила Люся. Вадик одарил ее убийственным взглядом, а Жанна Петровна предложила продолжить.

- Я положил купюры в портмоне, чтобы как-нибудь подшутить над сокурсниками. А через пару дней я возвращался поздним вечером домой и ко мне подкатили двое типчиков своеобразной наружности. Потребовали денег. Я сделал вид, что испугался, вытащил из кармана портмоне и достал деньги. Кроме фальшивок других бумажных денег у меня не было, одна мелочь в кармане звенела. Значит, отдал я деньги, мужики обрадовались, посоветовали мне не шляться по ночам и отчалили. Я выждал, а потом двинул за ними. Хотел проверить свою догадку. Так и вышло – мужики пошли в ближайший ночной супермаркет. Набрали они выпивки и закуски и направились к кассе. Кассирше хватило одного брошенного взгляда на пятитысячные купюры, даже проверять деньги не стала, сразу позвала охранника, тот вызвал полицию, полиция прибыла быстро и упаковала мужиков.

- Вадик, я ты не подумал, что мужики могли тебя сдать? И тогда бы тебя упаковали, как ты выразился? – поинтересовалась Жанна Петровна.

- Можно подумать, они меня рассмотрели и смогли описать. У обоих давно мозги проспиртовались. А вам что, их жаль? Но я же не нарочно. Они первые начали.
- Детский сад, штаны на лямках, - пробубнила Рябченко, думая совсем о другом – сожалея, что набросилась на подружку...

Естественно, ни на какую прогулку подружки на следующий день не пошли – они были в ссоре. Жанна Петровна дулась на Ангелину Михайловну, потом на злилась на себя, потом снова винила подружку, а Ангелина Михайловна страдала однообразием - винила только себя. А как иначе, если всё о себе знала – женщина позитивная до подозрительности, постоянно подпитываемая разными проказами. Но она подкупает окружающих легким взглядом на жизнь, умеет находить хорошее даже в самых сложных ситуациях. В связи с чем, сложная ситуация... упрощается. А ежели она, эта самая ситуация, упрощается, то и отношение к ней меняется. А если меняется отношение, то решение приходит само собой, без всяких «трудных переходов по долинам и по взгорьям».

Ангелина Михайловна подумала: а не смешно ли она выглядит со стороны? Все-таки не молоденькая девушка, чтобы скакать горным козлом, заливаться соловьем и искать приключений на свои девяносто шесть сантиметров - объем бедер, для справки. А талия у нее – шестьдесят сантиметров. С объемом груди незадача вышла, но не плоская камбала и то ладно.

Ангелина не выдержала и подошла к зеркалу.

- А здоровье мое не очень, то лапы ноют, то хвост отваливается, - пробубнила она себе под нос, вспомнив классику советской мультипликации. – Ангел, - обратилась она к себе, - а не напомнить ли тебе, что жизнь клонится к закату, хочешь ты этого или не хочешь. Вспомни себя молодую. Допустим, ты видишь перед собой себя теперешнюю, узнаешь, сколько лет этой женщине. И что тебе приходит на ум? Первое – она выглядит гораздо моложе своих лет, второе – Боженьки-боже, так она же старуха на шестом десятке! Пора и честь знать – пожила и довольно. Давай-ка ты, старушечка, двигай медленным ходом на кладбище, не засоряй атмосферу... Мда... Старуха... Какая же я старуха?! Да, не молода. Я осознаю и принимаю свой возраст – а куда деваться? Как бы не хорохорился, как бы не стремился сбросить с плеч энное количество лет, но что-то, некая существенная деталь, да и выдаст твой истинный возраст... Не убежать, не скрыться. И молодиться нельзя – смешно будет выглядеть со стороны.

Когда Ангелина Михайловна видела на улице своих ровесниц, которые одеваются как тинэйджеры, то ей сначала становилось смешно, а потом становилось горько - эти молодящиеся всеми силами особы кроме жалости ничего не вызывают – у нее, а у молодежи эти «старые девушки» вызывают ехидные улыбки.

Ангелина Михайловна дала себе установку: я принимаю свой возраст и жду – а вдруг? Вдруг неожиданно в это царство полутьмы проникнет луч света. Луч солнца, который меня согреет своим теплом, приласкает-приголубит и скажет: «На пенсии жизнь только начинается».

В минуты депрессии она ругала себя: зачем мне чье-то тепло? Мне и без чужого тепла неплохо живется, я не мерзлячка.

Сегодня депрессия достигла того предела, когда она перешла к самобичеванию: А не дура ли ты, Ангел?! Конечно, дура, полная дурында! Чего ты ждешь от жизни? Каких еще приятных перемен? Кто готов тебя согреть?

- Луч солнца золотого, - неожиданно пропела она на мотив песенки из «Бременских музыкантов?», но с вопросительными интонациями. Затем четко выговорила, - луч

света в темном царстве... И почему в голову приходят одни штампованные фразы? Надоевшие до оскомины! Например, - в любом возрасте жизнь только начинается: в сорок ли, в пятьдесят и так далее... Жизнь начинается у того, кто полон сил и желаний. У того, кто смотрит в будущее с надеждой, ничего не требует и не гундит постоянно - то не так, это не эдак, всё плохо, все раздражают... Может быть хватит, довольно? Переключи настройку, настрой свой организм на позитивный канал. Это с виду она позитивная, а в душе... Живет по принципу – изображаем радость! Устала. Надоело.

Ангелине Михайловне захотелось уткнуться в подушку и порыдать, пожалеть себя несчастную. Но она себе этого не позволила. Пошла в ванную и умылась холодной водой. Не помогло.

- Ничего хорошего я от жизни не жду. Вот Жанка говорит, что у меня все хорошо – дружная семья, нет серьезных заболеваний, я не нищенствую, не доедаю последний кусок. Я полностью согласна, но... Что за этим «но»? Остап Бендер спрашивал у Шуры Балаганова: «Чего тебе не хватает для полного счастья?» Я бы, не задумываясь, ответила: «Чтобы мои близкие были живы и здоровы». Мои близкие живы и здоровы - получается, я наслаждаюсь полным счастьем. Откуда взяться меланхолии?

Ангелина Михайловна побродила по квартире, втолковывая в голову фразу: я наслаждаюсь полным счастьем. Я забываю фразу – ничего хорошего от жизни не жду. За-бы-ваю! Ненароком обронишь словечко – ничего хорошего больше от жизни не жду - и... накличешь беду. А как иначе, если ты ничего хорошего не ждешь! Раз не ждешь – получи неприятный сюрприз. Надо так – проснулся утром, улыбнулся новому дню – настроился на позитив. Я так и поступаю. Пытаюсь так поступать. Получается не всегда. Я устала быть запрограммированным роботом, я устала от однообразия. Иногда думаю: лучше так, однообразно, чем раз и... получи фашист гранату! Но проходит время, я забываю установки и ощущаю себя в загнанной в западню. Я стараюсь себя развлекаться, радоваться незначительному, не сижу перед телевизором и не смотрю все подряд – сериалы и политические ток-шоу: больше смотреть нечего. Конечно, кое-что смотрю, в основном новости и детективы. Очень часто угадываю, кто настоящий преступник, развиваю в себе детективные способности... А зачем мне это, спрашивается? Я что, детективное агентство собираюсь открыть?.. Так хочется быть кому-то нужной. Да, я нужна своим детям и внуку. Но нужна как мать, теща и бабушка. Что меня не устраивает? Жанка сказала бы: «Ты, Ангел, с жиру бесишься. Ты, Ангел, полна противоречий».

Известный писатель Александр Грин утверждал: дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации.

Гениально сказано. Осталось выбрать себе цель.

Ждешь, чтобы кто-то помог, подсказал? Ну-ну, сиди у моря и жди погоды.

Может быть, мне устроиться на работу? Куда меня возьмут? Если только уборщицей. Уборщицей я не хочу. И не потому что считаю себя «министром без портфеля»: у меня очень болит спина. Иногда тяжело передвигаться, я днями отлеживаюсь. Отлежусь и опять «девушка старшего школьного возраста».

Так и не разобравшись с жизненной целью, ближе к вечеру Ангелина позвонила подруге.

- Жанка, извини меня дуру нестарую, - завопила Белова, как только та ответила.

- Ты-то здесь причем, - так радостно откликнулась подруга, что стало ясно – ждала звонка, места себе не находила, уже взялась за телефон, чтобы тоже звонить и каяться, а Ангел ее опередила.

- Как ты? Без последствий? – зашифровано, но понятно, поинтересовалась Ангелина Михайловна.

- Нормально. Только ночью кошмары снились. Я проснулась вся в поту, и решила больше не спать.

- Своеобразная борьба с кошмарами. Чем же ты занималась?

- Сначала пила чай с конфетами и печеньем, потом вязала шарф, потом книжку читала. Уснула уже под утро. И представляешь, Линка, мне приснилось, что твоего соседа, Вадика Пушкина, на самом деле... того... убили.

- Значит, будет жить до ста лет, а то и больше. Жаль мы с тобой этого не увидим.

- А вдруг к тому времени ученые изобретут лекарство от старости, - предположила Жанна Петровна.

- И что из этого получится?

- Что?

- Перенаселение на земном шаре. И опять же – где пенсионный фонд возьмет столько денег для выплат пенсий?

- Ой, Линка, не надо о больном.

- Да, о пенсиях лучше не говорить. Давай о чем-нибудь хорошем.

- Погода сегодня дрянная, - выдала Рябченко.

- Прекрасная новость, - поерничала подруга.

- Даже не знаю, что и сказать, - проямлила Жанна Петровна, а Ангелина, хорошо ее знавшая, представила, как она склоняет голову на бок, как шурит глаза и выпячивает губы. – А хорошо мы вчера провели день! И вечер неплохо начинался.

- Все было хорошо, - согласилась Ангел и призналась, – я, честно говоря, уже на Вадика не злюсь. Тем более, сама виновата.

- Берем с коммунистов пример, - пошутила Рябченко про ее отношения с Вадимом.

- Ну, да – мы в ответе за тех, кого приручили.

- Находчивый мальчик. А где он учится?

- В каком-то коммерческом вузе, я названия не знаю. Жанка, а давай возьмем зонты и прогуляемся? Ты как? Помнишь, мы раньше любили гулять под дождем.

- Нет настроения. К тому же уже почти стемнело.

- А я, пожалуй, выйду во двор, подышу свежим воздухом, - мечтательно протянула Белова.

- Далеко от дома не уходи, - предупредила Жанна.

- Я всего на полчаса, - заканючила Ангелина, - можно, мам?

- Ладно уж, - театрально вздохнула «мама» и спохватилась, - Ангел, ты сегодня «Вечерку» читала?

- Я не забирала газету из почтового ящика. Вот пойду гулять, заодно и заберу. А что там?

- Рецепт маски для лица. Я сегодня обязательно сделаю себе эту маску.

- Не люблю я применять для ухода за мордой лица подножный корм. Я предпочитаю покупать готовые маски в магазинах. Но тебе не запрещаю.

- И на том спасибо.

Жанна Петровна занялась уходом за собой красивой, а Ангелина направила стопы, обутые в ладненькие ботики, на улицу.

Спустившись на лифте на первый этаж, она старательно не смотрела в сторону квартиры Вадика Пушкина, чтобы не нахлынули воспоминания.

И что мне теперь летать на свой седьмой этаж на крыльях?! – мысленно возмутилась она и мысленно же прокаркала, - икар, понимаешь!

Прогулялась вдоль дома под зонтом, пристально изучая отраженный от уличных фонарей свет в глубоких лужах, имевших форму больших клякс. Вспомнились школьные годы, как она выводила буквы перьевой ручкой и вспыхнула – прошлый век!.. Так это и был прошлый век. А будто бы вчера.

Ненастная погода располагает к грусти.

Ангелина подняла воротник плаща, сменила руку, сжимавшую ручку зонта, чтобы отогреть окованную руку в кармане плаща и продолжила свою медленную прогулку в гордом одиночестве...

Однажды на морском побережье в период бархатного сезона Ангелина познакомилась с мужчиной. Дело было почти двадцать назад.

Бархатный сезон себя не оправдал: зарядили дожди, море волновалось и пыталось проглотить особо ретивых купальщиков, которые переусердствовали со спиртным. Спасателям то и дело предоставлялась возможность поработать. Ангелина куталась с шаль, ругала ленивое солнце, которое пренебрегало своими обязанностями, и подумывала, а не покончить ли с неудавшимся отдыхом. Но уговаривала себя задержаться, сверлила взглядом свинцовое небо и обреченно вздыхала.

Он подсел за ее столик в столовой. Посетовал на погоду, назвал свое имя – Дмитрий, привычно выделил первую гласную в имени, как будто это что-то меняло в его происхождении, надо признать, далеко не дворянском – и внешний облик упрямо об этом твердил, и несочетание несочетаемого - пляжных шлепок и черных носок. Лина и сейчас встречает таких индивидуумов, и они невольно напоминают ей о Дмитриии. Кем он был на самом деле, так и осталось тайной, которую она разгадывать не собиралась. А тогда, от скуки, она слушала хвалебные оды в свою честь, выделяя грубое «Г», при этом каждый раз морщилась, словно видела в тарелке супом плавающий на поверхности жареный лук: репчатый лук в любом виде Лина не выносит до сих пор. Он не замечал ее недовольной мимики, он пел оду, явно с чужих слов. Заучил и пел. Ни она первая, ни она последняя. Ничего удивительного – мужик вырвался на свободу, успел подготовиться. Еще хорошо, что не сразу взял «быка за рога»: вы привлекательны, я чертовски привлекателен, зачем время зря терять?

Он пел, она внимала. И так «завнималась», что увлеклась. Не самим мужчиной в шлепках и черных носках, а увлеклась продолжением – очень хотелось узнать, что будет дальше, как он себя поведет.

Покончив с совместным обедом, мужик оправдал ее надежду - приклеился и потрусил рядом, балансирую через лужи в своих шлепках. Лина как замороженная смотрела на эти шлепки с носочками и почему-то никак не реагировала, просто шла и слушала, слушала и шла. Она могла поднять его на смех, прогнать, напугать – скоро придет муж-тяжелоатлет, но не предприняла ровным счетом ничего – только ждала продолжения по его, естественно, инициативе и своего молчаливого согласия.

Ей было всё равно. Скучно и всё равно. Он ей был безразличен и... интересен, как бывает интересен подопытный кролик, который оправдывает или не оправдывает надежд ученого-экспериментатора.

Совсем недавно Ангелина рассталась с бабником-мужем, ненавидела всех мужчин, но мечтала отомстить бывшему с одним из представителей ненавистного мужского племени. Хотя, понимала в душе, что никогда не решится на такой безрассудный шаг. А вдруг?

Этот, в шлепках и носках, явно не подходил на роль даже одноразового любовника – разного поля ягоды. Но на безрыбье...

Как можно изменить, не изменяя, - неожиданно подумала Ангелина, не достигшая к тому времени сорокового рубежа, после которого уже всё – конец жизни! Это после она поняла, что не всё, совсем не конец. И после пятидесяти не всё, и после...

Как изменить, не изменяя, она поняла сразу - можно сходить вечером в кино, после кино посидеть на открытой террасе одного из многочисленных на побережье ресторанчиков, выпить красного вина, после выпитого вина расхрабриться, согласиться на... прогулку, не более того.

Какие мечты витают в голове Дмитрия, на что он рассчитывает в недалеком будущем, было ясно без сложных логических вычислений, ей был интересен сам факт кружений «вокруг да около».

Глаза с поволокой, легкие прикосновения, сопровождающие эти прикосновения вздохи и слова, слова, слова. Он неженат, да-да, дожил до седины, но боялся связать себя узами брака, наверное, ждал встречи с ней. И дождался. Она сразила его наповал с первого взгляда. Таких божественных женщин, как она, он не встречал.

Однако, - с испугом подумала тогда Лина, повторив слова «отца русской демократии», произнесенные в ресторации во время изучения меню. И тут же с присущей ей дерзостью решила – пойду на легкий флирт без последствий. Надеюсь, справлюсь без чужой помощи. Не станет же он принуждать меня к сексу, в конце-то концов.

Еще перед встречей она дала себе зарок: если Дмитрий явится на свидание в шлепках и носочках (про бриджи в клеточку длиной до колен она умолчала - сразили ее не наповал, не то что шлепки с носками), она оценит его внешний вид из-за угла, власть посмеется, что ни раз случалось в молодости (Лина умела уколоть так, что уколы заживали долго), но на этот раз посмеется издали, чтобы не ранить «чувства» малознакомого мужчины, и быстро ретируется. Она не думала, что Дмитрий сильно обидится, или, тем более, что-то с собой сотворить из-за нагрянувших чувств-с - перекинется на другую: количество одиноких женщин превышает количество одиноких мужчин в два раза, а то и больше. Лина социологическим опросом не занималась, но была наблюдательной.

На свидание Дмитрий пришел в обычных джинсах и клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами. На ногах – кроссовки.

Лина признала, что Дмитрий выглядит неплохо. И вообще, он симпатичный. И плечи широкие, и торс накачанный в меру, и ростом не ниже ее, и ноги длинные и ровные, не укороченные на этот раз бриджами. Оценивающих женских взглядов он точно заслужил. И Ангелина – презрительно-завистливых. Значит, не зря согласилась пойти в кино.

Хотя, мелькнула мысль: зачем ей эта авантюра? Ей никто не нужен. Она обижена. Она зла... на весь белый свет.

Жаль, что подруга с ней не поехала. Наотрез отказалась. Сказала, не хочу мешать. Дальновидная.

Посмотрели в кинотеатре французскую комедию, дружно посмеялись, Лина выдержала судорожное давление на ее руку, потом выпили вина на открытой террасе, прогулялись по набережной, благо дождь, выполнив месячную норму, ушел на покой. Он пытался ее поцеловать, прижать к себе, она уклонялась. Он решил – интриганка-заводила, она подумала - неумелый идиот, изображающий из себя мачо.

А не пуститься ли мне во все тяжкие? – вдруг ворвалась в здравомыслящую женскую голову совсем не подходящая, неродная и непривычная, мыслишка.

Ангелина взглянула на Дмитрия другими глазами. Этот взгляд не открыл ничего для нее притягательного, даже несмотря на завистливые взгляды других женщин, которые парами прогуливались по набережной.

Ладно, там будет видно, - решила для себя Лина и уверенно взяла Дмитрия по руку. Он тут же схватил ее ручку своей жесткой лапой и стал тискать. И тискал, не переставая. Лина старалась не обращать внимания, но время от времени тайно гримасничала.

Прогулявшись по набережной, мужчина решил – уже можно.

- Моя гостиница здесь неподалеку, - ложно-беспечно сообщил он и указал куда-то во мглу.

- А моя гостиница в другой стороне, - ляпнула, не подумав, молодая женщина.

- Сейчас будет гроза, - гыкнул Дмитрий.

- Непохоже, - протянула Ангелина, задрав голову и уцепив взглядом полуприкрытый темным покрывалом месяц-рогоносец и одинокую яркую звезду.

- Замерзла? – спросил мужчина и обнял женщину за плечи. Женщина хотела вывернуться, но легко передумала.

Они немного помолчали, кто-то собирался с мыслями, кто-то – с силами.

- Пойдем ко мне, - с придыханием предложил Дмитрий.

Почему бы и нет? – подумала Ангелина. – Я женщина свободная. Я женщина на отдыхе.

Когда мужчина открывал ключом дверной замок своего номера, она судорожно искала причину, чтобы сбежать. Сбежать просто так, без причины, она посчитала неразумным. Как будто, разумным было ее согласие. Она его совсем не знает! С ума сошла, что ли?

Дмитрий ни без труда справился с замком, видимо, волновался, распахнул дверь, пропустил вперед особу с мечущимся взглядом. Особа попросила зажечь свет, мужчина не отреагировал, закрыл дверь, сграбастал ее в охапку, покрыл лицо зверскими поцелуями и прошептал:

- Как только я тебя увидел, сразу потерял голову. У меня было много женщин, то таких как ты...

Тумблер в голове здравомыслящей женщины щелкнул, переведя мозги в нормальный, правильный, режим.

- Чтоооо? – зловеще протянула Ангелина. – Много женщин!?! Фу, какая гадость? - Она почему-то же прогекала, подражая ему.

Оттолкнула Дмитрия, распахнула дверь и скатилась по лестнице.

Всю дорогу до своей гостиницы она заливалась нервическим хохотом и обзывала себя ветреной девчонкой. А утром побросала вещички в дорожную сумку и уехала домой, несмотря на то, что погода на морском побережье начала налаживаться – бархатный сезон все-таки...

Даже сейчас, спустя двадцать лет, она улыбнулась, вспомнив, как хохотала до слез. Изменила, не изменяя...

Лина очнулась от воспоминаний, поняла, что продрогла и засемила к своему подъезду.

Подъезд встретил ее застоявшимися запахами сырой пыли и слабым однобоким светом первого этажа: паршивец Вадик так и не «вернул освещение». Она скользнула выше на один пролет, добралась до почтового ящика, достала газету и стала спускаться к лифту – не пешком же подниматься на седьмой этаж, в самом деле.

Краем глаза Ангелина Михайловна зацепила некий беспорядок. Беспорядок заключался в том, что дверь квартиры Пушкиных не была плотно прикрыта.

- Вот же маленький паразит, - под нос пробубнила женщина, второй раз за минуту применяя к Вадиму Пушкину обидное прозвище.

Она скрутила газету трубочкой и решительно направилась к гостеприимно приоткрытой двери, но ходу принимая решение – довольствоваться газетой или применить мокрый зонт для воспитательных целей.

Дверь поддавалась легко. Перед глазами Беловой предстала следующая картина: лежащий на полу Вадим (на это раз он лежал на животе, для разнообразия), ноги вытянуты, словно он рухнул навзничь, как бревно. Одна рука спрятана под туловищем, другая вывернула ладонью вверх и слегка отодвинута от туловища. Возле головы образовалась небольшая лужица темно-красного цвета.

- Весь апрель никому не верь, - отчеканила Ангелина и поинтересовалась у лежащего, - да, Вадик?... – Тот промолчал, чем не удивил долгожданную гостью. – Сейчас как дам больно, - пригрозила она и рассекла воздух свернутой в трубочку газетой. – Молчишь? Ну-ну. Я пошла, некогда мне тут с тобой ляссы точить.

Ангелина Михайловна попятилась в сторону входной двери, специально впечатывая каблук своих ботинок в пол. Звук вышел так себе, невразумительным вышел звук, поэтому женщина, не отдавая себе отчета, открыла автоматический зонт. Наверное, решила, что неожиданный и непривычный звук напугает любителя розыгрышей, и он себя выдаст. После того, как он не выдал себя никак, Ангелина решительно потрясла мокрым зонтом над распластанным на полу Пушкиным – окропила дождевой водой, хотела оживить.

Женщина в сердцах сбросила с его ноги носком своих бот уже знакомый тапок и отбросила в сторону, потом зафинтилила и второй.

- Не холодно? Может, газетку подстелить? – язвительно поинтересовалась она. – Вадик, ну, довольно, вставай уже. Вадик, поднимайся... Я ухожу, слышишь? - пригрозила, но с места не двинулась.

Сердце в груди тревожно трепыхнулось, как пойманная в сачок бабочка. И дыхание перехватило, как будто нацепили узкую одежду с узким удушающим воротом. Ангелина Михайловна похватила ртом воздух, но ей это не помогло.

- Вадик, - шепотом обратилась она, - ты... заснул? Просыпайся, сейчас мать вернется, увидит эту страшную картину и... не знаю, что с ней будет. Сознание она потеряет. Она, конечно, дама привычная, но... ты ей не посторонний человек.

Открытый зонт выпал из женских рук. Купол зонта брякнулся сбоку лежащего на полу Вадима, ручка зонта опустилась ему на ноги.

- Реакции – ноль, - сообщила непонятно кому Белова. Хотела поднять зонт, но быстро передумала, отдернула протянутую к упавшему зонту руку.

Набравшись вялой смелости, сделала несколько нерешительных шагов. Его лица она не видела, но предполагала, что лицо искусно обезображено самим Вадиком-затейником. Лужа, образовавшаяся вокруг головы парня, могла быть ничем иным, как... красной тушью, так для себя решила Белова. Этой же тушью вчера была залита футболка.

- Вадик, уже не смешно, - предупредила Ангелина Михайловна, переминаясь с ноги на ногу. – А если я сейчас упаду без чувств рядом с тобой? Или, того хуже, скончаюсь от переизбытка эмоций? Что тогда? Как ты будешь объясняться с моей дочерью?.. Вадик, а ведь я сейчас упаду. Вадик, мне плохо. Вадик, мне очень плохо.

Ангелина присела на корточки, поелозила газетной трубочкой по коротко стриженным волосам парня, приговаривая при этом:

- Я знаю, что ты жив, я знаю, что с тобой ничего страшного не произошло. Сейчас ты распахнешь свои ясные очи, зловещим голосом произнесешь: «Изыди!», и я тебе надаю тумачков. А моя подруга Жанка добавит...

Ангелина Михайловна вскочила на ноги. Надо позвонить Жанке, - подумала она, судорожно копаясь в карманах плаща.

Она отступила на шаг, потом еще на шаг, не сводя взгляда с Вадима, позвонила подруге и сказала всего одну фразу:

- Жанна, мне нужна твоя помощь.

Сказала таким голосом, что у подруги не появилось сомнения в том, что ей, действительно, нужна ее помощь. И чем скорее, тем лучше.

Ангелина опять присела на корточки, приложила ладонь к спине Вадика и замерла. Под ладонью почувствовала слабо-теплую спину. Еще не каменную, но уж точно неживую. Были бы силы, Белова бы заголосила, как это делают деревенские бабы на похоронах.

Теперь она была уверена, что Вадик ее не разыгрывает. Вадик мертв.

В горле пересохло. Лина удивлялась, как смогла что-то сказать Жанне. Что она еще смогла сделать, так это оторвать ладонь от спины, которая не могла принадлежать Вадиду Пушкину, двадцати трехлетнему парню. На полусогнутых она доползла до тумбочки для обуви, и рухнула прямо на стоящую на ней обувь.

А в голове билось одно слово - «накаркала»...

После проведения всех следственных мероприятий две подруги, они же свидетели, не сговариваясь, потащились пешком на седьмой этаж, в квартиру Ангелины Беловой. Первые три этажа преодолели молча. Первой не выдержала молчания, давившего не хуже тяжелого груза, Жанна Петровна.

- Ангел, у меня в голове так пусто, словно это пустая кастрюля после обеда в большой семье, - обронила она, сосредоточенно глядя себе под ноги, как будто шла по минному полю.

- Да, в большой семье коробочкой не щелкай, - автоматически произнесла Белова, вспомнив выражение из далекого прошлого, из студенческой жизни. И сразу вернулась к главной теме сегодняшнего вечера, - поверить не могу, что Вадика больше нет. До сих пор стоит в ушах крик его матери.

- Ужас, ужас, - запричитала подруга. - Не приведи Господи.

- И не говори, - с полуслова поняла ее Ангелина Михайловна.

- Бедной женщине и без того не вмоготу, а еще эта старая злыдня верещит и верещит, не остановишь. Что за люди?! Не знает где звон, а туда же.

- Ты имеешь в виду старуху Никифоровну, ближайшую соседку Пушкиных? - на всякий случай уточнила Белова.

- Ее, змею подколодную. И как таких людей земля носит! Получается, вчера, когда голосила Люська, она, видите ли, ничего не слышала, а сегодня вдруг услышала, но с задержкой – сначала непонятный хлопок, потом... якобы ты нарисовалась. Можно подумать, между этими двумя действиями прошло не больше пары секунд. Выстрелила и сбежала. Хорошо, что полицейские, после долгих опросов, выяснили, что ты входила в квартиру погибшего Вадима Пушкина, а не выходила. А эта старая злыдня всё вывернула так, что любой человек пришел бы именно к такому выводу – ты убийца, старуха – главный свидетель. Но сейчас я о другом подумала, - призналась Жанна Петровна, округлив от испуга глаза, как будто обсуждаемая Никифоровна неожиданным образом появилась перед ними из ниоткуда.

Ангелина так впечатлилась глазами подруги и ее вступлением, не сулившим ничего хорошего, что стала озираться по сторонам – а вдруг?!

- И о чем же ты подумала? – проблеяла она. А Жанна невольно последовала за ней – тоже начала осматривать окружающее пространство.

- Ангел, кажется, у меня галлюцинации – мне слышится подозрительное шуршание, как будто кто-то за нами крадется, не топотип, а одежками шуршит.

- Привидений в нашем доме отродясь не водилось, - на полном серьезе заметила Белова.

- Вчера не водилось, сегодня завелось.

- Жанка, ты веришь в разную чушь? Никогда не поверю.

- Я уже сама не знаю, во что верить, во что не верить, - пробормотала подруга.

- Так о чем ты подумала? – вернула ее к теме разговора Ангелина.

- Я?

- Ну, да. Ты сказала: «Сейчас я о другом подумала»... Начала, а потом перескочила на привидение... На галлюцинации.

- Я подумала - ты могла и не разминуться с убийцей Вадима. Представь: тыходишь в подъезд, поднимаешься на первый этаж, а преступник в этот момент покидает квартиру Пушкиных. Ты смотришь на него, он смотрит на тебя, пока ты домысливаешь, что произошло, что этот незнакомец с лицом загнанного зверя на охоте делал в чужой квартире, он достает пистолет и... устраняет свидетеля.

После этих слов-догадок Жанну Рябченко оставили последние силы, она бухнулась на ступеньку, прижавшись боком к упору для лестничных перил.

- Жанна, не сиди на цементном полу, - озаботилась Ангелина, мысленно обрабатывая озвученную подругой информацию. А ведь не подумала о грозящей ей опасности! Разминулась с преступником на каких пару-тройку минут. Видела ли она незнакомца, который покидал подъезд во время ее вечернего моциона? Нет, не видела. Уверена или просто не обратила внимания? Не уверена: была погружена в воспоминания, смотрела исключительно себе под ноги, чтобы не угодить в глубокую лужу и не зачерпнуть дождевой воды через верх. К тому же обзор был ограничен по причине зонта с большим куполом. И перемещалась она туда-сюда, иногда находилась спиной к подъезду. Именно в это время убийца мог прошмыгнуть.

Белова сама не заметила, как очутилась рядом с Рябченко на цементном полу. Положила голову подруге на плечо и призадумалась над своей счастливой судьбой. Судьбой, которая не сыграла с ней злую шутку.

- Повезло, - призналась Ангелина, протянув последний слог.

А Жанна возьми и расскажи историю, которую им с Люськой вчера поведал Вадим – историю о похищенных фальшивых пяти тысячных купюрах. Сама не знала, зачем рассказывает – будто бы ни к месту.

- Я ничего об этом не знала, - покачав головой, призналась Ангелина и впилась взглядом в лицо подруги, словно пыталась понять, не шутит ли та.

- Я ничего не сочинила, - поспешила оправдаться Жанна, хотя, ее никто не упрекнул во лжи. Но сообразила без лишних слов – давно знают друг друга. – Что услышала от Вадика, то и передала, слово в слово. Можешь у Люси спросить, она тоже присутствовала при разговоре.

- Я тебе верю. Но подумала я не о том, что Вадик скрыл от меня продолжение истории о розыгрыше, а о том, что убийцей мог быть один их тех двоих пьянчужек. Не уверена, что им грозил большой срок за их деяние. Вполне возможно, что с ними

провели воспитательную работу в течение пятнадцати суток, сопроводив воспитание с физическими работами на благо общества, и отпустили на все четыре стороны.

- Сама сказала – отпустили, физический труд – не самое страшное наказание при их провинности, следовательно, никто из них не станет мстить Вадику. Тем более, как он сам правильно заметил, у них мозги заспиртованы. Не до конца спившиеся мужики, но «печать уже стоит»: они точно не будут разрабатывать целую операцию мщения. Опять же – применение травматического оружия. Откуда у полуопустившихся людей деньги на оружие? Трамат не стоит баснословных денег, но тоже ни копейки заплачены. Думаешь, нет?

- Могли найти, - неуверенно пробормотала Ангелина Михайловна.

- Как же! Как бы нашли, так бы и продали без промедления. Они люди «болезненные», им постоянно требуется «лекарство». А чтобы купить «лекарство», надо иметь денежки. Вот с денежками у них большая проблема: как быстро приходят, так быстро и уходят, на «лекарство», - констатировала Жанна Петровна, выжидающе поглядывая на подругу, ждала согласия.

- Я склоняюсь к тому, что преступник - не профессионал, - заговорила после короткого молчания Белова. – Сама подумай, разве будет закоренелый убийца использовать для своих коварных целей травматическое оружие? Если он пришел к Вадику с одной целью, чтобы убить, то у него было бы что-то посерьезнее. Если бы он не попал Вадику в глаз, то Вадик мог остаться в живых. Судьба-злодейка.

- Роковая случайность? – спросила Жанна Петровна у подруги, как будто у подруги был ответ – она была ясновидящей.

- Кто его знает, - передернула плечами Ангелина Михайловна. – Может, случайность, может, намеренность – знал, что иначе ему не убрать Вадима, а другого, более серьезного оружия, у него нет.

- А если предположить, что преступник не хотел убивать, он пришел что-то требовать у Вадика, возможно, угрожал, и случайно нажал на курок, когда нервная система дала сбой... Случайно нажал, не метя в глаз, и попал...

- В глаз, - зачем-то подсказала Ангелина.

- Ты Вадима лучше знала, скажи – мог он довести человека до белого каления?

- Это ты опять возвращаешься к тому, что... некий человек пришел поговорить с Вадиком, что-то обсудить, травматическое оружие у этого человека было при себе, допускаю мысль, что он с ним не расстанется, носит с собой в целях собственной безопасности. Вадик начал кочевряжиться, прикидываться дурачком, тот терпел, терпел, а потом... бац... И сбежал, когда понял, к какой трагедии привел его выстрел. А насчет твоего вопроса скажу так - у Вадика было ослиное упрямство. Если чего не хочет делать, его с места не сдвинешь. Тут нужен особый подход, как в случае с грузчиками. Я заявила, что бригада грузчиков нуждается в физически крепких мужчинах, дала понять, что именно таким его и считаю. Смог бы он отказаться? Я заведомо знала – нет. Откажется, получается, что хлюпик.

- Хитрая bestия, - с долей иронии произнесла Рябченко. Ее ирония подруге не понравилась.

- Я не пойму, что не так в моих словах?

- Мне показалось, или ты на самом деле оправдываешь убийцу?

- Я оправдываю?! – округлила свои красивые карие глаза Ангелина и набросилась на Жанну, - это не я его оправдываю убийцу, это ты его начала оправдывать, когда вдруг вспомнила историю с фальшивыми купюрами, о которой узнала накануне, а потом спросила меня что за человек был наш Вадик.

- Не спросила и что?

- А то! Ты намекнула, что Вадик мог что-то украсть и ему... и его за это...
- Не было никакого намека. Рассказала и рассказала без всякой задней мысли.
- А о «белом калении» тоже просто так спросила?
- Хотела понять, что он за человек. Только и всего, - подняла и опустила плечи Жанна Петровна. - Не пойму, к чему весь это сыр-бор? Ты хочешь со мной поругаться? Я не предоставлю тебе такой возможности, все стерплю, потому как понимаю – у тебя стресс.
- А у тебя?
- И у меня стресс, - тотчас призналась Рябченко, хотела еще что-то сказать, даже выразительно открыла рот, но быстро прикрыла и отвела глаза.
- Что опять не так?! – потребовала ответа Ангелина Михайловна.
- Всё не так, - пробубнила себе под нос Рябченко. – Мы сейчас будем выяснять отношения, будем пускаться в ненужные споры и рассуждения? Или спокойно... постараемся спокойно, если это возможно при сложившихся обстоятельствах, разрабатывать версии преступления?
- Последнее, - коротко обронила Белова и посоветовала, - и лучше это сделать в теплой квартире. Честно признаться, я продрогла. Или меня трясет на нервной почве.

Подруги подхватились и продолжили свое восхождение на седьмой этаж. Добрались до нужной квартиры в полном молчании, словно боялись еще раз прицепиться без причины друг к другу. Да и не до разговоров было тучной Жанне Рябченко, она тяжело дышала и все чаще делала передышки. Ангелина то отдалялась, то останавливалась и поджидала подругу, не издав ни единого звука, как будто они вдрызг разругались.

В другой раз Жанна Петровна отказалась бы от подъема пешком – и лишний вес не позволяет, и больные ноги, и возраст, но сегодня выдался день, единственный в своем роде – впервые за свою не слишком короткую и не слишком длинную жизнь она оказалась в такой трагической и запутанной ситуации, иначе убийство молодого парня не назовешь, при том что ее подруга едва не оказалась на тюремных нарах благодаря выжившей из ума старухе Никифоровне, оговорившей Ангелину, причем с таким жаром, что все присутствующие как замороженные внимали ее монологу, но недолго – полицейские быстро раскусили говорливого «борца за правду», который накануне притаился за дверью и не показал носа, когда Люська Яварчук верещала как резаная. О вчерашнем розыгрыше Вадима Пушкина полицейским тоже поведали, не рассказав о причине, побудившей его пойти на такой жестокий розыгрыш. Просто розыгрыш в день смеха и юмора. Молодежь развлекается.

Ангелина открыла ключом дверной замок и распахнула дверь перед Рябченко. Та вошла и тотчас опустилась на пуфик, протянув однокоренное слово, характеризующее физическую усталость: «Пуууф».

- Чай, кофе, порываем? – печально проговорила Белова, снимая еще влажную куртку и скидывая боты.

- Кофе не хочу, слез уже нет – все выплакала, чай... чаю я бы выпила, с лимоном и с сахаром. И покрепче.

За чаем подруги, не сговариваясь, старательно обходили тему убийства Вадика Пушкина, болтали о разной ерунде, затем Ангелина отставила пустую чашку и вернулась к прежней теме:

- Жанна, я не могу понять, кому Вадик перешел дорогу? Он, конечно, был с небольшой придурью, и жутко упрям – мог легко вывести из себя, но все же это не повод его убивать.

- Линка, что ты, вообще, о нем знаешь?

- Он вырос на моих глазах, родился в этом доме. Его мать, Валентина Александровна, переехала в квартиру будучи уже хорошо беременной. Квартира ей досталась от бабки. Об отце я ничего не знаю, никогда не видела рядом с Валентиной мужчин.

- Совсем?

Ангелина призадумалась и ответила:

- Я за ней никогда не следила, но не думаю, что она водила мужиков к себе домой, потому что обожаемый сынок был бы против, без всяких сомнений. Эгоистом был Вадик первостатейным. Мать всё для него, всё для него, лучший кусочек сыночку, одежду ни на вещевом рынке ему покупала, мальчик любил носить «фирму». В школе Вадик учился через пень-колоду, не скажу, что был полным тупицей, вовсе нет, ленивым он был, пусть земля будет ему пухом.

- Как же они жили на одну материнскую зарплату? Не думаю, что Валентина на своей работе получала миллионы?

- Наверное, родственники усопших благодарили ее за труды. Опять же, она мыла подъезды, убиралась в квартирах жильцов нашего дома – какой-никакой, а приработок. Валентина, вообще, человек добрый и отзывчивый. Нашим бабулькам запросто так окна мыла, без всякой оплаты.

- Она не одна такая, ты тоже отзывчивая, тоже местным старушкам помогаешь.

- Не обо мне речь, - осадила подругу Ангелина, чтобы не отступать от темы. - Окончил Вадик школу, поступил в какой-то коммерческий вуз. Поступил – громко сказано: деньги заплатили за первый год обучения и учишь, Вадюша, на здоровье. И он учился, надо сказать, исправно посещал занятий, сессии сдавал без «хвостов». Но по-прежнему оставался нахлебником. Мне надоело наблюдать, как его мать надрыгается на сто одной работе, фигурально выражаясь, я сделала ход конем. И Вадик влился в бригаду грузчиков. Не на постоянной основе, конечно, по мере возможности подключался. За прошедший год он возмужал, подкачался благодаря физическому труду. И кажется, поумнел и повзрослел.

- Я бы не назвала его физически крепким. Жилистый, да.

- Ты бы его раньше видела – худющий, кости торчат, спина колесом, от худобы. Ел за троих, но не в коня корм.

- Видела я его раньше, как не видеть, но внимание на нем не концентрировала. Парень как парень. Иногда здороваётся, иногда молча проходит мимо. Я, вообще, не знала, что ты принимаешь участие в его судьбе.

- Громко сказано. Я его направила в нужную сторону... Вадик возмужал, плечи расправились, спина выровнялась, намек на бицепсы появился... Господи, говорю о нем, как о живом. Так и стоит у меня перед глазами... живой и здоровый. Смотрит на меня и хитро щурится.

- Бедный мальчик, бедная его мать. В сыне был весь смысл ее жизни. Как она теперь?

- Ума ни приложу... Жанка, как ты думаешь, полицейские найдут убийцу Вадика?

- Судя по тому, как они вели осмотр места происшествий, я в этом сильно сомневаюсь, - со вздохом призналась Рябченко.

- Вот и я так думаю – одним «висяком» больше, одним меньше. Конечно, начальство будет давать по шапке, премий лишать, но поможет ли это в расследовании. –

Ангелина вся подобралась, как перед прыжком, пронзила подругу взглядом и констатировала, - Жанна, мы должна заняться расследованием убийства Вадима Пушкина.

- Мы? Ты еще эту шалопутную Люську подключи. И злобную старуху Никифорову не забудь.

- Если ты отказываешься мне помогать, тогда я одна буду искать убийцу.

- Ангел, ты думаешь, что говоришь?! – возмутилась Жанна, в чувствах глотнула чаю, поперхнулась и закашлялась. Подруга резко постучала ее по спине и проговорила:

- Я-то думаю, а ты подумала о несчастной Валентине? Она будет обивать пороги следственного управления, спрашивать, упрашивать, ждать. Она не успокоится, пока убийца ее сына не окажется за решеткой.

- Но... что мы можем сделать в этой ситуации? – как бы согласилась с предложением подруги Жанна, озвучив вопрос охрипшим от кашля голосом.

- Будем думать, - пространно ответила Ангелина.

- А ты не боишься, что тебя постигнет участь Вадика Пушкина?

- А почему меня должна постичь его участь? Я ни в каких темных делишках не замешана, я не свидетель преступления, я не видела убийцу, и он меня не видел, всё произошло до того, как я вошла в подъезд. И судя по заявлению судебного медика, убийство произошло до того, как я вышла на прогулку.

- Но это еще не точно, - вставила Жанна. – Точное время смерти будет установлено после вскрытия...

- Мда, - высказалась Белова, словно сомневалась в профессионализме судебного медика.

- И вот еще что я хотела бы сказать, - с тревогой в голосе произнесла ее подруга,

- убийца мог задержаться в квартире. Пусть следов обыска мы не увидели, но это ничего не значит. Если убийце было что-то нужно от Вадима, и он пришел к нему с этой целью, то после выстрела убийца занялся поисками...

- Занялся бы, если нервы у него в порядке, если выстрелить и убить человека ему не впервой, - перебила Ангелина. – Но мы уже обсуждали его непрофессионализм, поэтому я могу с полной уверенностью сказать, что после выстрела его унесло из квартиры Пушкиных со скоростью космической ракеты.

- Допускаю, что так всё и было. Убийцу унесло, потом нарисовалась ты. А если...

- Жанка, хватит уже!

- Ничего не хватит! Вот скажи, за каким чертом тебя понесло на улицу в нелетную погоду? Сидела бы дома, смотрела телевизор.

- Хотела подышать свежим воздухом. Такой ответ тебя устраивает? – Белова ответа от Рябченко не дождалась и пробубнила с недовольством, - можно подумать, у нас ежедневно убивают жильцов дома.

Не обратив внимания на ее бубнение, Жанна Петровна вкрадчиво поинтересовалась:

- А если убийца все-таки что-то искал в квартире? Зачем-то он пришел к Вадиму?

- Снова-здорово! - Белова попытала для порядка, затем занудливо проговорила, - если бы он что-то искал в квартире, но это было видно невооруженным глазом – всё было бы перевернуто вверх дном. А в квартире был относительный порядок.

- Преступник мог провести аккуратный поиск нужной ему вещицы, - предположила Рябченко.

- Сначала выстрелил, потеряв контроль над собой, потом начал шуровать по шкафам, всё перекопал, потом сложил по стопкам – вернул аккурат и ушел восвояси,

заранее убедившись, что путь свободен, что некоторые пенсионерки не бродят по улицам под зонтом.

- Было бы смешно, если бы не было так грустно, - пробормотала Жанна. – Ты не принимаешь мои слова на веру, но сама подумай - что ему еще оставалось? Да, самый простой выход – бежать без оглядки. Но ему что-то нужно было от Вадима. Вадик не открыл тайны, гость вспылил и выстрелил. Возможно, он сам от себя не ожидал. Да, мог сбежать, а мог и попытаться найти то, за чем он пришел.

- И это полностью опровергает наше первоначальное предположение о том, что он неопытный преступник. У него железные нервы. Как в этом случае как быть с выстрелом из травмата, который привел к трагедии? Убийца намеренно целил в глаз? Ну? Я жду ответа!

- Ответа нет, - развела руками Рябченко. – И чего ты расцвела майским цветом? Тебе импонирует мой тупизм в вопросах расследования убийства? Можешь не отвечать. Ведь ты не признаешься, что я более компетентна, чем ты. И тебя это огорчает, ведь ты же у нас лучше всех, ты умнее, ты – голова!

- У меня нет слов, - без всякого раздражения произнесла Ангелина Михайловна, тем самым признав правоту подруги. И теперь Ангелине придется привыкать мириться с тем, что кто-то более компетентен в каких-то вопросах, в данном случае в вопросах расследования убийства. Но она сама предложила Жанне заняться расследованием, а Жанна предлагала только порассуждать, ограничиться одной говорильней. Говорильней не поможешь Валентине Александровне Пушкиной. Пусть Жанна Рябченко будет мозгом операции – Ангелина отдает ей пальму первенства, а сама Ангелина будет ее правой рукой и вдохновителем, иногда генератором идей. О чем и сообщила подруге, которая с опаской на нее поглядывала во время ее раздумий. Хватило одной фразы, чтобы расставить всех по местам.

Жанна Петровна «засучила рукава»:

- Лина, тебе надо вспомнить, что ты видела, когда вышла из лифта на первом этаже и направила стопы на улицу?

- Но убийца к тому времени уже...

- Мы в этом пока не уверены, - встала Рябченко.

- Я тебе уже говорила, и полицейским говорила: я не смотрела в сторону двери квартиры Пушкиных. Намеренно не смотрела после вчерашнего розыгрыша.

- Почему?

- Сама не знаю. Нет, я не боялась... Просто не хотела и всё!

- Бывает.

- Что бывает? Ничего не бывает! – протараторила Ангелина. – Что я, по-твоему, должна каждую дверь изучать?

- Нет, конечно, - скоро отреагировала Жанна Петровна. – Так и скажи – у тебя развился комплекс...

- Какой еще комплекс?! – не дослушала Ангелина. – Комплекс боязни ненастоящих трупов?.. Чего ты так затравленно на меня смотришь, как мышшь на кота?

- Мне не нравится твоя затея с расследованием, честно тебе скажу, - выдохнула Рябченко и пояснила, - зная твой неугомонный характер, твою бесшабашность, я за тебя боюсь.

Ангелина Белова внимательно изучила расстроенное лицо подруги, подперла щеки кулаками, сделав глаза щелками и жалобно затынула:

- Я за тебя боюсь, я за тебя молюсь...

- И слышу я, мой Бог, твой каждый вздох, - еле слышно поддержала Рябченко.

Продолжить они не успели, кто-то требовательно позвонил в дверь. Подруги одновременно дернулись как от удара и переглянулись. Посуда на столе тревожно зазвенела.

- Кто это заявился в такую позднюю пору? – шепотом спросила у хозяйки Жанна, как будто ее мог услышать непрошенный гость.

- Наверное, полицейские. Хотят что-то уточнить, - предположила хозяйка.

Жанна подобралась к выключателю, кухня погрузилась во тьму, не кромешную благодаря освещенным окнам соседнего дома.

- Зачем ты это сделала? – прошипела Белова. Жанна не ответила и переместилась к окну. Выглянула в плохо освещенный двор и доложила:

- Все полицейские машины уехали.

- Значит, ко мне пришел кто-то другой, - еле сдерживая рвущееся наружу волнение, обронила Ангелина Матвеевна. – Но раз я никого не жду, то и открывать не собираюсь.

Звонок в дверь повторился, на этот раз он был более настойчивым.

- Правильно, мы не будем открывать, - согласилась Жанна и прошептала, - но посмотреть в дверной глазок все же стоит.

Но ни одна, ни другая не сдвинулись с места. Ангелина смотрела на подругу, чей силуэт был отчетливо виден на фоне окна, а подруга изучала светящиеся окна соседнего дома.

- Ангел, мне на ум пришла гениальная мысль, - голосом, не сулившим ничего хорошего, без ложной скромности, проговорила Рябченко, стоя к подруге спиной. – В этом доме, она дернула головой в нужном направлении, не могут жить один занятые собой и нелюбопытные люди.

- Ты намекаешь на то, что кто-то из жителей, особо любопытный, мог видеть не только человека, который выходил в дождь, но и пространство квартиры Пушкиных? Само убийство не могло попасть в его поле зрения – убийство произошло в прихожей, но гость мог зайти в комнату без разрешения хозяина, устроиться со всеми удобствами, дав понять, что просто так его с места не сдвинешь - только после того, как он получит ответ на интересующий его вопрос.

- Неплохо соображаешь для дилетанта, - похвалила «профессионалка». – Надо учесть один нюанс – потенциальный свидетель живет на нижних этажах – первый, второй, максимум третий. Если этажами выше, то не разглядишь, что происходит в квартире на первом этаже из дома напротив.

- Полицейские тоже не полные идиоты, небось, провели поквартирный обход в нашем доме, и в соседнем.

- Одно дело полицейские, другое дело мы: не всяк будет откровенен с правоохранительными органами.

- А нам они выложат всю информацию без проволочек, - поиронизировала Ангелина. – Спрашивается, с какой стати им быть с нами откровенными?

- С такой! Мы простые женщины, не журналисты «желтой» прессы. Мы действуем по своей инициативе и с согласия несчастной матери погибшего парня.

- На нас только и надежда, - брякнула Ангелина Михайловна, параллельно прислушиваясь к звукам, доносящимся с лестничной площадки. Ей показалось, что нежданный гость расстался с затеей попасть внутрь ее квартиры и ушел, не солоно хлебавши. И только она успокоилась, как звонок раздался вновь. - Сейчас возьму палку и отхожу его по спине, - сурово проговорила она.

- Кого? – не сообразила Жанна, купаясь в своих мыслях.

- Того, кто ко мне пришел без приглашения.

- Ангел, а вдруг пришел жених? - на ходу сочинила подруга.
- Перевелись все женихи, время вышло.
- Настырный, - пробубнила Рябченко и решила направиться в прихожую, но была перехвачена Беловой, которая схватила ее цепкими пальцами за край теплой вязаной кофты. Тягучесть кофты позволила Жанне сделать еще пару шагов, не более того.
- С ума сошла? –шепотом возмутилась Жанна. – Я чуть не упала.
- Но не упала же, - успокоила ее подруга. – Сядь и сиди, не дергайся.
- В дверь забарабанили кулаком.
- Сейчас потревоженные соседи выйдут и надают ему по наглой морде, - с облегчением выдала Белова.
- Если это ни жених, если ты никого не ждешь в этот поздний час, то кто это может быть? – заинтересовалась Рябченко, в ее глазах опять появилась тревога.
- Я никого не жду, - зачем-то подтвердила Ангелина Михайловна с долей легко читаемого возмущения: кроме тревоги в глазах подруги по-прежнему плясали чертики, как намек на то, что в поздний час пришел кавалер поддержанной наружности. Именно поддержанной, потому и предъявить его неловко.
- Если ты никого не ждешь, - с совершенно глупым видом отозвалась Жанна, - то это... то это...
- То кто-то просто ошибся дверью, - перебила Белова, устав ждать интригующего продолжения.
- Шутить изволите? - нахмурилась Рябченко, пряча глаза с пляшущими чертиками.
- Кому-кому, а мне уж точно не до шуток. Жанка, тебе не стыдно веселиться в такой день? – придушенным шепотом возмутилась Лина.
- А кто веселится? Я? Обижаете, гражданин начальник, я не веселюсь. По крайней мере стараюсь держать себя в руках.
- Но у тебя плохо выходит, - подсказала подруга.
- Ты бы видела свою физиономию, - хмыкнула Жанна Петровна.
- А что не так с моей... с моим лицом? – поинтересовалась Жанна, борясь с желанием ринуться к зеркалу, чтобы убедиться, что с ее лицом все в порядке.
- У тебя вид жены, которую муж застал с любовником, - констатировала Жанна.
- Подруга посмотрела на нее с недоумением и нерешительностью, так смотрят на старую вещь, дорогую сердцу – и выбросить жаль и носить позорно, так как она напоминает о прелестных моментах прошлой жизни. Жанна примерила взгляд на себя и высказалась:
- А вот и не выгонишь меня! Если откроешь дверь, чтобы выгнать, твой гость...
- Я не жду никаких гостей, - не дала ей договорить Ангелина, делая внушительные паузы. – И хватит делать разные намеки. Не совестно?
- Хватит меня стыдить, - осадила ее Жанна. – Стыдит и стыдит, понимаешь.
- Извини, это от волнения.
- Мне тоже тревожно, - призналась подруга. – Сначала Вадик, потом... этот гость... Не гость, визитер, - поспешила оправдаться она. – Вот сиди теперь и гадай, кого принесло в этот неурочный для визитов час.
- Жанка, у тебя есть предположения по поводу визитера? - уцепилась за фразу про угадайку Ангелина Михайловна.
- Не хочу тебя пугать, но версия одна - к тебе пришел убийца Вадика, - выдала подруга и облегченно выдохнула, словно долго не решалась озвучить диагноз нехорошей болезни, наконец, решилась, позабыв добавить, что болезнь поддается лечению, пусть и длительному – о чем ей хорошо известно.

- Быстро же он сориентировался, - вырвалось у Беловой, которая неожиданно успокоилась, как будто совсем скоро придет помощь в лице мужчины незаурядной внешности и физической силы. И подумала: на ловца и зверь бежит.
- Но я могу ошибаться, - дала обратный ход Рябченко, которая на этот раз не разгадала мысленного маневра подруги.
- Согласна – ты ошибаешься, - беспечно поддержала ее Белова. – Действительно, с чего бы вдруг ему ко мне приходиться? – передернулась она, как будто хотела стряхнуть с плеч чужую руку.
- Ангел, я все-таки посмотрю в глазок.
- Не двигайся с места, - шикнула подруга.
- Ну, почему?
- Да, потому! Если это пришел убийца, то он может выстрелить через глазок, когда увидит, что за дверью кто-то стоит. Я нечто подобное в фильмах видела.
- Разве пуля из травматического пистолета способна пробить толстое стекло? – проблеяла Рябченко.
- Я что, специалист-оружейник? Откуда мне знать, - отмахнулась Ангелина.
- Не знаешь, так и не говори. А то тоже удумала – выстрелит через глазок.
- От такой версии нельзя отказываться, - с умным видом заключила Белова.
- Когда преступник пришел к Вадиму, у него не было с собой нормального оружия – чтобы раз и наверняка, а к тебе он пришел вооруженным до зубов, - съязвила Жанна.
- Шутка-кергуду, - ляпнула Ангелина, поклонница старых советских кинокомедий, как и ее подруга. – Жанка, ты пораскинь мозгами – будет преступник барабанить в дверь? Не будет. Значит, это не преступник.
- Тогда кто?
- Любовник, - хмыкнула Белова, прислушиваясь к очередной серии стуков в дверь. - Уйдет он, наконец, когда-нибудь или так и будет барабанить?
- Надо открыть дверь, - предложила Жанна Петровна, совсем неуверенно. – Вот откроем дверь и узнаем, кто к нам пришел. Если что, то дадим отпор.
- Белова одарила ее взглядом, понятным без слов. Наверное, аналогично она бы взглянула, если бы подруга пустилась в пляс, размахивая платочком – одним словом, клиника. Собиралась озвучить «диагноз», но Рябченко была охвачена идеей:
- Ангел, ты открываешь дверь, подмигиваешь мне – даешь понять: чужой, и я нападаю... - Последнее слово она произнесла ее слышно, словно проглотила. Ангел решила уточнить:
- Что ты собираешься делать? Нападать?
- Ангел, у тебя есть средства для самообороны? Ты что-то говорила про палку? - не обращая внимания на уточнения, спросила Жанна.
- Пока мы будем искать средства защиты, он дверь выломает, - поворачивая голову в сторону прихожей, решила втолковать подруге Ангелина Михайловна. По прихожей разливался требовательный звонок, сопровождаемый стуком в дверь.
- Спрашивается, почему твои соседи никак не реагируют?
- Откуда я знаю! – взвизгнула Ангелина Михайловна, причем так рьяно, что прикусила язык – сама не поняла, как умудрилась. Нахохлившаяся подруга не сообразила, почему Ангелина показывает ей язык и косит на язык глаза.
- Подруге стало смешно – нечасто видишь косоглазую Лину, и она дико хихикнула. Лина спрятала язык, при этом удивилась, почему он вдруг увеличился в размерах, поискала глазами, чем бы полечиться, схватила чашку с остывшим чаем и разом осушила остатки содержимого. Жанна, как замороженная, следила за ее азартными

действиями, пытаюсь уловить связь между показом языка и вливанием чая внутрь организма. На всякий случай проверила на нюх содержимое чашки своей подруги. На дне чашки плавали чайинки, посторонних запахов не ощущалось.

- Гадать собралась? – хмыкнула Ангелина.

- Ага, на спитом чае – хочу понять, кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне. Это он, это он...

- Всё! Надоело строить версии и бояться.

- Не похоже, чтобы ты боялась.

- Это так, к слову пришлось. Моя отвага не знает границ... Однако всему есть предел. Я сейчас открою дверь и проверю. – С этими словами Белова ринулась к двери. В темноте нащупала задвижку, не удосужившись заглянуть в глазок, и резко распахнула дверь.

Едва входная дверь отъехала, как на руки хозяйке свалился человек, благо совсем не упитанный. Хозяйка его удержала и поставила на ноги.

- Слава Богу – жива! – выдохнула Люська Яварчук. – А то я тарабаню, звоню – ноль реакции, прислушиваюсь – тишина. Порядком струхнула.

Белова затащила ее в квартиру и закрыла дверь на засов.

- Чего ты притащила среди ночи? – прошипела она.

Люська сняла кроссовки, сбросила ветровку и таинственным шепотом спросила, игнорируя чужой интерес:

- А чего это вы в темноте сидите?

В прихожей сразу зажегся свет благодаря стараниям Жанны Петровны, а ее подруга констатировала:

- Вопрос из фильма «Москва слезам не верит». И интонации те же – глупо-удивленные.

- Я вас разбудила? - предприняла Люся очередную попытку получить ответ на следующий вопрос и повертела головой в поисках направления движения.

- Зачем пришла? - негостеприимно высказалась хозяйка, продолжив вечер вопросов без ответов, но ответ получила.

- Пришла узнать новости из первых рук... Про Вадика... Неужели это правда?

- До завтра нельзя было подождать? – подала голос Жанна Петровна.

- Так что, мне уйти? - обиженно протянула Люся и шмыгнула носом. Глаза у нее были красные, веки припухшие, видно, что редела, когда узнала о смерти Вадика, с которым, скажем честно, была в сложных отношениях при его жизни: Вадик над ней постоянно подтрунивал, надо признать, по-детски, называл Тонкой-звонкой, Люська была тайно в него влюблена, на его странные знаки внимания реагировала восторженной улыбкой и глупым подхихикиванием, искусно пряча обиду и ожидания, которым теперь не суждено было сбыться.

- Ладно уж, проходи раз пришла, - пригласила хозяйка и первой направилась на кухню. – Чаю хочешь?

- Мне бы чего-нибудь покрепче.

- Жанна, ты слышала? - вскинула брови хозяйка, выказав крайнее удивление.

- Накапай ей успокоительных капелек и дело с концом!

- Лучше чаю...

- Офонареть, - глубокомысленно изрекла Людмила Яварчук, выслушав попеременные подробности случившейся трагедии от ее старших подруг. Посидела с закушенными губами, потом взвыла и приткнулась головой к плечу

своей соседки. Ангелина погладила ее по голове, тоже пустила слезу, к ним подключилась Жанна Петровна.

Ангелина Белова относилась к Люське как к родному человеку, искренне жалела ее - жизнь у девочки была непростой, и соседка об этом знала не понаслышке...

Люська родилась и выросла в этом доме. Наверняка легкомысленной матери было известно имя биологического отца ее дочери, но она держала его имя в тайне. Вообще, не отвечала на известные многим матерям-одиночкам вопросы их детей, отмалчивалась, не потчевала дочь рассказами об отце-космонавте или отце-капитане дальнего-предального плавания. В итоге Люська сама устала допытываться и оставила затею. Нет отца, и ладно. Потом не стало и матери. Нет, она не скончалась внезапно – мать вышла замуж, сей факт стал, действительно, неожиданным для всех соседей, даже для самой еще молодой женщины, у которой было множество любовников, но никто из них не звал ее замуж. В ту счастливую для матери пору Люська как раз пошла в первый класс, именно на школьной линейке по случаю первого сентября ее мама познакомилась с мужчиной, который тоже привел сына в первый класс. Мужчина оказался вдовцом. Спустя месяц женщина перебралась к гражданскому мужу, а свою единственную дочь оставила бабушке, которая приходилась Люське прабабушкой. Прабабушкой ее назвать было сложно: и выглядела для своих практически семидесяти лет прекрасно, и продолжала занимать ответственную должность в городской телефонной службе. Звали прабабку Люси Маргаритой Леопольдовной Фредушинской. Маргарита Леопольдовна что к внучке, что к правнучке относилась ровно, обеим казалось, что пожилая дама на ответственной должности их попросту не замечает. Знает, что кто-то живет рядом с ней, дает деньги на свое и их содержание, и этим ограничивается. Маленькой Люське казалось, что бабка не знает ее имени, потому что всегда обращается к ней «милый ребенок» и старается не смотреть в ее сторону, как будто девочка неказиста или того хуже - ее лицо обезображено ужасными язвами. Милый ребенок пытался донести до бабки, что она девочка и зовут ее Люсенька. Не Люся, а именно Люсенька, дав понять, что она хорошая и ласковая, миленькая, как лисёночек, но не милый ребенок среднего рода. Бабка ее слушала и не слышала, Люся оставалась милым ребенком до той поры, пока мать девочки не сменила статус и не перебралась к мужу, у которого был свой ребенок. Но мать часто приходила к дочери - поначалу, потом стала навещать все реже и реже, а после новогодних праздников вместе с новым мужем и его сыном покинула родной город, обосновавшись в восьмисот километрах от дочери. Бабка окончательно осознала, что рядом живет девочка Люся, пусть не Люсенька – для Люсеньки пока не созрела и едва ли когда-то созреет – ответственная должность не позволяет расслабиться даже в круг семьи.

Соседи осуждали мать-кукушку, Маргарита Леопольдовна уверяла, что сама не отдала Люську матери, потому как ей известно, что сын нового мужа ее внучки – отчаянный шалопай и баловник, доверчивой Люське будет от него доставаться, и Люську же будут обвинять в его шалостях. С Маргаритой правнучке будут лучше. Но соседи не поверили ни в то, что бабка действовала в интересах девочки, ни в то, что с ней девочке будет лучше: успели заметить, в каком неприглядном виде ходит первоклассница. Пока не взяла на себя заботу о ней и воспитание соседка Ангелина Михайловна. Люська быстро освоила ее науку: девочка – будущая женщина, она должна уметь за собой ухаживать - хорошо выглядеть, носить чистую и выглаженную одежду, уметь приготовить нехитрую, хотя бы, еду, а со временем научиться готовить.

Когда ближе к лету руководящая работница осталась без должности, она с удивлением заметила, что внучка-первоклассница не требует особой заботы, сама справляется с несложными хозяйственными делами. Бабка погрузилась в печаль по случаю бездействия, с которым была незнакома, но изо всех сил изображала радость и уверяла – опять лгала, - что ушла на заслуженный отдых по собственной инициативе, из-за Люськи, которая «растет как трава». Оказалось – «не трава», взрослая и сознательная не по годам девочка. Маргарита Леопольдовна успокоилась и по-своему полюбила правнучку. Без дела бабка долго не просидела – не в ее привычке сидеть без дела. Леопольдовна засучила рукава и сместила с поста председателя их ТСЖ, которым числился – именно числился, ничего не делая, - один препротивный пенсионер, прозванный за глаза Шакал Иваныч: фамилия у него была Шкаликов, имя – Каллистратий. Пенсионер был «не чист на руку», в бухгалтерии ТСЖ царил страшный беспорядок и неразбериха. Потому и беспорядок с неразберихой, чтобы следы заметать. Заранее проведя среди жильцов дома подготовительную работу, на общем собрании новым председателем была единогласно выбрана Маргарита Леопольдовна Фредушинская. Старушка-молодушка с головой погрузилась в новую работу, ее правнучка по-прежнему росла сама по себе, но под периодическим, по причине занятости, контролем заботливой соседки...

Вот и сейчас женщина по-матерински погладила девушку-девочку по голове, по спине, чмокнула в висок, та перестал рыдать, но продолжала жалко всхлипывать.

- Пусть поплачет, - с печалью протянула Жанна Петровна, легче станет на душе.

- Не говори банальностей, - цыкнула на нее Ангелина Михайловна.

- И эту женщину я терплю всю свою жизнь, - покачала головой подруга, - она меня всю жизнь гнобит, а я терплю.

- Терпеливая ты моя, - хмыкнула Белова.

Люся подняла свое зареванное лицо и гнусавым голосом произнесла:

- Обожаю, когда вы препираетесь друг с другом. Так по-доброму. А у меня нет верной подруги. У меня, вообще, близких подруг нет. Я дружу с двумя девочками с курса, но так, поверхностно. Вместе обсуждаем парней, вместе ходим в кафе или в кино, а домой возвращаемся и никогда не звоним друг другу. Колледж закончим и забудем друг о друге, это точно. Я так хотела дружить с Вадиком, а он считал меня сопливой девчонкой. А я не сопливая девчонка, мне уже девятнадцать. Моя Марго в девятнадцать лет родила свою дочь, мою бабушку, которую я никогда не видела – она умерла молодой, моей маме было всего четыре. Мама... Такое теплое ласковое слово. А я его произношу и на меня веет холодом. Моя мама обо мне и думать забыла. Вот меня убьют, как убили Вадика, а мама даже слезинки не проронит, потому что я ей чужая. Наверное, Марго по-своему меня любит, но говорит мне об этом только тогда, когда я ее спрашиваю. Отвечает, как отмахивается – мол, люблю, конечно, ты же моя родная кровь.

- Я тебя люблю, Люсенька, - призналась ни первый раз Ангелина Михайловна.

- Я знаю, и я вас люблю. Теть Лин, я вам очень благодарна... за все, что вы для меня делали и делаете. Даже не знаю, что бы из меня выросло, если бы не вы...

- Милая моя девочка, я нисколько не сомневаюсь, что и без моего участия ты бы выросла добрым и хорошим человеком.

- Теть Лин, вы бы сильно плакали, если бы меня... как Вадика?

- Дурочка ты моя! – Ангелина Михайловна притянула девушку к себе и расцеловала в обе щеки.

Жанна Петровна проворчала:

- Если будешь шататься по улицам по ночам, беду сама к себе притянешь.
- Люся, где тебя носило до такого времени! – спохватилась, отстраняясь от девушки, Ангелина, - совсем распоясалась, на улице ночь, а она гуляет! И куда твоя Марго смотрит?! Вот нервы у старушки – ребенок где-то болтается, а она спит и в ус не дует.
- Вот-вот, - поддержала подругу Жанна, - надо ей сделать внушение.
- Кому сделать внушение? Марго? – улыбнулась сквозь слезы девушка. – Ну-ну, попробуйте.
- Так где ты была? - пристала Белова.
- У подруги из колледжа дома я была, - проговорила с недовольством Яварчук.
- А ты не груби старшим, а то в угол поставлю, - осадила ее соседка, - ишь, взяла моду грубить.
- Извините, - поджала губы девица и подергала себя за конский хвост, стянутый резинкой для волос, отчего хвост перекосялся. Девица «закусила удила» - зажала конец хвоста губами.
- От кого узнала про Вадика? Никифоровна доложила? - поинтересовалась тетя Лина. Девушка выплюнула изо рта кончики волос и ответила:
- А то кто ж. Но начала с нравоучений, это потом переключилась на Вадика.
- Чем ты опять перед ней проштрафилась?
- Людмила нехотя призналась:
- Утром выхожу я из лифта и понимаю, что она снова отирается возле своей двери, следит за народом через дверной глазок – КГБ на посту! И такая злость меня взяла, что я взяла и заклеила ей глазок жевательной резинкой. Изо рта вытащила и заклеила, а сама деру дала.
- Нехорошо,- изрекла Жанна Петровна.
- И че? – удивилась Люська.
- Ангел, как тебе фраза, разбивающая все убеждения?
- Хм... Значит, утром ты заклеила глазок на входной двери Никифоровны жевательной резинкой, а вечером Никифоровна ждала твоего возвращения, чтобы отчитать по полной программе?
- Не знаю, чего она хотела, но полуночичала, скорее всего, убийство Вадика на нее повлияло, эмоции были через край, хотелось поделиться не только последними новостями, но и высказать свои соображения, заодно прочесть лекцию о моем поведении. Тоже сказала, как и вы: куда моя бабка смотрит?
- Что она тебе сообщила?
- Я сразу хотела сбежать - надоело слушать ее бред, она поняла, что потеряет единственного слушателя, глаза выпучила по пять копеек и спрашивает: «Новость знаешь?» И вид у нее при этом был, как будто по подъезду прогулялось привидение. Подруги невольно переглянулись при упоминании привидения.
- Что потом? – поторопила Жанна Петровна.
- Люся посмотрела на Ангелину Михайловну с жалостью. Взгляд не требовал дополнительных объяснений.
- Злыдня старая, - который раз за короткое время констатировала Жанна Петровна.
- Еще та злыдня старая, - подхватила эстафету Людмила. – Но могу сказать в защиту Никифоровны одно - она осознала, что была не права по отношению к вам, тетя Лина, рассыпалась извинениями в ваш адрес, сказала, что ляпнула, не подумав, но у нее на то была своя причина.
- Что вы говорите! – хлопнула в ладоши Ангелина Михайловна. – Причина у нее была! Это у меня есть причина... ее удушить.

- Кстати, есть анекдот по этому поводу, - вклинилась Рябченко. – Внук спрашивает у деда: «Дедушка, а какая кровь на вкус?» - «Откуда мне знать?» - «А бабушка говорит, что ты у нее всю кровь выпил?» - «У твоей бабушки мозгов нет!» - «Конечно нет – ты ей все мозги вынес!»

Три особы сдержанно засмеялись, и разом осеклись, вспомнив недавнюю трагедию.

- За что меня решила оговорить Никифоровна, что б она была здорова? – вспомнила Ангелина Михайловна.

- Неужели она вам сама не рассказала? – удивилась Люся. - За то, что ваш внук - громкоголосая плакса. Он постоянно верещит на весь подъезд. Я ей сколько раз говорила, что это не так, что ваш Павлуша спокойный и воспитанный мальчик, он никогда не верещит в подъезде. В подъезде верещит Славка Голубицкий, с пятого этажа, но Никифоровна выбрала безответную жертву - вас, Ангелина Михайловна. Не станет она связываться с отцом Славки Голубицкого, побоится. Папаша этого Славки, старший Голубицкий, больше похож на братка, чем на тренера по фитнесу. Кто с ним будет связываться?! Ясно дело – никто. А Никифоровна, тем более.

- А ты, Линка, добрая душа: постоянно ей сумки с продуктами из магазина таскаешь, а она тебе «платит добром».

- Больше не буду оказывать тимуровскую помощь, хватит с меня, - неуверенно пробормотала Белова и обратилась к девушке, - Люся, что тебе еще Никифоровна нашептала?

- Что она может нашептать? – возмутилась Жанна Петровна, - у нее воображение чрезмерно развито, и мозги наперекосяк!

- Не скажи, - покачала головой подруга, - Никифоровна еще та актриса.

- Согласна – прикидывается несчастной овечкой, - поддержала Яварчук. – Я не знаю, верить ее словам или нет. Но может быть она не сама сочинила, с ней поделились информацией полицейские? – задалась она вопросом.

- С чего бы вдруг они с ней делились информацией? Она что, у них числится в штате? Боец невидимого фронта? – передернула плечами Белова, гримасничая.

- Я не в том смысле, что полицейские с ней откровенничали, а в том, что у нее всегда ушки на макушке – она беззастенчиво подслушала чужой профессиональный разговор.

- Это она может, - согласилась с Люсей Белова. – И что же ей удалось узнать?

- Никифоровна сообщила, что в нашем районе маньяк орудует, он убивает молодых людей от пятнадцать до двадцати пяти, и я... тоже вхожу в эту возрастную категорию. Поэтому лучше мне сидеть вечерами дома, и носа на улицу не казать.

- В этом Никифоровна бесспорно права, - согласилась Жанна Петровна.

- Вы тоже думаете, что в нашем районе орудует маньяк? Вы слышали о серии убийств? – округлив глаза, спросила Людмила.

- Полный бред, - ответила Белова. – Это все домысли старухи. Хотела тебя запугать, и ей это удалось. Но если ты... хочешь... присоединиться к Вадику, - спотыкаясь на каждом слове, затянула Ангелина Михайловна, - то можешь гулять всю ночь напролет и выбирать для прогулок неблагополучные районы.

- Я только хотела, чтобы вы меня успокоили и пожалели, а вы... - глубоко вздохнула от возмущения Люсенька.

- Успокоим, пожалеем, а ты будешь вести себя так, как вела себя раньше, - с укором проговорила Рябченко.

- Люся, ты бы подумала над словами людей, которые желают тебе добра, - с чувством произнесла Ангелина Михайловна. - Ты у нас девушка приметная, идиотов по улицам ходит немало, тем более в ночную пору.

- Это я-то приметная? – не поверила Яварчук. – Моя Марго уверяет, что я страшненькая. Наверное, вся в отца, которого я никогда не видела... Точно, в отца, - подумав, заключила она, - мать у меня женщина видная, и Марго сохранила до сих пор остатки былой красоты – сама уверяет, и я с ней полностью согласна. Одна я... такая невыразительная. А вы говорите – приметная. Конечно, приметная: таких «писанных красавиц» еще поискать! Чувырло, одним словом, - упадническим голосом заключила девушка.

- Чувырло, - хмыкнула Ангелина Михайловна. – Все бы были такими чувырлами. Волосы у тебя густые, блестящие, красивого темно-русого оттенка. - Ангелина легко подергала за конский хвост, как будто проверяла, свои волосы или нарощенные. - А глаза? Глаза необыкновенной формы, миндалевидные, насыщенно-карего цвета...

- Как у тебя, Ангел, - вставила Жанна.

- Носик совершенно прелестный, - продолжила одаривать комплиментами Белова, желая повысить самооценку у Людмилы Яварчук. – Пусть носик слегка вздернут вверх, но это так миленько смотрится. Губки пухленькие, сейчас такие губы в моде. Некоторые женщины делают инъекции ботокса, чтобы губы увеличить и подправить форму, а тебе ничего делать не нужно. Натуральная прелестница!

- Только Вадик никак не реагировал на эту прелестницу... Эх, Вадик, Вадик... Кто же тебя так? – печально протянула прелестница.

Подруги снова переглянулись. Инициативу взяла на себя Ангелина.

- Люся, мы с Жанной решили заняться расследованием убийства Вадима, - призналась она.

- Вы? Расследованием? Но ведь полиция...

- Пусть полиция идет своим путем, а мы пойдем своим путем, - не дала договорить Люське Жанна Петровна. – Пусть у нас нет достаточного опыта, но мы тоже не лыком шиты, и у нас есть острое желание покарать убийцу и успокоить, если это возможно, убитую горем мать.

- Здорово! – восхитилась Людмила. – У меня есть предложение.

- Как-нибудь обойдемся без твоих предложений, - отмахнулась Рябченко.

- А я требую, чтобы меня включили в группу. Я - лицо заинтересованное: вдруг Никифоровна права – убийство совершил маньяк, мне тоже угрожает опасность.

- Маньяк пришел в квартиру Пушкиных и выстрелил в Вадима из травматического пистолета, - с иронией произнесла Ангелина Михайловна.

- Маньяк мог его преследовать, - неуверенно пробормотала Люся. – Вадик не успел закрыть за собой входную дверь, и получил пулю в глаз.

- Судя по положению тела, убийца находился в глубине прихожей, - напомнила Жанна Петровна. - Это Вадик стоял у двери, видимо, пытался его выдворить...

Ангелина не дала говорливой подруге продолжить, обратилась к Людмиле, которая ловила каждое сказанное слово:

- Тебе, девочка моя, давно пора спать, завтра рано вставать, так что иди домой.

- Ага, щас! Прямо взяла и побежала!

- Побежишь, - убедительно сказала Ангелина Михайловна и повторила за ней, - прямо щас и побежишь.

- Иди, Люся, иди, занятия в коллеже никто не отменял, - миролюбиво произнесла Рябченко.

Люся что-то пробурчала под нос, все же поднялась и поплелась в прихожую. Женщины двинулись за ней – провожать до двери.

Люся долго обувала кроссовки, долго крутила в руках ветровку, как будто не могла понять, как ее лучше натянуть. В итоге решила вообще не надевать – зачем, если ей сделать всего несколько шагов до своей квартиры. Скомкав в руках курточку и прижав комок к груди, Люся заискивающим голосом спросила:

- Ангелина Михайловна, вы мне друг?

- Нельзя!

- Что нельзя?

- Люся, я тебя насквозь вижу – нельзя прогуливать занятия в колледже! И закончим на этом.

- Как я могу идти на занятия и делать вид, что жизнь продолжается, что ничего не произошло?! Вадика убили! Я его знаю... знала всю свою жизнь, с рождения. И, кажется, я его всю свою жизнь любила, - закотив глаза, призналась девушка.

- Кажется, любила? Или ты не уверена, что любила всю жизнь? – на всякий случай уточнила Жанна Петровна.

- Это сейчас имеет значение? – насупилась Люська.

- Спокойной ночи, - пожелала ей соседка и попыталась выпихнуть на лестничную площадку. Люська нехотя поддалась, но застряла на пороге.

- Зря ты, Ангел, сболтнула лишнего, - шепнула Жанна подруге, которая проболталась о решении заняться расследованием убийства.

- Сама это поняла, чего уж теперь, - прошептала в ответ Ангелина.

- И ничего не зря, - задумчиво проговорила Люся, девушка с отличным слухом. - Вы просто обязаны включить меня в группу по расследованию! И сейчас я объясню, почему. Во-первых, я знаю, в каком вузе учился Вадик, а след преступления может тянуться именно оттуда – мало ли кому он перешел дорогу. Во-вторых, мне общаться с молодежью легче, чем вам - со мной сокурсники Вадика будут более откровенны, чем со взрослыми тетеньками. Согласны?

- Ладно. Пойдем на кухню, обсудим! – приказала Ангелина Михайловна, втянула Люську внутрь, закрыла дверь и возглавила процессию.

- Вадик учился в финансово-юридической академии, - заняв свое прежнее место, деловито сообщила Людмила.

- Ты точно это знаешь?

- Точно. Мой колледж находится неподалеку от его академии. Мы часто вместе ездили на общественном транспорте, но он делал вид, что со мной не знаком. Сейчас уже можно признаться – я поджидала Вадика на остановке. Он приходил, я делала вид, что его не вижу, потом мы садились в автобус, и... ехали каждый сам по себе. Мы выходили на нужной остановке. Он шел впереди, я следовала позади. В последнее время Вадик часто проходил мимо своей академии.

- А куда он шел? - спросила Белова.

- Я за ним не следила. И не потому, что считала это зазорным: времени было в обрез, у нас в колледже с дисциплиной строго, чуть что, сразу родителей вызывают. Я не боюсь воспитательного процесса со стороны Марго - не хочу, чтобы ее вызывали в колледж, и мои сокурсники узнали, что у меня нет никого, кроме старенькой прабабушки. – Люська повздыхала. - Когда я вчера узнала, что Вадик подрабатывает грузчиком, я решила, что он подрабатывает не в свободное от учебы время, как он сам утверждал, а прогуливает занятия, потому и проходит мимо академии. А потом пораскинула мозгами и поняла - дело не в подработке, грузы не

могу перевозит постоянно из одного и того же места, не могут доставлять в одно и то же место. Я правильно понимаю? Или у них есть офис, где грузчики собираются, получают заказ на работы и едут выполнять?

- Не таких подробностей не знаю, - ответила Ангелина. - Допустим, офис был, но Вадик работал в бригаде без официального оформления, от случая к случаю. При необходимости бригадир ему звонил, они согласовывали место и время. Так что едва ли Вадик прогуливал занятия в академии из-за работы в бригаде грузчиков. Тут что-то другое.

- Тут любовь, - обронила Жанна Петровна.

- Тайна, покрытая мраком, - поспешила вставить Людмила, не соглашаясь с предположением старшей подруги. И пояснила, - Вадик мог угодить в нехорошую историю.

- Люся! Ты, как всегда, бросаешься в крайности, - с укоризной заметила Белова. - Если Вадик шел мимо академии, это не значит, что он прогуливал занятия только для того, чтобы заниматься нехорошими делами. А ты не подумала о том, что он мог завернуть за угол, устроить себе перекур, а потом пойти на занятия. Не верю я, что Вадик запутался в темных делишках. Не верю и всё. За последний год Вадик сильно изменился, поумнел, он сам начал зарабатывать, сам платил за обучение. По крайней мере, его мать об этом говорила. И мне хочется ей верить.

- Ага, платил за обучение, так я и поверила, - хмыкнула Яварчук. - Небось, все заработанные деньги спускал на девиц.

- У него была девушка? – поинтересовалась Жанна Петровна.

- Была. Наверное, - предположила Люся. – Я точно не знаю.

- Полюбуйся на нее, Жанна, - возмутилась Белова, - сначала оговорит человека, а потом - точно не знаю. Эх, Люся, Люся.

- А все потому... потому, что я... считаю его живым. Не верю, что его... больше нет.

- Больше нет, - страдальческим голосом подтвердила Ангелина. - И я чувствую свою вину.

- Тоже мне, придумала! – высказалась Жанна.

- Да, вину. Зря я год назад затеяла историю с погрузочно-разгрузочными работами. Еще эта недобрая первоапрельская шутка с деньгами.

- Ангел, так ты считаешь, что причина смерти Вадима кроется в его работе в бригаде?

- Жанна! Я... не... знаю, - с паузами ответила подруга и повторила, - не знаю! Я не ясновидящая! Ясно вам?

- Ясно, - быстро согласилась Люся и усердно кивнула головой. – Насчет ясновидящей. Что если нам...

- Люся, даже не начинай!

- Я еще ничего не успела сказать!

- И дураку понятно, что за песнь ты хотела завести.

- Девочки, можно я скажу, - вкрадчиво произнесла Жанна Петровна. – Если Люся будет заниматься академией, Ангелина, как я понимаю, берет на себя бригадира грузчиков, с которым у нее сложились приятельские отношения, то я, с вашего позволения, вступлю в контакт с сотрудником госбезопасности.

- Это с кем же? – не поняла Люся, а Лина никак не отреагировала на предложение подруги, она переваривала собственную фразу о своей вине, которая вылетела птицей, и ее теперь не поймаешь.

- Как это с кем?! Ты же сама назвала Никифоровну - «КГБ», получается она внештатный сотрудник госбезопасности – все видит, все знает, за всеми наблюдает.

- А чего не заметила, что додумала, - монотонно проговорила опомнившаяся Белова.
- Жан, а что ты хочешь услышать от этой полоумной?
- Я надеюсь, что бабка видела преступника. Надо помочь ей вспомнить.
- Ей и помогать не надо! Если бы она его видела, то рассказала бы правоохранительным органам. А она им ничего не сказала, кроме того, что я... могла застрелить мальчика. У меня, якобы, был мотив, и вообще, я на него покушалась не первый раз, только первый раз, накануне, у меня ничего не вышло, а сегодня... Ладно, оставим.
- Не обращай на нее внимания, сама же назвала ее полоумной.
- Раз она полоумная, то стоит ли на нее время терять, - твердо проговорила Ангелина.
- Что-то мне подсказывает, что стоит, - загадочно произнесла Рябченко.
- Ты ее совсем не знаешь. Ничего о ней не знаешь!
- А ты, знаешь? Мне бы не помешала информация о ней, чтобы правильно выстроить разговор.
- Никифоровна за всеми следит через дверной глазок, но дверь кому попадая не открывает, - бойко доложила Люся.
- Как сама Никифоровна утверждает, что у нее есть дочь и зять. Но лично я никого из них не видела, - добавила Ангелина Михайловна.
- А я и старуху до сегодняшнего дня никогда не видела, несмотря на то, что ты, Ангел, живешь в этом доме много лет, и я регулярно прихожу к тебе гости.
- Я тоже не знаю всех твоих соседей.
- У меня обычные соседи, никто ни за кем в замочную скважину не подглядывает. О легендарной Никифоровне наслышана от тебя, но не думала, что дело зашло так далеко. Ну, подглядывает старушка за соседями от скуки, и пусть. Но чтобы оговаривать...
- Божий одуванчик сошел с ума, - констатировала диагноз Люська. – И никому от этого божьего одуванчика покоя нет. Не бабка, а зоркий глаз. Зоркий глаз - недруг жильцов подъезда.
- Не скажи, что от нее никому нет покоя. Старшего Голубицкого, качка нашего, она побаивается. Наверное, и к двери не подходит, когда слышит его гулкие шаги в подъезде и предупреждающее покашливание. А полоумной я ее в сердцах назвала,
- призналась Белова. – Старушка вполне себе в здравом уме, если не считать сегодняшних оговоров. Может быть, мозги переклинило. Или, действительно, подумала, что в подъезде верещит мой внук Павел, и решила поквитаться.
- О последствиях надо думать! – возмутилась Жанна. – Неужели и мы в ее возрасте такими будем?
- Всё возможно, возможно – еще хуже.
- Допускаю, что мы с ней раньше во дворе или в подъезде сталкивались, но наша легендарная встреча совсем в голове не отложилась, - призналась Рябченко. - Бабулька как бабулька, ничего особенного. А сегодня, когда увидела ее в квартире Пушкиных, невольно сравнила ее с комсомолками тридцатых годов прошлого столетия.
- Почему? - спросила Людмила Яварчук.
- У комсомолок тех далеких лет были подобные стрижки – короткое каре, только гребень лишний. Не хватает белой юбки и полосатой кофточки. У Никифоровны, конечно, лицо «помятое» и волосы седые, но комсомольской непримиримости с избытком.

- И взгляд живой, молодой, цепкий, - подсказала Ангелина. - Когда она шустрой походкой пересекает двор, что случается крайне редко – видимо, нужда выгоняет из дома, и попадет в поле моего зрения, то у меня в голове начинает звучать музыка из «Розовой пантеры», - улыбнулась она. – Есть в этой музыке что-то секретно-загадочное. И наша Никифоровна - секретно-загадочный агент, который даже летом, в жаркую пору, ходит в наглухо застегнутом стареньком плаще. И походка у нее сдержанно-стремительная, как будто хочет припустить рысью, но что-то не пускает, ведет себя напряженно, как секретный агент, следующий в условленное место, на встречу с куратором. Головой не вертит, только глазами водит туда-сюда, туда-сюда.

- Это точное описание, - хмыкнула Люся и обратилась к Рябченко, - Жанна Петровна, разговор с секретным агентом – пустая затея, ничего умного она вам не расскажет, а гадостей наговорит вагон и маленькую тележку.

- Как-нибудь выдержу...

Две молодые пенсионерки проспали почти до полудня, что с ними бывало крайне редко. И сразу договорились не поднимать вчерашнюю тему, не обсуждать и не советовать – пусть каждый из них действует по своему усмотрению. Задача поставлена, надо идти к цели доступными путями, каждый - своим.

Ангелина и Жанна долго тянули и смаковали кофе с корицей. Потом взялись за чай с булочками. При этом вели «светский» разговор – о погоде, о политике, опять возвращались в свое прошлое (как без этого?!), строили планы на лето. Жанна Петровна ела и нахваливала булочки с маком, которые накануне испекла ее подруга Ангелина Михайловна. Жанна обвиняла подругу в жадности, потому как та не выставила выпечку гостям за ночным чаепитием. Подруга соглашалась – да, зажала, собиралась сама все булки слопать, но вспомнила о фигуре и решила отомстить Жанне – пусть она ест и поправляется. На что Жанна заметила:

- В принципе, какая разница – пару килограммов больше, пару килограммов меньше – все равно не видно при таком значительном весе. Пусть некоторые худосочные особы берегут фигуру, которая изменяется не в лучшую сторону даже после тарелки борща.

- С салом, - подсказала Ангелина Михайловна, протягивая руку к блюду, на котором лежали аппетитные булочки. Подруга дерзко хлопнула ее по руке.

- Ангел, ты уже третью булку собираешься слопать!

- О себе любимой заботишься? Думаешь, не достанется? Не переживай, у меня еще печенье есть, вафли и пряники.

- Нужны мне покупные вафли с пряниками, когда здесь такая вкуснотища! Будто бы не знатный кулинар, а булки у тебя выходят великолепные, - высказалась Рябченко.

- Одной фразой и похвалила, и попеняла. Молодец. Не всем так удается. Что касается выпечки, то у меня не всегда выходит на отлично, всё зависит от настроения: хорошее настроение - и тесто хорошо поднимается, а плохое... С плохим настроением лучше с тестом вообще не затеваться.

- Значит, у тебя вчера было хорошее настроение? – с подтекстом спросила Жанна.

- Понимаю, куда ты клонишь, - хмыкнула Ангелина, - мы было в ссоре, а я несколько не переживала. Но это не так. Я переживала, нервничала, ходила из угла в угол, а потом решила: сейчас напеку любимых Жанкиных булок и приглашу ее на чай, заодно и помиримся. Напекла булок, позвонила, то, се, позвала на прогулку, а про булки и позабыла.

- А далее последовала череда неожиданных событий, - вставила подруга.

- Нет, ни череда, одно печальное событие, которое совершенно выбило меня из колеи. А череда... - Белова призадумалась. – Череда событий только начинается.

- Возможно, нас ждет масса открытий, - задумчиво протянула Рябченко, скорчила недовольную мину, исподлобья взглянула на подругу, после чего тяжело вздохнула, как будто знала что-то такое, чего той знать не нужно – известие касалось Анжелины и известие было сокрушительно-неприятным.

- Жан, ты предлагаешь... - Лина выдержала паузу, впившись взглядом в лицо подруги, выражающее массу загадочных эмоций, затем все-таки продолжила, - предлагаешь не ввязываться в расследование? Считаешь нашу затею опасной?

- Я не экстрасенс, я... обычный человек без сверхспособностей.

- Слово вылетело, его не поймаешь, - философски заметила Белова.

- Я трусиха по жизни, это ты у нас дама отважная.

- Отважная – значит, безрассудная? Я - ветер-ураган, ты - якорь.

- Я, вообще, не понимаю, зачем мы толчем воду в ступе! – возмутилась Жанна Петровна. – Решили – будем проводить собственное расследование убийства Вадима Пушкина, значит, будем проводить. Или ты ищешь повод забрать свои слова обратно?

- Мне нравится твой боевой настрой, - вскинув брови высказалась Анжелина Михайловна, - а забирать свои слова обратно я не привыкла.

Жанна Петровна хлопнула обеими ладонями по кухонному столу, придав незначительное ускорение посуде, и приказала:

- Расходимся! Будут новости, звони.

- Береги себя! - вдогонку крикнула ей подруга и уставилась на одинокую булку на блюде. – Эх, не пропадать же добру! – с этими словами схватила ее и откусила сразу половину...

Оказавшись в лифте Жанна тотчас пожалела о своей затее вступить в контакт с Никифоровной, с этой злобной старухой, подозрительной и мстительной. Если честно, то пожалела она о своей высказанной идее почти сразу, но отступить была не намерена. И не отступит! Только нужно хорошенько обмозговать, подготовиться...

Едва за подругой закрылась дверь, Анжелина Михайловна с полным ртом заняла пост у окна, чтобы проследить, как Жанна пересекает двор, предварительно преодолев опасный участок начала пути – первый этаж. При этом Анжелина успела мысленно поставить себе диагноз – паранойя или навязчивая фантазия. После того, как Жанна благополучно выкатилась из подъезда и исчезла из вида, Анжелина взялась за телефон, чтобы позвонить бригадире грузчиков, Григорию Юрьевичу Пышненко.

Григорий долго не отвечал, Лина устала слушать длинные гудки, сверлящие ей мозг, и уже хотела отключиться, как ее знакомый снизошел. Именно так она подумала, услышав его надменно-отстраненный голос.

Анжелина не знала, чем Пышненко занимался до того, как стал грузчиком, но ей казалось, что он занимал должность не ниже министра, потому и остались задатки высокопоставленной презрительности ко всему живому, без разбора. Но были и исключения - ежели Пышненко что-то требовалось от визави, как например в случае с поиском нового помощника. Во время телефонного разговора с Беловой он рассыпался «мелким бисером», заливался соловьем, стелился мягким ковром – одним словом, обожал тебя как никого не обожал в своей жизни, считал тебя Фигурой, себя - твоим рабом. Во все остальные случаи он снисходил в разговоре с тобой – ладно уж, поговорю, с меня не убудет, но и ты честь знай, не занимай мое

драгоценное время. Поэтому в разговоре с Пышненко, если Беловой что-то требовалось от него, она чувствовала себя попрошайкой – в худшем случае, в лучшем – его домработницей, которая обязана угождать работодателю. Ангелина не имела привычки угождать, любила делать приятное близким людям, знакомым. Поэтому сторонилась спесивого мужчины. Но надо признать, спесивый мужчина в последнее время, ни с того, ни с сего, стал изменять сам себе – при редких встречах с ней или в телефонном разговоре стелился-рассыпался. Ангелина чувствовала подвох, не верила его сладким речам ни на минуту, тайно злилась и с тревогой ждала развития событий. Старалась ему не звонить. Пышненко звонил сам, якобы по делу – не может дозвониться до Вадима. И просил кое-что ему передать. Ангелина Михайловна соглашалась – передам, не проблема. И нет бы прервать связь, а она бормотала: «Что-то еще?» Как будто напрашивалась на некое предложение. Не напрашивалась, пыталась разобраться в перипетиях отношений, которые, на первый взгляд, не претерпели никаких изменений. Спросит и с ужасом ждет ответа, словно ответ загонит ее в тупик. И чтобы выбраться из тупика, надо принять важное и ответственное решение, правильное, чтобы ей указали выход.

А что Пышненко? Пышненко выдерживал театральную паузу, многозначительно побряхтывал, затем деловито уточнял, передаст ли она Вадиму «важную правительственную» информацию. Она вызывающе хмыкала – какие могут быть сомнения относительно нее?!

Естественно, передала «важную правительственную», Вадик смотрел на нее так, как будто она приходит за день не в первый раз и повторяет одно и то же, по старческой глупости и потере памяти. Она делала простой вывод – Вадик в курсе «важного правительственного», в напоминании не нуждается. Соображения на сей счет: не она теряет память, а бригадир Пышненко. Мысленно высказывать иные соображения ей не хотелось, без всяких дополнительных объяснений самой себе.

Ангелина Михайловна, вообще, старалась не думать о Пышненко, о его загадочном поведении с недоговорками и «расстиланием ковром». Наверное, ему что-то от нее нужно. Что? Он сам не определился. Как определится, так она и узнает.

Для себя приняла решение – больше ему не звонит, ни о чем не просит! Чтобы не чувствовать себя попрошайкой или домработницей. Заискивание ее унижает, а не заискивать в разговоре с «министром», пусть и без портфеля, она почему-то не может.

Только ни сегодня. Сегодня она пренебрегла данной себе установкой...

Услышав знакомый министерский голос, Ангелина сразу успокоилась: все вернулось на круги своя. Не тут-то было – Пышненко запоздало сообразил, кто ему звонит, и «рассыпался мелким бисером» – сколько лет, сколько зим, как долго ждал, а она... могла бы..., а он чрезвычайно занятой человек..., но не хочет быть навязчивым... Пьфу на него! В голове Беловой моментально вырос огромный кактус и принялся колотиться своими колючками. Ангелина встряхнула головой, чтобы уложить колючки иначе, чтобы не кололись. И рывкнула:

- Григорий Юрьевич, остановись!
- Что с тобой, Ангелина Михайловна? – опешил мужчина.
- Со мной ничего, вот с Вадиком...
- Попал в передрагу, нужна моя помощь?
- Вадик... Вадика убили вчера.

Пышненко затаился. Вообще не издал ни звука, Ангелина подумала, что пропала связь, но не решилась задать обычный для таких случаев вопрос – ситуация не банальная, ситуация из ряда вон...

- Ну и дела, - наконец, протянул он после долгого молчания.
- Григорий Юрьевич, мне нужно кое-что у тебя выяснить.
- Выясняй. Если я могу чем-то помочь, то я готов.
- Это ни телефонный разговор.
- Где и когда? – осведомился мужчина, а Белова впервые за долгие годы почувствовала себя слабой женщиной, за которую есть кому решить проблемы разного рода.
- Но это не значит, что она готова переложить на мужчину всю ответственность! Она будет вести расследование убийства Пушкина самостоятельно, при непосредственном участии своих единомышленниц. Нет, она не феминистка. Ключевое слово – зависимость.
- Я девушка свободная, это ты человек занятой. Так что сам назначай место и время. Я подъеду.
- Как я понимаю, лучше не откладывать разговор в долгий ящик.
- Ты правильно понимаешь.
- Я тут неподалеку, - подумав, сообщил Григорий, - мы скоро заканчиваем. Могу к тебе подскочить. Или лучше на нейтральной территории?
- Лучше на нейтральной, - излишне поспешно дала ответ Белова.
- Где тебе будет удобно?
- На улице Капустина есть фонтан и скамейки, давай там.
- Заметано. Через полтора часа буду...

В то время, когда Белова только договаривалась с Григорием Пышненко о встрече, Людмила Яварчук, мысленно подводя итоги, уже выходила из финансово-юридической академии, в которой учился Вадим Пушкин.

Сокурсники были в курсе произошедшей накануне трагедии - видимо, следовательно опередил с известием, с Людмилой они разговаривали неохотно. Некоторые вообще молча ушли, другие отделались фразой - «ничего не знаю». Только одна неказистая девица, крупногабаритная, как трехстворчатый шкаф, дождалась, когда остальные парни и девушки улизнут от Люськи, подошла и деловито поинтересовалась:

- Что тебя конкретно интересует?

Люська по достоинству оценила и ее деловитость, и ее габариты - почувствовала себя малюсеньким муравейчиком рядом с ней, но данное обстоятельство Люсю несколько не смутило, и букли, как после химической завивки, на ее голове тоже оценила. О химической завивке Люся знала не понаслышке - раньше Марго всегда ходила в парикмахерскую и делала «химию», это в последнее время она порядком облысела, но как-то ей удавалось сооружать на голове пышную прическу. Марго, несмотря на возраст, по-прежнему следила за своей внешностью. И не уставала придирается к внешнему виду правнучки, именно по этой причине правнучка чувствовала себя закомплексованной девочкой-подростком, девушкой с заниженной самооценкой.

Незнакомка заметила пристально-оценивающий взгляд мелкой пигалицы на ее буклированные волосы и коротко пояснила:

- Свои. – Имея в виду, что волосы не подвергались укладке.

Люська кивнула – согласилась и мысленно прозвала незнакомку откормленной овечкой, миленько так - овечкой, а не овцой. И перешла к теме разговора, вспомнив, с каким вопросом к ней обратилась «откормленная овечка».

- Я хочу узнать, была ли у Вадика девушка, если была, то какие у них были отношения, не создался ли любовный треугольник?

- В результате чего неудачливый соперник устранил удачливого соперника? - тщательно выговаривая слова, высказала свою догадку кучерявая толстуха она же откормленная овечка. - Так, что ли?

- Как-то так.

- Знаешь...

- Людмила, - подсказала Яварчук и спросила, - а тебя как зовут?

- Марианна, - назвала себя сокурсница Вадика и зачем-то уточнила, - что, не похожа я на Марианну? - Люся непонимающе передернула хрупкими плечиками. - Не знаю, почему, но у всех имя Марианна ассоциируется с известной актрисой, Марианной Вертинской. А она... ни чета мне, разница колоссальная, что называется

- заметна невооруженным взглядом. Но что поделаешь - имя мне дали родители при рождении... Так вот. Знаешь, Людмила, я никому об этом не говорила, но сейчас мне очень хочется кому-то признаться - Вадик мне очень нравился. Будто бы ни первый парень на деревне, в том смысле, что ни красавец, и умом не блещет... не блистал, - поправилась она, - и цинизма в нем через край, но чем-то он цеплял девиц. Другое дело, что они к нему быстро охладели... А я все ждала, когда... когда Вадик обратит на меня внимание, когда до меня дойдет очередь. - понизив голос, произнесла тезка известной актрисы. - Даже пыталась похудеть, почти неделю ничего не ела, - с гордостью заключила она.

- Героический поступок.

- А ты не ерничай! - обозлилась Марианна.

- И не думала! Я тебя очень хорошо понимаю.

- Ты была толстушкой и тебе удалось похудеть? Ты тоже хотела привлечь внимание парня, который тебе очень нравился? - оценив придирчивым взглядом худосочную фигуру новой знакомой, протараторила Марианна.

- Я всегда была такой, - призналась Люська с глубокой печалью, словно объект ее страсти обожал девушек «в теле». Зачем-то втянула и без того впалые щеки и выпучила глаза. Губы при этом вытянулись в трубочку. Новая знакомая прыснула и тут же осеклась - ни ко времени веселье. Люська вернула себе прежний облик, понимаясь вздохнула и разоткровенничалась, - я ведь тоже, как и ты, была влюблена в Вадика, а он смотрел на меня, как... на насекомое, которое ни пользы, ни вреда не приносит, ползет себе и пусть ползет, летает себе, порхает - и на здоровье, мне-то что за дело. Представляешь, называл меня Тонкой-звонкой.

- А чему ты удивляешься? Ты фигуристая и голосок у тебя как звоночек.

- А я... как-то не подумала, - неуверенно пробормотала Тонкая-звонкая. - Решила - издевается. Оказывается, он мне комплимент отвечивал.

- Complimentами Вадик просто так не разбрасывался, если только преследовал какую-то свою выгоду. Он, вообще, показательно делал вид, что девушки его не интересуют.

- Как это? - обомлела от новости Яварчук. - Ты... ты на что намекаешь? Ты хочешь сказать, что его интересовали... м... мальчики?

- Вот еще - удумала! - коротко парировала Марианна. - Я к тому сказала про показательное равнодушие, что Вадик не хотел первым к девчонкам подкатывать, ждал от них встречного шага, а девчонки побаивались делать встречные шаги, потому что Вадим Пушкин был остер на язык. Это я про своих говорю, про студенток нашей академии, а как у него складывались отношения с противоположным полом вне стен альма-матер, я не знаю.

Мне кажется или на самом деле Марианна что-то недоговаривает? - подумала Людмила, стараясь справиться с недоверием.

- Что ты подразумеваешь под выражением «остер на язык»? – спросила она, понимая, что выглядит недоразвитым созданием. Пусть «откормленная овечка» думает о ней всё, что угодно. Даже лучше, что начнет считать ее недоразвитой – бдительность ослабит и сболтнет лишнего.

- Вадик мог так припечатать словом, что до конца жизни не забудешь.

- Он и тебя... припечатывал?

- Меня? – переспросила Марианна. Люська решила – специально, чтобы обдумать ответ. – Меня Вадик не трогал, потому что не замечал, - неискренне призналась толстуха. А Люська опять же подумала: как такую «гору» не заметишь?! - Не веришь? - хмыкнула Марианна. - Ну и не верь, мне-то что!

- Почему не верю, очень даже верю, - солгала Яварчук. – Получается, в академии Вадик ни с кем из девушек тесно не общался?

- Получается, так. Странное поведение – хотел поймать рыбку на крючок, а удочку в руки не брал. Не прикармливал, напротив, шумел и тархтел, чтобы рыбку отпугнуть.

Люська мало что поняла, но на всякий случай спросила:

- Рыбной ловлей увлекаешься?

- Ага, - призналась Марианна со счастливой улыбкой. – Мы с отцом каждые выходные выезжаем на озеро. Замечательное место! Природа обалденная, воздух необыкновенный, рыбалкааааа, - затянула она и показала большой палец – отличная рыбалка.

- Я тоже хочу! – вырвалось у Людмилы.

- Ничего нет проще – в следующий раз возьмем тебя с собой.

- Сначала хочу разобраться с делом Вадима Пушкина, - посерьезнела Яварчук, представив себя следователем следственного управления, расхотелось быть недоразвитым созданием.

- Понятно – развлечения потом.

- Правильно понимаешь. Что ты еще можешь рассказать о Вадиме? Все-таки несколько лет вместе проучились.

- Что еще? - вновь переспросила толстуха.

Люська мысленно возмутилась: что за манера «работать эхом»? Нечего сказать, так и ответь – нечего!

- Станный он был, - призналась без конкретики Марианна.

- В чем выражалась его странность, кроме того, о чем ты уже упомянула, про замкнутый круг?

- Мне показалось, что Вадик выступает в разных ролях в разных местах: в академии он один, дома – другой, в компании друзей – третий.

- Тебе-то откуда знать? Ты бывала у него дома, или вы развлекались в одной компании? Как я понимаю, ваше... ОБЩЕНИЕ, - подчеркнуто высказалась Людмила, - ограничивалось учебой в академии. Или я ошибаюсь?

- Знаю и всё. Откуда? Отвечать не стану. Поверь мне на слово.

- Этой информации можно доверять? - с важным видом спросила Люська Яварчук, плохо соображая, каким образом данная «информация» может повлиять на ход расследования. Но она должна была что-то спросить, вот и спросила.

Вопрос внезапно поставил Марианну в тупик.

- Возможно, просто туману напускал вокруг своей личности, чтобы никто не догадался, что он на самом деле из себя представляет, - с паузой обронила она.

- А что Вадик из себя представляет... представлял? - протянула Люська.

- Что, что, - проворчала новая знакомая, - обычная «инфузория туфелька», вот он кто на самом деле! А никакой не многоклеточный организм.

- Ты так о Вадиме говоришь? – удивленно вскинула брови Яварчук и с обидой заметила, - хочу тебе напомнить, что этот, как ты выразилась - одноклеточный, тебе очень нравился... Да и мне тоже, - после паузы призналась она. - Если парень нравится девушке, то она его идеализирует. Понимает, что он ни семи пядей во лбу, но все равно считает его лучшим из лучших.

- Не всегда. Она замечает его недостатки и принимает со всеми недостатками...

- Со всеми недостатками, которые, незаметно для себя, переводит в достоинства, - договорила за Марианну Людмила. - Могу предположить, что тебя, как и прочих других, привлекала загадочность Вадима, которую другие девушки приняли за боязнь новых отношений, они брали на себя смелость сделать вывод, что первые отношения, как первый блин, - «вышли комом». И этот факт тоже играл на руку Вадиму: девушки брали инициативу в свои руки – извини за тавтологию, чтобы его переубедить, что только «первый блин - комом».

- А если и второй, и третий? Мы же не знаем, к примеру, на скольких он обжегся, - на полном серьезе заинтересовалась Марианна.

- И второй, и третий, и двадцать пятый, - в такт покивала головой Людмила, которая невероятно себе нравилась: вон как ее несет, умная. – После нескольких неудач всегда приходит удача, как вознаграждение за терпение. И каждой девушке хотелось быть той самой удачей для Вадима Пушкина. Но это всего лишь мои мысли вслух, - на всякий случай «шаркнула ножкой» девушка.

- Но оба понимают, что это всего лишь игра, которая рано или поздно обоим надоест, - заметила Марианна.

- И пусть, - махнула рукой Люська Яварчук, - согласись, в этом есть какой-то кайф.

- Кайф он и есть кайф, без всяких дополнений «какой-то», - тоже поумничала новая знакомая. – Настоящие чувства на игре не строятся.

- По-всякому бывает, - со знанием дела высказалась Яварчук. - И опять же, вспомни фразу – чем меньше женщину мы любим... Видимо, эту фразу своего тезки хорошо усвоил Вадим, поэтому женщины добивались внимания... этого одноклеточного, - уколола она Марианну. Та никак не отреагировала, даже не раскаялась.

Люське хотелось крикнуть: «А ты-то сама – многоклеточная?! Тоже мне, выискалась нобелевская лауреатка!» Но Люся не любила спорить и ссориться, не привыкла лезть к незнакомым людям с вопросами. Однако сегодня у нее не было выбора. И она сдержанно заметила:

- Зря ты так... Все соседи, и я в том числе, никогда не считали Вадика тупицей. Пусть ни «великий ум человечества», но уж точно ни... одноклеточный.

- Возможно, я перегнула палку, - запоздало призналась Марианна. – Сама не знаю, что на меня нашло. Что уж теперь злиться на Вадима за полное невнимание ко мне. На себя надо злиться: женщина всегда должна работать над собой.

- Это точно, - повздыхала Люська, которой прабабушка не уставала твердить то же самое. – Марианна, не думай, что я трачу твое время из праздного любопытства – хочу покопаться в чужом грязном белье, я хочу понять - кому Вадик перешел дорогу. Почти уверена, что с ним расправился не обычный залетный грабитель: он пробрался в квартиру, неожиданно вернулся хозяин. Всё совсем не так, я в этом уверена. Тот человек намеренно пришел к Вадиму. Видимо, разговор вышел сложным, что-то пошло не так. Вадик решил выставить гостя из квартиры, гость упирался и настаивал... на чем-то...

- Откуда тебе это известно? Ты... там... присутствовала? – исподлобья глядя на нее, уточнила толстуха-откормленная овечка, неизвестно что вообразив. Возможно то, в момент убийства Люська сидела в шкафу или пряталась под кроватью, рискуя собственной жизнью.

- Нет, конечно, не присутствовала, - замотала головой Люська, ее конский хвост, по обычаю стянутый резинкой для волос, похлестал ее по щекам. – Это всего лишь мои предположения. Даже страшно представить, что со мной случилось, если бы я оказалась на месте преступления.

- Присоединилась бы к Вадику, - безразличным голосом вставила Марианна, как будто речь шла о походе в горы, куда ей дорога заказана по причине избыточного веса. Люся ошалело уставилась на нее, а толстуха поспешила уйти от неловкой ситуации. - Свидетелей не нашли? Вдруг кто-то из соседей видел подозрительную личность?

- Насколько мне известно, свидетелей нет. И что в твоём понимании значит «подозрительная личность?» Чаще всего, убийцы выглядят как обычные горожане, с петухом на голове не ходят и бейджика с надписью «отпетый уголовник» у них на груди нет.

- Я имела в виду незнакомца.

- А что вам рассказал следователь? Как я понимаю, он успел с вами пообщаться до меня.

- Будет он что-то нам рассказывать! Сообщил новость, задал несколько вопросов – был ли у Пушкина с кем-то серьезный конфликт, с кем он дружил, каким он был человеком. Что-то еще спрашивал. Обычные дежурные вопросы. Не узнав ничего конкретного, заслуживающего его внимания, он пошел в деканат... Ты извини, мне на лекцию пора, - подхватила Марианна.

- Это такой ужасный ужас, что у меня нет слов, - пробормотала Людмила, не обратив внимание на последнее высказывание Марианны.

- В голове не укладывается, что Вадика убили, - с печалью протянула толстуха Марианна и обратилась к Людмиле, которая моргала глазами с совершенно глупым видом – на самом деле боролась с влагой, затопившей эти самые глаза. - Люд, ты плачешь, что ли?

- Нет, не плачу, - слегка гнусаво запротестовала та, выразительно шмыгнув носом. Окончательно сникла и призналась, - хотя очень хочется поплакать.

- И мне... хочется.

- Ужас ужасный, - повторилась Люся, не найдя других определений для гибели Вадима Пушкина. Она поочередно прикладывала бумажный платочек к своим щекам - все-таки слезы «вышли из берегов» - и печально вздыхала.

- Получается, мы обе были влюблены в Вадима, - неуместно напомнила Марианна. У нее слез не было, но в гортани обосновалась огромная жабища, перекрывшая поступление кислорода. От нехватки кислорода слегка кружилась голова и перед глазами мельтешили мушки. Причем жабища не просто затаилась в гортани, доставляя неудобства, но еще издавала нечто подобное захлебывающему кваканью, оттого и высказывание у Марианны вышло булькающим.

Людмила Яварчук пыталась остановить поток слез, без успеха, но головой дернула – подтвердила, что обе были влюблены. Марианна посчитала, что надо еще что-то сказать – будто бы по теме и будто бы отвлеченное. Допустим, заговорить о Вадике как о живом человеке, что более-менее успокоит и Людмилу, и саму Марианну. Но как назло ничего умно-сдержанного в голову не приходило. Перед глазами стоял живой Вадик Пушкин, взирающий на мир со свойственным ему хитрым прищуром.

И мельтешащие мушки не мешали отчетливо рассмотреть и самого Вадима, и характерный только ему прищур. Марианна испуганно охнула – покойника увидела наяву, как живого. Вот он, рядом, только руку протяни.

В придачу к жабище, в гортани, в районе грудной клетки появился огромный валун. Не отдавая себе отчета, Марианна потрясла головой – видение исчезло, потом несильно пару раз стукнула себя кулаком по солнечному сплетению. И еще пару раз, без остановки. Валун сдвинулся, жабища скрылась. Дыхание восстановилось, в голове просветлело, мушки улетели.

- Тебе плохо? Могу чем-то помочь? - всхлипывая, поинтересовалась Люся тревожным голосом.

- Отпустило.

- Что? Сердце?

- Сама не знаю. Странное какое-то состояние.

- Может быть, в медпункт? У вас в академии есть медпункт?

Марианна сморщила нос – дала понять, что в никакой медпункт она не пойдет, еще чего не хватало. И опять заговорила о погибшем, теперь в другом тоне:

- Память у Вадика была отличная, на зависть таким зубрилам как я. Вот возьми меня - сию днями-ночами напролет, зубрю, трачу уйму времени, а он запоминал всё слету, послушал лекцию и может повторить почти слово в слово. Даже интонацию лектора сохранял. Не знаю, как другие, замечали ли, но мне казалось, что зачастую он повторяет текст как болванчик, ничего не понимая. Но раз профессора ставили ему в зачетку «отл» или «хор», то, наверное, не замечали бездумного пересказа их лекций. Скорее всего, для людей ненаблюдательных это выглядело совсем иначе - парень лихо соображает. Что на это можно сказать? Только одно – молодец, смог обвести вокруг пальца даже бывалых людей, профессоров с большим опытом работы со студентами... Ему бы в артисты пойти...

Марианна как-то мигом замолчала, замерла, взгляд стал каким-то отсутствующим, даже неживым, стеклянным, словно девушка заснула с открытыми глазами.

Людмиле хотелось продолжить разговор о Вадике - ничего достойного ее внимания она от его сокурсницы пока не узнала, - но не решилась ее потревожить. Без лишних пояснений было ясно, что Марианне хочется остаться со своим горем наедине. Люсе показалось, что девушка только сейчас до конца осознала, что смешливого, иногда циничного, сообразительного, иногда глупого, дерзкого, иногда ранимого Вадика Пушкина больше нет и никогда не будет.

Люська прихватила свой рюкзачок, собралась уйти, не попрощавшись, но потом передумала: мало ли чего кому хочется, сейчас надо найти ответ на вопрос – кто убил Вадика Пушкина? Пусть не сразу найти ответ на этот сложный вопрос, но хотя бы сделать в правильном направлении несколько осторожных шагов. Подобраться к людям, которым Вадик был как кость в горле. Ищи того, кому смерть Пушкина была выгодна, - вспомнилась Людмиле известная по детективным фильмам фраза, которую она применила для данной ситуации. И вспомнила рассуждения старших подруг о версии со случайным убийством или, как говорят специалисты, убийство в состоянии аффекта. Вадик, не желая отвечать на вопросы, вывел гостя из себя, тот решил припугнуть Вадика при помощи травматического оружия, а... получилось так как получилось. Допустим, убийца не профессионал, в чем Люська опять же согласна со старшими подругами, и в этом случае выйти на его след будет очень сложно: профессионала легче просчитать. Так ей кажется.

Но отступать она не намерена. И чуткость с пониманием проявлять не собирается, в другой раз как-нибудь.

Благополучно забросив рюкзак за спину, Люся с решительным видом обратилась к «застывшему изваянию»:

- Марианна, спасибо тебе, конечно, за информацию. Не скажу, что мне эта информация сильно помогла, но это лучше, чем ничего. Надо хорошенько обмозговать, авось из ничего выйдет кое-что.

Марианна продолжала сидеть столбом. Люська, которой слезы помогли на время справиться с душевной болью, запричитала:

- Мне показалось, что ты только сейчас осознала трагедию. А я пока нет. Вот головой понимаю – Вадика убили, что больше никогда его не увижу, не услышу его голоса, а... поверить не могу. Одно знаю точно - я должна для него сделать невозможное – вычислить преступника, который совершил это злодеяние. И не успокоюсь до тех пор, пока преступник не понесет заслуженное наказание.

- Согласна, убийца обязан ответить за свое деяние по всей строгости закона, - еле слышно произнесла Марианна, полуочнувшись. Ее взгляд был по-прежнему устремлен в одну точку. - Я могу чем-нибудь помочь? – безликим голосом спросила и тут же ответила вопросом на вопрос, - но чем я могу помочь? Что я знала, то уже рассказала.

- Я так не думаю, - тотчас отреагировала Люся. - Сейчас у тебя стресс, ты не можешь сосредоточиться, но пройдет несколько дней, и ты...

- Через несколько дней я забуду об этой трагедии, - не дослушав, иронично произнесла Марианна и вскинула на Люську свои глаза. - Или случится чудо - Вадик вернется живым и невредимым и скажет: «Сюрприз!»

Люся только сейчас заметила, какие у этой толстухи-откормленной овечки необыкновенные глаза. И с завистью подумала: вот это по-настоящему красивые глаза, не то что у меня. У Марианны были глаза «цвета слегка пасмурного неба на закате» – так определила цвет ее глаз Люся Яварчук и засомневалась: неужели подобное возможно? Возможно – поверь своим глазам, пусть и ни такого изумительного оттенка. Но тоже ничего, как уверяет Ангелина Михайловна.

У Люськи был свой взгляд на жизнь, на людей, свои нечетные определения и расплывчато-романтические характеристики. Например, как в случае с глазами Марианны. Но что самое обидное - характеристики рождались в ее голове не ко времени, мешая сосредоточиться.

Марианна проследила за неподдающейся объяснению мимикой ее лица и с тихим гневом спросила:

- Чего ты пытаешься от меня добиться?

- Мне важно знать, с кем Вадим общался, с кем встречался в последнее время.

- Я тебе всё...

- Нет, не всё, - не позволила ей договорить Люся и спросила в лоб, - ты видела Вадика с девушкой?

- Почему я должна была его с... кем-то видеть, - передернула крепкими плечами новая знакомая и неуверенно пробормотала, - я за ним по пятам не ходила. Марианна почти пришла в себя после осознания случившегося, и, как казалось Люське, была готова к откровенным признаниям, но до нее надо донести, что готова, окончательно разбудить, растолкать, взъерошить, дать понять, что от ее показаний многое зависит. Люська вошла в роль доброго следователя. И терпеливого.

- Я не утверждаю, что ты следовала за ним по пятам, - ласковым голосом запела она, - но мир, как известно, тесен: ты могла случайно где-то увидеть Вадика с девушкой, могла просле... – И тотчас осеклась, вспомнив про свое вступление.
- Что ж ты замолчала? Намекаешь на то, что я за ним следила? Заметила его с девицей, узнала всю ее подноготную - собрала на девицу компромат, чтобы вразумить Вадика – его избранница, выражаясь твоими словами, ужас ужасный.
- Ужасом ужасным я назвала трагедию, случившуюся с Пушкиным, и обобщать, согласись, грубо и некорректно.
- Ты права, - быстро согласилась Марианна. Заметив готовность Людмилы к дальнейшим расспросам, поспешно напомнила, - я за Вадимом не следила, ничего о его личной жизни не знаю.
- Людмила Яварчук пошла в атаку:
- Ты так отчаянно отнекиваешься, что твое поведение заставляет меня усомниться в твоих словах. Лично я ничего предосудительного в слежке за парнем, к которому я не ровно дышу, не вижу.
- Однако ты за Вадимом не следила.
- Я неправильно выразилась: постоянно следовать за ним как привязанная - это тихое помешательство, а я говорю о неожиданной встрече. Допустим, я иду по улице и вдруг вижу объект своего интереса в обществе девицы. Как я в этом случае поступлю? Пойду за ними. Честно-честно! И ничего предосудительного в этом не вижу.
- Еще скажи, что у нас свобода передвижения, - вставила Марианна.
- Естественно! – закатила глаза свободолюбивая личность с конским хвостом. Прищурилась и вкрадчиво произнесла, - милая моя, я по твоим прекрасным глазам вижу, что тебе что-то известно. Одно не пойму – зачем скрывать?
- Я на лекцию опаздываю.
- Уже опоздала, - без сожаления доложила Яварчук.
- Ну, видела я... кое-что, - нехотя призналась Марианна.
- В смысле – кое-что? Ты видела Вадика с девушкой или нет?
- Видела. С девушкой, - отчеканила Марианна и протараторила, - но это не значит, что у Вадика с ней были отношения.
- Можно подробнее, - попросила Люська.
- Однажды, - без особого желания начала свой рассказ Марианна, - я зашла... хотела заглянуть в зоомагазин - у аквариумных рыбок корм закончился. Открыла дверь магазина и застыла на пороге.
- Что ж ты увидела такого интригующего? Вадик ловил рыбку в аквариуме?
- Очень смешно. Вадика я, действительно, увидела, но рыбку он не ловил. Или ловил, но не ту, о которой говорила ты. Большую такую рыбку, приметную.
- Девицу кадрил?
- Девушку-продащицу.
- Что было дальше?
- Что дальше? Мне пришлось ретироваться, чтобы он не подумал, что я за ним слежу.
- Конечно, ты никуда не ушла, дождалась, когда Вадик выйдет из зоомагазина.
- Купила мороженое, села на скамейку и... Да, ждала. Ждала, когда Вадик уйдет. Мне срочно надо было купить корм моим аквариумным рыбкам!
- Кто бы сомневался, - вырвалось у Люськи.
- А ты не цепляйся к словам! – окрысилась Марианна и показательно отвернулась. Хорошо еще, не ушла.

- Я не цепляюсь, - поспешила оправдаться Яварчук, - я тебя отлично понимаю – тебе крайне необходим корм для аквариумных рыбок.

Люське страсть как хотелось спросить, есть ли у Марианны дома аквариум, в котором плавают оголодавшие без корма рыбки, но она сдержалась. И голосом, полным понимания, повторила уже сказанное:

- Занятия в академии закончились, все студенты разошлись по своим делам. Ты направилась в зоомагазин, где застала Вадима Пушкина, который зашел в магазин пофлиртовать с продавщицей. Так?

- В зоомагазин я часто захожу, там и аквариумных рыбок покупаю, и корм, - активно начала оправдываться Марианна, еще больше убедив Люську, что никаких рыбок у нее нет и в помине, а Вадика она там видела ни первый раз. Впрочем, Люська не собиралась докапываться до истины, и подбодрила рассказчицу поддерживающим покачиванием головы. - Я живу неподалеку. И всех девушек-продавиц знаю, их трое...

Точно – следила за Вадиком, - подумала Людмила. – Видела его в зоомагазине много раз, успела «навести мосты» с его подружкой. Зачем? Чего хотела от нее добиться? А если подружки Вадика уже нет в живых? – внезапно осознала величину трагедии девушка Люся, взглянув на Марианну другими глазами, в данном случае, глазами, полными безотчетного испуга. Еще повезло, что Марианна смотрела мимо, как будто изучала кого-то за спиной Людмилы.

Людмила попыталась успокоиться, взять себя в руки, но разнервничалась еще пуще, вбив себе в голову очередную идею – с Вадиком тоже расправилась Марианна. А что? Эта может. Вон у нее какие ручищи-кулачищи.

Что за ерунда лезет мне в голову! - мысленно возмутилась Люська. – С чего вдруг Марианне убивать Вадика?! И причем здесь ее ручищи-кулачищи, если Вадика убили выстрелом из травматического пистолета?! Почему у Марианны не может быть травматического пистолета? Мотив? Вадик ее в упор не видел, это ее задевало. Она устала ждать знаков внимания, пришла к нему домой, он резко высказался в ее адрес, она выхватила пистолет и выстрелила. Точка. Или вопросительный знак. Право выбора никто не отменял.

Люська очнулась от своих оригинальных мыслей благодаря ожесточенной тряске, которую ей устроила толстуха, уставшая ждать продолжения разговора. Люська почувствовала себя наездником на необъезженной лошадке, в связи с чем с трудом удержалась «в седле» - на ногах, и только лишь благодаря самой толстухе, поддерживавшей ее. У Люськи от тряски «на лошадке» заныла шея. Люська с усилием потерла ладонью «травмированную» шею, сморщившись от боли.

- С тобой всё в порядке? – участливо поинтересовалась толстуха, обладавшая немереной физической силой, в чем успела убедиться худосочная особа.

- Шейные позвонки кажется сместились и локоть, к которому ты... мягко прикоснулась, нещадно болит, - отшутилась Людмила.

- Прости, силы не рассчитала, - извинилась Марианна и запричитала, - очень больно? Снимай куртку, я посмотрю...

- Не надо! – испугалась Людмила, обхватив «пострадавший» локоть другой рукой и заботливо прижав локоть к себе. Отступила на шаг и набросилась на Марианну, – зачем ты меня так мутузила?

- Я не мутузила, я хотела привести тебя в чувство: у тебя был такооый вид! – округлила свои прекрасные очи Марианна.

- Какой?

- Как будто ты о чем-то вспомнила и сильно перепугалась. Можешь сказать, что именно вспомнила? Или это большой-большой секрет?

- Ничего я не... - запуталась в «показаниях» Яварчук, скривила набок рот - будто бы улыбнулась, правда улыбка вышла так себе, скорее не улыбка, а ухмылка и без того криворотого человека. Ее визави одарила ее понимающим взглядом: чего уж не понять – девушка с большим приветом и большим, надуманным, секретом. Люське надо было как-то объяснить свою мимику, она не нашла ничего лучше, как пошутить, - увидела привидение за твоей спиной, только и всего.

После такого «логичного» заявления щеки Яварчук стали свекольного цвета. Люська загорелась желанием высказать еще парочку «умных» мыслей, но решила промолчать, потому как молчание – золото, только не всегда удается его сохранить.

На заявление Людмилы о привидении Марианна отреагировала так же, как бы отреагировал другой нормальный человек - оглянулась. Никакого привидения за своей спиной она не рассчитывала увидеть, сработал автоматизм.

- Кажется, я забыла выключить утюг, - ляпнула Людмила, поразившись своей улетной сообразительности – нашла повод для погружения в себя, взамен привидения и сбивчивого «ничегонеобъяснения». Поправила лямки рюкзака на плечах, затем приложила ладони к пылающим щекам и покачала головой как мятником – выказала ужас, который может последовать после ее бытового кретинизма.

- Лучше всего вернуться домой и проверить. Или позвони своим домашним и узнай, в том случае, если дома кто-то есть, - посоветовала разумная Марианна, воззрившись на Людмилу с пылающим от испуга лицом.

- Так и сделаю. Спасибо, что подсказала, а то я такая рассеянная из-за гибели Вадима.

- Ну так возьми и позвони.

- Ничего плохого не случится, бабушка дома, она у меня ответственная, не то что я, - выкрутилась Яварчук, дав понять, что о включенном утюге можно уже не беспокоиться и вообще забыть.

- Теперь мне точно пора, - взглянув на дисплей смартфона – проверила который час, высказалась Марианна.

- Погоди! Ты мне ничего не рассказала о продавщице из зоомагазина? – опомнилась Яварчук.

Марианна одарила Люську обалдевшим взглядом, словно в середине жаркого лета та нацепила на голову шапку-ушанку, еще и уши опустила, и завязки завязала.

- Я что-то пропустила? - спросила ошалевшая Люся. - Ну, извини, сама понимаешь – утюг! Если не сложно, повтори, пожалуйста.

- С какого места?

- В зоомагазине «Белая акула» работает три продавщицы, - бойко доложила Люся с совершенно счастливым лицом, на котором выделялись глаза, полные неоправданного страха, – сочетание так себе.

Марианне не было дела до ее улыбки, до ее бешено-сверкающих глаз, как у охотника, который дал стрекача от стаи волков, успел добежать до высокого дерева, в три секунды вскарабкался на него и теперь наслаждается своим счастливым спасением – спасение так себе. Марианне хотелось поскорее отделаться от этой странной прилипчивой девушки, возомнившей себя великим сыщиком Эркюлем Пуаро, и бежать на лекцию. Поэтому излагала она информацию бойко и отстраненно:

- Две продавщицы постарше, им около тридцати, а третья та самая деваха, с которой беседовал Вадик, его ровесница, или чуть моложе. Зовут ее Василиса. Фамилии не знаю – ни к чему мне ее фамилия.

- Действительно, ни к чему, - поддержала ее Люська и поторопила, - удалось что-то выяснить у Василисы?

- Кое-что, - уклончиво ответила Марианна, сообразив, что на первую пару она уже не попадает, а до второй пары время еще есть, поэтому можно «потянуть резину», поинтриговать, заодно отомстить этой молоденькой пигалице, витающей в облаках. Утюг – как же! Небось, заметила за моей спиной Ваську Крайнова, первого красавца курса, все девчонки по нему с ума сходят, а он, кроме своего большого тенниса, ничем и никем не интересуется. Такой экземпляр пропадает! - Марианна проводила взглядом Василия Крайнова, исчезнувшего за дверями буфета. Люся никак не отреагировала на интерес Марианны, ей не было никакого дела до первого красавца курса.

- Марианна! – притопнула она ногой от нетерпения и забросала вопросами, - что ты выяснила у Василисы? Информация касается непосредственно Вадима Пушкина? Или другого парня, с которым у Василисы был роман?

- Расскажу по порядку. Я перебирала пакетики с кормом для аквариумных рыбок – будто бы не могла решить, какой корм мне выбрать, и печально вздыхала и время от времени смотрела вдаль – давала понять, что к моему выбору моя печаль не имеет никакого отношения. Даже слезу пустила, чем привлекла внимание продавщицы. Не думаю, что она хотела мне посочувствовать – просто заскучала девушка, решила развлечься. Тут и случай представился – чужая личная жизнь, бразильский сериал, нутром поняла, что у меня серьезная проблема на личном фронте.

Конечно, той стало любопытно, какой идиот клюнул на эти сто с лишним килограммов, - подумала Люська. А вслух констатировала, чтобы сразу перейти к «кульминации бразильского сериала»:

- Ты сказала, что рассталась с парнем.

- Парень меня бросил, - продолжила гнуть свою линию с «резиной» Марианна. - Уже во всю шла подготовка к свадьбе, а он вдруг встретил свою первую любовь, чувства к ней проснулись и удвоились, а я осталась с носом. И как мне всё это пережить – большой вопрос.

- Фотку не просила показать?

- Какую фотку, - не сообразила Марианна.

- Парня, который ушел к другой накануне свадьбы?

- Фотку? Нет, не просила. Не до фоток ей было. Она внимательно меня выслушала и отреагировала на мое заключение - все мужики козлы и предатели – банальной фразой: не надо обобщать, на свете немало нормальных парней, хотя, и козлы, и предатели имеют место быть. И не удержалась от рассказа о личном. Недавно она познакомилась с одним представителем «нормальных». Вышло это так. Они с подругой сидели в парке на скамейке, он к ним подсел. Девушки напряглись, стали на него коситься – сейчас затянет известную бодягу: что делаете сегодня вечером, давайте познакомимся. Ан нет. Сидит себе и молчит, только постоянно на наручные часы поглядывает. Девушки тоже его часами заинтересовались – решили, хвастает, цену себе набивает: какие у меня распрекрасные-дорогущие часы, и я весь такой богатенький Буратинка. Ничего особенного, часы как часы, не лучше, чем у других, и не хуже. Значит, дело ни в часах - не в хвастовстве, у парня назначено свидание, а его девушка безбожно опаздывает. Василиса с подругой не сдвинулись с места, решили ждать развития событий. Он молча сидит, то на часы посмотрит,

но шарит глазами по аллее, на которой, значит, должна появиться та самая единственная и неповторимая, из-за которой он, как они догадались, весь извелся. И не просто извелся, а никого вокруг не замечает. Даже таких привлекательных девушек, как Василиса и ее подруга.

- От скромности девушки точно не умрут, - вставила Яварчук. - Или она и впрямь красоты необыкновенной?

- По мне так все фигуристые девушки уже красоты необыкновенной.

- Как дальше развивались события? Пришла девушка на свидание к Вадиму? Как я догадалась, парень, о котором шла речь, был Вадимом Пушкиным?

- Естественно! Оказывается, у Вадика была назначена деловая встреча, с женщиной. Хм.

- Ага, деловая встреча, в парке на скамейке, - в поддержку хмыкнула Люська.

- Дураку ясно, что Вадик попросту кадрил девчонок. Это было только начало марлезонского балета. Слушай дальше. Потом он озадаченно поинтересовался у девиц, который час, решил, что его часы показывают неправильное время.

- Смартфона, чтобы время уточнить, у него с собой не было.

- Девчонки как-то не подумали о смартфоне. Сообщили ему точное московское, и тот любезно пояснил, что зря потратил свое драгоценное время – человек не пришел и не удосужился сообщить, что у него неожиданно образовались другие дела. Вид у него был чрезвычайно озабоченный, можно подумать, от этой несостоявшейся встречи зависит судьба человечества. На прощание вручил девушкам свою визитную карточку и был таков.

- В...визитную карточку? – переспросила Люська, от возбуждения слегка заикаясь. И с расстановкой спросила, – и что же в той визитке было написано такого занимательного? Студент финансово-юридической академии? В свободное от учебы время подрабатываю грузчиком?

- Ага, студент и грузчик в одном флаконе – как бы не так. В визитке значилось, что Вадим Александрович Пушкин является коммерческим директором НПП «Витязь». Это вам не хухры-мухры.

- Высоко взлетел наш студент. Неужели я чего-то не знаю?

- Всё ты знаешь или почти всё, - успокоила ее Марианна и хмуро добавила, - кроме личности убийцы. Чтоб ему сидеть на нарах до конца своих дней.

- Согласна, - кивнула Люся.

- А что касается визитных карточек, то ничего в этом ультра-сложного нет - взял и нашлепал на принтере липовых визиток. Без проблем.

- Зачем нашлепал? Чтобы девчонок кадрить?

- А то для чего же! Всунул он в руки девицы свою визиточку и отвалил. А девице интересно узнать, что он за орел такой, парящий в облаках. Как узнать? Надо позвонить, тем более номер телефона указан, и поближе познакомиться. Она взяла и позвонила этому самому орлу, коммерческому директору.

- А «коммерческий» директор обрадовался звонку, - в тон Марианне продолжила Людмила, - завязались отношения по инициативе девушки, клюнувшей на высокую должность молодого да раннего. И давно состоялось сие знакомство? Василиса тебе не забыла рассказать?

- Совсем недавно, может быть, недели две-три.

- Если недавно, то Вадик мог перейти кому-то дорогу, я имею в виду прежнего парня Василисы. Я правильно рассуждаю?

- Вполне, - кивнула Марианна.

- А где находится зоомагазин «Белая акула»?

- На улице Мечникова. Точный адрес я не помню, но здесь недалеко. Выходишь из здания, сразу поворачиваешь направо, вот тебе и улица Мечникова. Пройдешь два квартала, и там увидишь вывеску. Возможно, Василиса сегодня не работает, но проверить стоит. Если тебе понадобится моя помощь, то я всегда пожалуйста. Запиши номер моего мобильного.

Люська записала и приписала – Марианна. Других Марианн в ее списке контактов не было. Затем позвонила по этому номеру, чтобы проверить – не соврала ли? Не соврала, мобильный телефон в руках Марианны отозвался замысловатой мелодией, что-то классическое. Люська удивилась такому выбору мелодии и подумала, какая музыка подошла бы Марианне. В голове засела ее фраза про «нары», наложилось беспочвенные подозрения в ее адрес, поэтому в голове зазвучал «Владимирский централ», который быстро сменился песенкой группы «Любэ» - «Ты агрегат, Дуся, ты, Дуся, агрегат...» С творчеством группы «Любэ» Люська была знакома благодаря соседке Ангелине Михайловне, которая, как ей казалось, знала все их песни наизусть. И не только их.

- Твой номер «высветился», - доложила Марианна. На этом они расстались.

Покинув здание академии, Людмила Яварчук запоздало вспомнила, что забыла спросить фамилию новой знакомой, для порядка: Белова спросит, как ее зовут, а она в ответ – Марианна, без фамилии. Ну, кто так ведет расследование убийства?!

Люся не забыла спросить фамилию, она сделала это намеренно: потому что в ответ надо было тоже представиться по всей форме. Свою фамилию Люська терпеть не могла – Яварчук! Что за фамилия?! Не фамилия, а насмешка! Как ее только не дразнили в детском саду и в школе: и Ворчунья, и Варово, и, почему-то, Бабой Ягой, и Чукчей. Она терпела и делала вид, что прозвище не имеет к ней никакого отношения. Так реагировать научила ее Белова. И была права: выдумщикам вскоре надоедало сотрясать воздух.

То ли дело фамилия прабабки – Фредушинская. Люся тоже хотела быть Фредушинской. Когда подошло время получать паспорт гражданина Российской Федерации, Людмила объявила Марго, что хочет сменить фамилию Яварчук на фамилию Фредушинская, но Марго отреагировала резко: «Была Яварчук и Яварчук останешься. По крайней мере до своего бракосочетания». – «Ну, почему я не могу взять твою фамилию?» - заканючила Люся. – «Я не желаю! И покончим с этим!»

Люся тогда мысленно рассудила: если прабабку не устраивает фамилия ее мужа, о котором она говорить не любит – Люся вообще о нем ничего не знает, то почему бы не поменять фамилию Фредушинская на какую-нибудь Задунайскую или проще – Сидорову? Однако, остается Фредушинской. Не подозрительно ли это?..

Так Люся и осталась Яварчук. По крайней мере, до своего бракосочетания...

Людмила Яварчук последовала указаниям Марианны, и вскоре стояла перед нужной дверью, над которой имелась вывеска, где крупными печатными буквами было написано «Зоомагазин», далее замысловатыми вензелями выведено «Белая акула». Естественно, было что-то нарисовано, отдаленно похожее на полудельфина-полуакулу, потому как дельфин был злобный и явно кусачий, судя по зубам. Видимо, у художника было зашкаливающее воображение.

Попялившись на вывеску, привычно скривив рот в ухмылке, Люська решительно переступила порог зоомагазина «Белая акула», безуспешно пытаясь избавиться от пришедшей на ум прилипчивой песенки, которую слышала от матери Вадима: «Акулина, ты мой свет, скажи, любишь или нет», странно связав девушку из песни по имени Акулина и акулу, грозного морского хошника...

Оказавшись в зоомагазине Людмила Яварчук натолкнулась взглядом на продавщицу за прилавком, которая не могла быть знакомой Вадика, Василисой: этой молодой женщине было в районе тридцати - стара она для Вадика, тем более, совсем несимпатичная, похожа на усталую мать, обремененную кучей детишек.

В помещении находилась еще одна продавщица, но тоже не Василиса, тоже «старушка» - так для себя решила Люська, девица девятнадцати лет отроду. Другая девушка копошилась среди полок и не обратила внимания на потенциальную покупательницу. Та, что стояла за прилавком, напротив, подобралась и навесила на губы дежурную улыбку.

- Добрый день! - окончательно расцвела она, как будто разглядела в молодой незнакомке родного человека, которого искала всю свою долгую тридцатилетнюю жизнь.

Яварчук робко поздоровалась в ответ – растерялась от такой радостной приветливости. Приветливость была обнадеживающей, поэтому Люська не стала юлить и прямо заявила, что ее привело в зоомагазин, совершенно не рассчитывая разочаровать продавщицу до такой степени, что та мгновенно превратится из доброй феи в бабу Ягу.

- Кто вам нужен? – на всякий случай переспросила еще ни Яга, но уже ни Фея, но процесс превращения уже пошел, при этом наострила уши, чтобы не пропустить некое кодовое слово, которое оставит ее в образе Феи.

- Мне нужна Василиса, - с прежней робостью призналась Яварчук.

Яга-фея вскинула подбородок и выставила голову таким образом, как это делают в процессе фотографирования собственного неповторимого лика, селфи называется. Чтобы потом тут же впихнуть свой неповторимый лик в «сеть» - пусть все умрут от зависти! Люська даже попыталась разглядеть в ее руках смартфон, но не увидела. Руки девицы находились на прежнем месте, пальцы касались прилавка подобно пальцам пианиста, касающиеся клавиш фортепьяно.

На негнущихся ногах Людмила подобралась к прилавку и заискивающе повторила, отчего сильно разозлилась на себя:

- Мне нужна Василиса.

Если бы продавщица что-то сказала в ответ или задала наводящий вопрос, Люська бы справилась, пусть и с трудом, со своей безудержной злостью, но девица вела себя заносчиво, никак не реагировала, словно в магазине никого нет. Совсем, ни души. Люська психанула, стукнула по прилавку маленьким кулачком и грозно повторила с паузами:

- Мне... нужна... Василиса! Где... я... могу... ее... найти?

- Зачем она тебе? – без интереса высказалась продавщица, принявшись разглядывать свои ногти.

- У меня есть для нее неприятное известие, - проямлила Яварчук, сбавив обороты.

- К нам едет ревизор? – показала свою литературную осведомленность продавщица, скривив рот.

- Хорошая шутка. Но мне не до смеха.

- Василиса здесь больше не работает, - снизошла девица.

- И давно не работает? – насупившись, потребовала ответа Люся.

- Со вчерашнего дня! – отрубилa продавщица, окончательно превратившись в бабу Ягу.

- О как! – вскинула брови Яварчук и пробормотала, - подозрительное совпадение. – Опомнилась и спросила, - а как бы мне с ней пообщаться? Дело безотлагательное и важное.

Безмолвное молчание.

- Девушка, я к вам обращаюсь!

- Если вы пришли что-то покупать, то покупайте, а не занимайте чужое драгоценное время.

- Футы-нуты, какие мы важные и занятые! Однако, я не вижу очереди из покупателей. Или я слаба глазами стала? А грубить, милая девушка, я бы вам не советовала. Я с вами по-хорошему, и вы уж, будьте любезны... А то я сейчас здесь такооое устрою, что вам мало не покажется. Одним ударом кулака по прилавку точно не ограничусь. И вообще, дайте мне книгу жалоб и предложений! Я хочу написать жалобу на отвратительное обслуживание. И чего вы застыли? Или она, та самая книга, у вас ДСП – для служебного пользования?

Про ДСП Люська слышала от той же Беловой, проработавшей всю свою сознательную жизнь в «ящике». Естественно, никаких государственных секретов Белова не раскрывала, но любила вставлять про ДСП, когда визави «зависал» и не выполнял требуемое.

- Вас никто не обслуживал, - сбавила обороты Яга-продавщица, но пригрозила, - а если вы будете буянить, я вызову наряд полиции.

- Вызывайте! – согласилась Люська и осмотрелась в поисках, куда бы присесть в ожидании наряда полиции, в тайне надеясь, что наряд не приедет.

Тут из недр магазинчика вынырнула другая продавщица, в руках она держала пустую клетку, в которой когда-то находилась в заточении птичка неизвестной породы. Молодая женщина встревоженно посмотрела на скандалистку, потом перевела взгляд на свою коллегу и обратилась к ней со словами:

- Вика, если у тебя сегодня плохое настроение, то это не повод трепать нервы другим людям.

- Ни я первая начала, - парировала ей Вика.

- Я все слышала. Девушка, вам нужна Василиса? – Люська кивнула. – Василиса, действительно, не работает здесь со вчерашнего дня, но я могу дать вам номер ее телефона.

- Буду вам очень благодарна...

В указанное время Ангелина Михайловна сидела на скамейке возле неработающего фонтана и поджидала опаздывающего на встречу Григория Юрьевича Пышненко.

Женщина нежилась под лучами ласкового апрельского солнца и вспоминала строки стихотворения Владимира Маяковского: «Город зимнее снял. Снега распустили слюнки. Опять пришла весна, глупа и болтлива, как юнкер».

Повторив несколько раз, затем переиначила творение революционного поэта, придумав новое сравнение для юнкера - опять пришла весна, глупа и ревнива, как юнкер. Почему, собственно, ревнива? Разве весна может быть ревнивой? Можно выстроить цепочку: весна – любовь – ревность.

Какая песня без баяна, - мысленно пропела Лина, и продолжила в своем сочинении, - какая весна без любви. Пусть не очень складно, но жизненно.

Ее бывший муж не уставал повторять, что любит, но не ревнует, потому что доверяет. Ангелина гордилась собой - она такая верная жена, аж самой противно. Но противность пришла позже, тогда она гордилась собой - ей доверяют, млела от признаний мужа, который твердил о своей любви без напоминаний – не то, что некоторые, из которых надо признание вытягивать клещами, постоянными вопросами-заискиваниями – ты меня любишь? Увы, эта гордость и это мление-

томление длились недолго. Спустя некоторое время, она поняла одно – муж твердит о своей любви после измен. Изменил жене и напомнил ей, на всякий случай – вдруг кто-то донесет, вдруг она узнает, и как бы заранее просил не обращать внимания на сплетни, не верить ни единому слову завистников – «злые языки». Он ее любил, любит и будет любить веки вечные. Даже если легкий флирт, раздутый злыми языками, имел место быть, то это ничего не значит, просто поддержка спортивной формы.

«Злые языки» доносили новости – пытались достучаться, но Ангелина забаррикадировалась и никому не открывала – новости как бы просачивались и как бы нет. Хочешь услышать – услышишь, а не хочешь...

Захотела. И услышала. И указала мужу-изменщику на дверь.

На что рассчитывала? Начнет уверять – все ложь! Или будет валяться в ногах и вымаливать прощение, заодно сыпать обещаниями – больше никогда! Ты и только ты, больше никто не нужен. И не был нужен, бес попутал, она сама, в смысле любовница, а он...

И так противно, и эдак, без разницы. Так – изменщик, эдак – трус и лгун. Мед редьки не слаще. Гадко, обидно. На душе льдина, не тающая.

И за себя стыдно: она – женщина без гордости. Чего греха таить – догадывалась о его похождениях, не слепая, не глухая и не глупая, но делала вид – все хорошо, плохого быть не может. «Злые языки». И что теперь? Теперь любовь должна вылететь из сердца, как снаряд из пушки. Бах-бух и нет ее.

Если бы всё было так просто.

Многие годы Ангелина мучилась и ждала. Рисовала себе разные картинки, репетировала слова. Всё зря. Он пришел всего один раз, и не для того, чтобы покаяться, как она думала и как потом рассказывала близкой подруге – даже ей не могла сказать горькую правду: он забыл свою вещь, курительную трубку, которую, кстати сказать, подарила ему она – привезла из той самой поездки на курорт, когда не состоялся любовный роман. Сама не знала, зачем привезла курительную трубку некурящему мужчине. Но ей трубка понравилась. Она представляла мужа с трубкой в отставленной руке – это так романтично и изыскано. Как на портрете... Ангелина запомнила, кого именно. Ей казалось, что на портрете был изображен известный писатель детективного жанра. По крайней мере, ей так хотелось, чтобы это был писатель, очень известный, но с умно-загадочным лицом ее мужа. Загадочным, черт его дер.

Итак, он явился за курительной трубкой и между делом спросил: «Как ты?»

Она хотела признаться: «Плохо! Мне очень плохо без тебя!»

Она хотела заявить, гордо подняв голову: «У меня всё прекрасно!»

Не глядя в его сторону, она тихо произнесла: «Нормально».

Ей не хотелось, что он ее пожалел, чтобы начал что-то объяснять. Поэтому она поступила совершенно глупо: закрылась в ванной и просидела там до тех пор, пока он не ушел. Но прежде чем уйти, он подошел к двери ванной, притаился, наверное, хотел понять, рыдает она или нет, но в ванной стояла полная тишина, и вода не лилась, для конспирации чувств, что его, видимо, разозлило, он выразил недовольство в голосе, заявив: «Я ушел».

Лина представила, как он вывернул нижнюю губу, как сморщил нос. Затаилась, задержала дыхание, чтобы не пропустить его уход. Когда дверь щелкнула, не хлопнула, она еще какое-то время прислушивалась – вдруг обманул, вдруг еще не ушел, вдруг ждет, чтобы понять – плачет она или нет, страдает или притворяется. Все же выдохнула и сразу же глубоко вдохнула живительный влажный воздух

ванной. Хотела выглянуть наружу и проверить – ушел ли? Но сил не было - напряженное ожидание, неоправдавшаяся надежда забрали последние силы. Но она нашла в себе силы дотянуться до крана, повернуть его на полную мощь. Вода хлынула. Лина хотела дать волю сдерживаемым чувствам, но вдруг... перехотела. Некоторое время полюбовалась крановым водопадом, затем покинула место своего заточения, закрыла входную дверь на замок, опомнилась, прошлась по квартире с проверкой, вернулась, еще раз поорудовала с замками, прижалась спиной к двери и пробубнила без всяких эмоций: «Ты давно ушел из моей жизни и жизни дочери».

Думала, что с последним погорячилась, но, увы, попала в точку: бывший муж уехал из города и забыл о ребенке. Правда, алименты она получала исправно, в этом его нельзя было упрекнуть...

Что это я? – мысленно возмутилась Белова. – Старею, наверное, то и дело возвращаюсь в прошлое. Так бывает, когда в настоящем все худо, все плохо. А кто сказал, что худо-плохо? До вчерашнего дня все было нормально. И не надо постоянно возвращаться в прошлое, рано подводить итоги. Было и забыли...

Как ни пыталась Ангелина сосредоточиться на предстоящем разговоре с Пышненко, как не заставляла себя любоваться пробуждающей природой, мысли снова и снова возвращались в прошлое, теперь уже недалекое.

Дочь пригласила отца на свою свадьбу, каким-то чудом нашла его адрес, он не приехал, но прислал поздравительную телеграмму. Значит, жив. Это успокоило бывшую супругу, и еще успокоил тот факт, что он не принял приглашение: видеть его ей не хотелось, как не хотелось будить в себе дремавшие переживания. А чувства? Были и забыли, улетучились безвозвратно?

Ответа у Ангелина не было, потому как не появилась рядом кандидатура, которая способна вызвать большое светлое чувство, взамен того, прежнего, безмерного. Заслонить собой, заставить забыть, простить. Или она давно простила мужа? Скорее да, чем нет. Нельзя жить с обидой в душе, себе дороже...

- Где же этот Пышненко? – вслух возмутилась она, но сдержанно, чтобы не шокировать окружающих.

В этот погожий весенний денек к неработающему фонтану народ слетелся подобно пчелам на клумбу цветущих роз. На площади вокруг фонтана на самокатах каталась ребятня, подростки вальяжно пересекали на роликовых коньках, группки молодежи облепили парапет вокруг пустого фонтанного корыта и громко хохотали. Сидевшие на скамейках старики и старухи, в число коих, что естественно, не входила молодая пенсионерка Белова, возмущались и покрикивали на молодежь, позабыв, какими они были в их возрасте.

Белову молодежь не раздражала, чему она была рада – значит, не дошла до границы бурчащей старости, когда раздражает всё и вся.

Ангелина покрутила головой в поисках бригадира грузчиков, который опаздывал на встречу уже на пятнадцать минут.

Ничего, подожду, - успокоила она себя и решила не звонить и не тревожить занятого человека.

Опять вернулась к весне с ее неповторимыми дурманящими ароматами. И к любви. ... Ревнива, как юнкер...

Был у нее один «юнкер». Был – громко сказано, у них были платонические, дружеские отношения, ни о чем другом она не думала, а он... Он был бешено влюблен, как сам утверждал.

Это было еще в пору ее замужества. Молодой человек устроился на работу в их отдел и сразу воспылал к ней любовью. Он был моложе Ангелины, не критично,

всего лишь на пару-тройку лет, но ей тогда казалось, что между ними пропасть – она замужняя женщина с ребенком, он свободен, без всяких обязательств. Как-то так вышло, что они вместе ходили обедать в столовую, после обеда прогуливались в парке, о них начали судачить все кому ни лень. Лина не беспокоилась, что чужие пересуды рано или поздно достигнут ушей супруга. Он ей доверяет, он ее любит. Она без ума от мужа.

Чего уж греха таить – они пару раз целовались с «юнкером». Лина сравнивала их отношения с набегающей на берег морской волной: ее интерес к нему то уходил, то отступал. Она от него уставала, его чувства ее пугали. Но ей льстило, что ее любит молодой парень, который хорош собой, умен. Когда интерес уходил, она его избегала, а когда остро чувствовалось одиночество, снова приближала его к себе. Опять совместные обеды, прогулки в парке, иногда провожания до дома под покровом темноты. Наверное, муж знал о ее дружбе, но вопросов не задавал – ниже его достоинства. И пять же... доверие и все прочее.

Однажды поклонник проговорился о своей главной мечте всей своей жизни – чтобы они были вместе. Всегда-всегда. Лина тотчас парировала: «Я от мужа никогда не уйду!»

Никогда не говори никогда. Это она поняла позже и запомнила на всю жизнь.

А тогда ее поклонник уверенно ответил: «Я буду ждать. Сколько потребуется, столько и буду». – «Только зря потеряешь время». – «Но он же не вечен», – удивленно протянул тогда молодой человек, и эта фраза врезалась ей в память. Однако спустя пару месяцев, Ангелина почувствовала напряжение в их отношениях. Кто она ему, чтобы допытываться, чтобы докапываться до истины. Оказалось, она ему никто, и любовь, которой он ее измучил, была увлечением. Так она сама решила, он почти ничего не объяснял.

У него тоже было «волнением на море», как и у нее: волна то накатит на берег, то отхлынет. Но у него с той разницей, что волна накатила на берег и застыла, потом «одумалась» и отошла навсегда. На море установился полный штиль, без намека на волнение.

Ангелина почувствовала себя обманутой. А чего ей, собственно, хотелось? Чтобы он мучился сам, мучил ее, чтобы жизнь проходила мимо него? Он должен завести семью, родить детей. Она счастлива в браке, и он достоин счастья.

Так и вышло: он скоротечно женился на молоденькой девчонке. Как выразилась подруга Жанна: «Она страшная, как моя жизнь!»

Страшной супруга бывшего поклонника не была, она была невзрачной, неумной, плохо образованной и совершенно не подходила благородному мужу.

Белова ревновала? Белова не понимала. Конечно, если он решил разом разорвать отношения, дружеские, и забыть о ее существовании, то его поведение понятно, тем более, после женитьбы он написал заявление об увольнении, отработал положенное время и был таков.

Но разве можно одним щелчком избавиться от любви, которая, как ей казалось, заполнила свободного в то время молодого человека всего, до краев? Это не вода, заполнившая ванную – выдернул пробку, и вода с шумом утекла в канализацию. Это Чувство. Как бы настоящее. Неужели ему не хочется встретиться с ней? Просто встретиться и поговорить, не касаясь острых тем, не касаясь прошлого?

Однажды он ей позвонил, чтобы поздравить с днем рождения. Она обрадовалась, они немного поболтали, о том, о сем, обходя ту самую острую тему прежних отношений, тему его жизни, хотя, она всё о нем знала – он по-прежнему женат на

той самой неумной и невзрачной, в браке родился сын, потом дочь. Все же в шутку спросила у него: «Ты же обещал ждать?» - «Я понял, что у меня нет шансов».

Ангелина не знала, как реагировать, поспешно попрощалась, чтобы не сказать лишнего. А потом мысленно договаривала с ним, убеждала то ли себя, то ли его: «Пойми, это была не любовь. И не увлечение. Я не знаю, как назвать твое чувство ко мне. Может быть, легкомысленной любовью? Иначе ты не женился бы так быстро. Не выбросил меня из своей жизни, из своего... легкомысленного сердца. – А чего бы тебе хотелось? – как бы спрашивал он, - чтобы годы шли, а я по-прежнему ходил за тобой как неразумный ослик, и ждал, ждал, ждал? - Когда человек любит по-настоящему, он удивляет всех окружающих своей невиданной преданностью, постоянством и выдержкой.

Эгоизм? Эгоизм высшей пробы! Правильно он сделал, что женился. У каждого своя дорога к счастью. А счастлив ли он? Наверное, раз больше ее не побеспокоил.

Ангелина часто задумывалась: нуждалась ли она в жертвоприношении со стороны якобы любящего ее мужчины (в ту пору сомнений не было, сомнения пришли позже)? Нет, не нуждалась, потому что у нее не было к нему ответного чувства.

Допустим, она осталась бы одна в пору его холостяцкой жизни. Как бы развивались события? Она выскочила бы за него замуж, чтобы поскорее зализать душевные раны, справиться с предательством другого мужчины? Никогда. Сначала бы погрелась возле любящего (?) ее человека, отогрелась, пришла в себя, поверила в себя, потом они бы расстались, возможно, со скандалом: он бы надоел ей до чертиков своей преданной любовью и терпеливым ожиданием.

Ангелина часто его вспоминает, по-доброму, благодарит за то, что он был в ее жизни. И все равно не понимает – а была ли любовь с его стороны? С ее-то понятно - нет... И зачем ей эти разборки-самокопания? Хочет пофилософствовать на тему любви и дружбы?

Но кое-какие выводы для себя сделала: нельзя бросаться словами! А он бросил фразу, которая засела в ее голове. Почему он так сказал? Зачем...

- Добрый день, самая красивая женщина на свете! – услышала Белова и испуганно вздрогнула, глупо решив, что рядом появился человек, которого она только что вспоминала.

Приложив ладонь ко лбу козырьком, она увидела того, кого давно поджидала.

- Привет-привет, Григорий Юрьевич, опаздываешь, - попеняла она ему.

Пышненко, невысокий и сдержанно-упитанный мужичок-боровичок, на коротких ножках, крепко стоящих на земле, в прямом и в переносном смысле, галантно приложился к ее ручке, чем привлек внимание старушек.

Ангелина подхватила с места, взяла мужчину под руку и потянула по аллее, запоздало поинтересовавшись:

- Не возражаешь, если мы пройдемся?

Он промолчал, знал, что никакие возражения она не принимает – раз решила, так тому и быть. Только ласково погладил ее по руке, лежащей на его локте. Она отвернулась и поморщилась – слишком неискреннее выражение чувств, показательное. Чтобы утомить душевное возмущение, перешла к делу:

- Григорий Юрьевич, когда ты последний раз видел Вадима Пушкина?

- Нет чтобы поинтересоваться моим здоровьем, рассказать о чем-то хорошем, а она – сразу быка за рога!

- Думай, что говоришь, - не сдержалась Белова. – Тут человека убили, а ты решил преподавать мне правила хорошего тона. Иль забыл, зачем я тебя сюда позвала?

- Поговорить о погибшем. Но мне нечего тебе сказать.

- Так уж и нечего.
- Кое-что хочу сказать. И давно, - намекнул Пышненко.
- Григорий Юрьевич, когда ты видел Вадима последний раз?
- Жаль пацана, - вздохнул Пышненко, игнорируя вопрос – не видел связи между их общим делом и убийством. Посчитал, что надо высказать свои соображения. – Я вот подумал, может быть, это дело рук обычного грабителя? Проник в квартиру, неожиданно вернулся хозяин, Вадик наш. Завязалась потасовка...
- Товарищ Пышненко, - официально обратилась к нему Белова, - меня не интересует твоя версия преступления, отвечай на конкретный вопрос. Или ты намеренно увиливаешься от вопросов о ваших деловых отношениях? На то есть причина? Или их несколько, причин этих?
- Что за женщина! Не женщина, а маршал Советского Союза, командир!
- Ладно, - кивнула Ангелина Михайловна, поставив Пышненко в тупик – не сообразил, к чему относится это самое «ладно». Оказывается, к его версии преступления. - Чтобы успокоить твое излишне развитое любопытство, я скажу: из квартиры Пушкиных, так по крайней мере, заявила мать погибшего, ничего не пропало, да и брат там особо нечего – Пушкины жили очень скромно. Но как мне показалось, в квартире провели осторожный обыск, насколько позволило время и насколько крепкой была нервная система у преступника. Как я уже сказала, орудовал он осторожно, не скажу, что вещи и предметы в идеальном порядке, но верх дном всё не перевернуто. Я могу ошибаться - частым гостем у них не была, чистоту и аккуратность не проверяла. Но мне казалось, у Пушкиных в квартире всегда легкий беспорядок.
- Про день накануне убийства Белова не обмолвилась: незачем воздух сотрясать, опять же поминать дела давно минувших дней - про розыгрыш, в котором принял косвенное участие Пышненко. Когда оказалась в квартире, чтобы привести в чувство подружку Жанну, ей было ни до рассматриваний.
- Отпечатки пальцев?
- Отпечатки пальцев криминалист «собрал», потом он сличит с отпечатками пальцев хозяев квартиры, моими отпечатками и отпечатками людей, входящих в дом Пушкиных. По всей видимости, Вадик был знаком с убийцей, сам открыл ему дверь. Как я поняла из профессионального обмена короткими фразами между следователем и криминалистом, по всей видимости у хозяина с гостем состоялся неприятный разговор, хозяин открыл дверь и попытался выставить гостя, тот взбесился, выхватил травматический пистолет и выстрелил Вадика в лицо. Попал в глаз, Вадик погиб.
- Из травмата выстрелил? Вот, значит, как. Не повезло парню.
- Я хочу разобраться, что стало причиной раздора между убийцей и Вадимом Пушкиным. Первое, что пришло мне на ум - его работа в вашей бригаде. Поэтому обратилась к тебе за помощью – вдруг у Вадима с кем-то из ваших возник конфликт. Или с кем-то из заказчиков.
- Вечно ты лезешь туда, куда тебя не просят! – возмутился Пышненко. – Ищешь приключения себе на одно место?
- Мое личное дело мы разберем в другое время, более благоприятное. Расскажи, когда и у кого вы работали вместе с Вадимом последний раз?
- Дай Бог памяти, когда же это было, - попытался Григорий.
- А ты в свой блокнотик загляни за подсказкой, - посоветовала Ангелина.
- Ну что за женщина! – опять повторился он. - И все-то она знает!

- Увы, не все, - покачала головой женщина, осмотрелась и потянула мужчину к ближайшей скамейке.

Они уселись, Пышненко покопался в своей сумке на длинном ремешке, которая болталась у него на плече, вытащил блокнот и взялся его перелистывать.

- Вот, - ткнул он своим пальцем-сарделькой в какую-то надпись. – Дело было двадцать восьмого марта. Мы перевозили вещи в доме номер... по улице Ленина, квартира номер... Хозяин Кораблев Константин Павлович... Что ты на меня так смотришь?

- Мне твой тон не нравится. Можно подумать, я нищенка, которая выпрашивает у тебя подаюние.

- Опять не так! Тебе все не так, то тон не такой, то взгляд не такой! Привереда!

- Сбавим обороты.

- Сбавим.

- Значит, Кораблев Константин Павлович, - задумчиво протянула Белова.

- Ты его знаешь?

- Впервые слышу.

- А мне показалось...

- Тебе показалось.

- Я верю...

- Важное правительственное сообщение...

- Что за женщина!

- Уже говорил.

- Ангелина Михална, я понимаю, что сейчас не время...

- Григорий Юрьевич, ты правильно понимаешь – не время, - пресекла она продолжение, догадавшись, о чем пойдет речь.

- А когда?

- Позже.

- И все-таки я скажу! – упорствовал Пышненко.

- Зачем? – вырвалось у Беловой.

- Что значит, зачем? – не понял Пышненко. – Еще спроси, зачем человеку кислород? Зачем он принимает пищу, зачем пьет воду?

- Зачем мне ЭТО знать? – с отстраненным видом спросила Белова.

- Действительно, зачем, если ты и так давно догадалась, - по-своему понял ее мужчина. Женщина выразительно на него взглянула, пригвоздила к месту, заставила «проглотить язык». Именно этого она добивалась своим выразительным взглядом, легко читаемым. Не вышло. Пышненко забормотал, потупив взор, желая уклониться от женских глаз, - так это... нравишься ты мне. И вот понимаю, где ты, а где я. Одним словом – не ровня мы с тобой.

- Разделение по классовому признаку, - пробормотала женщина, теряясь в догадках, как теперь выпутываться из щекотливого положения, в которое она угодила по собственной инициативе – сама «вышла на связь».

- Я веду себя как старый дурак, но это от неопытности...

- Хорошо, что вспомнил про возраст, - вставила Ангелина, хватаясь за спасительную соломинку - можно не давать никакого ответа, тем самым не вселять надежду или обижать. Правильно – пеняй на возраст: негоже говорить о чувствах в ТАКОМ возрасте.

- Это с виду я далеко не молод, а... физически...

- Григорий, я тебя прошу...

- Ну, почему всегда так – не надо, не ко времени, в другой раз?! Извела ты меня, Михална. Я так больше не могу. Что ты мне ответишь?
- Ты о чем? – прикинулась дурочкой Михална.
- Сама понимаешь, - слегка опешил Пышненко.
- Григорий Юрьевич, я к тебе прекрасно-распрекрасно отношусь, - осторожно вступила в объяснения Ангелина. Не сильно обнадеживающее начало заставило мужчину выразительно-предупреждающе покашлять. Женщина выдержала паузу, после чего проворковала, - мы с тобой знакомы... не знамо, сколько лет, я уж и не скажу точно, и... скажи на милость, зачем портить наши дружеские отношения? А?
- Я помню, как мы познакомились, - ушел от прямого ответа Григорий Юрьевич. - Я тогда еще в мебельном магазине работал. Ты купила для дочери письменный стол, оформила доставку, мы привезли тебе стол, подняли на твой седьмой этаж, и ты предложила нам чаю с пирожками. К тому времени у меня за плечами был большой стаж работы, но никто и никогда не предлагал мне выпить чаю с пирожками.
- Удивительно, что ты помнишь нашу первую встречу в мельчайших подробностях – чай с пирожками, надо же. Лет двадцать прошло?
- Почти. Я успел за эти годы сына женить, жену похоронить. Теперь вот жду, когда ты согласишься на меня другими глазами... Наверное, зря я затеял этот разговор. Но я надежды не теряю. А, Михална?
- Никогда нельзя терять надежды, - философски высказалась женщина. И вернулась к более важным событиям. - Так что там с Кораблевым с улицы Ленина?
- Ничего особенно. Он нас заказал...
- Звучит пугающе, - вставила Ангелина.
- Позвонил в нашу фирму, оформил заказ на грузчиков на двадцать восьмое марта, после полудня. Я всегда заранее созваниваюсь с заказчиком, чтобы накладки не вышло.
- Что перевозили?
- Кое-какую мебелишку и кое-какие вещи.
- Куда?
- На квартиру матери Кораблева.
- Гриш, что ж я из тебя клещами информацию вытаскиваю!
- Так ты спрашивай, я ж не знаю, что тебя конкретно интересует.
- Перевозка мебели и вещей с улицы на Ленина на улицу... Где живет мать Кораблева? Или мать живет вместе с ним на улице Ленина, а мебель презентовали бедным родственникам?
- Кораблев живет на улице Ленина, насколько я понял, а ненужную мебель и вещи он презентовал матери, которая проживает... - Пышненко уткнулся в свой блокнот, - проживает по адресу - улица Пацаева, дом..., квартира...
- Все прошло в штатном режиме? Ничего «из ряда вон» не произошло? И как показался тебе этот Кораблев? - забросала вопросами Ангелина.
- Препротивный мужик. Контролировал каждый шаг, можно подумать, мы не рухлядь всякую перевозим, а сплошь раритеты и антиквариат.
- Каков он из себя?
- Лет сорока-сорока пяти, в этих границах. Высокий здоровяк. Мог бы и сам мебель перетаскать, но нет – грузчиков нанял! Он из той категории наших граждан, которым очень нравится руководить, но не так часто выпадает такое счастье - поруководить. С нами он развернулся, так развернулся! Я, грешным делом, хотел плюнуть на все, забрать своих ребят, и уехать.

Белова не особо поверила словам Пышненко о «высоком здоровяке» и возрастных границах: сам Григорий Юрьевич был невысок, для него любой мужик выше ста восьмидесяти – баскетболист, и с определением возраста у него тоже большие проблемы, ни раз в этом убеждалась.

- Заплатил-то нормально? - спросила она просто так, чтобы спросить.
- За каждую копейку торговался, жлоб!
- Тебе не показалось, что Вадик был раньше знаком с Кораблевым?
- Не показалось, - поразмыслив, покачал головой Пышненко.
- Если этот Кораблев, как ты выразился, препротивный мужик, то у него мог возникнуть конфликт...
- С Вадиком?
- С Вадиком или с кем-то еще.
- Кораблев ко всем цеплялся, но мы не реагировали – будешь на каждого реагировать, быстро коньки отбросишь. Сделали дело, получили деньги и до свидания.
- Что-то привлекло твое внимание? Или кто?
- Да будто бы... Ты спрашивала, не были они знакомы...
- Ты ответил, не были.
- Это так, но Кораблев вдруг проникся доверием к нашему Вадиму, сам не знаю, почему выбрал именно его.
- В чем выразилось доверие?
- Заявил, что только он имеет право таскать его книги.
- Там и книги были? Раритет?
- Раритет, - хмыкнул Григорий, - старье потрепанное! Им место на свалке, а он матери эту макулатуру переправил.
- Стариков не поймешь – им дорого то, то мы считаем утильсырьем. Наверное, со старыми вещами они ассоциируют некие счастливые моменты своей жизни, дорогих сердцу людей, которые ушли из этой жизни. Я не удивлюсь, если в глубокой старости буду вести себя подобным образом.
- Не думаю, - кося в ее сторону глазом, высказался Пышненко, - ты особенная, не такая как все, поэтому и сейчас и потом будешь вести себя особенно.
- Конечно! Я никогда не буду глубокой старухой! Потому что... не доживу.
- Что ты болтаешь! Не доживет она! Даже думать не смей!
- Все мы смертны.
- Никогда не видел тебя в таком подавленном настроении. Понимаю – гибель мальчика...
- Я обнаружила его тело.
- Представляю, что ты пережила.
- Еще не пережила.
- Сначала я хотел тебя отговорить от расследования, я сейчас понял – тебя нужно себя занять.
- Я хочу найти убийцу Вадика не потому, что хочу себя занять. Я хочу найти убийцу, - четко выговаривая слова, повторила Белова.
- Я хочу поспособствовать.
- Вспомни тот день, день двадцать восьмого марта. Ты не просто таскаешь мебель, ты слышишь разговоры хозяев, хочешь того или нет, составляешь свое мнение о них. Не обижайся, но ты и твои коллеги – обслуживающий персонал, с которым можно ни только не церемониться, но и не принимать во внимание.

- Из разговора Кораблева с матерью я понял, что он недавно вернулся в родной город. Развелся с женой и вернулся. Обосновался в квартире матери. Мать не захотела мешать сыну строить новые отношения и перебралась к родной сестре. Именно на улице Пацаева живет ее родная сестра, одинокая. Старушки похожи между собой, только одна пухленькая и постарше – это мать Кораблева, а другая – похудее и помоложе. Но разница в возрасте небольшая, лет пять, не более того.
- Эта история с разводом и переездом мне кого-то напоминает, - прошептала Ангелина.
- Небось, мужа вспомнила? – услышал ее шепот Григорий.
- Представляешь, он меня сегодня весь день преследует, - призналась Ангелина.
- Сам... преследует? – поозирался по сторонам Пышненко.
- Не сам, воспоминания о нем.
- А ты гони прочь эти воспоминания! Зачем они тебе, когда...
- Когда рядом надежный друг, - договорила за него Белова.
- Вот видишь – понимаем друг друга с полуслова! И о чем это говорит?
- Ах, оставь.
- Ну, вот.
- Ты говоришь – гони прочь! Легко сказать. Ведь столько лет вместе прожили. Жив ли он? Не болен ли? Как он живет? Не бедствует ли?
- А тебе так надо это знать?! Он тебя обидел, а ты голову ломаешь – жив ли, не болен ли... Добрая ты душа, Михална... Любишь его до сих пор?
- Нет, не люблю,- не задумываясь, честно ответила Ангелина.
- Возьми и напиши ему, узнай. Адрес его знаешь?
- Возможно, он переехал, столько лет прошло.
- Я про электронный адрес говорю. Прошлый век – писать письма. Сейчас все больше по Интернету общаются. Найди его в социальных сетях.
- Да ты у нас продвинутый пользователь Интернета, Григорий Юрьевич. А я, представь себе, не зарегистрирована в соцсетях, не хочу. И, вообще, ни к чему весь этот разговор, зря я затеяла. Сейчас речь ни о моем бывшем муже и ни обо. Вернемся к Кораблеву. Значит, Вадик был «доверенным» лицом – таскал «ценные» книги. В каком виде? В виде связанных стопок?
- Книги были заранее сложены в стопки и связаны бечевкой. Бечевка тонкая, хорошо, что на руках Вадима были перчатки, а то бы точно руки порезал.
- Получается, только Вадик Пушкин занимался макулатурой, остальные грузчики, и ты в том числе, таскали старую мебель. Сколько вас было человек?
- Четверо... Пстой, был еще один парень. Он позже подключился. Я решил, что Вадик привел друга, дал ему возможность заработать. И сразу сказал Вадику, что его долю они будут делить пополам.
- Стоп! О друге поподробнее!
- Оказалось, что тот парень ему ни друг вовсе. Вадик мне заявил, что этого парня впервые видит и порадовался, что парень – не новый человек в бригаде, не часть нашего дружного коллектива.
- Порадовался? Почему?
- Вадик решил, что я взял того парня на постоянной основе, и теперь ему, Вадику, придется искать другую работу, другой приработок. Я его успокоил – тоже вижу этого парня впервые.
- И кем же на самом деле оказался тот незнакомец? Родственником хозяина, Кораблева?

- Честно говоря, я так не понял, - признался Пышненко, почесав затылок. – Но, когда мы приехали на улицу Пацаева, того парня я там не увидел.
- А Кораблев с вами вместе ехал?
- Зачем с нами? Он ехал на своем автомобиле.
- То есть, если бы тот неизвестный парень приходился ему родственником, то он бы тоже поехал вместе с Кораблевым, на его автомобиле?
- Но он мог остаться в его квартире, на улице Ленина.
- Не думаю, - пораскинув мозгами, высказалась Ангелина. – И что получается? Получается как в том анекдоте про свадьбу: родственники невесты думали, что этот гость со стороны жениха, а родственники жениха думали, что этот гость со стороны невесты, а он просто зашел выпить и закусить.
- А вот об этом я не подумал – что он ничейный, так сказать. И что же ему было нужно? Всё это очень подозрительно, тебе не кажется?
- Кажется, Григорий Юрьевич, кажется. Тем более, это был последний случай с участием Вадима Пушкина. Ты можешь описать незнакомца? - без надежды на успех, поинтересовалась Белова.
- Пышненко призадумался, а потом выдал:
- Ничего особенного, парень как парень. Я же не девушка, чтобы его пристально изучать.
- Возраст? Хотя бы приблизительно.
- Приблизительно ровесник Вадима, потому я и подумал, что они приятели.
- Рост?
- Высокий.
- Точнее.
- Повыше меня будет... на голову.
- Метр восемьдесят, навскидку. Особые приметы?
- Тебе бы, Ангелина Михална, в генеральном штабе служить или в контрразведке.
- Я подумаю об этом на досуге, - деловито согласилась Белова, а Григорий гоготнул.
- Так что с особыми приметами?
- Нет никаких особых примет. Говорю же – парень как парень. Без усов и шрамов через все лицо.
- Блондин, брюнет, русский, рыжий?
- Пожалуй, брюнет. О! – поднял он указательный палец вверх. – У него прическа модная. Сейчас молодежь носит такие прически. Значит так - с боков выбрито, а сверху, - Пышненко попытался пригладить свой чуб назад и перехватить его пальцами в виде хвостика.
- Волосы забраны в хвост?
- То-то и оно! И еще хвост свернут... руликом, - с трудом определился Григорий Юрьевич, не забыв возмутиться, - ну и мода для мужика!
- Не ворчи, - осадил его пенсионерка, молодая душой. И задумчиво пробормотала, оценивая полученную информацию, - не абы что, конечно, но кое-что. В любом случае, надо поговорить с Кораблевым.
- Одну я тебя не пущу! Вдруг это он убил Вадика?
- С тобой мне к нему соваться нельзя – он сразу догадается, что дело касается грузоперевозок и Вадима. Надо хитро к нему подобраться.
- Есть идеи? Или с порога скажешь, я к вам по объявлению с сайта знакомств? Вдруг попадешь в «яблочко»: Кораблев зарегистрирован на сайте знакомств и мечтает о такой женщине как ты. Впрочем, он не одинок в своих желаниях.

- Ты читаешь мысли Кораблева на расстоянии? – поерничала Белова. - Но в любом случае, благодарю за «прекрасную» подсказку про сайт знакомств! Признаться, я удивлена, никак не ожидала от тебя...

- Михална, ты делаешь скоропалительные выводы. - Пышненко догадался, о чем идет речь и принялся оправдываться, - чтобы я, да сайте знакомств! Делать мне больше нечего. Что касается подсказок... Хочешь еще?

- Дерзни.

- Скажи, что хочешь проконсультироваться насчет грузоперевозок. Якобы о нашей фирме ходят противоречивые слухи, причем кардинально противоположные. Вот ты и захотела навести справки у непосредственного заказчика. Мол, интересно стало. Заодно будет причина узнать про незнакомца с модной прической – кем он приходится Кораблеву и приходится ли? А я тебя подстрахую, мало ли что. Но ты в квартиру к нему не заходи, вызови на улицу.

- Я тебе уже говорила – не хочу привязать разговор к теме грузоперевозок. И подстраховывать меня не нужно. А то я постоянно буду головой вертеть, как сова.

- Я не настаиваю на своем участии, - с явной обидой произнес мужчина. Ждал от женщины «обратного хода», но, увы. Женщина сидела на скамейке с независимым видом, погрузившись в свои мысли.

- Попытаюсь справиться сама... Сама... Буду думать, как подступиться к Кораблеву... - рассеянно пробормотала она.

Но думала Ангелина Михайловна совсем о другом, о том, о чем думать в ее возрасте как-то неловко, поздно и... нехорошо, совершенно позабыв строки из «Евгения Онегина», принадлежащего перу ее любимого поэта Александра Сергеевича Пушкина: «Любви все возрасты покорны...»

Белова считала, что существует граница для любви, пока она не установила эту самую границу, но точно знала, что она перешла границу – нарушила правила, неизвестно кем установленные. И установлены ли эти правила вообще? Кем установлены? Когда? И самое любопытное – с какой целью? Получается, перевалил через границу, через определенный возраст, и сразу «получил табу» на любовь. По сего возраста – можно, перевалив, – низзя! Почему низзя? А если... вдруг нечаянно нагрят? Все равно – низзя! Вторая попытка – а если ты еще полон сил и желаний, если ты свободен от обязательств, если ты открыт для общения, если ты болезненно переносишь одиночество (взрослые дети ни в счет), то почему ты не имеешь морального права... проникнуться высоким чувством? Или надо только сидеть на лавочке в кругу себе подобных, чесать языком, жаловаться на колики то тут, то там, осуждать и обсуждать. Разве это Жизнь? Существование, конечным пунктом которого является кладбище. Бесспорно – все там будем, но заключительный этап хочется провести красиво, и ничего заторного в этом нет. Заторно ходить в мини-мини юбке в преклонном возрасте и морду лица разрисовывать в боевой окрас, а любить не возбраняется. Допустим, есть муж, с которым прожила много лет, ты по-прежнему питаешь к нему чувства, у посторонних ваша любовь, проверенная годами, не вызывает удивления или негативного отношения. А когда вдруг на закате жизни встречаются два одиночества, и начинают общаться, то это вызывает у окружающих презрительное возмущение. Низзя! Низзя даже допускать мысли, что тебе кто-то может приглянуться, что ты кем-то, из противоположного пола, заинтересуешься. Не могли даже рассуждать и, тем более, думать, мечтать, что-то там вбивать в свою седую голову. Не-при-лич-но!..

Пышненко давно убежал по своим делам, а Ангелина всё сидела на скамейке и размышляла – что можно, чего нельзя в ее уважаемом возрасте. Привыкшая к комсомольской непримиримости, она всегда шла наперекор. Если низзя, то надо! Но ни в этом случае - заставить себе кем-то увлечься, на кого-то обратить пристальное внимание с «развитием» это не для нее. И ни одинока она вовсе.

Опять же – однолюбка. Столько лет прошло, а она внушает себе и внушает – однолюбка! Что, Ангелина Михайловна, ждешь, когда тебе дадут орден за твое примерное поведение или установят бюст на родине? Чем ты гордишься? Кто оценит твою установку - иначе восхваление собственной железобетонной любви к бывшему мужу не назовешь? Кто? Сними шоры с глаз, посмотри вокруг. Мир прекрасен в любом возрасте, главное – захотеть увидеть.

Смешной он, этот Григорий Юрьевич! Тоже мне, удумал: нравишься, что скажешь! - про себя возмутилась Белова с долей кокетства. – Да, смешной – его слова меня развеселили, даже трагедия с Вадиком на время отступила. Вот это нехорошо, неприлично – взялся за гуж, не говори, что не дюж. Это всё к тому, про гуж, что я ищу повод абстрагироваться от расследования, уйду мыслями в романтику. Какая романтика в моем-то возрасте?! О чем это я?! Еще скажи, что поверила словам Пышненко! Его слова-признания надо «делить на тридцать два»: ему нужна рядом не любимая женщина, а домработница... - Ангелина разозлилась. - Что самое обидное – Пышненко считает меня доверчивой дурочкой. Значит, мне можно вешать лапшу на уши, а я буду слушать, открыв рот, и согласно кивать. А в заключении скажу: «Гриша, я ваша навеки!» Ты, Ангелина, не просто дурочка, ты старая дура. Старуха.

Ангелина старалась лишней раз не смотреться в зеркало, знала, что ничего хорошего или радостного она в нем не увидит, только новые морщинки и тот же тусклый взгляд, который называла старым: тускло-безрадостный, значит, старый. Для своих лет она выглядит неплохо, опять же девичья фигура без лишних килограммов, но есть лицо, есть глаза – всё это выдает ее с головой. Про таких говорили в ее молодости: сзади пионерка, спереди пенсионерка.

Недавно Ангелина услышала фразу: чтобы сохранить молодость, надо иметь горящий взор, обладать душевной молодостью и модно одеваться. К последнему Ангелина добавила бы: соответственно возрасту.

С душевной молодостью у нее дела обстоят неплохо, по крайней мере, старается держать себя в тонусе, позволяет себе саможаление только в редкие минуты полного одиночества и при затяжной пасмурной погоде. С модной одеждой тоже более-менее, она любит шоппинг: дети балуют и подкидывают деньги, чтобы порадовать мать, которая после походов по магазинам и покупок новых шмоток сбрасывает с плеч энное количество лет, появляется настоящее, а не притянутое за уши, желание жить.

Жаль, полученного «допинга» надолго не хватает. Спустя пару дней, а иногда и в тот же день удачного шоппинга, Лина спрашивает у себя: «Зачем мне ВСЕ ЭТО? Куда мне носить эти платья, блузки, брюки, юбки? Бесспорно, обнови мне очень идут, я смотрюсь на себя в зеркало и восхищаюсь – да, восхищаюсь тем, что выгляжу моложе своих сверстниц. Я легка на подъем, я не брюзга, я стараюсь не обращать внимания на недомогания, я не бегаю по врачам после каждого простела или укола в сердце. Все проходит, пройдет и это – вот мой жизненный принцип. У меня все отлично, у меня прекрасные дети и внук... Еще бы больше внимания с их стороны. Но не стоит обижаться, все мы когда-то были детьми, а наши родители

считали, что мы мало уделяем им внимания. Круговорот родственных отношений...»

Ее размышления прервались из-за намекающего покашливания, словно она рассуждала об интимных моментах вслух или, того хуже, принялась освобождаться от одежды прилюдно, виляя задом и напевая мелодию из «Эммануэля».

Белова мгновенно «вернулась на землю», пристально изучила свою одежду, успокоилась, затем повертела головой в поисках «простуженного актера».

На другом конце скамейки сидел неинтересный брюнет с седыми висками. На вид ему можно было дать не более сорока пяти. Но он явно считал себя тридцатилетним молодым человеком, которому позволено открыто кобелировать – такой «диагноз» поставила ему Ангелина. Порыв – подняться и сбежать – она притушила, чтобы кобелирующий элемент не посчитал ее забитой бабенкой. Однако не было никакого желания вступать с кем-либо в разговор, что-то доказывать, осаживать, ставить на место.

Мужик нагло косился в ее сторону, но больше не покашливал – понял, что его заметили. Ангелина покачивала левой ногой, коромыслом перекинутой на правую ногу, выказывая пренебрежение, ни в коем разе не нервное ожидание продолжения. Догадывалась, что продолжение сойдет за прогноз погоды – якобы светская беседа. И ошиблась.

- Почему такая грустная? – по-свойски обратился он к ней.

Если я сейчас поставлю его на место, сдержанно, не грубо, он примет это за кокетство, а кокетничать с кем-либо у меня нет никакого желания – откокетничала свое. Подыграю-ка я ему, – подумала Ангелина, а вслух поправила:

- Не грустная, а задумчивая. – И придала себе вид вдовствующей императрицы.

- В такую погоду грех думать, надо лицезреть пробуждение природы. Лицезреть и наслаждаться, – добавил он таким тоном, что Лина сразу напридумала себе черти что – сейчас будет «братъ быка за рога», без предисловий. И все же хмыкнула, не сдержалась – все-таки с прогнозом погоды угадала.

- Знаете ли, – подчеркнуто выговорила она, два понятия, что не приемлет панибратства. Захотелось болезненно осадить наглеца: и прелюдии хватило, чтобы сделать вывод – это дядя, кобелирующий элемент, ей отвратителен. – Знаете ли, в отличие от некоторых праздношатающихся личностей, ищущих приключения, я использую свободное время для того, чтобы поразмышлять, подумать, причем делаю это в любое время года, потому что не лишне тренировать мозги, чтобы они не заморозились и не закисло. Полезное занятие для тех, кто хочет дожить до старости в уме и памяти. Что и вам рекомендую.

Она поднялась и застучала каблучками по тротуарному покрытию. Мужчина подскочил и потрусил за ней. Этого мне еще не хватало, – подумала Белова, но шага не прибавила – это не бегство от навязчивого кавалера.

Кавалер ее догнал и пошел рядом, подстраиваясь под ее шаг.

- Вы спешите?

- Спешу.

- Я вас провожу.

- Вам больше делать нечего? – спросила она с ядом в голосе.

- Просто выдался свободный час.

- Вот и проведите его с пользой – наслаждайтесь пробуждающей природой.

- Вы меня уели, – усмехнулся он. Улыбка вышла растерянной и располагающей. Только что перед ней был один человек и вдруг – другой, обаятельный, совсем не кобелирующая особь. Но игрок. Скучающий игрок.

У Ангелины не было никакого желания подыгрывать ему, продолжать никчемную пикировку.

- Прощайте, я спешу. – И ускорила шаг, посчитав, что он не сочтет ее быстрый уход за побег забитой бабенки. Впрочем, какая ей разница, что он о ней подумает: она видела его в первый и в последний раз.

- Земля круглая, мы еще встретимся, - вдогонку прокричал брюнет с седыми висками, видимо, у него было иное мнение. Ангелина махнула рукой, не поворачивая головы, и беспечно подумала: звучит угрожающе...

Белова старалась настроиться на предстоящий разговор с Константином Павловичем Кораблевым, что-то сочинить для правдоподобности, чтобы разговорить, расположить к себе и выудить нужную информацию, но весна, впорхнувшая в город легкой певучей птицей, та самая весна, располагавшая к маниловщине, и о которой ей напомнил брюнет с седыми висками, не позволяла сосредоточиться на расследовании, сбивала с мысли, требовала беспричинных улыбок, безмятежности, даже лени, созерцания с наслаждением и, чего скрывать, глубоко погружения в мечты. Сказано – маниловщина высшей пробы! Недолго думая, Ангелина опять бухнулась на скамейку, предварительно убедившись, что незнакомец исчез из вида.

Среди этой весенней ленивой благостности Белова по-прежнему грустила, недаром ее душевное состояние уловил наблюдательный брюнет, не вызвавший у нее первоначальной симпатии. Конечно, причина для грусти была – гибель молодого парня, Вадима Пушкина, которого ей было безумно жаль. Плюс собственные воспоминания, что тоже не способствовало поднятию боевого духа: пришло осознание того, что ее «поезд ушел». Пышненко она нужна в качестве домработницы, не более того. И пусть на нее обратил внимание скучающий брюнет, это ровным счетом ничего не значит: что попало под руку, то и зацепил взглядом-словом, без особой охоты. На месте Ангелины могла оказаться другая женщина, не уродина, он бы и ее зацепил. Весна, весна-злодейка. И Ангелина винит весну за свою душевную дезорганизацию.

Весна! Именно по ее вине оживились мужчины, именно по ее вине в женскую голову лезет несуразица, всплывают воспоминания, которых как будто и не было вовсе, она всё сочинила. Но нет, в прошлом было многое из того, о чем она благополучно забыла. Так бывает в... пожилом возрасте – забываешь, что было вчера, вспоминаешь, неожиданно, далекое прошлое, причем в мельчайших подробностях.

Вспомнились строки стихотворения поэтессы Ольги Берггольц: «Я люблю сигнал зеленый, знак свободного пути. Нелюбимой, невлюбленной, хорошо одной идти».

Хорошо. Отлично. Свободна как ветер.

Но у Ольги Берггольц были и другие строки: «И никогда не поздно снова начать всю жизнь, начать весь путь, и так, чтоб в прошлом бы – ни слова, ни стоны бы не зачеркнуть».

Всё верно, все правильно – никогда не поздно начать все заново, было бы желание.

Представив себя под венцом с Григорием Пышненко, Ангелина не сдержалась и фыркнула, заслужив внимание двух старушек, ковыляющих по тротуару с палочками. Видимо, своим фырканием она отвлекла их от важного обсуждения своего здоровья. В отместку бабульки уселись рядом и заговорили наперебой, распугав блуждающих по тротуару голубей. Пришлось Ангелине поспешно ретироваться.

Проходя мимо витрины, она невольно оценила по достоинству свое отражение - да, она привлекательна, пусть и не молода. За солнцезащитными очками не видно глаз, признаться честно – тускло-опечаленных, и сие обстоятельство, с очками, играет на ее стороне.

Во всем виновата весна: опять потянуло на лирику.

Вспомнились строки Лермонтова Михаила Юрьевича: «Страшись любви, она пройдет, она мечтой твой ум встревожит, тоска по ней тебя убьет, ничто воскреснуть не поможет».

В переводе на женско-стареющий язык – из двух зол выбирай меньшее. Не нужно ей любви. Жила как-то без нее и еще проживет энное количество лет.

Успокоилась? Успокоилась. Теперь настраивайся, Ангелочек, на нужную волну расследования убийства Вадика Пушкина, не увливай. Взясась за гуж, не говори, что не дюж, - напомнила себе.

Среди уличного шума Белова с трудом расслышала звонок своего мобильного телефона. Покопавшись в сумке, она выудила телефон. Звонила Люська Яварчук. - Ангелина Михайловна, - недовольным голосом обратилась она к старшей подруге, - что происходит? Я уже десять минут пытаюсь вам дозвониться!

- Ой не надо, - хмыкнула в ответ Белова, - всего один пропущенный звонок от тебя. Новости есть?

- А у вас? – спросила Люська таким тоном, что Ангелина догадалась – у нее-то новости есть.

- Ничего особенного, я в процессе, - коротко ответила Ангелина. - Судя по твоему загадочному голосу, у тебя есть, что мне рассказать.

- Кое-что есть, - пространно ответила Яварчук.

- Давай, колись.

Люська вкратце изложила последние новости – о разговоре с сокурсницей Вадима по имени Марианна, о визите в зоомагазин «Белая акула», о добыче в боях номера телефона знакомой Вадима Пушкина по имени Василиса. Не забыла сообщить о визитных карточках, которые направо и налево раздавал погибший при знакомствах с девушками.

- Не думаю, что липовые визитки имеют какое-то отношение к убийству, но возьмем это обстоятельство на заметку, - деловито подвела черту под своим монологом Яварчук.

- Люся, ты пока никаких действий не предпринимай, вечером соберемся и все обсудим, составим план на завтрашний день, – высказалась Ангелина, и невольно усмехнулась, вспомнив слова Пышненко – ей надо работать в генштабе.

- Вот вы даете, Ангелина Михайловна! – непонятно по какой причине возмутилась девушка.

- А что я такого сказала?

- Надо ковать железо, пока оно горячо, - сообщила Яварчук, понизив голос, как будто выдавала в людном месте секретную информацию. Ангелина даже представила, как она прикрывает ладошкой свой рот.

- Люся, я уже всё сказала. Возвращайся домой, займись учебой... Хотя бы сделай вид, что ты сегодня была в колледже, а то Марго узнает, и нам обоим попадет.

- Какая учеба, о чем вы?! У меня сейчас одно дело – искать убийцу, - констатировала некогда уступчивая девица.

- Я не хочу, чтобы ты рисковала своей жизнью, - попыталась ее запугать Белова.

- О каком риске идет речь? Встреча с девушкой Вадима – это риск? Вы меня насмешили. Я всего лишь хочу с ней поговорить по душам, только и всего.

- Люся, что ты знаешь об этой девушке?
- Предлагаете мне собрать на нее досье, прежде чем встречаться и... рисковать? – поиронизировала Людмила.
- Ты меня неправильно поняла... Или я не так выразилась, - подумав, призналась Белова. - Полученная от Марианны информация о том, что Вадик встречался с некой Василисой, продавщицей из зоомагазина, поддается сомнению: мало ли за кем Вадим пытался приударить? Он попытался, но далее дело не пошло, общение ограничилось коротким разговором в магазине. Марианна случайно застала двух молодых людей в момент их общения, остальное додумала. А на самом деле... В общем, ты меня поняла. - Ангелина всеми силами пыталась отговорить Людмилу от встречи с Василисой, поэтому говорила совсем не то, что думала.
- Тогда тем более я ничем не рискую: Василиса – одна из многих. Побеседовать с ней будет не лишним, вдруг ниточка потянется, я узнаю еще что-то новое, что-то заслуживающее внимания из жизни Вадика.
- А ты не подумала, дорогая моя Люся, что убийцей Вадима может быть человек из окружения Василисы? Этот человек тоже, как и Марианна, способен сделать неправильные выводы.
- Ага, сделал вывод и пошел убивать! – хмыкнула Людмила.
- Его психическое состояние нам неизвестно.
- Почему сразу псих?! Просто ревнивец. Он измучил Василису своей ревностью, она дала ему отворот-поворот, начала встречаться с Вадимом. Бывший поклонник был в курсе их отношений, попытался вернуть девушку, та сказала резкость, он обозлился, но свою злость обратил ни на нее, а на ее нового парня. Для начала выследил его, затем заявился к нему домой, чтобы разъяснить, кто есть кто. Вадик обладает... обладал удивительной способностью ранить в самое сердце, унижить человека, вызвать озверение...
- Вызвать что?
- Озверение, - просто пояснила Люся. - Бывший парень Василисы озверел – потерял над собой контроль, а дальше произошло то, что произошло. Все влюбленные немножко того. – Она покрутила у виска указательным пальцем, как будто Белова могла ее видеть. Потом добавила со знанием дела, - немножко того, но в разной степени.
- Но не все носят с собой оружие. Преступник имел при себе оружие, пусть и травматическое, значит, догадывался, чем может закончиться разговор.
- Вполне возможно, что он всегда «вооружен и опасен». Возможно, не собирался пускать в ход свой травмат, хотел поговорить по-хорошему, убедить. Не вышло... Один убил словом, другой – выстрелом.
- Неожиданные характеристики ты даешь Вадиму. Я не утверждаю, что он был мягким и пушистым, но он знал, как и с кем разговаривать.
- Вот именно – он не был мягким и пушистым, и Марианна это подтвердила. Вы сейчас сказали, что Вадик чувствовал границы, а мне в голову сразу пришла мысль – получается, вид убийцы не напугал Вадима. Он подумал, что одолеет его одной левой, о средстве защиты, которое было у потенциального преступника, он не знал. Потому и вел себя отвязно.
- Как он себя вел?
- Нехорошо по отношению к визави.
- Не знаешь брода, не суйся в воду, - проговорила Белова.
- По сути верно.
- Кстати, о Марианне. Как она тебе показалась? - опомнилась Ангелина Михайловна.

- Слонопотам, - одним словом охарактеризовала новую знакомую Люська. – Она призналась мне, что была влюблена в нашего Вадика. Сначала оговаривала его на чем свет стоит, дескать, он одноклеточный, циничный, резкий – мог словцом так припечатать, что долго помнить будешь. Сама знаю, что он из себя представлял – да, циничный, да, резкий, да дерзкий, но уж точно не одноклеточный. Я, конечно, вступилась за Вадика. Так расчувствовалась, что пустила слезу, от жалости к Вадика и от обиды за него. И скажу честно – в мою голову вкрались подозрения относительно Марианны. А почему нет? Она могла убить Вадика. Все преступления, пусть не все, - поправилась девушка, - но очень часто убийства совершаются из-за женщин, что говорит об их косвенной причастности, или женщина сама является убийцей. Одним словом, шерше ля фам!

- Что натолкнуло тебя на мысль о причастности Марианны? - спросила Ангелина, желая увести внимание Люськи от Василисы – пусть сосредоточится на сокурснице Вадика Пушкина.

- Вадик мог ее обидеть при всем честном народе, она пришла к нему, чтобы заставить его извиниться, он не только не извинился, а довел девушку до белого каления, она не сдержалась... Убийство в состоянии аффекта... Я не делаю скоропалительных выводов, - поспешила оправдаться Яварчук. – Составляю список предполагаемых убийц Вадима. Пока не исключила из списка Марианну, но меня гложат смутные сомнения, что она могла убить вообще, в частности убить парня, в которого была тайно влюблена. Без всякой надежды на взаимность – это мое личное мнение. Не было у Марианны никаких шансов. Пусть Вадик ни первый красавелло, но и не последний в шеренге писанных красавцев, а Марианна... как бы помягче выразиться...

- Ему не пара.

- Абсолютно! Девушка-глыба, не в умственном плане, в визуальном.

- Скажем прямо – у Вадика тоже не складывались отношения с противоположным полом, уж не знаю причины. Вероятно, причина кроется в матери, которая безумно любила сына, пыталась любить его за двоих – и за себя, и за биологического отца. В итоге Вадик что-то о себе возомнил, требовал от девушек поклонения – он же Нечто, так мать сказала, твердила изо дня в день, вбила ему в голову. А поклоняться девушки не хотели. Вадик расставался с ними без сожаления. – Высказавшись, Ангелина Михайловна сама удивилась сделанным выводам – видела бы Люська ее ошарашенное лицо, с такой физиономией замирают при виде говорящего кота. Ангелина как-то видела по телевизору нечто подобное, наверное, и лицо в тот момент было как сейчас. Раньше она никогда не задумывалась о методах воспитания Валентины Пушкиной, а на ее сына смотрела как на шаловливого избалованного ребенка, который сам себе на уме.

Между тем Людмила продолжила затронутую тему общения Вадика с противоположным полом.

- Поклоняться готова была одна Марианна. Вадик помыкался-помыкался и стал тайно с ней встречаться. Но сразу ее предупредил – чтобы ни одна собака не знала об их любовной связи. Марианна была согласна на все его условия. А потом появилась Василиса. Марианна узнала, что естественно... Узнала-то узнала, - задумчиво пробормотала девушка после паузы, - но я все равно не поверю, что она могла жестоко расправиться с Вадиком даже в порыве ревности! Марианна... она... мягкотелая, безответная, забитая, ее терпению можно позавидовать. Подумаешь, Василиса! Василисы приходят и уходят, а верная Марианна всегда рядом, всегда готова. Никуда Вадик не денется – вернется к ней. С этой надеждой и жила

последнее время. И никак не ожидала, что с Вадиком случится трагедия. Трагедия ее потрясла, хотелось с кем-то поделиться своей болью, кому-то рассказать о своих чувствах. Марианну распирало. Тут на горизонте появилась я, посторонний человек. Кому ей открыть свою тайну? Конечно, мне. Вот почему она подошла ко мне и заговорила. По всей видимости, боль обиды еще автоматически существовала внутри нее, и полное осознание потери не пришло, поэтому она начала с нападок, по мере нашего разговора с опозданием пришло осознание, и Марианна впала в ступор. Я обалдела от увиденного и поняла – Марианна тяжело переживает смерть любимого человека, без всякой фальши, совершенно искренне, - так сыграть настоящее горе ей, непрофессиональной актрисе, не под силу.

- У тебя большой опыт наблюдений? - не выдержала Белова.

Яварчук не обратила внимания на колкое высказывание, продолжала гнуть свою линию:

- Это полное погружение в себя, этот остекленевший взгляд. Если бы Марианна ревела как белуга, если бы она билась головой о стенку, грозила убийце и падала в обморок от горя, я бы ей ни на грамм не поверила.

- Повезло Марианне – с неё сняты все обвинения в убийстве.

- Одно мне не ясно, - продолжила как ни в чем ни бывало Людмила, - Марианна заявила, что Вадик менял маски в зависимости от обстоятельств: в академии он был одним, дома – другим, в компании - придумывал себе еще какой-то образ. Тогда я спросила у Марианны, откуда ей это известно? Есть ли у нее основания так говорить? И что мне ответила Марианна? Она сказала: «Знаю и все, поверь мне на слово». Лихо, не правда ли?

- Наверное, она знает о нем больше, чем говорит, – задумчиво протянула Белова. – Твои догадки об их любовной связи ни беспочвенны.

- Жалкая она какая-то. Будто бы полная, высоченная, глыба - одним словом, а выглядит беззащитной. Наверное, это от горя. Пусть связь была тайной, но она была, этой любовной связью она жила, в ней был смысл ее жизни, а теперь наступил конец всему.

- В молодые годы легче справиться с несчастьем. Думаешь, что подошел к черте, но время проходит, ты забываешь и о горе, и о черте, черно-белая жизнь приобретает мягкий цвет, который со временем насыщается яркими оттенками.

- Ангелина Михайловна, вы верите в то, что говорите?

- Не знаю, - ответила, подумав, Ангелина. – Нельзя мерить всех под одну гребенку – все люди разные, у всех разные характеры и темпераменты, все по-разному реагируют на события: у одного память длинная, у другого - короткая. Многое зависит от желания самого человека.

- Все люди разные, - выдохнула Людмила, - одни доверчивые, другие – чувствуют подвох в каждой фразе, в каждом движении головы или во взгляде. Один смотрит на тебя ангельскими глазами необыкновенного цвета – цвета пасмурного неба на закате, а ты веришь каждому слову, потому что человек с такими глазами не может врать никогда и никому. Он может сгоряча что-то сболтнуть, и сразу пожалеть о своих словах... И застыть как изваяние.

- О глазах необыкновенного цвета ты заговорила не зря?

- Марианна, - коротко сказала Люся. - Я не поэт и не живописец, мне не свойственно сочинять замысловатые цвета, но рассмотрев цвет глаз Марианны, я сразу подумала – это цвет пасмурного неба на закате.

- Цвета пасмурного неба на закате, говоришь, - пробормотала Ангелина Михайловна. - И знаешь, что я тебе скажу, Люся...

- Что? Что Марианна могла расправиться с Вадимом? Что первое впечатление о человеке может быть обманчивым? Что надо прислушиваться к себе, внимательно вслушиваться в сказанное другим человеком, не отмахиваться, не придумывать ему оправданий лишь только потому, что он вызывает жалость и сочувствие?
- Как говорили в одной советской кинокомедии – не спеши!
- Ну да, поспешишь – людей насмешишь.
- Вот ты заговорила про глаза необыкновенного цвета, и я вспомнила...
- Еще скажите, что вы с ней близко знакомы, - недоверчиво протянула Яварчук, не дослушав продолжения, потому как начало ей совсем не понравилось. Она сильно разозлилась на себя, на Белову, которая умничает. На себя Люська наброситься не могла, поэтому набросилась на Белову, - откуда бы вам ее знать?! Вы что-то придумываете на ходу и только лишь для того, чтобы дать мне понять, что я не разбираюсь в людях, что я неправильно строю разговор, что я быстро меняю свое мнение, что я вообще...никто и звать меня никак.
- Люся, ты себя слышишь?! - рявкнула Белова, чем заслужила критический взгляд молодой мамы. Мамаша катила коляску, в которой спал круглолицый бутуз. Белова приложила ладонь к груди – извинилась за свое громкое поведение. Затем процедила сквозь зубы, - Люся, не перебивай старших, это раз, не делай скоропалительных выводов, это два. Теперь я продолжу, если ты не возражаешь. - Люська возмущенно посопела, а Белова все же продолжила, - если это та Марианна, о которой я подумала, то я не удивлена, что она знает о Вадике больше, чем другие студенты, с которыми у Вадика сложились дружеские отношения.
- Я ничего не понимаю, - твердо выговорила Яварчук с легкой обидой в голосе.
- Родители Марианны когда-то были дружны с матерью Вадима. Потом их дружба расстроилась или так сложились обстоятельства. Но дружили они долгое время, часто приходили к Пушкиным в гости. Я хорошо помню упитанную девочку по имени Марианна. Она была ровесницей Вадима. Глаза у нее и в детстве были необыкновенными, запоминающимися. Сейчас ты сказала о глазах, и я сразу вспомнила ту девочку Марианну.
- Допустим, что речь идет именно о той самой Марианне. Что это меняет?
- Они знают друг друга почти с рождения. Марианна не могла убить Вадика, она ему и в детстве прощала все обиды, смотрела на него как на божество. В спорах всегда принимала сторону Вадика, который при чужой поддержке вел себя неподобающим образом. Но сверстники остерегались вступать в конфликт с девочкой, которая была больше всех и сильнее всех, и с мальчиком, который выставлял себя совсем ни тем, кем он был на самом деле, но малые дети плохо разбираются в этом. Я хорошо помню все перипетии детских отношений того времени, потому что оба, мальчик и девочка, проводили много времени в нашем дворе. Я долго ждала, когда чаша терпения Марианны переполнится, и она вздует своего обидчика, но сей момент не наступил. Возможно, час расплаты бы настал, но дружба родителей сошла на нет. В ту пору обоим было лет по двенадцать-четырнадцать. Кое-что они уже понимали друг о друге, поэтому Марианна умела право так высказаться о Вадиме - что Вадим выступал в разных лицах в зависимости от обстоятельств.
- Можно подумать, она «открыла Америку»: кто из моих сверстников одинаков дома и вне дома? Да, никто! Возьмите меня: дома с Марго я одна, паинька, в своем колледже я совсем другая...
- Оторва, - подсказала Ангелина.
- Ага, будешь в колледже паинькой, тебе голову откусят, не побрезгуют.
- Не наговаривай на себя, Люся.

- Ангелина Михайловна, вы уверена, что это именно та Марианна?
- Конечно, я могу ошибаться. Но с другой стороны, Марианна – редкое имя, и опять же - избыточный вес. В раннем детстве она была пухлым пупсиком, повзрослев, превратилась в «жиртрест», - так ее Вадик дразнил в подростковом возрасте, а она улыбалась в ответ. У Марианна мать низкорослая, но тоже очень полная женщина, видимо, дочь пошла в нее, а отец – высокий и худой.
- Ростом Марианна пошла в отца, она тоже высокая, потому я и назвала ее трехстворчатым шкафом.
- Не обзывайся, нехорошо, - приструнила ее Ангелина Михайловна.
- Больше не буду. Марианна увлекается рыбной ловлей, приглашала меня присоединиться к ним с отцом.
- Вот и поезжай. Авось, подружитесь. Ты сама утверждала, что у тебя нет подруг. Наверное, Марианна тоже одинока.
- Вообще-то, она девчонка ничего. Душевная.
- Послушай, душевная моя, отправляйся-ка ты домой, и жди моего возвращения.
- Что там у Жанны Петровны? Она вам не звонила? – поинтересовалась Яварчук, проигнорировав слова Ангелины Михайловны.
- Пока не звонила. А ты мне зубы не заговаривай. До-мой!
- Тетя Лина, - зывала Люська, - если вы не забыли, у меня назначена встреча, я не могу подвести человека.
- Ты уже успела переговорить с Василисой?
- Ну да. Я ей позвонила Василисе, назвала свое имя, сообщила, что я соседка Вадима Пушкина, он попросил меня оказать одну услугу - кое-что передать своей девушке, он же дал мне номер ее телефона.
- Мда. Необдуманно... Ну да ладно, обратной дороги нет. И что Василиса? Не удивилась?
- Она заявила, что не хочет ничего слушать о Вадике, что Вадик такой-растакой, гад последний.
- Вот даже как. Но это заявление позволяет нам сделать определенный вывод – раз Василиса ничего не знает о его смерти, значит, непричастна...
- Сами всегда говорите, чтобы я не делала скоропалительных выводов.
- Я не делаю выводов, я пока рассуждаю, а ты опять меня не дослушала. Василиса может быть хорошей актрисой, в отличие от простодушной Марианны.
- Как я поняла, Василиса и Вадим вдрызг рассорились.
- Причина ссоры тебе известна?
- Причина в Вадике. Именно из-за него Василиса не могла ходить некоторое время на работу, в итоге ей пришлось написать заявление по собственному желанию задним числом, чтобы не уволили за прогулы.
- Звучит интригующе. Что же он натворил?
- Василиса обещала рассказать мне при встрече.
- То есть, на встречу она согласилась, несмотря на то, что Вадик такой-растакой и гад последний.
- Любопытство взяло вверх. И вот теперь я не знаю, что мне делать. Понятное дело – на встречу надо ехать, но как набраться смелости и сообщить ей о трагедии. Надо ли, как думаете? Или придумать историю с его длительной командировкой – он же все-таки «коммерческий директор» НПП «Витязь».
- А что ты ей успела рассказать?
- Ничего, только то, что он просил меня кое-что ей передать. Все объяснения при встрече.

- Она не допытывалась?
- Пыталась, но я взяла пример с Марианны – напустила туману, сказала, что это секрет, она обо всем узнает позже. Так что мне делать? Говорить ей о смерти Пушкина?
- Люся, давай мы вместе навестим Василису, обо всем ей расскажем, посмотрим на ее реакцию. Выясним, как вел себя Вадик в последнее время, не делился ли своими проблемами.
- И спросим в лоб, был ли у нее ревнивый воздыхатель.
- Согласна поехать вместе?
- Честно? Не согласна, только вы не обижайтесь, но мне компаньонки не нужны, сама справлюсь.
- Где ты с ней встречаешься?
- Не скажу!
- Тогда я сейчас же звоню Марго!
- Только не надо меня шантажировать... Ладно, я скажу, но дайте слово, что не будете навязываться.
- Как ты разговариваешь! – возмутилась старшая подруга.
- Слово даете?
- У меня есть выбор?
- Без уточнений никак?
- Никак, я несу за тебя ответственность перед твоей прабабушкой. И перестань перебрасываться вопросами.
- Тетя Лина, вы только не пугайтесь, но мне придется уехать из города, потому что в данный момент Василиса проживает в поселке Толпино, рядом станция с аналогичным названием. Василиса присматривает за хозяйством своей родственницы, которая уехала в санаторий.
- Давно она там сидит, в своем Толпино?
- Я не спросила. И не потому, что забыла спросить, нарочно не стала – не хотела вызвать подозрений: чтобы не подумала, что я устраиваю допрос. И опять же: если Василиса причастна к гибели Вадика, но умело делает вид, что ни сном-ни духом, то она правды не скажет.
- Люся, ты сама подумай – если Василиса делает вид, что ни сном-ни духом, то она тебя заманивает в ловушку. Она отсиживается в своем Толпино, рядом с ней находится ее подельник, тут звонишь ты, представляешься соседкой, заявляешь, что у тебя для нее «привет» от Вадика, Василиса подозревает неладное, но соглашается на встречу, чтобы понять, что тебе от нее нужно, что тебе известно. А ты, доверчивая простота, едешь в поселок Толпино и попадаешь в логово врага. Люся, ты понимаешь, что тебе грозит опасность?
- Вы хотите меня запугать? Не удастся! Я все равно поеду к Василисе... Всё! Я не хочу ничего слушать!
- Не хочешь, а придется! Я запрещаю тебе ехать к Василисе!
- Что ж нам теперь ждать, когда Василиса вернется в город? А если ей тоже грозит опасность? Вы не подумали об этом? Если они с Вадиком влипли в какую-то историю? Василиса укрылась в поселке, а Вадик... а Вадик пытался привлечь наше внимание первоапрельским розыгрышем.
- Девушка, а вы детективы не пишете? Уж больно у вас развито воображение?
- У вас – ни меньше? Вы тоже пишете детективы?

- Довольно шуток-прибауток. Люся, ты можешь ограничиться общением по телефону. Необязательно пилить за тридевять земель. Позвони Василисе, скажи, что у тебя не получается приехать к ней, сообщи о гибели Вадима...
- Ага, по телефону, сообщи... Сами же говорили, что надо проследить за ее реакцией, я с этим полностью согласна. Когда видишь глаза человека, тебе многое становится понятным.
- Что именно ты хочешь понять по ее глазам? Врет она или говорит правду?
- Типа того.
- Почему ты считаешь себя умнее других?
- Я так не считаю, но телефонный разговор исключаю – он ничего не даст. То ли дело непосредственное общение с человеком.
- Зря я тебя втянула в это дело, - сокрушенно заметила Белова.
- Ничего не зря.
- Люська, надеюсь, ты повзрослела и поумнела и не будешь совершать опрометчивых поступков, - потеряв последнюю надежду ее отговорить, вкрадчиво проговорила Ангелина.
- Я давно уже и повзрослела, и поумнела, только вы не хотите этого замечать, - парировала с легкой обидой Яварчук. – Всё считаете меня дитем неразумным.
- Послушай, дите разумное, как я понимаю, отговаривать тебе бесполезно, но хочу тебя предупредить: во-первых, будь постоянно на связи, не вздумай отключать телефон; во-вторых, докладывай о каждом своем шаге. Как ты будешь добираться до этого Толпино?
- Как мне объяснила Василиса по телефону, я могу добраться до поселка на электричке или на личном автомобиле, но личного автомобиля у меня пока нет, поэтому я поеду на пригородный железнодорожный вокзал, куплю билет на электричку, следующую до станции Толпино. Затем позвоню Василисе, чтобы сообщить, на какое время я взяла билет. Когда я доеду до нужной станции и выйду на платформу, там меня уже будет ждать Василиса. Так мы с ней условились, потому что одна я не найду дорогу до ее дома, дома ее родственницы, в котором она проживает в настоящий момент.
- Мне нравится твоя обстоятельность. Одно не пойму - зачем тебе чужой дом? Вы можете поговорить на платформе и распрощаться. Поговоришь и сразу вернешься домой на ближайшей электричке.
- Сориентируюсь по обстоятельствам. Вы не волнуйтесь, ничего со мной не случится. Я буду на связи. Пока-пока.
- Береги себя, Люся. Не лезь на рожон...

Жанна Петровна Рябченко понимала, что взвалила на себя непосильную ношу. А как иначе можно назвать ее инициативу с получением информации от «внештатного агента» Анны Никифоровны Гавриловой. Старуха явно знает больше, чем рассказала полицейским. Свидетелем этого разговора были Жанна и Ангелина, притулившиеся на маленьком диванчике в квартире Пушкиных и созерцающие на действия правоохранительных органов. Следователь допрашивал Гаврилову в соседней комнате, но она так громко говорила, что ее можно было услышать на седьмом этаже, в квартире Беловой. На Белову старуха нападала страстно, обзывала ее «выжившей из ума на старости лет» - именно такими словами, на что Белова отреагировала на удивление спокойно: повернула голову к подруге и поинтересовалась, слышала ли она. Подруга попросила не обращать внимания, Белова процедила сквозь зубы:

«Тоже мне, нашлась девица на выданьи». Имея в виду, естественно, языкатую особу. А подруга вставила: «Давно выжила из ума, дура старая».

В общем, оговорила «девица на выданьи» Белову по полной, еще повезло, что следователь быстро разобрался, что к чему и отправил старуху восвояси, чтобы не мешала работать. Возможно, если бы он сделал вид, что прислушивается к ее словам, глубоко поддерживает и сочувствует, старушечья и проговорилась бы, поделилась своими наблюдениями на посту, но он взял и выпроводил, причем ни без труда. Бабка упиралась и пыталась придать значимости своей болтовне, сопровождая передвижение к выходу словами: «Эх, молодой человек, если бы вы знали столько, сколько знаю я...» Молодой человек, следователь, не желал знать столько, сколько знала таинственная особа, закрыл дверь и выдохнул. После чего вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и пробубнил себе под нос: «Если бы я знал столько, сколько знает она, я бы давно был на кладбище».

Почему он так сказал?

Но Ангелина, услышав слова следователя, вспомнила известную фразу: «Он слишком много знал». Озвучила ее, а Жанна зачем-то поддакнула. Далее продолжать не стали, лишь обменялись испуганными взглядами.

Получается, что Никифоровна что-то видела. Кого-то видела. Возможно, она видела убийцу. Хотела поделиться со следователем, но тот не оценил ее прямолинейного начала, посчитал именно ее выжившей из ума на старости лет, а раз выжила из ума, то выслушивать ему весь этот бред ни к чему, он не психиатр.

Но как Жанне подобраться к зловерной старухе, которая не любит Ангелину, и хороша знает саму Жанну, связанную с недругом Ангелиной неразрывной дружбой. Раз одна «выжила из ума на старости» - с ее слов, то и другая недалече от нее ушла, опять же унаследовала нелюбовь – это уже домысли самой Жанны.

Если бы Рябченко знала, что ее подругу целый день преследуют воспоминания, она бы нисколько не удивилась, потому что самой неожиданно пришел на ум один случай из далекого прошлого.

Дело было летом, летом, как пелось в одной песенке. И не просто летом, а на морском побережье, на студенческой базе отдыха.

Один парень, из местных жителей, воспылал к Жанне любовью, даже приглашал к себе в гости, чтобы познакомить с мамой, предлагал выйти за него замуж. Жанна отказалась от знакомства с мамой и выходить замуж отказалась, посчитала предложение блажью. Все две недели отдыха поклонник ходил за ней как привязанный, но на расстоянии, потому что несостоявшаяся невеста ему доходчиво объяснила, что никаких шансов у него нет. Видимо, он надежды не терял, и словам не поверил. На следующий год она не поехала на море, но ее сокурсники потом рассказывали, что ее прошлогодний кавалер приходил и спрашивал о ней. Получается, действительно, влюбился. Хорошо, что Жанна не дала ему свой адрес, хотя, он настаивал.

А как бы сложилась ее судьба, если бы она вышла замуж за того парня?

Прошлое не терпит сослагательных наклонений. Был такой случай, не случилось, и ладно.

Как же его звали? Она не помнит. И лица его не помнит. Столько времени прошло. Сколько? Жанна подсчитала и ужаснулась: тридцать восемь. Знакомство произошло в год московской олимпиады, в сентябре. В тот знаменательный для большой страны год они впервые попробовали невиданную доселе финскую колбасу в вакуумной упаковке, пепси-колу в бутылочках с полосатыми наклейками, невероятно вкусную.

Всеми удивлялись, всеми радовались, никогда не были циничными и не делали вид, что чрезвычайно устали от жизни.

- Довольно предаваться воспоминаниям, - дала себе установку Рябченко. И призадумалась, - не позвонить ли Ангелине? Посоветоваться, что предпринять, как подступиться к Никифоровне?.. Позвонить?.. Нет, не стану звонить, знаю, что от нее услышу: «Жанна, ты когда-нибудь можешь самостоятельно решить проблему? Никто тебя за язык не тянул, никто не заставлял идти к Никифоровне! Это был твой выбор!»

Ангел будет, как всегда, права – она привыкла советоваться с ней, прежде чем принять решение. Она привыкла, ей так проще жить. И она благодарна подруге за совет, за помощь и поддержку. Если бы подруга вовремя не поддержала, Жанна до сих пор жила с мужем-пьяницей, который ее постоянно унижал, что самое ужасное – унижал сына. Протрезвев, не мог вспомнить, что произошло накануне, но на всякий случай извинялся, сыпал несбыточными обещаниями.

Как мог умный образованный человек, быстро поднимающийся по карьерной лестнице, незаметно пристраститься к спиртному? Жанна часто возвращается в то время, задается вопросом – почему так вышло? Поженились, родился сын, все было хорошо. Жанне хотелось думать, что все у них хорошо. Бывший муж никогда не говорил о любви. Она первая затевала разговор. Говорила, что любит, спрашивала, а он? Он кивал или односложно отвечал - тоже тебя люблю. Ее не коробило его «тоже». Когда уже «заварилась каша», Жанна вызвала на откровенность свекровь, та нехотя призналась, что у ее сына была любимая девушка, они собирались пожениться, но незадолго до свадьбы, она сбежала с другим. Ее искали, думали, что с ней случилась беда. Она нашлась сама – дала бывшему возлюбленному телеграмму – не ищи, у меня все хорошо. Через месяц он встретил Жанну, они поженились. Хотел забыть сбежавшую невесту, ему это не удалось, потому их семейное счастье длилось недолго. От переживаний, не отпуская его, начал прикладываться к бутылке. Жанна не возражала, сначала ей даже нравилось преобразование мужа после выпитой рюмки-другой. Он был нежен, ласков, но почему-то называл ее Ладой. Жанка думала, что просто так, вспомнилась старая песенка: «Хмуриться не надо Лада, хмуриться не надо Лада, для меня твой смех награда, Лада». Оказалось, Ладой звали его бывшую возлюбленную.

Жанна упустила момент, когда можно было его остановить, когда можно было до него достучаться. Когда точка невозврата была пройдена, когда даже жалости к нему почти не осталось (но «почти» это тоже якорь, не позволяющий перейти к решительным действиям, иной раз жестким), на помощь пришла Ангелина, которая смогла вразумить - делала акцент на сынишке, на Викторе. Поначалу Жанна не хотела ничего слушать о разводе, прикрывалась словами: без меня муж пропадет. Ангел парировала тогда: «Он давно пропал, и ты бессильна что-то изменить, это был его выбор, и сейчас, если ты не поставишь свою жизнь с головы на ноги, пропадешь не только ты, но и Витюшка».

Каждый день мальчик с ужасом ждал возвращения отца домой. В ту пору отец уже потерял работу, но утром заявлял, что идет трудоустроиваться, якобы нашел хорошее место. Врал, конечно, и супруга это знала, но молчала. Одевала его во все чистое-выглаженное и отправляла... трудоустроиваться. Стояла у окна и провожала взглядом сгорбленную фигуру, пресекающую двор скорым шагом. Из этого же окна вечером со страхом ждала возвращения «трудоустроенного» мужа. Когда он долго не возвращался, начинала нервно мерить шагами кухню и прихожую, звонила подруге, чтобы посоветоваться, куда звонить, к кому обращаться. По вскоре

перестала волноваться, выглядывать из окна, поджидать, а потом и вовсе тихо радовалась и надеялась, что он вообще не придет. Пойдет к матери и у нее же останется навсегда. Мать видела их «счастливую» семейную жизнь, и сама предлагала невестке подать на развод.

- Хоть пьяница, но мой сын, мой крест, его и буду нести до конца жизни, никуда мне не деться, а тебе нужно свою жизнь устраивать, - ласковым голосом говорила свекровь.

Но достучаться смогла только Ангелина, предъявив козырь – сын Витюшка.

- Пока не поздно, надо что-то делать. Иначе с мальчиком случится беда. На чьей это будет совести? – вопрошала разгневанная подруга и таки добила своего.

В короткие минуты более-менее нормального восприятия супругом окружающего мира Жанна заявила, что подала на развод. Муж вскинул на нее глаза, криво ухмыльнулся и прохрипел:

- Давно пора. Я устал ждать.

Долгих судебных разбирательств не было, их развели быстро, они расстались без сожаления. Но все равно Жанна часто вспоминала бывшего мужа, жалела его, хотелось узнать, жив ли он или помер в какой-нибудь подворотне.

Однажды не сдержалась и отправилась к бывшей свекрови. Думала, что бывшая свекровь сильно сдала под грузом неразрешимых проблем, а застала ее прежней, деловой и суетливой. Бывшей снохе она была рада, пригласила в дом. Жанна с опаской зашла. Хозяйка заметила ее напряженное состояние и успокоила:

- Не бойся, его нет. Давно уж уехал, практически сразу после развода. Завербовался на стройку. Все у него хорошо, ни капли спиртного в рот не берет. Недавно женился. Жена скоро родить должна. А ты разве не знала?

- З... знала, - соврала Жанна, стушевалась и призналась, - нет, я ничего не знала. Рада за него...

У бывшей свекрови пробыла недолго, о чем им разговаривать, все что хотела, она узнала – жив-здоров и даже счастлив. Получается, именно она была причиной его падения.

А почему только она? Она ему не навязывалась, она не заставляла его жениться на ней. Она его очень любила. Он это понял без сложных умозаключений и решил – авось что-то и выйдет.

Но зла на бывшего мужа Жанна не держит, благодарна ему за сына. О сыне отец и бабушка быстро забыли, но Жанна их не осуждает. Им с сыном жилось неплохо. Хорошо жилось, что там говорить.

Жанна скрыла от подруги новость о бывшем супруге, сама не знает, почему так поступила. Наверное, не захотела возвращаться в прошлое, мусолить тему своей вины, его вины, строить предположения, разбирать свое личное дело – что с ней не так? Развивать собственные комплексы. Хотя, вряд ли Ангелина позволила бы их развить. Она всегда утверждала, что бывший супруг ее подруги не оценил своего счастья, таких женщин, как Жанна – одна на миллион.

И опять вспомнился парень из восьмидесятого, года московской олимпиады. Как бы сложилась ее жизнь, если бы...

История не терпит сослагательного наклонения! Сколько можно себя в этом убеждать? Аксиома! Никуда не деться, машину времени пока не изобрели. Жизнь сложилась так, как она сложилась, чего уж теперь. Ангел сейчас бы пропела: «А знаешь, все еще будет...»

Ангел оптимистка, а она, Жанна, скрытная пессимистка. Если бы ни подруга, была бы самой настоящей пессимисткой, не скрытной. Жанна заряжается от подруги

энергией, Ангел – аккумулятор. Они так давно дружат, что понимают друг друга без слов, чувствуют друг друга на расстоянии. Когда Жанне плохо, ей тотчас звонит Линка и спрашивает: «Жанок, у тебя все нормально?» Жанка старается не расстраивать подругу, которая принимает ее проблемы близко к сердцу: «У меня все ок!» - «А не выпить ли нам по рюмашке? – тогда предлагает Линка. – «Заметьте, ни я это предложила!» - заимствует чужие слова из кинофильма «Покровские ворота» Рябченко, которой от заботы близкого человека сразу становится на душе легко и свободно...

- Это очень хорошо, даже очень хорошо, - протянула Жанна, выскакивая из воспоминаний на радостной ноте.

Она не могла понять, давно ли стоит перед зеркалом и почему у нее на голове парик, который когда-то забыла в их квартире подруга сына. Пришла в парике, ушла без парика, несмотря на то, что уходила без спешки – мать ее возлюбленного в то время отсутствовала уже две недели и обещала отсутствовать еще неделю. В ту пору они еще жили с сыном вместе. Это сейчас он гастролирует – живет то у себя на квартире, то у матери. А парик остался как память о бывшей подружке. Сначала Жанна думала, что та опомнится и заберет свои накладные волосы, и держала парик наготове. Спустя время, засунула парик в пакет с логотипом известного супермаркета, и спрятала куда подальше, на антресоли. Как теперь парик оказался на голове, оставалось загадкой. Получается голова и руки жили каждый своей собственной жизнью. Но голова направляла действия рук.

- Все это не просто так, - протянула Жанна Петровна, поправляя на голове-подсказнице длинноволосый парик цвета перезрелой пшеницы. – Надо признать, что в этом парике я выгляжу иначе. Если немного поработать с лицом, то меня, вообще, никто не узнает. Кроме Ангела, конечно.

Рябченко призадумалась – какой образ она собирается выбрать для встречи с Никифоровной? Работница собеса, которая пришла к пенсионерке «по производственной необходимости»? Избитый прием: Никифоровна – стреляный воробей, ее на мякине не проведешь. Предстать перед старухой деловой особой, которая проводит перепись населения? А то старуха не знает, что никакой переписи нет и в помине. Агитатор на местные выборы? Это мысль! Но агитация не работает для тех граждан, кто давно определился с выбором, Никифоровну агитировать бессмысленно: она стояла и стоит на позициях коммунизма, является яркой сторонницей Коммунистической партии. Без всякого сомнения лидеру этой партии часто достается от непримиримой коммунистки. Была бы ее воля, позволял бы возраст, она бы навела шороху, поучаствовала бы в шествиях и митингах. Никифоровна самоустранилась от активной политической жизни по причине преклонного возраста, как уже было сказано, однако явно страдает без понимающего слушателя, который станет внимать ее коммунистическим речам.

- Кажется, у меня родилась гениальная мысль! – возликовала без ложной скромности Рябченко, - надо хорошенько обмозговать эту идею, чтобы легко втереться в доверие к Никифоровне. Обмозгую-ка я идею за чаем.

Жанна Петровна выпила большую кружку чаю с молоком, потом проглотила четыре пряника, потом подумала и налила себе тарелку борща. После сытного обеда ее нещадно потянуло в сон...

Ангелина Белова, наконец, добралась до нужного дома по улице Ленина, в котором проживал Константин Павлович Кораблев, и решительно позвонила в домофон, терпеливо выслушала звуковые переливы, топчась от волнения на месте. Будто под

ногами была ни бетонная плита, а горячие угли. На призыв взволнованной женщины никто не откликнулся, она повторила свою попытку, но также безрезультатно. Выходит, Кораблев отсутствует.

Из подъезда вышла особа, приблизительно ее лет, в летней шляпке с цветком, в черный брюках и линялой ветровке. Городская сумасшедшая, - решила Белова и отступила на пару шагов. Особа одарила ее недобрый взглядом, подождала, когда подъездная дверь за ней закроется и смолкнет звук зуммера, подтверждающий, что «граница на замке», и потелепала через двор. Ангелина с удивлением заметила на ее ногах мужские сандалии, сквозь живописные дырочки сандалий топорщились ярко-зеленые махровые носки. Голова и ноги данной особы «жили» в лете, туловище – в правильном времени года, в весне.

Проникать в чужой подъезд Белова ни в коем случае не собиралась, и указания Пышненко тому не были причиной: запоздало взялась за ум после разговора с Люськой. Вот зачем позволила ей встречаться с девушкой Вадима, с Василисой?! Ладно Люська – молодая, озорная, бесшабашная, но она-то, Ангелина, обязана соображать!

Надо братья за ум, начинать с себя, другие подтянутся, - мысленно решила Ангелина. Осмотрелась вокруг, заметила во дворе лавочку и решила дождаться Кораблева с «удобствами». Пристроилась лицом к интересующему ее подъезду, чтобы не пропустить входящих в подъезд мужчин. Если мужчина появится, она не будет стремительно к нему лететь, выждет, потом повторит попытку с набором цифр на щитке домофона.

Сначала в подъезд вошел молодой отец со спящим ребенком на руках, затем женщина в безвкусном ярко-красном драповом пальто, школьник с ранцем, немолодая пара. Потом появился мужик лет сорока пяти. На его локте висела девица лет тридцати. Девица что-то щебетала и заглядывала мужику в глаза. Мужик снисходительно лыбился. Белова решила – Кораблев. Собрался устроить свою личную жизнь здесь и сейчас, но придется ему повременить с личной жизнью.

Ангелина Михайловна выдержала пять минут, после чего ринулась к подъездной двери. Позвонила. Никакого результата.

- Черт побери, что происходит? - выругалась она сдавленным шепотом. - А то и происходит - или они не хотят отрываться друг от друга, реагировать на непрошенных гостей, или это был не Кораблев. Я выбираю второе!

Выбрав второй вариант, Ангелина вернулась на лавочку и приуныла. Сегодняшний день ее вымотал, хотелось есть, пить, хотелось принять горизонтальное положение. Ныли ноги, болела поясница.

Взгляд упал на торговый павильон, расположенный неподалеку, через дорогу. В павильоне можно купить бутылочку воды и утолить жажду.

Пока она будет бегать туда-сюда, Кораблев благополучно проникнет в свою квартиру, отключит телефоны-домофоны - мало ли! – и будет наслаждаться одиночеством... Или обществом особы женского пола. Весна, одним словом.

- Весна, весна - ни лето, ни зима, - пробубнила себе под нос Ангелина, усердно шевеля замерзшими пальцами на ногах – ботинки на тонкой подошве не спасали от холода.

Солнце решительно пряталось за горизонт, на улице ощутимо похолодало. Ангелина сильнее закуталась в шарф, прикрыв подбородок. Руки просунула в рукава наподобие муфты. Пить хотелось немилосердно. И не просто воды, а горячего чаю. Можно и воды, и чаю. Лучше с бубликом или с коржиком.

Женщина поднималась, энергично вышагивала вокруг своего «насеста», желая чуть-чуть согреться. Со стороны ее поведение выглядело забавным, если ни сказать – осуждающим, но точно привлекало внимание прохожих. Ангелина не хотела привлекать внимание, мечтала стать невидимкой... с кружкой горячего чая в озябших ладонях. Пришлось уговорить себя сесть снова на лавочку, что она и сделала с сожалением. Подняла ноги, задержала их на весу и ритмично постучала друг о друга – пытаюсь согреть заледеневшие конечности. Зажала кулаки, поднесла к губам и подула. Потом опять превратила рукава в муфту.

Когда она совсем отчаялась дождаться ненавистного ей Кораблева, окончательно замерзла, сзади раздался вкрадчивый мужской голос:

- Опять размышляете? Мозги тренируете, чтобы не закисло? По-прежнему мечтаете дожить до ста лет?

Ангелина дернулась от неожиданности, запуталась в рукавах, едва не свалилась с лавочки, удержалась благодаря заботе мужчины, стоящего за ее спиной. От него хорошо пахло, не навязчиво, приятно и слегка одурманивающе. Голова слегка закружилась, но Лина справилась, усидела на месте, на этот раз без посторонней помощи. «Помощь» уже стояла перед ней и улыбалась во все свои тридцать два зуба. Да-да, это был недавний брүнет, тот самый, с седыми висками, и опять сбивал ее с умной мысли своей располагающей улыбкой. Без улыбки он был неприятным типом, пусть бы таким и оставался.

- Ну, что я говорил?! Мы еще встретимся!

- Здрате, давно не виделись, - буркнула Белова и втиснула подбородок в шарф, закрученный вокруг шеи. Была бы возможность, превратилась бы в черепаху, прячущую голову в панцирь, чтобы не видеть ни брүнета, ни тем более его улыбки, превращающую его в другого человека.

- Случайно, не меня ждете? – спросил незнакомец и пристроился рядышком, слишком близко от напряженной особы. В голове произошел круговорот: мысли вихрем закружились, Ангелина попыталась сосредоточиться и понять, что она делает в этом незнакомом дворе, и почему этот человек опять сидит рядом с ней? Надо как-то его мысленно обозвать, вызвать неприязнь. Почему-то все обзывательные слова позабылись. На ум пришла только характеристика Вадика, данная ему девушкой Василисой, но в обработке Людмилы Яварчук – такой-растакой, гад последний. Белова несколько раз повторила про себя обзывательство, применяя его к брүнету. Еще недавно воспитывала Люську – нельзя обзываться! А сама? Но она же про себя, ни вслух. Про себя можно... всё, даже признаваться в любви. Ноги болят, спину ломит, а она туда же – о любви! И кому она собралась признавать в любви? Этому павлину? Павлин-мавлин! И гад последний. И улыбка у него гаденькая. Хитрющая улыбка. Думает, что женщины должны укладываться перед ним штабелями, едва она растянет свои мерзкие губы в пошлой улыбке... И пахнет от него отвратительно. Да, отвратительно! Это поначалу показалось, что хорошо, ненавязчиво и одурманивающе. Нос замерз, нос заложило, вот и... показалось. А голова закружилась от холода, у нее так бывает, ни впервой: ноги замерзают, давление повышается, начинает подташнивать...

Мне от него тошнит, - пришла к убедительному выводу Ангелина Михайловна, сообразила выпрямить спину, стянула с головы солнцезащитные очки и нацепила на переносицу, забыв, что солнце успело распрощаться с горожанами до следующего утра. Наконец, удалось настроиться на деловой лад.

За все время ее мучительных уговоров, Кораблев сидел рядом и смотрел вдаль, как будто не хотел мешать. Или изображал из себя постороннего, которому ничего не

нужно от немолодой особы со странным поведением. А может быть, он боялся ее спугнуть? В их первую встречу она стыдливо бежала, а он что-то прокричал ей вслед... Что, что... то и прокричал: они еще встретятся, а она подумала – звучит угрожающе.

Ангелина заерзала, взяла в руки сумочку, которая лежала рядом, на лавочке. Мужчина явно занервничал – подумал, что она опять сбежит. Женщина неожиданно повеселела, аккуратно, словно это была ваза богемского стекла, положила сумочку на колени, потянула молнию, заглянула внутрь, не нашла ничего заслуживающего внимания – термос с чаем, о котором грезилась долгое время, закрыла молнию и зачем-то хмыкнула.

- Что-то не так? – заинтересовался мужчина.

В ответ Ангелина лишь передернула плечами. Вернула очки на темечко – чтобы лучше видеть его, оценивающе посмотрела и отвернулась, пытаясь вспомнить, о чем он успел спросить до того, как уточнил «что-то не так?»

С трудом, но вспомнила, и попыталась отшутиться.

- Если вы Константин Павлович Кораблев, то вас.

- О как! – округлил глаза брюнет, его лоб пошел складками. Якобы удивился и согласился одновременно.

- Вы... Кораблев? – с недоверием произнесла она, решив, что брюнет вновь затевает какую-то игру. Сказано – игрок.

- Да, я Кораблев. Кораблев Константин Павлович. Можно просто – Константин.

- Мужчина, шли бы вы... созерцать природу, - направила его по маршруту женщина.

- Вы мне не верите?

- Вы такой же Кораблев, как я Ингеборга Дапкунайте. Вот скажите: если бы я сказала, что жду Фердинанда Аликперовича Шугундера, вы бы тоже назвали этим именем, чтобы вступить со мной в диалог?

- Я ни... этот... Как вы сказали? Шугундер. Я Кораблев. Константин. Я живу в этом доме, - он указал на дом. – Мой подъезд – третий.

Именно дверь третьего подъезда продолжительное время сверлила взглядом уставшая и продрогшая Белова.

- Может быть, у вас и паспорт при себе? – вскинув брови, поинтересовалась она, понимая, что перед ней нужный ей Кораблев. Для порядка спросила. И вытянула шею, чтобы выбраться из шарфа. Мысленно порадовалась, что прихватила с собой теплый шарф, сунула в сумку в последний момент. Шарф пришел на смену легкой косынке, которая первоначально прятала немолодую шею немолодой особы. Подбородок не хотел выбираться из «логова», пришлось оттянуть шарф рукой и подоткнуть его под подбородок. – И чего мы молчим? Нет доказательств своей личности?

- Почему же нет, есть, - пробасил мужчина, продолжая светиться от счастья.

Сунул руку во внутренний карман своей кожаной куртки и достал документ, удостоверяющий его личность. Протянул документ проверяющей стороне. Сторона приняла документ, открыла и сличила фото с оригиналом. После чего перевернула несколько страниц и проверила место прописки. Все совпало: и фио, и фото, и прописка.

- Кораблев. Константин Павлович, - отрывисто и по-деловому выговорила. Тон не сулил ничего хорошего, но Кораблев продолжал улыбаться.

- Я – Кораблев Константин Павлович, - подтвердил он.

- Вы мне как раз и нужны, - сказала Ангелина таким пугающим голосом, что любой другой дал бы деру.

Кораблев подхватился, но деру не дал. Замер перед ней, пристрастно вглядываясь в лицо, как будто пытался понять, кто перед ним. Ангелина под его взглядом поежилась и невольно обхватила себя за плечи.

- Я вижу, вы продрогли, вам необходимо согреться, а то вы заболете.
- Не заболею, я закаленная.
- И все-таки я хочу пригласить вас к себе в гости. Тем более, у вас ко мне разговор, как я понимаю.
- Вы правильно понимаете. Но много времени наш разговор не займет, поэтому побеседуем здесь.
- У вас такой устрашающий вид, как будто я совершил что-то нехорошее. Не побоюсь этого слова – страшное злодеяние.

Ангелине хотелось сказать, пока не знаю, может быть, и совершили, что-то совсем нехорошее, страшное злодеяние, иначе убийство человека не назовешь, но она сдержалась. Даже выдавила из себя некое подобие улыбки, правда жалкой, потому в голову пришла здравая мысль - нашлась причина, заставившая явиться к незнакомому мужчине. И причина эта была трагической, следовательно, ни до улыбок. Допускалась лишь слабая реакция на шутку.

- Константин, у меня к вам важное дело, - призналась со стоном Ангелина.
- Прежде чем приступить к делу, я хотел бы услышать ваше имя. Неловко разговаривать с человеком, не зная, как к нему обращаться.
- Ангелина Михайловна, - подчеркнуто проговорила она.
- Ангелина Михайловна, и все же я прошу принять мое приглашение. Я не могу спокойно лицезреть ваши посиневшие губы, не могу слышать ваш дрожащий голос.
- Голос у меня не дрожит... Или дрожит от волнения. Про губы ничего не скажу, мне сейчас не до посиневших губ. Давайте вернемся к делу.

А вот вернуться к делу Ангелине мешал раздрай в голове – она не пришла к точному определению причины своего визита к Кораблеву. Ясно одно – причина трагическая, но к гибели Вадима Пушкина она не должна иметь отношения – раскрывать карты она не собиралась. Кое-какие наметки были, но их необходимо было осмыслить, чтобы Кораблев ей поверил. Пока она осмысливала, мужчина вкрадчиво поинтересовался:

- Если я могу чем-то помочь, то я готов. - При этом в его голосе не было сочувствия или готовности, сказал для красного словца, чтобы расположить к себе, поймать на крючок очередную жертву своего соблазнения. Кораблев имел вид счастливого человека, которому все удается легко, чужие проблемы не могут ему помешать или задеть.

Эгоист, - подумала про него Белова и добавила с сожалением, - но обаятельный эгоист. Подключил все средства и все свои возможности, чтобы заманить к себе. Весна – сезонное обострение.

Ангелина вспомнила слова Пышненко, характеризующие Кораблева: зануда, препротивный мужик.

Ангелине не показался он ни занудой, ни препротивным. Игроком, да, бабником, да, пусть и непрофессиональным бабником, начинающим. Слова про кобелирующую особь она забрала еще там, в парке, при первой встрече. Во всем виновата его располагающая улыбка. Улыбка искренняя, не отрепетированная.

А почему она решила, что известные личности во время сезонного обострения улыбаются иначе? Когда уговаривают свою жертву, они создают образ неповторимых очаровашек, а тетки, типа нее, ведутся и... становятся жертвами. Но

на людной улице в светлое время суток ей нечего опасаться. К нему в квартиру она не пойдет, не поддастся его чарам. Они поговорят и разойдутся.

Видимо, на ее лице застал такой ужас, что «маньяк с сезонным обострением» спрятал свою улыбку – наконец! – и заботливо поинтересовался:

- Ангелина Михайловна, у вас что-то случилось? Вам сложно открыться незнакомому человеку? Но раз вы ко мне пришли, то я как-то причастен... Еще при первой нашей встрече я заметил ваше противоречивое душевное состояние. Вы ушли, а я никак не мог вас забыть.

- Противоречивое душевное состояние - это как? – спросила она, чтобы что-то спросить, отодвинуть время своего «признания».

- Вы верите в лучшее, но надежды почти не осталось. Я прав?

- Всегда надо верить в лучшее, а готовиться... Знаете, Константин, мне совсем не хочется затевать игру в угадайку. И делиться своими проблемами с незнакомым человеком мне сложно, в этом вы правы. Но иного выхода у меня нет. И я очень надеюсь на вашу помощь.

- Я готов.

- У меня... пропал племянник. Его зовут Александр. Мне сказали, что его видели возле вашего дома в составе бригады грузчиков, которые перевозили мебель. Я нашла этих грузчиков, у меня состоялся разговор с их бригадиром, он мне сообщил, что в тот день, двадцать восьмого марта, рядом крутился парень, похожий на моего племянника. Когда они приехали по другому адресу, того парня с ними не было. Он исчез. Я не знаю точно, был ли это Александр, но в любом случае тот парень очень на него похож. Ему двадцать три года, рост метр восемьдесят, у него модная прическа с выбритыми боками и хвостиком, стянутым резинкой на макушке. Вы его видели? Или очевидцы напутали, и тот парень не мой племянник Александр, а ваш знакомый или родственник.

- Я видел парня, подходящего под ваше описание. Он крутился среди грузчиков, честно говоря, я решил, что он один из них. И что же получается? На самом деле он был чужаком, пришел со стороны? Но что ему понадобилось? Зачем он изображал из себя грузчика?

- То есть вы его не знаете? И никогда раньше с ним не встречались?

- Я его видел первый и последний раз. У меня хорошая зрительная память. К тому же я долгое время жил в другом городе, сейчас вернулся, новыми знакомства не обзавелся, старых знакомых растерял. В этом городе живет моя мать. Я ее не баловал своими визитами.

- Константин, не удивляйтесь моему следующему вопросу. Но у вас ничего не пропало из вещей? Я не хочу наговаривать на своего племянника, обвинять его в чем-либо, но после того случая его никто не видел, он исчез. Вот я и подумала...

- Никаких ценностей я не перевозил, старые вещи, книги, кое-какую мебель. Всё, что дорого моей матери, среди старых вещей ей легче и комфортнее жить.

- Значит, ничего не пропало, - упавшим голосом произнесла Белова, как будто только и мечтала о том, чтобы обвинить своего «племянника».

- Если не считать двух книг.

- У вас... пропали книги? Ценные?

- Я вас умоляю! Ценные! Если только для моей матери. Эти книги ей дороги, как память о ее покойном муже, моем отце.

- Вы можете сказать, какие книги пропали? Для меня это очень важно.

- Мама мне позвонила через пару дней после перевозки вещей. Она разбирала перевезенное добро и поняла, что не хватает двух книг. Решила, что я оставил их

себе. Я уверен, что пропавшие книги были среди других книг. Чтобы успокоить мать, я сказал, что книги у меня. Но их нет. Одно не пойму, кому они понадобились? Наверное, просто выпали из коробки и потерялись при транспортировке. Первая книга - «Жизнь и ловля пресноводных рыб», автор Сабанеев, издана в Киеве в 1960 году, вторая – «Словарь иностранных слов», книга издана в Москве в 1949 году.

- Вы так хорошо запомнили, где и в каком году изданы обе книги? – недоверчиво протянула Белова.

- Ничего удивительного. Сколько себя помню, столько помню эти книги. С детства увлекаюсь рыбалкой - отец пристрастил, поэтому книга Сабанеева была у меня настольной, а словарь иностранных слов – это вообще что-то запредельное для своего времени. Я узнал много новых слов, для советского времени это был как «Самиздат». К тому же у меня отличная память на цифры, на даты, я историк по образованию.

- Преподаете?

- В колледже.

- Нравится?

- Нравится. Я люблю свою профессию, и детей люблю.

- Свои дети есть? – набралась наглости Ангелина.

- Своих детей нет.

- Вы молоды, у вас еще все впереди.

- Мне сорок пять, - напомнил Кораблев. Ангелина и без напоминаний знала, сколько ему лет – паспорт успела изучить.

- Какие ваши годы, - передернула она плечами. - Сейчас мужчины и в восемьдесят становятся отцами.

- Я не хочу в восемьдесят, я хочу видеть, как растет мой ребенок, хочу застать то время, когда он окончит школу, поступит в институт, - мечтательно проговорил Константин. – Ангелина Михайловна, а вы замужем?

- Разведена. И давно. У меня есть дочь. Она сама уже мать. У меня подрастает внук... Только не надо говорить мне комплиментов, - заметив порыв, осадила его женщина.

- Ну, почему же?! Вы прекрасно выглядите!

- Еще скажите – вашей ровесницей или моложе, - хмыкнула Ангелина. - Но давайте вернемся в тему нашего разговора. Вы сказали, что книги могли выпасть из коробки. Обычно люди складывают книги в стопки и перевязывают бечевкой.

- Я тоже так поступил, но книги большого формата я сложил в обувную коробку, где когда-то лежали мамины полуботиночки. Книги и без того были ветхие, я не хотел, чтобы они окончательно потеряли внешний вид. И мама настоятельно просила положить именно эти книги в коробку, даже сказала, в какую именно, чтобы сразу их найти среди кучи вещей.

- В коробке находились только пропавшие книги?

- Не только, кроме тех двух книг, там были несколько моих детских книжек. Тоже большого формата. Детские книги остались в коробке, а те две книги исчезли.

- Почему вы не обратились к грузчикам? Книги могли пропасть по их вине.

- Ну, пропали, что ж теперь поделаешь. Незачем людей по пустякам беспокоить. А с мамой я как-то объяснюсь, найду утешительные слова.

- Могла пропасть коробка с книгами, а пропали только две книги из коробки. Не подозрительно ли это? К тому же среди грузчиков вертелся некий молодой человек, похожий на моего племянника Александра. Получается, что он охотился именно за этими книгами, уличил момент и выкрал книги. Зачем ему эти книги, если они никакой ценности не представляют?

- Когда ваш племянник вернется домой, а он обязательно вернется, вы у него сами и спросите.

- Конечно, спрошу, если тем молодым человеком был именно Александр, а не другой парень, очень на него похожий.

- Ангелина Михайловна, - проникновенным голосом обратился к ней Кораблев. Ангелина не стала слушать продолжения, поднялась с лавочки, и только сейчас сообразила, что занемевшие и окоченевшие ноги ее плохо держат. Того гляди упадет. Что о ней подумает Кораблев? Только одно – она изображает из себя девицу, без повода падающую на руки мужчин.

- Благодарю за помощь, мне пора, прощайте, - скоро проговорила она, справилась со своими одеревеневшими ногами и направилась со двора. Старалась не ковылять, а красиво передвигаться, неспешно, с гордо поднятой головой, с прямой спиной. Однако красивое передвижение выходило у нее плохо – ноги заплетались, и спина постоянно пыталась согнуться, чтобы поясницу разгрузить. К тому же она постоянно чувствовала сверлящий взгляд Кораблева. Еще немного, еще чуть-чуть, и она скроется с его глаз. До угла дома рукой подать, там будет ковылять, заплетаться, но все равно пытаться сделать из себя бодрую женщину, полную молодости и сил. Так привыкла.

- Ангелина Михайловна, запишите номер моего телефона! - воскликнул мужчина.

- Не думаю, что это так необходимо, - повернув голову, сказала она. При этом едва не свалилась.

- А вдруг?

- Прощайте, - пропела она с игривыми нотками. Опомнилась и мысленно обозвала себя выжившей из ума старухой – вспомнила слова Никифоровны.

- Ангелина Михайловна, погодите! - Кораблев догнал ее и опять завел «старую песню о главном». - Может быть, примете мое приглашение? Что вы предпочитаете: чай или кофе?

- Воду без газа, но у себя дома.

Вот и угол дома.

И все же Кораблев прокричал ей вслед номер своего мобильного телефона. Ангелина мысленно повторила несколько раз, а когда оказалась в маршрутном такси, «забила» номер телефона в контакты своего мобилника – чтобы не забыть. Как ни крути, а старость – не радость...

Ангелина вспомнила о Люське Яварчук, когда оказалась в стенах своего дома, перед дверью своей квартиры. Решила позвонить Люське на мобильный, чтобы пригласить к себе – рассчитывала, что соседка вернулась домой. Механический голос сообщил, что абонент временно недоступен или находит вне зоны действия сети. Тогда Ангелина нажала кнопку звонка. Дверь никто не открыл. Получается, что Людмила еще не вернулась, а Маргарита Леопольдовна Фредушинская воюет на фронте жкх.

- Где ж ее черти носят, - пробубнила себе под нос Белова, наконец, оказываясь у себя дома, имея ввиду, естественно, Людмилу Яварчук.

Ноги гудели, в голове опять начались круговороты. Лина не знала, как там в пустыне Сахара – никогда не была, но сейчас она точно была в пустыне – ее жутко мучила жажда.

Для начала она тщательно вымыла руки, потом осушила два стакана воды, скинула с себя одежду, долго стояла под горячим душем, закончила холодной водой, растерлась полотенцем, завернулась в теплый махровый халат, натянула

шерстяные носки и растянулась на диване. Долго не залежалась – в животе забурлило, голод напомнил о себе и заставил встать с дивана и направиться в кухню.

Ангелина поставила разогреваться тушеное мясо, еще раз набрала номер Люськи. Опять механический голос в ответ.

- Вернется, убью, - пообещала Белова. И позвонила Жанне. Та долго не отвечала, Белова вновь помянула в сие черта, уже собралась забросить подальше телефон – со злости, но тут Жанна отозвалась, прохрипев что-то непонятное.

- Эй, первая красавица нашего городка, ты простудилась, что ли? Или дрыхнешь без задних ног? - Внутри организма Ангелины поднимался бунт возмущения, хотелось рвать и метать, как говорила главная героиня в одной советской кинокомедии. Тем более, объект для нападок долго искать не надо – соня-засоня.

Но просто так соня-засоня сдаваться не собиралась.

- Я не сплю! С чего бы мне спать?! – с долей возмущения отрапортовала подруга и с трудом сдержалась, чтобы не зевнуть.

- Тут такие дела творятся, а она... спит, - привычно высказалась о подруге в третьем лице Белова.

- Что-то случилось? - с тревогой в голосе спросила Рябченко.

- Вадика убили, если ты забыла, и... Люська пропала, - упавшим голосом сообщила Ангелина.

- Как пропала! – охнула Жанна Петровна.

- Лучше нам обсудить возникшие проблемы не по телефону, - озабоченно проговорила Белова.

- Мы-то можем обсудить проблемы, но разговорами делу не поможешь. Надо что-то предпринять для поисков Люси. Ты в полицию заявила?

- Жан, ты думай, что говоришь, - попеняла подруге Лина, та задумалась, но так и не могла понять причины наезда на нее. Выбрала за лучшее промолчать. Во время ее молчания Ангелина помешивала мясо в кастрюльке, прижимая к уху трубку плечом. При этом пыхла как паровоз, уклоняясь от поднимающегося от кастрюли пара. Жанна ждала объяснений и дождалась, после того, как закончились помешивания, и кастрюля была благополучно накрыта крышкой. - Во-первых, я Люське не прихожусь родственницей, только родственники имеют право подавать заявление о пропаже человека, во-вторых, я все же надеюсь, что наша пропажа найдется, вернется сама. Я всегда надеюсь на лучшее.

- А в-третьих, ты боишься попадаться на глаза Маргарите Леопольдовне Фредушинской, - договорила за подругу Рябченко.

- И это – тоже.

- Ладно, с Фредушинской ты встречаться нос к носу боишься, заявлять об исчезновении Люси не имеешь права, надеешься на благоприятный исход – что мною приветствуется, но надо же что-то делать! Нельзя сидеть сложа руки и ждать!

- Кто бы говорил! Когда мы с Люськой бегаем по городу и ищем преступника, некоторые особы – не будем показывать на них пальцем - сладко дрыхнут и в ус не дуют.

- Говорю же - я не спала!

- А меня мама в детстве учила, что врать нехорошо!

- Ну, задремала чуть-чуть, - призналась Жанна. – Целый день голову ломала, как подступиться к Никифоровне...

- Так устала от кучи идей, что прилегла и уснула, - перебила ее подруга и пробубнила, - как в том анекдоте: столько планов, столько планов, жаль, что куры сдохли.

- Ангел, я, конечно, большой поклонник детективных романов и сериалов, теоретически поднаторела в вычислении злодеев, но одно дело теория, а другое дело практика - из меня сыщик, как из тяжеловеса артист балета.

- Тоже мне - нашла сравнение! Думаешь, мне легко? Не легко, но я стараюсь, что-то предпринимаю...

- Есть успехи?

- Сегодняшний день принес кое-какие результаты, - выдержав многозначительную паузу, пространно ответила Белова.

- Хочешь ты этого или нет, но я к тебе сейчас приеду. Даже готова выслушать очередные нападки на себя.

- Жанна, у тебя с головой все в порядке? Я сама тебя приглашала к себе! Забыла?

- С чего бы мне забывать, и с головой у меня все в порядке, - без обиды парировала Рябченко и миролюбиво предложила, - у меня есть крабовый салат. Братъ?

- Бери, конечно, к тушеному мясу – самое то!

Уже через полчаса Рябченко входила в квартиру подруги. В руках держала пакет, в котором находился пластиковый контейнер с салатом, нарезной батон, два помидора, большой свежий огурец, тепличный, банка с маринованными огурчиками и рулет с маком.

Белова приняла пакет с провиантом и с тревогой сообщила:

- Опять набирала Люськин номер и опять безрезультатно. Точно ей задам, когда вернется.

- Можешь толком рассказать, что произошло, куда она отправилась, когда крайний раз выходила на связь.

Ангелина поведала о визите Людмилы Яварчук в финансово-юридическую академию, о разговоре с толстухой Марианной, о поездке в поселок Толпино, где она должна была встретиться с Василисой, девушкой Вадима, в заключении усталым голосом произнесла:

- Перед тем как отправится к Василисе, она мне позвонила, я пыталась ее отговорить от поездки, но кто бы меня послушал. Крайний раз Люся мне позвонила из электрички. Сказала, как только прибудет на станцию Толпино, сразу сообщит. Но не позвонила, я подумала, что у нее не было возможности – вышла на перрон, встретила с Василисой. Думаю, потом позвонит, когда снова окажется в электричке, на обратном пути. Я забыла о времени, отвлеклась встречами и разговорами, а когда опомнилась и принялась звонить, у Люськи уже был отключен телефон... Жан, что я Марго скажу?

- Ангел, ты не волнуйся, с Люсей ничего страшного не произошло, сама в этом меня уверяла. У нее могла батарея на телефоне разрядится. Могла? Могла, всегда так происходит в самые ответственные моменты. Или у нее могли выкрасть мобильный в электричке. Нам остается только ждать.

- Да-да, будем ждать и надеяться... Но если с ней что-то случится, я себе никогда не прощу...

В дверь неожиданно позвонили. Ангелина от испуга выронила из рук тарелку, тарелка упала и разбилась.

- Посуда бьется к счастью, - уверенно заявила Жанна Петровна и кинулась в прихожую, надеясь, что вернулась Люська, которая сейчас получит сполна за свою безответственность.

Ангелина не последовала за подругой, вдруг появилась слабость в ногах. Она присела на стул и прислушалась, пытаясь понять, кто к ней пришел.

Надежда Жанны Рябченко не оправдалась: вместо Люси на пороге квартиры застыла величественная фигура Маргариты Леопольдовны Фредушинской. На Марго были черные брюки, белая рубашка мужского покроя на выпуск, подпоясанная ремнем с блестящей бляхой, даже на ногах были не обычные домашние тапки, а туфельки на низком каблуке. На морщинистом лице выделялись ярко-красные губы, на шее – красные бусы.

Фредушинская автоматически поправила высокую прическу, внимательно изучая упитанную женскую фигуру в бесцеремонном наряде – штаны типа треников, футболка с кривой рожицей и с надписью под ней на английском языке, на ногах – миленькие носочки, слегка растянутые. Фигура щурилась, склонив голову на бок и выпятив губы без намека на губную помаду.

- Здравствуйте, - вежливо проговорила пожилая дама с недовольной миной на лице – внешний вид Жанны окончательно испортил ей настроение.

- Добрый вечер, - заискивающе произнесла Рябченко.

- Я могу видеть хозяйку квартиры?

- Можете, - кивнула Жанна, внимательно наблюдая на шевелящимися на морщинистом лице ярко-красными губами, которые жили своей жизнью. В голову Жанна пришла избитая мысль – старушка только что пила чужую кровь.

Жанна с головой окунулась в представление ярких картинок из жизни вампиров, позабыв позвать хозяйку или посторониться, чтобы пропустить гостью.

Ангелина слышала недолгие переговоры, догадалась, кто к ней пожаловал и по какому вопросу. Она затаилась в кухне, судорожно сочиняя, что ей наплести про Люську. В итоге решила сказать правду: как бы ни хотелось думать о плохом, но надо предпринять шаги для поиска пропавшей Люси.

Между тем Фредушинская убрала рукой препятствие на своем пути, причем без особого труда – препятствие само отступило, едва ледяная рука «вампира» коснулась плеча.

- Пожалуйста в кухню, - с раболепием произнесла Рябченко, еще и указала направление, едва удержавшись от поклона.

Когда Маргарита Леопольдовна появилась в кухне, Ангелина уже стояла по стойке смирно. У ее ног мирно лежали фаянсовые осколки.

- Где Люся? – сразу спросила старушка, ее голос не сулил ничего хорошего.

- Люся... задерживается, - ляпнула Белова.

- Когда она задерживается, она мне всегда звонит. Тогда я спокойно ложусь спать, будучи уверенной, что она вернется к обещанному часу. Сегодня она мне не позвонила, на мои звонки она не отвечает, ее телефон отключен. Мне пришлось позвонить ее подруге. И что я узнала? Что Люся сегодня пропустила занятия в колледже. Ангелина Михайловна, я хочу знать, на что вы опять подбили мою девочку?

- Маргарита Леопольдовна, мы... занимаемся расследованием убийства Вадима Пушкина. Я настаивала на участии в расследовании Людмилы, она сама вызвалась и на все мои уговоры отвечала категорическим отказом.

- И я тому свидетель, - присоединилась к разговору Жанна, с уважением поглядывая на храбрую подругу.

- Но вы могли не вести разговоры о расследовании при моей девочке, - с укором высказалась Фредушинская. – Я хочу знать, как Людмила провела сегодняшний день.

Пришлось Ангелине Михайловне еще раз терпеливо рассказывать, как Люся провела сегодняшний день, но без мелких деталей-подробностей. А Жанна, чтобы унять беспокойство, принялась собирать с пола крупные осколки.

- Как вы сказали называется поселок, куда отправилась Людмила? – уточнила Марго.

- Поселок Толпино, - ответила Белова. Она подумала, что старушке нужна данная информация для полиции, но оказалось, что она сильно ошибалась.

- Толпино, - проговорила Маргарита с таким видом, как будто собралась сжечь поселок дотла.

Подруги дружно кивнули – подтвердили название поселка. Жанна выронила осколки, которые чуть не поранили ей ноги.

- Надо бы в полицию... Заявление написать, - еле слышно обратилась она к Фредушинской, энергично вытирая руки о свою футболку. Раз старушка никак не отреагировала, она повторила тоже самое, но на повышенных тонах, понимая, что у женщин в ее возрасте имеются проблемы со слухом.

Ангелина как никто знала, что Марго в чужих советах не нуждается, о чем та не переставала каждый раз повторять, когда кто-то осмеливался высказать при ней свое намекающее пожелание. Причем выговаривала осмелившемуся таким тоном, что тому хотелось удавиться и утопиться одновременно, лишь бы со старухиных глаз долой.

На этот раз Фредушинская не отреагировала на совет, в полной задумчивости опустила на стул. Что у нее было в голове, какие радостные или печальные мысли блуждали, для подруг осталось загадкой. Губы шевелились, ухоженные пальчики барабанили по столешнице. Жанна следила за красно-вампирическими губами, Ангелина – за пальцами, напомнившие ей неумелые пальцы начинающего пианиста.

Наконец, Марго очнулась, подняла линиялые глаза на двух женщин, замерших перед ней в ожидании приговора, свела брови на переносице, словно не могла вспомнить, кто это, потом ее глаза загорелись непримиримым огнем, а сердце тех самых женщин, приговоренных, двинулось в сторону пяток, естественно, от крайней степени испуга – час расплаты настал!

- Мне срочно нужно в поселок Толпино! - четко выговорила Фредушинская...

Подъезжая к станции Толпино, Людмила Яварчук позвонила Василисе и сообщила, что скоро будет.

- Я тебя жду, - отозвалась Василиса. Ее голос совсем не понравился Люсе, в голосе чувствовался подтекст: давай, давай, все уже готово, осталось дожидаться жертву. Тебя!

- Как я тебя узнаю? - прохрипела от волнения «жертва», изменив привычке удивлять окружающих своим звонким голоском.

- Узнаешь, не переживай.

- И все же.

- У меня розовые волосы, ничего подобного я вокруг себя не наблюдаю, - хвастливо заявила Василиса.

- Девочка с розовыми волосами? – попыталась развеселиться Люська, но ей это не удалось – страх прокрался внутрь ее щуплого организма, справиться со страхом ей было так же сложно, как одолеть медведя – разные весовые категории.

- Но не Мальвина, - весело вторила ей Василиса.

Куда денется твое веселье вместе с жизнерадостностью, когда я сообщу тебе о гибели Вадика, - со злостью подумала Яварчук, преследуя свою корыстную цель - взять себя в руки, успокоиться, вернуть себе озабоченную беззаботность – в прошлом присутствовала беззаботность, в нынешнем состоянии, в несвойственном ей, она была озабочена расследованием преступления, и заодно себя убедить, что новость о гибели Вадима, действительно, будет для Василисы самой настоящей новостью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Увы, одним щелчком не справишься с поставленной задачей. У Люськи даже мелькнула трусливая мысль не покидать вагона электропоезда, проехать мимо, выйти на следующей станции, а потом вернуться домой. А что она скажет Ангелине Михайловне? Признается в своей несостоятельности? Еще недавно была самоуверенна, отказывалась от помощи. А что теперь? Выдохлась? Хватило только одного голоса Василисы, и тотчас решила сбежать как трусливый заяц от шелохнувшейся ветки ели?

Люська без труда уговорила себя выйти на станции Толпино. Оказавшись на платформе, принялась вертеть головой в поисках девушки с розовыми волосами, не Мальвины.

Действительно, среди немногочисленного люда, потенциальных пассажиров и встречающих, была всего одна девочка с розовыми волосами до плеч, легкими как пух. Низкорослая, с тяжелым задом и короткими ножками, круглолицая, с широко поставленными смешливыми глазами.

Василиса подлетела к Люсе и звонко чмокнула ее в щеку как старую знакомую, с которой давно не виделась. Люська слегка опешила, но промолчала и изобразила некое подобие улыбки – дескать, тоже рада, пусть ни безмерно.

Люська невольно сравнила себя с Василисой. Сравнение вышло ни в пользу последней: Люся была гораздо привлекательнее. Интересно, что нашел в этой мордастой приземистой девице Вадик Пушкин?! Не поймешь этих парней!

- Привет! - после поцелуя радостно приветствовала Людмилу Василиса. Та взирала на нее с опаской, как будто ждала очередной выходки, необязательно располагающей к дальнейшему общению.

- Я Василиса, - пояснила девушка и взлохматила свой розовый пух на голове. Люся невольно сравнила ее с розовым фламинго, из-за цвета. На этом сравнения закончились.

- Людмила Фредушинская, - назвала себя Люся с легким высокомерием в голосе. Еще в электропоезде она решила, что назовется фамилией своей прабабки.

- Василиса Чернавка, - заулыбалась новая знакомая и пояснила для особо бестолковых, – Чернавка – это моя фамилия, а не прозвище.

- Необычная фамилия, - выдавила из себя Люся.

- Я не комплекую, - с легкостью призналась новая знакомая и с восхищением добавила, - как же хорошо, что ты приехала!

Люська вконец запуталась – не могла примерить на себя ее восхищение: она не приходится Василисе близкой родственницей, которую удалось отыскать благодаря одной известной телепередаче. Но на всякий случай согласилась – хорошо!

- Представляешь, я тут со скуки погибаю, - призналась Василиса.

- Представляю, - выказала свою «эрудиция и простоту общения» Яварчук. Не сказать, что страх отступил, но скованность движений исчезла, и внутренний холод растопился благодаря радостному приветствию с поцелуем.

- Люда...

- Лучше Люся, мне так привычнее.

- Люся! Как же хорошо, что ты здесь! - повторилась Чернавка.

Ловушка-замануха, - подумала Людмила и поозиралась по сторонам. В основном на платформе стояли пожилые люди с котомками, сосредоточенные на своих делах. Защитники из стариков никакие, самим бы защиты от нее дожидаться.

- Ну, что? Двинем ко мне? - спросила Василиса и, не дожидаясь ответа, потянула Люсю по платформе.

Яварчук не знала, как выглядит человеческая жертва, ни овца, когда ее ведут на заклание, но как-то так, как она – безропотный тупизм с бешеными глазами.

Пока мысли Люси блуждали в районе места жертвоприношения, Василиса верещала о своем, о девичьем – о поселковой скуке в межсезонье, о видах на урожай – в этом есть ее живой интерес, об отмененных электричках в самое нужное для нее время, о необычном цвете волос – пришлось выбрать по необходимости...

Девушки спустились по металлической лестнице – поцокали копытами, повернули направо и потрусили по широкому тротуару с колдобинами. Вдоль колдобистого тротуара, с левой стороны, тянулись садовые участки с разноразмерными домами-домишками, тоскливо стоящими посреди невзрачной, необработанной земли. Жителей поселка видно не было, только в одном дворе у бочки, выкрашенной в грязно-коричневый цвет, стояла старушка с теплом клетчатом платке, теплой куртке, длинной юбке и валенках с галошами и с интересом наблюдала за ними. В руках старушка держала ведро.

- Видела бабулю? – шепотом спросила Василиса. Люська кивнула – конечно, видела: деревья «голые», забор щелевой и низкий, не забор, а одно название. – Как ты думаешь, кто она такая?

- Старушка, - ляпнула Яварчук.

- Понятно, что старушка, - кивнула Чернавка, - как ты думаешь, кем она была в прошлой жизни?

- Кто это может знать, - с недоумением заметила Людмила.

Василиса залилась смехом:

- Я не про то, я говорю о жизни до выхода на заслуженный отдых.

- Ааааа, - с пониманием протянула Люся и оглянулась на бабулю. Теперь та забросила ведро в бочку, чтобы набрать воды. - У меня нет версий, - в итоге призналась она.

- Эта бабуля была генеральным директором большого завода. А лет ей знаешь, сколько? Девяносто два! Прикинь!

- Молодец бабуля, хорошо сохранилась. А родственники у нее есть?

- Как не быть – и дети, и внуки, и правнуки. Кажется, и праправнуки. И каждый о ней заботится, зовет жить к себе, а старуха ни в какую, говорит, хочу быть сама себе хозяйкой. Говорит, пока управляюсь самостоятельно, буду жить здесь, в поселке. Независимая бабка.

- Дышится здесь легко, не то что в городе с выхлопными газами.

- Однако в городе уже во всю весна, а здесь еще кое-где снег лежит. Представляешь?

- Представляю, - обмолвилась Люся, - всматриваясь в грязный островок подтаявшего снега у забора из прутьев. За забором виднелись спрятанные в толстую пленку розы, в глубине двора пристроился миленький домик из белого кирпича с трубой. Из трубы валил дым. Люське захотелось в этот домик, на теплую печь. Захотелось ароматного чаю из настоящего самовара, и чтобы с бубликами, обязательно с маком.

Вася что-то лепетала по лето – как здесь хорошо летом, про соседа, который тоже носит фамилию Фредушинский, как у Люси, что сосед - ботаник, не в том смысле, что ботан, а настоящий ботаник, даже кажется профессор. Такой благообразный

старикан, похож на деда Мороза. Постоянно, кроме зимы, конечно, бродит по полям с сачком - бабочек разных ловит, что-то в них изучает, научные трактаты пишет. Здесь, в поселке, раньше жили одни ученые и руководящие работники, но больше ученые. Им здесь землю давали от Академии наук, но многих ученых уже нет в живых - дело-то было еще в середине прошлого века. Сейчас в поселке живут наследники ученых, кто-то продолжил династию, тоже имеет ученую степень, но с сачком никто, кроме деда Мороза, Фредушинского, не бродит по окрестностям. Кто-то занимается бизнесом, но все люди очень порядочные. Те, кто бизнесом занимается, у них дома побогаче.

Василиса все тарыхтела и тарыхтела без умолку, Людмила слушала ее вполуха, готовилась сообщить убийственную новость.

... А моя родственница, та, что сейчас лечится в санатории, всю жизнь проработала секретарем ректора госуниверситета. Ректоры менялись, а моя двоюродная бабушка, в таких мы находимся с ней родственных отношениях, оставалась на боевом посту. Всё работа, да работа, никакой личной жизни, замуж не вышла, детей не родила, из родных у нее остались я, да моя мама, ее племянница, дочь ее двоюродной сестры. Но наша старушка еще ого-го, сама содержит дом, сад – хорошо сохранилась для своих преклонных лет. Но по сравнению с бывшим директором завода, она молодая – семьдесят с хвостиком всего-то.

- Василиса, я должна тебе кое в чем признаться, - проямлила Люся, притормаживая перед калиткой, которую успела открыть новая подруга. Не будет она входить в дом, признается, проследит за реакцией, задаст пару вопросов и двинет назад, на станцию. Дорогу найдет, не заблудится.

Василиса остановилась, недобро посмотрела на гостью и завила:

- Как только я тебя увидела, то сразу догадалась, кто ты есть. Ты не соседка Вадима, ты его новая девушка. Зачем пожаловала? Захотелось увидеть мои слезы? Не выйдет – я не плакса. Или хочешь навести справки о Вадике. Так знай...

- Василиса, я не девушка Вадика, я его соседка, а приехала я к тебе, чтобы сказать, что... какой у тебя необычный цвет волосы, - «съехала» с темы нерешительная Яварчук, она же Фредушинская.

- Тебе нравится? – без интереса спросила Василиса, в очередной раз взлохматив пушок на голове.

- Нравится, но я бы не решилась покрасить волосы в такой цвет... А зачем ты бросилась ко мне обниматься, если подумала, что Вадик теперь мой парень?

- Изображала радость... Хотя мне совсем невесело. Что-то мне по себе. Будто бы повода нет для волнений...

- Есть повод. Василиса, Вадика убили, - наконец, сообщила Людмила и так напряглась, что у нее руки-ноги онемели.

- Убили? – недоверчиво протянула Василиса. – Быть такого не может... Ну, и шутки у тебя.

- Какие могут быть шутки, так и есть.

- Допрыгался мальчик наш, - послу паузы, обронила Чернавка.

- Что значит – допрыгался? Ты что-то знаешь?

- Пойдем в дом, там поговорим.

Небольшой кирпичный домик под зеленой крышей из металлочерепицы приветливо распахнул двери перед гостьей, принесшую плохую весть.

Люся робко переступила порог дома, сняла обувь, куртку и двинулась вслед за Василисой, которая после своего странного заявления и приглашения в дом не проронила ни слова. Молча указала гостье на стул возле круглого стола, молча

включила электрический чайник, выставила на стол две чашки, вазочку с вишневым вареньем, хлеб, сливочное масло. Присела на краешек стула и только тогда заговорила:

- Мы ведь с ним поссорились. Я ему не звонила, и он не звонил и не появлялся, как будто это я виновата в нашей ссоре.

- Он был виноват?

- Сейчас я тебе обо всем расскажу, а ты решай – правильно я поступила или нет. Интересно знать, как бы другой человек поступил на моем месте. – Василиса разлила чай по чашкам, намазала маслом два ломтя хлеба, навалила сверху вишневое варенье, один кусок положила на тарелку Люси, другой – на свою. – Странный он был парень до подозрительности, - продолжила девушка. - Как-то приболел, звонит мне и говорит – я простудился, горло болит, в груди заложило, нос не дышит, что делать, не знаю, а мать на дежурстве. – Температура есть? - спрашиваю я, - температура нормальная, - отвечает он. Я ему посоветовала лечиться народными средствами. Говорю, подыши над картошкой. Вот Скажи, Люсь, если бы тебе посоветовали при простуде подышать над картошкой, что бы ты сделала?

- Подышала бы над картошкой.

- Расскажи поэтапно.

- Сварила бы картошку, потолкла ее слегка, накрылась с головой одеялом и принялась бы дышать.

- И любой человек так бы поступил. А что сделал Вадик? Никогда не догадаешься. Он дышал над картошкой, только над сырой. Выставил ведро с сырой картошкой, уселся и... дышал. Не смешно ли?

- Так смешно, что становится грустно.

- Я же говорю – не от мира сего. Еще и возмущается – ты же не сказала, что картошку надо сварить! Представляешь?

- Я хочу понять, почему у тебя была такая реакция на смерть Вадима – допрыгался мальчик?

- Вадик – человек без чувства юмора, но пытался подшучивать над другими людьми, причем возмущался, когда люди высказывали недовольство. Я о себе говорю, про других не знаю. Но уверена, что с другими людьми он тоже обходился не всегда порядочно. Вот тебе пример – тот самый случай, после которого мы вдрызг разругались. Он назначил мне свидание. Встречаемся мы в условленном месте, он мне протягивает коробочку. Такую небольшую коробочку. Я спрашиваю, что там, что в коробочке? Он мне – посмотри. И вид такой загадочный, и улыбка до ушей хоть завязочки пришей. Пока я возилась, он отошел подальше. Я-то не замечаю подвоха, вожусь себе с коробкой, пытаюсь открыть. Открыла. И получила... «привет из Африки».

- Какой еще привет?

- В коробке той была другая картонная коробочка со спецсредством «Одуванчик». Такие спецсредства применяют инкассаторы. Когда происходит несанкционированное вскрытие сумки, средство «Одуванчик» срабатывает - внутри нажимается рычаг, раздается негромкий хлопок и окружающее пространство в радиусе метра окрашивается в ярко-оранжевый цвет. Потому и называется «Одуванчиком». Заметь – краска несмываемая, просто так от нее не избавишься. Поэтому я не могла ходить на работу, в итоге мне указали на дверь. Теперь я безработная благодаря Вадиду-весельчаку. Ты бы видела его физиономию, когда я стала ярко-оранжевого цвета. Скажи, он идиот?

- Василиса, Вадика больше нет, - напомнила Люся.

- Пусть земля ему будет пухом... Но я до конца своих дней буду помнить его... шутку.
- В общем, вы поссорились и с тех пор не общались. Но ты мне сказала по телефону, что Вадик обещал к тебе приехать.
- Видите ли он на меня обиделся – я его шутку не оценила. И не только не оценила, а еще по хребту рюкзаком огрела, а в рюкзаке лежал килограмм яблок. Подумаешь – килограмм! Его тонной яблок не прошибешь. Ну, конечно, припечатала его словечком. В общем, он на меня надулся – незаслуженно, я на него – заслуженно. Каюсь, не надо было его обзывать, но я в сердцах. Другой бы на моем месте еще и морду набил...
- Или выстрелил из травматического оружия, - вставила Люся.
- Его из травмата убили?
- Прямо в глаз выстрелили.
- Кошмар!
- Вы не общались, а потом...
- А потом он позвонил, сказал, что осознал, хочет встретиться.
- Когда это было?
- Первого апреля, в день смеха. Благо, что не пошутил в своем репертуаре, между делом сообщил, что у меня спина белая, я ему в тон: а у тебя - серо-буро-малиновая. Он обещал приехать в поселок на следующий день, но у него не получилось. Перенес свой визит на завтра, то есть на сегодня... А сегодня ты позвонила. Я подумала, что Вадик опять мне приготовил какую-то шутку юмора.
- Да уж, шутка удалась, - с печалью в голосе произнесла Людмила.
- И не говорили, - тяжело вздохнула Чернавка.
- Василиса, у тебя был парень до Вадима?
- Был один. Но мы недолго встречались, расстались по обоюдному согласию. Так что если ты думаешь, что мой бывший парень решил устранить соперника, то ты глубоко ошибаешься.
- Получается, зря я к тебе приехала... Да еще с такой новостью.
- Да, новость ужасная. Правильно сделала, что приехала, а не сказала по телефону. Лучше так... Когда кто-то рядом, всегда легче.
- Тебе его жаль?
- Намекаешь на то, что я безразличная, бессердечная, что мне наплевать? Я умею держать свои чувства в себе. И не думай, что я могла расправиться с Вадиком. Конечно, я была на него сильно обижена, но убить... Это чересчур. Тем более, я никуда не отлучалась из поселка.
- Кто-то может подтвердить, что ты была в поселке весь вчерашний день? Особенно меня интересует вечер вчерашнего дня?
- Даже так? Я подозреваемая?
- Я просто спросила. Не хочешь – не отвечай.
- Вчера после обеда я была у нашего соседа, твоего однофамильца, Якова Семеновича Фредушинского. У него резко подскочило давление, мне пришлось «Скорую» вызывать. «Скорая» у него была долго, час два, наверное, или больше, старику совсем худо было, едва откачали. Доктор ему сделал электрокардиограмму, потом инъекции разные, только когда старику стало легче, «Скорая» уехала, а я осталась с ним. Как я могла бросить его одного? – передернула плечами Вася.
- У него совсем никого нет?
- Была когда-то жена, давно и недолго, моей мамы в ту пору еще в помине не было.
- Они развелись?

- Развелись. Супруга ревновала его к его букашкам-таракашкам, называла сумасшедшим фанатиком. У них был ребенок, дочь. После развода супруга запретила бывшему мужу встречаться с дочерью. А он, честно говоря, особо не настаивал – был весь в своей науке.

- Вася, ты сказала, его зовут Яков Семенович. Мою бабушку, которая умерла задолго до моего появления на свет, звали Маргаритой Яковлевной, ее мать, мою прабабуку, тоже зовут Маргаритой. Маргарита Леопольдовна Фредушинская. О своем прадеде я ничего не слышала, прабабушка предпочитает не вспоминать далекое прошлое. Хочу тебе признаться, что на самом деле моя фамилия Яварчук, Людмила Яварчук, по отцу, которого я в глаза не видела. Мне хотелось носить фамилию Фредушинская, как у моей Марго, мне нравится эта фамилия. Но Марго обронила странную фразу – нашла, чем гордиться. Получается, нельзя гордиться этой фамилией? Почему?

- А ты спрашивала?

- Конечно, но мой вопрос остался без ответа. Я думаю, дело в ее бывшем супруге, чем-то он ее сильно обидел. Однако Марго не стала менять фамилию после развода.

- Наверное, ее уже многие знали как Фредушинскую. Зачем создавать себе лишние проблемы.

- Наверное... Раз не изменила фамилию, живет с ней по сей день, то обида была сомнительной, тем более столько лет прошло, пора бы уже забыть и поделиться со мной своей тайной.

- Женщины вообще очень обидчивы, за редким исключением. Причем на первом месте у них стоит обида не за измену, а за равнодушие. Вот и твой прадед больше интересовался наукой, чем своей молодой женой.

- У моей Марго характер нетерпимый, кто-то, а она уж точно не вынесла бы безразличия со стороны супруга, забрала маленькую дочь Маргариту и ушла. Уверена, муж приходил, пытался вымолить прощение, но Марго принятых решений не меняет.

- Не сомневаюсь, что бывший супруг «обивал порог ее дома» – ему хотелось видиться со своим ребенком, но или твоя прабабушка – кремень, или твой прадед уговаривал неубедительно, - высказалась Василиса, тонкий психолог женских душ.

- Кто хочет услышать, тот услышит, - философски рассудила Люся, проникаясь сочувствием к незнакомому ей прадеду.

Василиса будто и не услышала ее слов, продолжила как ни в чем ни бывало:

- Да-да, неубедительно. Твоя прабабушка с легкостью уловила средний настрой супруга, еще пуще разгневалась и сказала, чтобы он забыл к ней дорогу и не смел общаться с дочерью. Мужчина нашел успокоение в своем привычном времяпровождении.

- Небось, себя не винил, обвинял супругу, - набычилась Люся, забыв про внезапно накотившую жалость.

- Не знаю, каким он был в молодости, но не думаю, что он перекладывал вину, как говорится, с больной головы на здоровую – не тот он человек. Я отношусь к Якову Семеновичу с большим уважением, даже с любовью. Знаю его всю свою сознательную жизнь.

- Вася, ты так говоришь, как будто уверена на все сто, что твой сосед, Яков Фредушинский, это и есть мой прадед, бывший супруг прабабушки Маргариты Леопольдовны. А если это всего лишь однофамилец?

- Если твою прабабку зовут Марго, а бабушку звали тоже Марго, то это твой прадед. Он мне вчера весь вечер рассказывал о своей семье. Признался, что всегда очень тосковал. Но с бывшей супругой судебную тяжбу касательно дочери не затевал – не любил он враждовать и чего-то добиваться. А с дочерью видеться хотел. Но раз бывшая супруга его выгнала и приказала больше их не беспокоить, он согласился... не беспокоить. Что подделаешь, характер такой у нашего профессора, совсем не боевой.

- Если бы хотел видеться с дочерью, то заставил себя измениться.

- Всё зависит от человека: один устраивает бурю без причины, а другой, молча, уходит и, молча, страдает. Ну, не борец, говорю же, что с этим подделаешь! Что ж его за это надо казнить. Да, плохо, что не стал добиваться разрешения на встречи с дочерью, пусть редкие встречи, а лучше, чтобы ребенок страдал от родительских дрызг?

- Я не знаю, смотря с чьей колокольни смотреть. Я знаю одно – я такая же, не люблю ссор, ухожу в сторону, вообще предпочитаю одиночество...

- Родственная душа с моим соседом! А еще сомневаешься!

- Вась, я хочу увидеть Якова Семеновича.

- Сегодня он чувствует себя гораздо лучше. Но я не хочу рисковать его здоровьем.

- Нельзя... мне... его увидеть? – разделяя слова, спросила Люся, глядя на Василису исподлобья.

- Можно, конечно, но я должна его подготовить. А то гляди, скончается наш дедуля от радости...

Пока Василиса Чернавка бегала к соседу, вела с ним подготовительную беседу, Люська взялась за телефон. Но телефон «взглянул» на нее потухшим экраном. Зарядного устройства у нее с собой не было, а зарядное устройство Васиного телефона не подошло. Люся не помнила наизусть телефонные номера – вообще никакие! Зачем помнить, если все нужные номера занесены в контакты. А ведь Ангелина Михайловна всегда говорила, что номера телефонов близких людей надо помнить наизусть...

Яков Семенович Фредушинский, действительно, оказался прадедом Люси Яварчук, бывшим супругом Маргариты Леопольдовны. Яков не ушел в свою науку с головой, а следил на расстоянии за жизнью родных ему людей. Он присутствовал на похоронах своей единственной дочери, был в курсе всех жизненных перипетий внучки и правнучки.

Однажды не выдержал, пришел к бывшей супруге, чтобы повидаться с правнучкой. Случилось это событие несколько лет назад. Надеялся, что все обиды канули в вечность, между ним и его бывшей супругой установятся дружеские отношения. На его беду и на счастье Маргариты Леопольдовны правнучки не оказалось дома, поэтому Маргарита Леопольдовна с удовольствием отчитала Якова Семеновича и выставила вон, пригрозив ужасной мстостью, если тот посмеет еще раз... и все в таком духе. Зная крутой нрав Марго и ее выдающиеся способности устраивать каверзные каверзы, Яков предпочел за лучшее удалиться.

Тогда на тихий скандалчик среагировала Ангелина Михайловна, заинтересовалась, на кого шипит ее соседка. Ей показалось, что прабабка выговаривает правнучке, и решила вмешаться, чтобы оградить и защитить Люську, которую старуха постоянно «строила» по поводу и без повода. Привычка у Марго такая – «строить». Кто ближе всех? Правнучка! Вот ей и достается. Ангелина

подумала, что Люська перед уходом в школу что-то забыла дома, пришлось вернуться, и Марго, засучив рукава, приступила к процессу воспитания.

Ангелина Михайловна выдумала причину на ходу - она поинтересуется у ответственной дамы готовностью дома к отопительному сезону – чтобы сбить ее с воспитательного процесса. Дама забудет о правнучке, примется объяснять, а Люська успеет улизнуть. В общем, распахнула Белова свою дверь, не взглянув в дверной глазок, и увидела на лестничной площадке благообразного старичка, похожего на деда Мороза. Наверное, дед Мороз был профессором каких-то там своих морозных наук, потому как на его переносице сидели очки-пенсне. На дедушке было одето черное драповое пальто – Ангелина непроизвольно тут же сравнила его с Чеховым Антоном Павловичем, опять же из-за пенсне, несмотря на то, что данный субъект, а отличие от известного писателя, имел седую окладистую бороду и седые же усы, прикрывающие верхнюю губу. Сменил бы пальто на шубку – вылитый дед Мороз.

Как уже было сказано, на старичке было пальто, в настоящий момент распахнутое. Белова заметила костюм темного цвета, сорочку светлых тонов и галстук, давно вышедший из моды, впрочем, как и мужской костюм. Беловой сразу стало жаль старика, деда Мороза: его жалкий, выпрашивающий вид тому способствовал, и старенький, но еще приличный, костюмчик, и стоптанные башмаки, и испуганный взгляд, который он бросил в ее сторону, когда она появилась на пороге своей квартиры. На морщинистом лице светились мягким добрым светом глаза с легким прищуром. Но постепенно, по мере шипящего монолога Маргариты Леопольдовны, глаза дедули начали постепенно «гаснут», как это обычно бывают у фонариков с выходящими из строя батарейками. Яркий свет, менее яркий, тусклый, очень тусклый, темнота. Ангелине очень не хотелось, что в глазах старикана наступила ночь с полной темнотой, она в один миг прониклась к нему не только жалостью, но и материнской заботой, несмотря на его значительно-превышающую разницу в возрасте.

Ангелина Михайловна открыла рот, чтобы прервать шипящий монолог, убийственный для незнакомого старичка, так похожего на деда Мороза, но не успела ничего сказать. Ее опередил теперь уже зычный голос Маргариты, на этот раз без всякой придушенности:

- Я ничем не могу вам помочь. Ваша проблема нерешаема. Ступайте, не стоит занимать мое время – бесполезное занятие. Ступайте же! - Вела она себя как заурядная актриса заурядного же театра комедии без драмы – смотреть на нее было смешно.

Если бы она разыграла пьесу с другим партнером, до которого Беловой не было никакого дела, то Белова бы выразительно отреагировала взглядом, жестом, словом или короткой фразой. Но в данном случае ей было искренне жаль старика, деда Мороза, который после резких, как показалось бы человеку несведущему - общих слов, согнулся и зашаркал по подъезду в сторону лифта. Ангелина не знала, каких размеров может быть человеческая душа, но ее душа могла поместиться в детский кулак, от жалости к старичку.

Она не выдержала и обратилась к его сгорбленной спине с вопросом:

- Я могу вам чем-нибудь помочь? Могу пригласить вас к себе на чашку чаю?

Прежде чем войти в кабину лифта, двери которого слишком быстро разъехались, как бы уговаривая уехать, не слушать, не соглашаться, дед Мороз в темном пальто и в пенсне бросил на Ангелину полный душевной боли взгляд и отрицательно

покачал головой. После чего благодарно кивнул. И опираясь на палку, исчез в кабине лифта.

Белова не ждала от Марго объяснений - знала ее характер, подумала, что та захлопнет свою дверь, припечатает, вложив все свое возмущение. Не влезай, убьет! Но Марго не хлопнула и не припечатала, вдруг заговорила усталым голосом:

- Это новый жилец из соседнего подъезда, у него проблемы... с... унитазом. – Запоздало сообразила, что сморозила глупость и поспешила ретироваться, и дверь прикрыла с осторожностью, чтобы показать свое выдающее спокойствие и безразличие к чужим проблемам с унитазом.

Ангелина всё поняла «про унитаз», не поняла, что за благообразный старик приходил к Марго, что ему от нее понадобилось на самом деле. Пока она всовывала ноги в туфли, пока набрасывала плащик, чтобы спрятать под ним домашнее платье из трикотажа, старикан куда-то подевался. И спросить было не у кого, двор был пуст в этот утренний час, только старый автомобильчик покидал их двор, перекатываясь на неровностях асфальтового покрытия. Ангелина решила тогда, что именно в этом автомобильчике укатил печальный дед Мороз. Словам Марго про нового жильца из соседнего подъезда она не поверила. Но на всякий случай порасспросила всезнающих жильцов дома: никто не видел старика в пенсне и с седой окладистой бородой, и никто о нем ничего не слышал...

Ангелина не чаяла с ним встретится, и никак не ожидала, что встреча произойдет в поселке Толпино, куда их доставил на своем автомобиле отзывчивый и всепонимающий Виктор Рябченко, вызванный матерью поздним вечером. Витюшка всегда их выручал, выручил и на этот раз. Ради матери и ее близкой подруги он готов был ехать не только в поселок, но и за «тридевять земель», как сам выразился, когда Ангелина принялась извиняться...

По дороге в поселок Толпино Маргарита Леопольдовна поведала двум подругам историю своей короткой семейной жизни, закончив словами:

- Я всегда мечтала, чтобы муж носил меня на руках, чтобы он меня боготворил, чтобы для него существовала только я, я одна... А ни его летающие насекомые. Увы, мечтам не суждено было сбыться. Я предпочла расставание ссорам по любому поводу. Лучше жить одной с ребенком, чем жить с мужем и чувствовать себя одинокой. Личную жизнь я не устроила, ни один из кандидатов не прошел мою проверку, никто не оправдал моих ожиданий.

Подруги не имели права ее осуждать, никто не имеет права кого-то осуждать, и лезть в чужую жизнь, в том числе: в своей бы жизни разобраться, как любила говорить Ангелина Белова...

Встреча с правнучкой, за жизнью которой Яков Семенович наблюдал на расстоянии, закончилась для старика очередным сердечным приступом. Василиса опять вызвала неотложку. Пока неотложка ехала, Люся сидела рядом с дедом, держала его за руку и приговаривала:

- Ты, пожалуйста, не умирай, я очень тебя прошу, поживи еще...

- Поживу, - тихим голосом соглашался прадед, ласково поглядывая на нее.

- Ты не имеешь права, вот так взять и...

Что идет после союза «и» Люся даже озвучивать боялась, и так всем было ясно.

- Всё образуется, - успокаивал Яков, - и не такое переживали. И сейчас переживем.

- Он не уйдет, - подобрала подходящее слово Василиса. Она стояла позади новой подруги, поглаживала ее по спине и поддерживала взглядом старика...

Когда к дому Якова Фредушинского подъехал автомобиль Виктора, машина Скорой медицинской помощи как раз отъезжала от ворот.

- Что-то случилось, - испуганно пробормотала Жанна Петровна.
- Не причитай, - тихо осадила ее Ангелина. Фредушинская безмолвствовала.
- Она первой вошла в дом, уверенно, нисколько не сомневаясь в выборе направления. За ней семенили Ангелина и Жанна, робко осматриваясь.
- Яков лежал на старинном кожаном диване с круглыми подлокотниками, заботливо укрытый клетчатым пледом. Край пледа упал на пол, на этом краешке толстого клетчатого пледа сидела Люська – главная пропажа уходящего весеннего дня, наполненного разными событиями. Люська пристроила голову на грудь своего прадеда, на ее устах застыла блаженная улыбка. Она медленно вела ладошкой по седой окладистой бороде старика, вдруг замерла, потом спрятала лицо на его груди и беззвучно заплакала. Из уголка стариковского глаза выкатилась одинокая слеза, нашла себе борозду – самую глубокую морщину - и покатила прямо в ухо. Старик ничего не замечал, он держал свою ладонь на голове правнучки и что-то ей нашептывал. Неподалеку на стуле сидела Василиса и тоже тихо плакала, наблюдая за трогательной картиной общения родных людей, разлученных на долгие годы без их желания.
- При появлении Марго и компании, картина изменилась: Люся по-прежнему сидела на краю пледа, на полу, но теперь ее взгляд был нацелен на Марго, взгляд говорил о готовности к отражению атаки. Марго к атаке не перешла, молча подошла к дивану и так же молча передала правнучке зарядное устройства от ее мобильного телефона, как будто именно за этим и приехала в поселок Толпино.
- Спасибо, - сдержанно поблагодарила Людмила, и кивнула Ангелине и Жанне – поздоровалась якобы.
- Девочка, у нас гости, - слабо улыбнулся Яков Семенович. – Девочка, приглашай гостей к столу. У меня есть замечательное айвовое варенье. Сейчас мы будем пить чай.
- Обожаю айвовое варенье, - высказалась Белова, опомнилась и сказала, - добрый вечер, извините за позднее вторжение.
- Что вы, я очень рад... Я вас помню.
- Ангелина Михайловна, - назвалась Белова, - а это моя подруга Жанна Петровна.
- Можно просто Жанна и Ангелина, - произнесла гнусавым голосом Рябченко, она успела всплакнуть и смахнуть слезы с лица.
- Яков Семенович. - Он попытался подняться с дивана, но Люся ему не позволила, навалилась на него с нежной заботой. Он поцеловал ее в висок.
- Люська зычно шмыгнула носом и обратилась к Беловой с вопросом:
- Тетя Лина, вы уже встречались с моим прадедушкой?
- Было дело, но я тогда не была в курсе ваших родственных отношений, - призналась та и покосилась на Маргариту Фредушинскую, которая показательно отводила взгляд от старика, лежащего на диване под теплым пледом. Старик опять предпринял попытку подняться и опять Люся вернула его на место:
- Тебе нельзя вставать, врач прописал тебе постельный режим.
- Белова присоединилась к Василисе, накрывающей стол к чаю. Жанна последовала ее примеру. Но краем глаза женщины следили за Марго. Та некоторое время постояла рядом с правнучкой, затем отошла к двери, дав понять, что не намерена здесь оставаться. Но задержалась. Стояла и смотрела себе под ноги, словно увидела под ногами диво-дивное.
- Если бы Белова умела читать мысли, она бы поняла, что творится в головах обоих стариков, но она не умела читать мысли, оставалось надеяться на благоприятный исход.

Исподтишка изучая дерзкое лицо Маргариты Леопольдовны, еще молодожавое, с горящими то ли гнева, то ли от нахлынувшего волнения глазами, Беловой пришли на ум строки из стихотворения Юлии Друниной: «...Ты разлюбишь меня? Не надейся, мой милый, на это!»

Маргарита неожиданно дернулась, как от удара, удержалась за дверной косяк, к ней подросла Ангелина, которая находилась к ней ближе всех. Старик не выдержал, с трудом поднялся с дивана, на этот раз Люся не стала запрещать, проковылял через комнату, приблизился к бывшей супруге и нежно взял ее за руку. Некоторое время подержал, глядя ей в глаза, потом поднес женскую руку к губам. Перевернул тыльной стороной вверх и опять поцеловал. Это было так трогательно, так интимно и не по-стариковски, что все присутствующие испытали неловкость, и отвернулись как по команде. Жанна по обычаю пустила слезу. Ангелина пнула ее в бок.

Люська, уставшая от нового вида деятельности, поездок, встреч и радостных приобретений, пристроилась на диване, прикрылась пледом и тотчас уснула.

Она не слышала, как все люди, включая Виктора Рябченко, сели за стол пить чай, как переговаривались шепотом, чтобы ее не разбудить, не увидела заботливых взглядов своего прадеда и прабабки, обращенных в ее сторону. И еще она кое-что не могла видеть: как Яков сжимает под столом тонкую ладошку своей любимой Маргоши, а Маргоша краснеет, как помидор под теплыми солнечными лучами, и оба понимают, что жизнь на закате имеет право передумать... клониться к закату...

На следующий день две подруги, Ангелина и Жанна, отправились к Анне Никифоровне Гавриловой, чтобы получить от нее информацию о человеке, который приходил к Вадиму Пушкину в тот злополучный вечер. Жанна подумала, что визитер мог быть не один, но о своих соображениях не сказала подруге, потому что та начнет ерничать – у Пушкиных не квартира, а проходной двор.

Анна Никифоровна долго сопела под дверь, долго изучала гостей в дверной глазок, гости уходить не собирались, звонили с интервалами – отличались настойчивостью, старуха считала их поведением беспредельной наглостью. Когда терпение хозяйки сошло на нет, она «приветливо» спросила:

- Чего надо? – не удосужившись открыть дверь.

- Анна Никифоровна, мы пришли пожелать вам доброго утра! – сообщила счастливым голосом Белова, незаметно подмигнув подруге, которая смотрела на нее с таким видом, как будто та пригрозила старухе убийством в фамильярном тоне. И все же поддержала:

- Доброе утро, Анна Никифоровна!

- Кому как – кому-то доброе, а кому – не очень, - повредничала Никифоровна.

- А мы принесли вам гостинец! – доложила Ангелина, продолжая светиться от счастья.

- Слышь, Тимуровка, с чего вдруг такая невиданная щедрость? – более сдержанно спросила старуха.

- Надо было топорик с собой прихватить, в качестве гостинца, и стукнуть старуху-процентщицу по головочке, чтобы она другим людям голову не морочила, - прошептала «миролюбивая» особа по имени Жанна. В ответ Лина прошептала:

- Хорошая девочка Жанна, а чем же она хороша? Спросите об этом у Анны, что в домике этом живет...

- Чего вы там шепчетесь? – напряглась за дверь Никифоровна, добрейшая из добрейших, гостеприимная из гостеприимных.

- Вот не знаем, вам отдать гостинец или себе оставить, раз так негостеприимно нас встречаете, - сообщила обиженно Белова.

Старуха зашурудила замками, приоткрыла дверь и высунула нос. Под ее подбородком болталась дверная цепочка, которая не позволяла просунуть голову. Но старуха ничего просовывать не собиралась, а ждала обещанного гостинца, способного протиснуться в образовавшуюся щель.

- Ну, что вы принесли? Давайте уже!

- Только взамен за информацию, - деловито произнесла Ангелина Михайловна, помахивая пакетом, в котором лежали фрукты, конфеты, печенье и сушки. Сушки предложила купить «добрая» Жанна: пусть зловерная старуха сломает последние зубы, перестанет народ кусать.

- Ох, и хитрая ты девка, Линка!

- За девку, конечно, спасибо - девкой меня давно никто не называл.

- Все больше старухой, выжившей из ума, - напомнила Рябченко.

- Кто старое помянет, тому... сама знаешь, что, - напряженно проговорила Гаврилова, сверля взглядом пакет в руке Беловой, совершавший движение маятника Фуко.

- Пойдем отсюда, Ангелина, только время зря теряем, - обратилась Жанна к подруге и якобы собралась уходить.

- Чего сразу – пошли, - взвилась бабка, - я еще ничего не сказала, а они сразу – пошли... Слышь, хоть покажи, что принесла?

- Яблоки, бананы, апельсины, - принялась перечислять Белова, заглядывая в пакет внушительных размеров. – Кое-что к чаю – всё, что вы любите.

- Про ананас забыла, - подсказала Рябченко.

- О, точно – еще и ананас... Ну, до свидания, Анна Гавриловна, мы уходим.

- Лучше бы хлеба мне купила, - насупилась Никифоровна.

- Не хотите, как хотите, пойдем, Жанна, - безразличным голосом проговорила Лина и потащила подругу к лифту.

- Погоди ты! – Снятая цепочка брякнула о старенькую деревянную дверь. Но дверь не раскрылась гостеприимно. В узком проеме показалась старуха во всей своей красе - войлочных тапках-галошах, шерстяном спортивном костюме «времен Очакова и покоренья Крыма», в котором она еще сдавала нормы ГТО в глубокой молодости, и с торчащим на голове гребешком для волос наподобие королевской короны.

Жанна не удержалась и прыснула.

- Ты чего лыбишься? Чего лыбишься, я тебя спрашиваю? – накинулась на нее «юная спортсменка»

- Очень рада вас видеть, - доложила Жанна с пунцовым лицом.

- Рада она! Фрукты давайте и все остальное и... идите себе куда шли.

- Так мы к вам шли, хотели поговорить, - сморщив лоб от удивления, сказала Ангелина.

- И я даже знаю, о чем вы хотели поговорить! А нет бы просто так принести мне гостинец, без всяких, ты - мне, я - тебе. Нехороший пошел народ, ох, нехороший. Не добрый. Корыстный. Совсем стариков не жалеют. Вот раньше...

- Анна Никифоровна, ближе к делу! – не дала ей пуститься в воспоминания Белова. – Вы видели убийцу Вадика. Зная вашу привычку подсматривать за всеми, я в этом уверена.

- Сначала презент! – поставила условие старуха Гаврилова.

Белова безропотно протянула ей пакет. Та приняла пакет, заглянула внутрь, удовлетворенно кивнула, бережно поставила пакет на пол в прихожей, и тихим голосом обратилась к женщинам:

- Вот что я вам скажу, девоньки... - После этих слов резко захлопнула дверь и закрылась на все замки. Справившись, продолжила, повысив голос, чтобы ее было слышно, - а ничего я вам и не скажу! Жу-жу-жу!

- Эта сволочь еще и издевается, - процедила сквозь зубы Рябченко и шарахнула ногой по двери. Дверь содрогнулась, но устояла.

Ангелина успокоила воинственную особу легким прикосновением и беспечным тоном обратилась к злоредной старухе за дверью:

- Конечно, вы ничего не скажите, потому что вам сказать нечего!

- Конечно, она ничего не знает! - на повышенных тонах поддержала подругу Жанна.

- Ангел, сама посуди, если бы она что-то знала, она, как прилежный гражданин Союза Советских Социалистических Республик, не стала скрывать правды перед сотрудниками следственных органов, рассказала бы всё как на духу...

- Тем более, она сама из этих... - играя глазами, похихикала Белова.

- Из каких это, из этих? – уточнила за дверью старуха Никифоровна.

- Анна Никифоровна, как вы относитесь к Феликсу Эдмундовичу? - напряженным голосом поинтересовалась Ангелина, как будто от правильного ответа зависела судьба всех присутствующих.

- Из сто второй, что ли?

- Нет, в сто второй живет Феликс Эдуардович, а я спрашиваю про Феликса Эдмундовича? Неужели подзабыли, кто это?

- Дык, я не всех жильцов по имени знаю, - обреченно покаялась Гаврилова.

- Вам по должности положено знать, кто такой Феликс Эдмундович.

- Вот прицепилась! Если знаешь его, то скажи, чего ты воду мутишь!

- Я говорю о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, - удивленно протянула Ангелина.

- Вот зараза! На святое замахнулась, - прошипела старуха за дверью, даже от возмущения саданула по собственной двери сухим кулачком, звук вышел так себе.

- Небось и потрет его у вас на стене висит, - поерничала Жанна.

- Ты еще!.. Вот хотела вам рассказать, а тебе не дождетесь!

- Что хотели рассказать, Анна Гавриловна?

- Об убийце этом треклятом! Видела я его... Как вас сейчас вижу через глазок.

- Он сначала к вам пришел, стучал-звонил, а вы ему не открыли, и он направился к соседям?

- Не умничай, Линка. Ко мне он не заходил! Зачем я ему?!

- А зачем Люську пугали маньяками?

- Что б по ночам не шастала!

- Ладно, вернемся к преступнику, - миролюбиво произнесла Ангелина, - значит, вы его видели, как нас сейчас. Можете его описать?

- Ничего я тебе не скажу, хоть на куски режь!

- Придется резать, делать нечего, - пробормотала Жанна, - говорила тебе, Ангел, надо было топор с собой брать.

- А я сейчас в милицию позвоню! - пригрозила Гаврилова, вмиг обретшая слух.

- У нас милиции нет! – сообщила со злорадством Жанна.

- Куда ж она подевалась? – растерялась старуха и обескураженно пробормотала, - вчерась еще была, а сегодня... уже ее нет?

- Теперь у нас полиция!

- Пошли вон отседова, а то щас в полицию позвоню и скажу, что меня пришли убивать!.. Убивают! - заверещала Никифоровна.

Жанна собралась еще сказать что-то едкое в адрес старухи, но подруга прошептала:

- Пойдем отсюда от греха подальше...

Когда они оказались на улице, Белова удивленно произнесла:

- Жанка, я тебя сегодня не узнаю.

- Я сама себя не узнаю. Куда дальше двинем?

- Надо вернуться.

- Куда? К Никифоровне? Бесплезное занятие.

- Нет, ни к ней, надо заглянуть к Валентине Пушкиной, поддержать ее, узнать, когда похороны Вадика.

- Ты что-то темнишь, Ангел.

- Хочу покопаться на книжных полках – поискать исчезнувшие у Кораблева книги.

- Ты думаешь, что книги прихватил Вадим?

- Жан, я не знаю! Ясно тебе?

- Ясно, почему ж не ясно, одно не могу понять – кричать зачем? Тем более, на весь двор.

- Разве я кричала? Я говорила на повышенных тонах, если чем-то тебя обидела, то прости. Я всегда нервничаю, когда не могу сообразить, что предпринять.

- Неужели пропавшие книги стоят бешенных денег?

- Я искала в Интернете...

- Нашла? – не дала договорить Жанна Петровна.

- Нашла, и мне это не помогло: цена на книги не та, чтобы из-за них убить человека.

- Ангел, долго мы еще будем здесь стоять как три тополя на Плющихе? – понизив голос до шепота, спросила Рябченко. – У Никифоровны точно ушки на макушке, не стоит посвящать ее в детали нашего расследования.

- Окна ее квартиры выходят на противоположную сторону, - напомнила Ангелина Михайловна. – И о каких деталях ты говоришь, милая моя? Больно много мы на расследовали, - посетовала она и переместилась в подъезд, к двери квартиры Пушкиных. Жанна последовала за ней, кося глазом на дверь старухи.

- Надо всем соседям скинуться Никифоровне на новую дверь, а то неровен час сдует старушку порывом ветра – не дверь, а тонкая фанера.

- Допустим, не совсем тонкая, но фанера, у нас у всех такие двери были, когда мы вселились в новостройку.

- Я помню. Но надо все-таки поставить ей новую дверь, качественную, чтобы через нее ничего не было слышно.

- Хочешь лишить старого человека последнего удовольствия? – хмыкнула Белова.

- Злыдня старая, - прошептала Жанна, - если что-то видела или слышала, скажи, не строй из себя секретного агента на задании... Ангел, погоди, притормози, кажется, у Валентины кто-то в гостях? Слышишь голоса?

Ангелина с Жанной притаились и прислушались. И правда, в квартире отчетливо слышался голос хозяйки и еще один женский голос, незнакомый.

- Давай позже зайдем, - предложила Жанна.

- Я хочу найти книги и хорошенько их рассмотреть. Но я согласна с тобой – зайдем позже, не хочу при посторонних задавать Валентине вопросы. Поднимемся ко мне, пообедаем...

Обед занял ровно час. Вскоре подруги звонили в квартиру Пушкиных. Валентина открыла дверь. Лицо у нее было опухшим от нескончаемого потока слез. Ангелина

обняла убитую горем мать, та зарыдала еще сильнее. Жанна тоже заревела, но беззвучно, проникаясь глубоким сочувствием. В прихожей появилась незнакомая женщина. Она принялась успокаивать Валентину, совать ей в руки стаканчик с лекарством. Валентина выпила лекарство, опомнилась и пригласила гостей в комнату.

Возле стола сидела крупная кучерявая девица. На столе стояли три чашки и небогатое угощение. Валентина Александровна сказала:

- Познакомьтесь, это моя давняя подруга Зинаида, это ее дочь Марианна, Марианна учится вместе с Вадиком... - Валентина громко всхлипнула и приложила ладонь к груди.

- Валя, тебе плохо с сердцем? – засуетилась Лина, - может быть, надо вызвать врача?

- Сейчас пройдет, сейчас-сейчас, сейчас отпустит... Вы присаживайтесь, сейчас будем пить чай... Что это я... Зина, Марьяша, это моя соседка Ангелина Михайловна и ее подруга Жанна Петровна. Это они нашли... нашли моего Вадика.

- Я пойду чайник поставлю, - сообщила Марианна и вышла из комнаты.

- Зинаида, я вас помню, раньше вы часто приходили в гости к Валюше вместе с мужем и тогда еще маленькой дочерью.

- Потом мы переехали в другой район, далеко отсюда, стали встречаться все реже и реже. У каждого свои дела-заботы. Когда узнали о гибели Вадика, приехали к Вале, чтобы ее поддержать. Сережа, мой муж, не смог приехать – трагическая новость сильно на него повлияла, он заболел, доктор прописал ему постельный режим.

Они поговорили о похоронах. Ангелина положила на стол конверт с деньгами. Деньги собрали соседи. Валентина поблагодарила и опять заплакала. Зинаида начала вспоминать детские годы Вадика и Марьяши, и Валя немного успокоилась, даже улыбнулась сквозь слезы.

Марианна возилась на кухне, потом завозилась в прихожей.

- Марыш, кто-то пришел? – повысив голос, спросила хозяйка.

- Мне показалось, что кто-то постучал, я открыла дверь, а на лестнице никого, - сообщила девушка, показываясь в комнате. В одной руке она держала две чашки, просунув указательный палец в ручки, а в другой - чайник со свистком. Ее лицо было бледным, а руки слегка подрагивали. Особенно это было заметно, когда она разливала чай.

Марианна вернулась с чайником в кухню.

- Я так хотела, чтобы Вадик с Марьяшей поженились, - шепотом призналась Зинаида. Валентина ничего не сказала, только губы поджала – видимо, о такой невестке как толстуха Марианна она не мечтала. Вот и Вадика больше нет, а мать все равно дает понять, что все девушки ему ни ровня.

Марианна зашла и присела на стул, который заскрипел под ее весом. Она нервничала, это было заметно по ее рукам, которым она никак не могла найти место – то положит на колени, то на стол, то руками волосы заправит за уши, то возьмет чашку и тут же вернет на место. Девушка явно слышала то, что сказала ее мать и осознала, что мечтам не суждено сбыться.

- Как проходит следствие? – спросила Ангелина у Валентины.

- Пока никаких новостей. Я представить себе не могу, чтобы у моего Вадика были враги. Он был такой...

Валентина с чувством рассказывали каким необыкновенным парнем был ее сын. Потом снова заплакала. Марианна выразительно взглянула на свою мать. Та все поняла без слов, подхватила и засобиравшись домой. Валентина пошла провожать гостей в прихожую. Оттуда раздавались голоса.

Ангелина прошмыгнула в соседнюю комнату, которая была комнатой Вадика. Угловой компьютерный стол, стул, диван, застеленный покрывалом, высокий шкаф для одежды, ковер на полу, полка с книгами на стене – вот и все убранство комнаты молодого человека. На полке выстроились книги по специальности, несколько книг известных писателей-фантастов, трехтомник Пушкина, словарь англо-русского языка.

Ангелина заглянула в стол. Две полки были завалены ненужными уже рефератами, тетрадями с лекциями...

Жанна громко покашляла, подруга пулей вылетела из смежной комнаты и уселась на стул, еще и чашку схватила и пригубила чай.

Валентина вернулась, они опять заговорили о предстоящих похоронах. Постепенно начали говорить о Вадике как о живом. Ангелина Михайловна решилась:

- Валюша, мне Вадик обещал дать словарь иностранных слов. Извини, что я напоминаю, но мне очень надо для одного важного дела.

- Словарь иностранных слов? Что-то не припомню. Но вы зайдите в его комнату и сами посмотрите, там, на полке... А он говорил, что у него есть такая книга?

- Будто бы говорил, если я ничего не путаю. Я могу поискать?

- Конечно, конечно. – Валентина всё же поднялась и направилась в комнату сына, за ней двинулись гуськом Ангелина и Жанна.

Ангелина еще раз изучила книги.

- Книги хранятся только здесь, на полке? – поинтересовалась она. Валентина сидела на диване, погруженная в свои горькие мысли, но на всякий случай кивнула. Но тут же опомнилась и указала на высокий шкаф.

- Наверху, там тоже есть книги. Детские книги Вадика. Я их хранила для внуков. - Женщина закрыла ладонями лицо и заплакала.

Жанна Петровна начала корчить подруге рожи - возмущаться ее недостойным поведением. Подруга в ответ развела руками – мол, что поделаешь, надо разбираться. Но прежде чем перейти к поискам на верхней полке шкафа, Ангелина присела на диван рядом с Валентиной и обняла ее за плечи.

- Валь, не сочти меня бесчувственной, но я должна выяснить, был ли у Вадима словарь иностранных слов, 1949 года издания, и книга «Жизнь и ловля пресноводных рыб», автор Сабанеев, издание 1960 года.

Валентина отняла ладони от мокрого от слез лица и спросила:

- Это как-то связано с гибелью моего мальчика?

- Пока не знаю, это одна из версий.

- Ангелина Михайловна, вы ищите книги, пожалуйста... Если надо для дела...

И Ангелина стала искать на верхней полке высоченного шкафа, благо рост позволял, но, естественно, пришлось встать на табурет.

Поиски не принесли желаемого результата...

Подруги еще немного посидели, потом засобирались домой, догадавшись, что хозяйка засыпает на ходу - успокоительные препараты начали свое действие.

Покинув квартиру Пушкиных, Лина и Жанна решили прогуляться по улице, заодно обсудить планы.

Так бы и поступили, если бы не одно обстоятельство. Точнее – лужица перед дверью Никифоровны.

- Что это? – испуганно спросила Жанна, сжимая руку подруги.

- Вода, кажется, - неуверенно пробормотала подруга. – Зачем здесь вода? Откуда она взялась? - задалась она вопросами, подошла поближе, присела на корточки и присмотрелась к луже, даже носом повела.
- Ангел, я думаю, что кто-то помочился у двери старухи, отомстил за все ее деяния.
- С чего ты взяла, что это моча? По мне, так это вода.
- А ты попробуй на вкус, - миролюбиво предложила Жанна, понизив голос.
- Прекрасное предложение, хочу переадресовать его тебе, - поднимаясь на ноги, проворчала подруга.
- Если честно, то мне ЭТО не нравится, - прошелестела Рябченко.
- А мне-то как не нравится. Заметь, только Никифоровна заявила во всеуслышание, что она видела убийцу Вадика, хотя я в этом не уверена, как сразу начали происходит странные дела-делишки.
- А если это одна болтовня? Ты же сама сказала – не уверена!
- Я и сейчас могу подтвердить тоже самое. Но! Она могла что-то видеть, и поначалу не придать значение. Со временем увиденное как-то сформировалось у нее в голове, старуха бы созрела для вынесения вердикта.
- Неужели старуха все-таки видела через дверной глазок убийцу?
- Зная ее нездоровые наклонности, могу ответить утвердительно. Но освещение на первом этаже отвратительное, зрение у старухи так себе, некая фигура промелькнула мимо. Вот и все.
- Тогда зачем мы к ней приходили, гостинцами задабривали... Нет, мне не жалко, но не люблю, когда мне дерзят и издеваются.
- Я хотела добиться от Никифоровны хотя бы пространного описания преступника: комплекция, рост, в чем одет. Приблизительно. Может быть, ее рассказ натолкнул бы меня на разумную мысль, описание напомнило бы какого-то человека... Но если этот человек мне знаком, он из наших, из жильцов дома, то ему тоже известны наклонности Никифоровны и...
- И он давно бы и без зазрения совести устранил потенциального свидетеля, - деловито продолжила Жанна. – Я права?
- Как-то так, - пробормотала Ангелина.
- Странные странности, - вышагивая вокруг лужи, озадаченно пробубнила Жанна.
- Что ты делаешь?
- Изучаю.
- Зачем?
- Хочу понять, как здесь могла появиться вода.
- Соображения есть?
- Ангел, а если мы с тобой правы? И Никифоровну... тоже... того, в смысле убрали? – округлив глаза, спросила Рябченко. Теперь в ее голосе было больше эмоций, чем прежде.
- Типун тебе на язык.
- Ангел, в последнее время ты всегда оказываешься в ненужное время в ненужном месте.
- На что ты намекаешь?
- Всего лишь на то, что ты первой оказываешься на месте преступления.
- Знаешь, что я тебе скажу, моя дорогая? Что сейчас одним трупом будет больше, - хмуро заявила Белова, нависая над болтливой коротышкой.
- Ни боже мой, никаких намеков, ты меня неправильно поняла, - бесстрашно заявила Жанна и вернулась к теме разговора, - я не пойму, чего мы стоим и голову ломаем?! Надо просто позвонить в дверь и...

- И спросить: «Анна Никифоровна, вы живы или вас убили? Если еще живы, то это ненадолго – холодная рука смерти уже тянется к вашему горлу. Поэтому, без всяких промедлений, поведайте нам, вашим главным защитницам, кого вы видели в вечер убийства Вадима Пушкина?»

- Прекрасное предложение! Никаких замечаний, кроме того, что у преступника прибавится головной боли – ведь число свидетелей утроится.

- Ааааа, боишьсяяяя, - зловеще протянула Белова.

- Я не трус, но я боюсь, - с коммунистическим азартом доложила Жанна и глупо хихикнула.

- Это нервное, - вынесла свой вердикт Ангелина.

- Ты права – мне что-то не по себе.

- Хорошо, я сейчас позвоню в дверь. И знаешь, что я услышу? Много лестных отзывов о своей персоне.

- Тебе ни впервой.

- И это меня успокаивает, - поерничала Белова и нажала на кнопку звонка.

За дверью не раздалось ни звука, ни шороха.

- Звони еще! – приказала Жанна.

На лестнице послышались шаги. Подруги оглянулись и увидели Голубицкого, соседа с пятого этажа, отца Славки-рёвы и по совместительству тренера по фитнесу. Голубицкий вообще не замечал соседей, исключение – Маргарита Леопольдовна Фредушинская, дама при ответственной должности. Сегодня Голубицкий повел себя иначе - притормозил и безразличным голосом спросил:

- Что, бабку замочили?

- Кто замочил? – проблеяла в ответ Жанна.

- Вы обе, кто ж еще, - скалясь, заявил он.

- Бабка, как вы говорите, еще недавно была жива-здоровая, - сообщила Ангелина и зачем-то сверилась со своими наручными часами.

- Была на своем боевом посту, мы имели возможность с ней пообщаться, а сейчас она не только не открывает и не награждает нас эпитетами, но даже не сопит под дверью, - добавила с совершенно испуганным видом Рябченко. - Ко всему на пороге ее квартиры лужа, - подсказала она и выразительно указала на лужу пальцем.

Качок Голубицкий призадумался, почесывая свой крепкий затылок.

- Что за шум, а драки нет? – спросила Люська, появляясь в подъезде.

- Сцена вторая – те же и Яварчук, - пробормотала Ангелина Белова.

- Никифоровну затопили? – протянула Люся с улыбкой на лице, как будто произошло хорошее событие. – Не завидую я Шакалу Ивановичу – это же он ее затопил.

- А заодно и прихлопнул, чтобы она на него в суд не подала, - ухмыльнулся Голубицкий.

- А что? Все может быть, я не в том смысле, что прихлопнул, а в том, что Шакал Иванович затопил Никифоровну. И сейчас наша старуха находится у него в квартире, устраивает «концерт по заявкам», так что все живы и относительно здоровы, - предположила Ангелина Михайловна таким озадаченным голосом, что всем стало ясно - сама она так не думает.

- Что мешает нам в этом убедиться, - легкомысленно произнесла Люська.

- Правильно, надо подняться на второй этаж, к Шакалу Ивановичу, и все выяснить, - поддержала ее Жанна Петровна.

Процессия во главе с Беловой направилась на второй этаж. Замыкал процессию Голубицкий, поддавшийся массовому психозу.

Гражданин Шкалик, он же Каллистратий Иванович, больше известный как Шакал Иванович, с непониманием уставился на компанию численностью из четырех человек, трое из которых были женщинами. Если бы не третий участник компании, не Голубицкий, имеющий устрашающий вид, Шакал Иванович захлопнул бы дверь перед любопытными женскими носами. Но раз Голубицкий имел внушительно-устрашающий вид, если не сказать – пугающий, Шкаликову пришлось изображать радушного хозяина.

- Чем обязан? – великосветски спросил он, пожилой мужчина в широченных шортах до колен, майке-алкоголичке и шлепанцах. На голове Шакала Иванoviча колосились остатки волос, на лбу красовались очки, которые упирались в кустистые брови и создавали эффект четырехглазия.

- Гаврилова Анна Никифоровна у вас? – нервически-озабоченным голосом спросила Белова.

- У меня? – шевельнув очками на лбу, удивленно протянул Шкалик. Выразительно хмыкнул и добавил, вспомнив старый анекдот, - я столько не выпью.

- Мы пришли не шутки шутить! - взвилась Белова, - Вы, вообще-то, в курсе, что у вас трубу прорвало, и вы заливаете квартиру этажом ниже?!

- Вы в своем уме? Неужели не заметно, что я не плаваю по квартире на надувном матрасе.

- Трубу могло рвануть в перекрытии, - рассудил доселе молчавший Голубицкий. – Поэтому у вас в квартире сухо, а в квартире под вами, образовалось озеро, причем озеро вышло из берегов, за пределы квартиры старухи. В подъезде целая лужа образовалась.

Ни Ангелина Михайловна, ни Люся, ни, тем более, Жанна Петровна – человек со стороны, никогда не слышали от здоровяка Голубицкого такой длинной и разумной тирады.

- Наверяд ли, - обмозговав сказанное, выдал Шакал Иванович. - В нашем доме недавно закончили капитальный ремонт, все трубы в подвале и квартирные стояки заменили.

- Только не надо приписывать себе чужие заслуги, - парировала Белова.

- Вот именно, - поддержала ее Люська, правнучка «чужих заслуг». Люська осталась в квартире полноправной хозяйкой, потому что Марго временно обосновалась в доме Якова Семеновича. Именно в этом доме они счастливо прожили первые годы после свадьбы. Было принято обоюдное решение - когда прадед Люси окрепнет, оба старика вернутся в город. Теперь у счастливой Людмилы есть не только прабабка, но и прадед, классный старикан. И кажется, отношения бывших супругов налаживаются. И это спустя более полувека после расставания.

- Никто и не приписывает, сказал и сказал и нечего на меня набрасываться! Ишь, моду взяли! – окрылся Шакал Иванович.

- Только не надо строить из себя всеми обиженного, - опять вступила в спор возмущенная Людмила Яварчук, а Ангелина Михайловна осуждающе на нее взглянула. Взгляда хватило, чтобы Людмила мгновенно притихла, хотя очень хотелось отомстить Шакалу за незаслуженно нанесенные в детстве обиды: почему-то именно к ней он больше всех цеплялся, кто-то из детворы что-то натворит, а виновата всегда Люська, она всегда крайняя.

- Что будем делать? – спросила Ангелина Белова, обращаясь ко всем сразу, но теперь она смотрела на Голубицкого. Тот прочитал взгляд по-своему:

- Я могу выбить дверь. Без проблем. Это ж не дверь, а одно недоразумение.

- Никифоровна нам мозги тогда выбьет, - вмешалась Люська.

- Старуха на стуки в дверь не отреагировала? – уточнил Шакал Иванович и сам же подтвердил, - не отреагировала, в этом случае мы имеем право взломать дверь, потому как старуха могла утопнуть в воде...

- Тоже, скажите, - передернула хрупкими плечиками Люська, стянув с плеч рюкзак. Потом она сняла джинсовую куртку и осталась в джинсах и тонком свитерке яркосинего цвета. Куртку она свернула и прижала к себе, рюкзак болтался на руке. Голубицкий покосился на нее, молча забрал куртку и рюкзак – решил, что ей тяжело, джентльмен. Люська не стала протестовать.

- Дверь мы, конечно, можем взломать, но для этого необходимо пригласить участкового уполномоченного и слесаря, - здраво рассудила Белова.

- Тогда чего мы ждем, - высказалась Рябченко.

Шакал Иванович принялся звонить участковому, Голубицкий и Люся переминались на пороге, Ангелина Михайловна и Жанна Петровна отправились в соседний подъезд, где проживал слесарь Федор Жуков, которого жильцы дома прозвали «на все руки от скуки». Жуков постоянно что-то мастерил, пусть не всегда пригодное для бытовых нужд. Но всегда откликнулся на просьбы жильцов, естественно за определенную плату, но много за труды не просил. Он состоял на довольствии в товариществе собственников жилья.

Когда Белова с Рябченко достигли первого этажа, они еще раз дружно, при помощи кулаков, побарабанили по хлипкой двери квартиры Никифоровны. Хозяйка снова не отреагировала. Лужа не увеличилась в размерах, из чего подруги заключили, что вода с потолка – или откуда-то еще, перестала поступать в квартиру.

- Зачем нам ходить к Федьке Жукову, если можно позвонить, - опомнилась Ангелина, взялась за свой телефон, нашла в списке контактов нужного абонента и позвонила. Жуков откликнулся сразу, Ангелина описала создавшуюся ситуацию. Жуков сказал, печально вздохнув:

- Старуха меня убьет. Вас – не знаю, а меня – точно. Она давно ищет повод.

- Федор, мы тебя в обиду не дадим, - успокоила молодого мужчину Белова, - тем более, при вскрытии квартиры будет присутствовать представитель правоохранительных органов.

- Тогда ладно. Сейчас приду.

- Выйдем на улицу, подышим свежим воздухом, а то у меня кислородное голодание, - раздраженным голосом произнесла Рябченко.

- Что с тобой? – спросила подруга, спускаясь по лестнице к подъездной двери.

- Со мной-то ничего, а вот с Никифоровной... неладно. У меня нет никаких сомнений.

- Я тоже думаю, что с ней неладно.

Едва подруги оказались на улице, как Ангелина тотчас увидела Константина Кораблева. Он стоял неподалеку, подставив лицо теплым солнечным лучам, отчаянно жмурясь. Видимо, позабыл о существовании солнцезащитных очков. Ангелина засуетилась, не зная, где ей скрыться, но тут подъездная дверь за ее спиной хлопнула, Кораблев очнулся и повернул голову на звук.

- О! На ловца и зверь бежит! – радостно воскликнул он и распахнул руки, желая объять необъятное.

- Это кто у нас зверь? – с непонятным волнением спросила дерзкая Ангелина, не приближаясь к мужчине. Тот подошел сам.

- Здравствуйте, Ангелина Михайловна! И вы, милая девушка, тоже здравствуйте, - обратился он к Жанне Петровне. Та хмуро кивнула, несмотря на лестное обращение, затем сосредоточила свое внимание на подруге.

- Позвольте узнать, что вы здесь делаете? - проигнорировал приветствие, спросила Белова.
- Вас ищу, - просто признался Кораблев.
- Ангел, кто это? – отворачиваясь от мужчины, шепотом спросила любознательная Рябченко.
- Жанна, это Константин Павлович Кораблев, - излишне громко произнесла Белова. И тотчас обратилась к Кораблеву, - как вы меня нашли?
- Я за вами проследил, вы уж меня простите, - беззастенчиво сообщил мужчина.
- Как проследили? Вы шли за мной, а я не заметила? Придумайте что-то поинтереснее.
- Я не хочу ничего придумывать, я говорю правду.
- Я не могла не заметить слежки.
- У наших ушки на макушке, - вставила Жанна. И тут же с придыханием добавила, - моя подруга Ангелина очень чувствительная натура, - при этом заслужила выразительно-осуждающий взгляд от упомянутой особы.
- Я в этом несколько не сомневался, - расчел привычным цветом Кораблев. Жанка не сдержалась и тоже расцвела – заулыбалась как хорошему знакомому. Белова незаметно поскребла по ее локтю - осадилась - и с завидным упорством заявила, не найдя иной темы для разговора:
- Я не могла вас не заметить.
- Вы, как обычно, были погружены в свои мысли...
- Только не надо повторяться, - перебила его Ангелина, вспомнив свои рассуждения о тренировке мыслительного аппарата для продления качественной жизни. – Допустим, я вам верю – вы меня выследили. Зачем вы меня выследили, зачем здесь стоите и ждете? Зачем всё это? – разделяя слова, спросила она с грозным видом.
- Как зачем? Неужели непонятно? – удивился Кораблев. – Вы мне понравились, я хотел продолжить наше общение. Я пытался навязать вам номер моего телефона, а вы никак не отреагировали.
- Представляешь, Жанна...
- Жанна Петровна, - назвала себя подруга, очнувшись, и протянула мужчине руку. Мужчина мягко пожал женскую ладошку.
- Ангелина начала снова:
- Представляешь, Жанна, при первой встрече он обращался ко мне на «ты», а теперь вдруг перешел на «вы».
- Мне, конечно, не очень импонирует тот факт, что вы говорите обо мне в третьем лице, несмотря на то, что я присутствую при разговоре, но я как-нибудь стерплю и только ради того, чтобы вы согласитесь пойти со мной в ресторан.
- Я на диете, - брякнула Ангелина.
- Тогда в кино. Или просто прогуляемся по набережной. Или в городском парке.
- Я подумаю, - без особого желания промолвила Белова, лишь бы отвязаться от кавалера, который был моложе нее на целых тринадцать лет.
- А свой номер телефона рассекретите? - попросил окончательно повеселевший Константин.
- Я вам сама позвоню.
- Но вы...
- Я запомнила ваш номер телефона, у меня хорошая память.
- Ой, а вы промокли, - заметила неполадки в одежде мужчины Рябченко. – Неужели вы попали под дождь?

- Какой дождь, - насупилась Белова, пристально изучая промокшие мужские туфли из замши и мокрый низ черных брюк. – Что с вами произошло, Константин? Только не лгите, дело серьезное.

- И не собирался скрывать от вас правду. Я попал с неприятную историю, так сказать пострадал за свое любопытство. Сейчас расскажу по порядку. Дом, в которой вы живете, мне был известен, подъезд – тоже, проблема с номером квартиры. Мне удалось попасть в ваш подъезд, и естественно, я постучал в первую попавшуюся дверь. У меня спросили через дверь, что мне нужно, я ответил, что ищу Ангелину Михайловну. За дверью завозились, потом дверь открылась, я увидел старуху, не успел ничего сказать, как она окатила меня ведром воды и захлопнула дверь. Еще повезло, что у меня реакция хорошая, я успел отскочить, но ноги зацепило.

- Когда это случилось и что произошло потом?

- Когда-когда, - задумчиво пробормотал Кораблев, - наверное, и получаса не прошло. Нет, скорее минут сорок.

- Значит, сорок минут назад с Никифоровой всё было в порядке, - констатировала Жанна.

- Я не понимаю...

- Вам и не надо ничего понимать, - перебила Костю Ангелина, - а вот нам очень хотелось бы понять, зачем вы пришли к старухе и что с ней сделали, если после вашего визита она не открывает дверь, и вообще не подает признаков жизни. И сразу скажу – я вам не верю. Спросите, почему? Я вам отвечу: старуха не всегда открывает дверь знакомым людям, что уж говорить о незнакомцах. Что вы ей сказали, почему она открыла дверь и окатила вас водой? И что самое важное – что вы с ней сделали?

- Я? С ней? Я с ней ничего не сделал. Она меня обила водой из ведра и захлопнула дверь. Зачем она это сделала? Надо спросить у нее. Я могу высказать собственное предположение: ее желание полить меня из ведра возникло после того, как я произнес ваше имя, Ангелина Михайловна. Чем вы ей насолили?

Подруги переглянулись и промолчали. Кораблев продолжил:

- Мне пришлось ретироваться. Я вышел на улицу, выбрал солнечную сторону, чтобы отогреться и просушиться хотя бы чуть-чуть. В тот момент, скажу вам честно, я подумал, что ведро с водой было приготовлено не для меня, а для кого-то другого, кто ее допекал, а затем ушел. Старуха решила, что тот человек вернулся, а мои слова о вас она не услышала – старенькая она совсем. Вот и окатила холодной водой из ведра. Бррр... Не очень приятно, скажу вам честно.

- Не зима, не заболееете, - констатировала бессердечная Ангелина.

- А что, Ангел, это разумное объяснение странного поведения Никифоровны, - задумчиво пролепетала Жанна Петровна, осмыслив слова мужчины. - Никифоровна ждала другого человека.

- Она ждала нас с тобой, - высказалась Белова. – Мы донимали ее расспросами, ей это надоело, она предположила, что мы походим-походим и к ней вернемся, она не придумала ничего лучше, как окатить нас холодной водой, чтобы не приставали. И ее час мести настал, но она подумала, что я вернулась вместе с мужчиной – она слышала мужской голос, мужчина назвал мое имя, она решила, что мы общаемся между собой, якобы я пришла с поддержкой, она разозлилась и плюхнула водой. Как-то так. Других версий у меня нет.

- Разумно. Осталось понять, что случилось потом, - согласилась Жанна, ожидая ответа от всезнающей подруги. Внимание той было направлено на Кораблева, который пожирал ее влюбленными глазами и сдержанно улыбался, заранее зная,

какое влияние оказывает на женщин его улыбка, даже полуулыбка, как в данном случае.

Ангелина вышла из себя – как можно ее ловить на всякие улыбочки?! Она кто? Девочка несмышленная или одинокая тетка, озверевшая от своего одиночества, поэтому кидается на первого встречного?

- Полюбуйся, Жанка, на этого хитреца, который считает себя умнее остальных! Я не стану утверждать, что этот тип намеренно расправился с Никифоровной, он мог ее элементарно отпихнуть от себя, в итоге старуха упала, ударилась головой и окочурилась – много ли ей надо.

- Ангел, хочу тебе напомнить, что дверь закрыта на замок, из чего следует, что после визита Кораблева старуха была жива. Она сама закрыла дверь... - Жанна призадумалась, после чего повторилась, но очень медленно, как бы осмысливая сказанное заново, - старуха окатила водой Кораблева, и с чувством полного удовлетворения закрыла дверь.

- Меня зовут Константин, - подсказал мужчина.

- Да хоть Эвламий, нам-то что! – взъерилась Белова. Подруга тоже свое получила, - а ты, Жанка, его не защищай!

- Вот и мне досталось, - пролепетала та без всякой обиды.

- Я тебе сейчас объясню: на двери квартиры Никифоровны стоит старый английский замок – дверь сама захлопывается. Старуха отказывается менять замок, говорит, что так даже лучше, а то она забывает закрывать дверь на замок.

- Мне откуда это знать? - резонно заметила Жанна и поинтересовалась, - а ключи она никогда не забывает?

- Бывало, но для этого у нас есть Жуков.

- Я уже здесь! – возвестил о своем приходе слесарь Федор. Ангелина кивнула и продолжила:

- Эвламий непреднамеренно убил старуху, спокойно захлопнул ее дверь, и...

- И вышел на улицу, чтобы дожидаться полиции и сдаться, - продолжил как ни в чем ни бывало «Эвламий».

- Сейчас вам представится такая возможность – вон идет наш участковый.

- Ангел, что ты несешь, - прошипела Рябченко. – Кораблев совсем непохож на убийцу, даже непреднамеренного. Опять же - зачем ему оставаться рядом с местом преступления? Сама подумай, если бы он расправился со старухой, пусть нечаянно ее толкнул, он бы дал стрекоча. Кто бы его заподозрил? Никто.

- Свидетели всегда найдутся, надо только хорошенько их поискать, - со злорадством проговорила Белова.

- Я никогда не поднимаю руку на женщин, - вставил совершенно расслабленный Кораблев.

- Никогда-никогда? – заинтересовалась Жанна.

- Ни-ког-да.

- Здравствуйте, граждане, - поприветствовал их участковый, капитан полиции Селиверстов, крепкий мужик деревенской наружности, основательный в делах и поступках.

- Здравствуйте, Аким Петрович, - за всех поздоровалась Белова. Кораблев стоял напротив и хитро шурился, почти как покойный Вадик Пушкин. Неожиданно Ангелина нашла много общих черт у Кораблева и у Пушкина, и взяла себе сей факт на заметку: надо бы порасспросить Валентину! У Вадика был биологический отец. Почему его отцом не может быть Кораблев?..

Слесарь Федор Жуков без труда вскрыл дверной замок квартиры Гавриловой. Капитан полиции Селиверстов приказал оставаться всем на лестничной клетке. Все – это Белова, Рябченко, тот же Жуков, Люся Яварчук, Шакал Иванович, Голубицкий и примкнувший к ним Кораблев - ответили суровым молчанием.

Селиверстов распахнул дверь. Взору присутствующих предстала следующая картина – брошенное на пол ведро, возле которого образовалась небольшая лужица, потом появились ноги в теплых глубоких тапках с меховой опушкой, затем и вся Никифоровна. Она лежала навзничь на полу, прижав застывшие руки к горлу. Ее глаза были широко открыты, никакого ужаса или страха в них не было, только удивление.

Люська взвизгнула, Жанна охнула и схватилась за сердце, Ангелина не издала ни звука, только ее лицо стало белым-белым, как выдержанная в отбеливателе простынь. Голубицкий выругался, Шакал Иванович цокнул языком. Кораблев остался безучастным к происходящему, его занимала только Ангелина с неестественным цветом лица. Он взял ее под руку – дал понять, что он рядом, что он ей поможет, в случае чего.

- Всем отойти подальше, я вызываю опергруппу, - сурово произнес капитан полиции, мысленно кляня на чем свет старуху, кем-то отпавленную на тот свет без ее желания.

После того, как опергруппа была вызвана, Селиверстов приказал никому не расходиться - никто и не собирался – и в квартиру не заходить.

Ангелина Михайловна не могла молчать, она должна была что-то говорить, чтобы не сойти с ума – она считала себя косвенно виновной в гибели старухи Никифоровны: именно им с Жанкой старуха призналась, причем во всеуслышание, что она видела убийцу Вадима Пушкина. Значит, убийца мог ее услышать и пришел, чтобы закрыть свидетельнице рот. Навсегда.

Белова обо всем поведала участковому Селиверстову. Тот внимательно выслушал и ничего не сказал в ответ.

- Выходит, что убийца Вадика Пушкина и Анны Никифоровны Гавриловой – одно и то же лицо, - высказала свои соображения Ангелина Белова. – И это лицо живет в нашем подъезде.

- Не обязательно, - осторожно сказал Кораблев, по-прежнему приклеившийся к Ангелине. – Ваш разговор мог подслушать посторонний.

- Себя имеешь в виду? – прошептала она, не желая, чтобы услышал кто-то еще. Кораблев в ответ лишь усмехнулся.

Капитан Селиверстов поводит глазами по прихожей, после чего прикрыл дверь квартиры, но не захлопнул, оставил маленькую щель, и потрусил на улицу - встречать опергруппу, напоследок напомнив, чтобы никто не топтался на месте преступления, а то он «засадит», так и сказал.

Присутствующие проследили, как страж правопорядка покидает подъезд. Когда капитан полиции исчез из вида, Голубицкий толкнул ногой дверь квартиры. Дверь отъехала. Ангелина не нуждалась в приглашении – недолго думая, просочилась внутрь.

- Ангел, ты куда? – шепотом возмутилась Жанна.

- Тихо ты, - цыкнула на нее та.

Шакал Иванович последовал за Беловой. Остальные замерли перед дверью.

- Мать честная! - воскликнул Шкаликов, – так это ж мой ремень! – Он указывал на ремень, которым была задушена старуха. Ремень охватывал тощее старушечье

горло, недвижимая старушечья рука прикрывала его, как будто защищала от чужих глаз.

- Ну ты попал, мужик, - констатировал Голубицкий.

- Вы чо! Это не я! Не я ее придушил, вы чего?!

- Не кричите, - осадила его Белова, - а то сейчас примчится Селиверстов и нас с вами засадит. Лучше объясните, каким образом ваш ремень оказался в квартире Гавриловой, и что самое важное - почему убийца использовал его в качестве удавки?

- Ну, все, мне копец, теперь меня закроют на веки-вечные и к бабке не ходи, - причитал Шкалик, не отреагировав на вопрос Беловой. Та не сдалась:

- Я спрашиваю, откуда здесь ваш ремень?

- Мне самому хотелось бы узнать, откуда, - промямлил Шакал Иванович. А Люська брякнула:

- Откуда-откуда, от верблюда. Легче всего сказать: не знаю, сам хотел бы узнать. Нечем крыть, дядя, так и скажи.

- Слышь, племянница, ты тут не умничай, а то я...

- А что ты ей сделаешь? – вступился за болтливую Люську Голубицкий. – Давай, расскажи, а мы послушаем.

- А чего она... – набычился Шкалик.

- Послушайте, мне ваша перебранка вот где сидит, - Ангелина провела ребром ладони по своему горлу. – У нас очередное убийство, а они личные счета сводят. Шакал Иванович, если вы хотите получить от нас помощь и поддержку, то вспоминайте, как у Никифоровны оказался ваш ремень?

- Старье-старьем, - вставила Жанна, вытянув шею, чтобы получше рассмотреть ремень-удавку, от синюшного лица старухи она старательно отводила взгляд, обманывалась. После чего высказала свое собственное предположение, - небось, Никифоровна нашла ремень в мусорном баке, там ему и место.

- Будет она по мусорным бакам копать, если у нас народ слишком добрый, - пропищала Люська, - все ее жалеют... жалели, все ей все несут. И что взамен? Никакой благодарности.

- Люсь, не надо о покойниках говорит плохо, - напомнила ей Белова. Обращалась к Людмиле, а смотрела на Шакала Ивановича, который явно пребывал ни в себе, никак не мог настроиться на конструктивный разговор. Белова уже замаялась требовать от него разумного ответа.

Так и не дождалась, прибыла следственная группа. Возле подъезда послышался визг тормозов нескольких автомобилей, и мужские голоса. Ангелину как ветром сдуло из прихожей. А Шакал ничего не слышал, ничего не понимал. Пришлось Голубицкому вытащить его на лестничную клетку одним рывком, быстро прикрыть дверь и присоединиться к остальной компании, отошедшей от двери на несколько шагов – будто бы я ни я и хата не моя. Голубицкий даже стал что-то насвистывать бравурное, но быстро одумался.

Старший следственной группы, уже знакомый Беловой и Рыбальченко по первому убийству, по дороге выговаривал участковому инспектору:

- ... А я говорю, бардак у тебя на участке. Скажешь, не так? Убийство за убийством, причем по соседству...

Затем началась привычная в таких случаях процедура.

Действительно, Анна Никифоровна Гаврилова была задушена старым мужским ремнем. Никаких отпечатков преступник на месте преступления не оставил. Даже на ремне не было никаких отпечатков. Шкалик облегченно выдохнул. Белова и Рябченко терпеливо рассказывали о событиях сегодняшнего дня...

Когда полицейские укатили на своем авто, а свидетели, не сговариваясь, переместились на площадку между первым и вторым этажом, Белова приказала:

- Ну, что, Шакал Иванович, колитесь!

- Успели сочинить правдивую историю о перемещении старого мужского ремня из одной квартиры в другую? - поерничала Люся Яварчук.

- Да вы что, женщины! Совсем ополоумели?! – нашел в себе силы для возмущения обвиненный без доказательств Шакал Иванович.

- Осторожнее на поворотах, дядя, - предупредил его Кораблев. Ангелина держалась от него подальше, чтобы не цеплялся, а он норовил к ней приблизиться, пока безрезультатно.

- Еще один племянник нарисовался! А ты кто такой есть? – набросился на него Шакал Шкаликов, он же Каллистратий.

- А это не важно, - отмахнулся Константин.

Ангелине посмотрела на него благосклонно – не стал называться ее знакомым, что-то объяснять, ни к чему это.

- И все же...

- Слышь, друг ситцевый, - обратился к нему Голубицкий, - не приставай к человеку, не переводи разговор на другие рельсы.

- И ты туда же! – хлопнул себя по ляжкам Шкаликов. - Зачем мне убивать старуху, сами подумайте, люди добрые?

- Мы-то добрые, а вот вы... - многозначительно высказалась Людмила, сверля его взглядом.

- А ты, пигалица, вообще молчи, тебе слова не давали, - окрысился на нее Шакал Иванович.

- А вы мне рот не затыкайте!

- Довольно! – пресекла перебранку Белова. - Дело очень серьезное. У нас уже два трупа – напоминаю, кто забыл.

- Ангел, ты... думаешь, что на этом преступник не остановится? – проблеяла Жанна.

- Я хочу сказать, что оба убийства связаны между собой, а будут ли жертвы еще, я не знаю. Но ясное дело, очень этого не хочу. Что мы можем сделать, чтобы жертв больше не было?

- Найти преступника, - нашел ответ Кораблев, который почувствовал ответственность за Ангелину.

- А чего его искать, вот он, перед нами, – хмыкнул Голубицкий и указал на Шкаликова.

- Я сомневаюсь, что убил он, - полила бальзам на душу невинно обвиненного Шкаликова Ангелина Белова. – Если убил он, то зачем признался, что ремень принадлежит ему? Сами подумайте, кто бы связал старый истертый ремень и соседа погибшей, живущего этажом выше? Отпечатков нет – только идиот оставил свои отпечатки на месте преступления.

- Получается, он был в перчатках, - пробормотала Жанна, - а если он был в перчатках, то зачем вытирал чужие отпечатки?

Присутствующие обратили свои укоряющие, если ни сказать жестче – убийственные, взоры на хозяина старого ремня.

Опять за него вступилась Белова:

- Я тоже не являюсь поклонницей Шкаликова, и когда он заслуживает порицания, я открыто ему об этом говорю, но в данном случае я глубоко сомневаюсь, что убил Шкаликов, - повторилась она.

- И правильно, что сомневаетесь, Ангелина Михайловна, - засюсюкал невинно обвиненный. - Сейчас я вам все расскажу, как на духу, а потом вы рассудите, что да как. Дело в следующем. Здесь неподалеку обитает один бомж, Сергуней его все кличут. Народ его покармливает, кто-то старые вещи отдает. Вот и я кое-что ему подсобрал – зимнюю куртку, брюки, тот самый ремень и так, по мелочи. Вышел из квартиры с пакетом, вспомнил, что забыл дома телефон, а мне должен старый друг позвонить, вернулся за телефоном, а пакет с вещами оставил возле мусоропровода. Прошло минуты две-три, не больше, выхожу я, а пакета-то и нет, кто-то ноги ему приделал.

- Зачем кому-то старые вещи? – удивилась Жанна. – Или ваш Сергуня зашел в подъезд и забрал то, что ему причиталось?

- Неее, Сергуня по подъездам не шарится, его жители гоняют... Погодите-ка, я щас...

Шакал выскочил из подъезда, компания потрусилась за ним. Он достал из кармана своих необъятных штанов связку с ключами, выбрал один ключ и вставил в замочную скважину на двери, за которой находился мусорный бак.

Женщины невольно отступили, желая отодвинуться от неприятных запахов. Шкаликов пошарил на трубе, нашел хлопчатобумажные перчатки не первой свежести, взялся на мусорный бак, наклонил его и тут же воскликнул:

- Вот он мой пакет! - После этих слов вытащил находку и принялся изучать содержимое. – Все вещи на месте. Кроме ремня. Ремень лежал сверху, я о нем вспомнил в последний момент.

- Выходит, что пока вы ходили за телефоном, преступник, проходя мимо, заметил пакет, сверху лежал ремень, недолго думая, он прихватил ремень и направился к Никифоровне, радуясь такой своевременной находке, - задумчиво перебирала свои соображения Ангелина Михайловна.

- Прихватив ремень, он выбросил пакет с вещами для бомжа Сергуни в мусоропровод, - сообразила Жанна Петровна.

- Ну, да, - поддержала ее подруга. - Никифоровна живет на первом этаже, пакет находился между первым и вторым этажом, возле мусоропровода. Для убийцы все удачно сложилось.

- Возможно, у преступника не было четкого плана убийства, а тут ремень – сам в руки napросился, он взял ремень и пошел душить вредную старушенцию, – выдала Люська.

- Погодите, я кое-что вспомнил, - заговорил Кораблев. – Когда я вошел в подъезд, мне показалось, что кто-то поднимается по ступенькам, совсем близко. Я порадовался – будет у кого спросить о... В общем, мне надо было задать один важный вопрос любому жителю вашего подъезда.

- Социологический опрос, что ли? - прицепился Голубицкий.

- Типа того, - промямлил в ответ Константин и вернулся к главной теме обсуждения, - я услышал шаги, посмотрел вверх, но никого не увидел. Могу предположить, что это был преступник. Он услышал, как то-то входит в подъезд и поспешил спрятаться...

- Он спрятался за мусоропроводом, рассчитывая, что некто зайдет в лифт и уедет, в он благополучно продолжит начатое дело, - рассудила Ангелина. – И тут он заметил пакет, и ремень тоже заметил... Однако, я повторяюсь. Но теперь мы знаем, что заставило преступника спрятаться между первым и вторым этажами.

- Ни что, а кто, - поправила ее подруга, - Константин Кораблев. Ангелина свела брови на переносице – выказала недовольство. - Одно не пойму – как преступник

оказался в квартире Никифоровны? Получается, потенциальная жертва сама его впустила? Что-то мне не верится... хотя... кое-кому она тоже открыла дверь.

- Кое-кому это кому? – уточнила Людмила Яварчук.

- Кому надо, тому и открыла, это к делу не относится, - осадила ее Рябченко.

- Но может быть, этот человек и... - затынула Люся.

- Не может быть! – констатировала Жанна, не дав ей продолжить.

- Девушки, не ссорьтесь, - ласково промурлыкал Кораблев. – Мне скрывать нечего – Жанна Петровна имела в виду меня. Это я позвонил в дверь, Никифоровна мне открыла и полила водой из ведра.

- Зачем? – удивилась Люська.

- Теперь мы этого никогда не узнаем, - ответил Константин.

- Это что-то новенькое – раньше за Никифоровной таких выходов не наблюдалось, - пробубнила девушка. А Кораблев воскликнул:

- У меня есть версия, как преступник мог оказаться в квартире старухи! А если не сработал английский замок, когда она захлопнула дверь после того, как окатила меня водой?

- Такого везения для преступников просто не бывает – тут тебе и средство для удушения, тут тебе и дверь нараспашку, - пробормотала Люся. – Кто-то к нему благоволит.

- Черт, кто же еще, - обронил Голубицкий.

- Начинать надо с убийства Пушкина, искать, кому была выгодна его смерть, - монотонным голосом произнесла Ангелина, окончательно запутавшись во всем - в травматическом оружии, старых мужских ремнях, ведрах с водой, сломанных английских замках.

- Почему преступник не убил старуху из травматического оружия, как поступил с Вадимом? – спросила Жанна Петровна.

- По всей видимости, он от травмата успел избавиться. Опасно, однако, - ответила подруга.

- Когда старуха окатила меня водой, я вышел на улицу, и никуда не отлучался. Потом появились Ангелина Михайловна и Жанна Петровна, и началась вся эта заваруха, - доложил Кораблев.

- Что, никто из подъезда не выходил? – поинтересовался Голубицкий.

- За все время моего «стояния на Угре», из подъезда выходили только два незнакомых мне человека, - доложил Кораблев.

- Ты можешь их описать, а мы пойдем, кто это мог быть, - обратилась к нему Ангелина, причем опять на «ты».

- Это были две женщины. Одна моложе, другая постарше. Обе толстухи. Одна низкорослая, другая – выше среднего роста, кучерявая такая. – Он совершил круговые движения пальцами возле своей головы – изобразил кучерявость.

- Кажется, я поняла, кто это был, - догадалась Белова. – Эти две разновозрастные женщины были в гостях у Валентины Пушкиной, матери Вадима. Марианна и Зинаида. Дочь и мать. Зинаида – давняя подруга Валентины. Она узнала от дочери, которая учится вместе Вадимом в финансово-юридической академии, что произошло с сыном ее подруги, и пришла высказать соболезнования, поддержать. После разговора с Никифоровной, мы тоже хотели заглянуть к Валентине, но услышали, что у нее гости, и ретировались. Пришли позже, застали гостей, Валентина познакомила нас с подругой и ее дочерью. Вскоре гости ушли. Мы немного посидели, поговорили с Валею, затем попрощались, вышли в подъезд, заметили лужу в подъезде и забили тревогу.

- Если бы ни лужа, мы бы прошли мимо, - сказала Жанна. – И не известно, когда бы обнаружили труп.
- Эта та самая Марианна, с которой я встречалась в академии? - опомнилась Люська. Возле нее отирался Голубицкий, по-прежнему с ее рюкзаком и курткой. Несмотря на недавние события, Люська кокетливо на него поглядывала, он снисходительно улыбался. Ангелина хмурилась.
- Та самая, - кивнула она. – Я была права – родители Марианны долгие годы дружили с Валентиной. Потом они переехали в другой район, постепенно отдалились друг от друга.
- Тут без поллитры не разберешься, - выдохнул Голубицкий. – Предлагаю всем подняться ко мне и за рюмкой чая всё как следует обсудить.
- Ваша супруга дома? – неожиданно заинтересовалась Люська.
- У меня нет супруги.
- Еще скажите, что никогда не было!
- Была, не скрою, но мы развелись, когда сыну было около года. Она не возражала, чтобы сын остался со мной.
- Погодите, а кто та женщина, которая постоянно гуляет с вашим сыном? – не унималась Яварчук.
- Это няня, ее зовут Марина. Я ее нанял сразу после развода с женой. Она проводит с мальчиком весь день, только на ночь уходит, ну и выходные ни в счет. Иногда ночует, когда я уезжаю по делам.
- Мне всё понятно, - обиженно протянула Людмила и пробубнила себе под нос, - интересно, какие у фитнес-тренера могут быть командировки.
- Я не расслышал, - напрягся Голубицкий.
- К вам ЭТО не имеет никакого отношения, - четко выговорила Яварчук.
- Люсечка, а что тебе понятно? – не угомонился Голубицкий. – Если ты намекаешь на меня и Марину, то зря. Не было и быть не может, - коротко охарактеризовал он свои отношения с няней своего ребенка.
- Молодые люди, мы вам не мешаем? – обозлилась Белова. – И вы считаете уместным вести подобные разговоры, когда... у нас происходят ТАКИЕ события?
- Ангелина Михайловна, тетя Лина, простите меня, - засуетилась Люська, прижимаясь щекой к ее плечу.
- Так что, народ? Принимаете мое предложение? - воскликнул ничуть не обиженный наскаками Голубицкий.
- Как звать-то тебя? – поинтересовалась Белова. – А то все Голубицкий, да Голубицкий, неловко, право.
- Сергей...
- Прямо как Сергуню, - обмолвился Шакал Иванович.
- Ну, ты сказанул, - окрысился Голубицкий.
- Вот что, Сергей, лично я не могу составить вам компанию – знаете ли, дел по горло,
- Ангелина второй раз за сегодня провела ребром ладони по своему горлу – показала, сколько у нее неотложных дел, стушеввалась, вспомнив, каким способом убили несчастную старуху Никифоровну, но быстро взяла себя в руки и обратилась к подруге, - Жанна, ты со мной?
- Я ты сомневаешься? – вопросом на вопрос ответила Рябченко, и подруги проникли в подъезд и по устоявшейся привычке начали совершать подъем на седьмой этаж, позабыв о существовании подъемного устройства.
- Оставшийся народ о чем-то недолго посоветовался, после чего компания развалилась. Голубицкий тоже вспомнил о делах, Шакал Иванович закрыл дверь

мусоропровода на замок и поспешил к себе домой, Люська повертела головой и торопливо последовала за старшими подругами, проникаясь обидой к Сергею Голубицкому, который сунул ей в руки рюкзак и куртку и был таков. Брюнет с седыми висками по имени Константин остался стоять на месте, но дверь придержал, чтобы беспрепятственно попасть в подъезд. Выждал некоторое время, а потом осторожно последовал за подругами и за Люсей. Выяснил, в какую квартиру они внедрились, и с удовлетворением сбежал по лестнице на первый этаж. Задержался у опечатанной квартиры старухи Никифоровны, осмотрел, изучил, причем в глубокой задумчивости, и неспешным шагом вышел на улицу...

Люська Яварчук вошла за старшими подругами в квартиру Беловой, но хозяйка ее быстро выставила. Люська опешила от такой наглой негостеприимности, вмиг решила обидеться и уйти к себе, но также вмиг передумала – уж очень хотелось узнать, какими тайнами Белова будет делиться со своей подругой. То, что некая тайна у Беловой была, Люся не сомневалась: недаром та что-то выискивала возле тела Никифоровны. Сама Люська никогда бы не приблизилась к покойнику – боится до жути. Марго убеждает, что надо бояться живых, а не покойников, но правнучке ее убеждения до лампочки.

- Тетя Лина, - заканючила в подъезде девушка, не выдержала и посреблась коготками по металлической двери как кошечка, которая просится домой. Звук вышел не убедительным, пришлось продолжить уговоры, - тетя Лина, нельзя так со мной, я... внесла свой вклад в расследование, а вы...

- Люся, иди домой, учи уроки, - строго высказалась громким голосом упомянутая тетя Лина. Высказалась через дверь.

- Я могу и обидеться, - предупредила Людмила.

- На здоровье.

- Ну и ладно, ну и пожалуйста. Дальше действуйте без меня!.. Я ухожу.

- Скатертью дорога!

- Тетя Лина... Ангелина Михайловна, - миролюбиво обратилась Яварчук, которой не было резона ссориться с детективщицами, - я не могу понять, что произошло? Что я сделала не так?

Белова резко распахнула дверь, Люська чуть не упала, по привычке.

- Если на тебя обратил внимание мужчина, это не повод сразу вешаться ему на шею, - без обиняков заявила Белова.

- Я вешалась на шею Голубицкому? – делая значительные паузы между словами, возмутилась девушка. В довершении закатила глаза. – Он повел себя как джентльмен, а что я должна была делать? Воевать за свой рюкзак и куртку?!

- Не воевать, но и не строить ему глазки, - вмешалась в воспитательный процесс Жанна Петровна. – Люся, ты милая и воспитанная девушка, а он...

- Не милый и не воспитанный! – договорила за нее Людмила.

- Во-первых, не ори, - еле слышно урезонила ее Белова, - и прежде чем сказать «вторых», я попрошу тебя сразу не обижаться, а взвесить сказанное мною.

- Сейчас вы скажите о разнице в возрасте, так вот знайте – Сергей всего на девять лет старше, он просто выглядит... вот так, - пространно пояснила Яварчук. – И еще хочу сказать в его защиту - внешность бывает обманчивой: Сергей не ограниченный человек, он не тупой, я это поняла в процессе общения. Мы говорили на разные темы...

- А во-вторых, - как ни в чем ни бывало продолжила Белова, не позволив ей договорить, - Голубицкий преследует свои корыстные интересы – ему нужна бесплатная нянька для его сынишки.
- Выдумки!
- Хорошо, - кивнула Ангелина, - прямо сейчас пойдешь к няне Марине и спроси, не предупредила ли она своего работодателя об увольнении по личным мотивам?
- И Жанна, и Людмила смотрели на нее с недоверием.
- Думаешь? – коротко поинтересовалась Жанна после паузы.
- Даже не сомневаюсь.
- Почему молодой мужчина не может обратить внимание на... симпатичную девушку - сами утверждали, что я симпатичная!
- Я и сейчас это утверждаю. Но девушка, жаждущая любви или элементарного внимания противоположного пола, часто не отдает отчета своим действиям и совершает опрометчивые поступки, за которые приходится платить высокую цену. Самое ужасное, что за глубоким разочарованием следует жестокая депрессия, иногда с плохим концом.
- Значит, вы не верите в любовь с первого взгляда?
- Хм... Разве речь идет о «первом взгляде»?
- Ну, конечно, мы с ним виделись, но не замечали друг друга, а сегодня... сегодня что-то произошло, - мечтательным голосом протянула Людмила.
- Конечно, произошло – в подъезде появилась еще одна жертва жестокого преступника, - вставила Ангелина Михайловна.
- Но жизнь продолжается, - философски заметила Людмила.
- У нас получается странный разговор – я пытаюсь к тебе достучаться, ты делаешь вид, что тебя нет дома.
- Ангелина Михайловна, я вас услышала, но позвольте мне делать выводы самостоятельно.
- Люся, ты думаешь, он просто так пригласил нас в гости, якобы обсудить создавшуюся ситуацию?
- Да, именно так я и думаю!
- А у меня противоположное мнение – Голубицкий хотел увидеть, как ты будешь общаться с его Славиком, чтобы приступить или не приступить ко второй части своего корыстного плана. Он решил, что умнее других. Но меня вокруг пальца обвести так же сложно, как покорить Эверест – можно, но сложно: я обычный человек, без всяких сверхспособностей.
- Я не знаю, какие цели преследовал Голубицкий, - вступила в разговор Жанна Рябченко, - но меня преследует одна мысль – почему он появился сразу, как только мы заметили лужу на пороге квартиры Никифоровны. Такое впечатление, что он ждал именно этого момента – когда кто-то обратит внимание на странности, кто-то затеет разборки с пристрастием.
- Ты ни одна такая – меня тоже терзают сомнения, - обронила Белова.
- Давайте-давайте, наговаривайте на честного человека. Он один воспитывает ребенка, няня ни в счет. Заботится о Славике, беспокоится, обожает его. А вы обе намекаете на то, что он убил старуху! Ему этот риск ни к чему – он никогда не нарушит закон, чтобы не оказаться за решеткой. Что будет с сыном? Остается только интернат: родной матери сын точно не нужен – она о нем ни разу не вспомнила за все годы, а бабушек-дедушек, которые могут оформить опеку, как я понимаю, у Славика нет.

- Зато у его отца есть прекрасный адвокат, жаль без диплома, - жестко высказалась Ангелина. В душе ей было жаль и маленького Славика, и доверчивую Люську, и того же Голубицкого, отца-одиночку. Но Люську было жальче всех.
- Не надо насмехаться. И выяснять я ничего не стану. Допустим, вы, Ангелина Михайловна, правы - няня увольняется, почему бы отцу ребенка в этом случае не обратиться в бюро по найму? Там ему без проблем подберут новую няню. А вы сразу с наездом. Будто бы Голубицкий ухаживает за мной из «спортивного интереса».
- Спортивный интерес – это совершенно другое. Твое право – выяснять или не выяснять. Я высказала свою догадку и имею право высказать свое мнение, ты мне не чужая: Голубицкий тебе не пара. Я не хочу, чтобы ты обожглась на начальном этапе своего взросления.
- Мне девятнадцать, - напомнила Люська, - другие девушки в моем возрасте имеют по двое детей.
- Это их право и их выбор. Я все сказала, решение за тобой. – Белова захлопнула дверь.
- Ангел, зачем ты с ней так? – прошептала подруга.
- Я сделала это нарочно, да, жестоко, но я не хочу рисковать ее жизнью, впутывать ее в расследование. Дело принимает серьезный оборот – у нас уже два трупа. Я сожалею, что втянула Люську, очень сожалею.
- Чего ты добиваешься?
- Сейчас она уйдет в короткую депрессию, ей будет не до расследований, а там, глядишь, и убийцу найдут – или мы, или следователи.
- Значит, о нас с тобой ты не подумала? Нам ведь тоже может угрожать опасность? И не говори, что мы свое уже пожили, умирать не страшно...
- И не скажу. Но мы с тобой тетки взрослые, сами несем ответственность за себя. Если ты откажешься мне помогать, я не обижусь.
- Я не откажусь, - не совсем уверенно произнесла Жанна Петровна.
- Если ты сомневаешься...
- Я о другом думаю – неужели Голубицкий замешан в этом деле? Он неожиданно появился у квартиры Никифоровны, не прошел мимо...
- Как он это делает обычно, не удосужившись поздороваться, я уже не говорю о поддержании беседы, - вставила Лина, - а тут вдруг снизошел, такой-расчудесный, проявил инициативу, стал джентльменом. Спрашивается, какие цели преследовал?
- Ты же сама сказала – ему нужна новая няня, бесплатная.
- Мало ли что я наболтала, - отмахнулась Белова, - сказала ведь – сочинила специально для Люси, чтобы перевести переключить ее мозги. Я ее хорошо знаю, знаю, как к ней подступиться. Если бы я принялась уговаривать и страшить, она бы пошла наперекор, причем действовала тайно, не посвящая нас с тобой в свои мудреные планы. Риск, конечно, дело благородное, но в случае с Люсей он не нужен – молодая еще, не всегда отдает отчет своим поступкам.
- Возможно, ты права... Но разве нет другого способа? Мне ее жаль. И мы учились на своих ошибках, и будто бы не глупые. Пусть и она идет по нашим стопам, набивает шишки, закаляется, впредь будет умнее.
- Жанка, ты опять о Голубицком! А я тебе говорю о расследовании! Поняла?
- Нет, не поняла, - покачала головой подруга. – Пусть бы увлеклась Голубицким, а заодно забыла о расследовании. Пожалей ее, скажи доброе слово о Сергее. Человек не может быть соткан из одним отрицательных качеств. Ты у нас девушка умная, наблюдательная, давно сообразила кто есть кто.

- Жалость в данном случае не нужна. Можно набить такую шишку-шишенцию после общения с Голубицким, что всю жизнь придется ее, шишенцию эту, лечить. Пусть Голубицкий молод, но между ним и Люсей – пропасть. Он многое в жизни повидал, многое пережил, очерствел. Люся - легкое чудесное создание, возвышенное, доверчивое, чувственное. Голубицкий - не тот экземпляр, который ей нужен... Мимолетное увлечение, вызванное ложным интересом противоположной стороны. Так бы я охарактеризовала их отношения.
- Ангел, а тебе не показалось, что Люся хотела тебя спросить о Кораблеве, когда речь зашла о разнице в возрасте у нее и с Голубицким?
- Может быть, может быть, - пробормотала Белова, мечтая перескочить со скользкой темы о Кораблеве. Не тут-то было, Жанка села на своего любимого конька:
- А он ничего, - протянула она, подмигнув, - одобряю.
- С дуба рухнула? Между нами стена высотой... в много лет. Я на мальчиков внимания не обращаю.
- Скажем, ты и на мужиков не очень-то внимание не обращаешь, давно поставила крест на своей личной жизни.
- А ты?
- Если бы подвернулась подходящая кандидатура, я была бы не против.
- Есть у меня для тебя подходящая кандидатура – Пышненко Григорий Юрьевич.
- На тебе, Боже, что нам негоже, - высказалась догадливая подруга.
- Не спорю – он «закидывал удочку», но я уверена, что это самообман: чувствами там и не пахнет, одни слова-слова, слова, на самом деле Григорий устал от одиночества, от... необходимости, если можно так выразиться. В общем, ты меня поняла. С другим женщинами он общается накоротке, со мной знаком много лет, вот и остановил свой выбор на мне, другим предлагать любовь-дружбу-совместное проживание поостерегся.
- Я тебя выбираю, я тебя давно знаю, - с улыбкой проговорила Рябченко, вспомнив фразу из мультфильма «Трое из Простоквашино».
- Как-то так.
- И чем дело закончилось? Ты отвергла его предложение?
- Я не сказала «да», милорд, вы не сказали «нет», - пропела Ангелина и добавила нормальным голосом, - могу предположить, что ему стало всё понятно без слов. А ты думай, Жанетта. Мое дело вас познакомить, а там сами решайте...
- Как это познакомить? Ты пригласишь его к себе, представишь меня... А дальше?
- Я что-нибудь придумаю. Ну что? Ты как, согласна?
- В принципе... Почему бы не попробовать? Вдруг что-то получится.
- Мне это нравится.
- Что именно?
- Твои перемены к лучшему. Раньше ты бы сказала «нет!» и все дела. Сейчас – «вдруг получится», решительности пока недостаточно, но направление взяла правильное.
- Расскажи про Кораблева, - попросила Петровна.
- На этот случай у Беловой был запасен «козырь в рукаве». Настало время ему, козырю, появиться.
- Жанка, я должна тебе кое-чем в чем признаться, - пространно произнесла Ангелина.
- Я уже боюсь - у тебя вид человека, который... который совершил... нехороший поступок, - с трудом подобрала определение Жанна.
- Ты хотела сказать – убийство, так и говори, - милостиво разрешила подруга и пождала губы – выказала неудовольствие.

- А то я тебя не знаю, - хмыкнула Рябченко и с легким восторгом заметила, - ты способна убить словом, взглядом, но устранить физическииии...
- А что? Никифорова долго нарывалась на неприятность, и... нарывалась.
- Шутить изволите?
- Мне не до шуток. – Ангелина собралась с духом и заявила, - Жанка, я хочу тебе кое-что показать.
- Вот я дурень старОй, голова с дырой – могла бы и сама догадаться: Кораблев сделал тебе предложение! И сейчас ты предъявишь мне миленькое колечко, как знак твоего согласия.
- Кто о чем, а вшивый о бане, - осуждающе проговорила Лина. Она вернулась в прихожую и принялась рыскать по карманам своей верхней одежды, с которой рассталась пару минут назад. Жанна проследовала за ней с опаской наблюдала за судорожными поисками.
- Что ты ищешь? – не выдержала она.
- Куда ж оно подевалось-то, а? – бормотала себе под нос Ангелина, обращаясь к некому неодушевленному предмету. После нервных поисков обреченно призналась, испуганно глядя на подругу, - кажется, я потеряла.
- Что ты потеряла? Когда ты успела потерять? Ты можешь мне сказать, в конце-то концов!
- Жанка, наверное, я нарушила какую-то статью УК РФ, но теперь об этом поздно сожалеть... В общем, когда капитан Селиверстов вышел на улицу, чтобы встретить своих коллег, мы с Шакалом, как тебе известно, проникли в прихожую, где на полу лежало тело несчастной Никифоровны.
- Я заметила твои манипуляции возле тела, - настороженно проговорила подруга. Продолжение речи Ангелины не сулило ничего хорошего, опять же заговорила про нарушение некой статьи закона.
- Заметила, значит... Только ты заметила или кто-то еще?
- Все внимали словам Шакала Ивановича, который «опознал» свой ремень, - доложила Жанна с уверенностью, как будто зорко следила за всеми остальными участниками действия, пока те внимали речам «опознавателя» ремня. После опасно поинтересовалась, - Ангел, ты что-то нашла... там?
- Кое-что нашла и теперь не могу сообразить, имеет ли моя находка отношение к убийству.
- Что ты нашла?
- Как нашла, так и потеряла, - развела руками Лина, - мне казалось, что я положила в карман, сейчас проверила все карманы – пусто.
- Пусто-пусто, выросла капуста, - зверски выговорила Рябченко. Она не знала, что именно обнаружила подруга рядом с телом Никифоровны, но она была уверена, что находка – важная улика, ключ к разгадке преступлений, и теперь этот ключ утерян. Что делать с Машей-растеряшей? Убить, нельзя помиловать? Убить нельзя, помиловать?
- Жанетта, не надо на меня так смотреть!
- Скажи спасибо, что пока я только смотрю. Но моему терпению скоро придет конец!
- Все знают, в гневе я страшна, - пробормотала Ангелина.
- Она еще и смеется! Тебя капитан Селиверстов «закроет» за то, что ты мешаешь следствию, что тыришь улики с места преступления. Спрашивается, зачем ты это делаешь? Хочешь себя обезопасить?

- Честно? Сама не знаю, зачем я стырила, как ты выразилась, улики. Но ты знаешь, что иногда я действую автоматически, не отдаю отчета своим поступкам, а потом понимаю, что поступила правильно.
- Где ж в этом случае твоя правильность?
- Пока не знаю. Но пройдет короткое время, и мы с тобой оценим по достоинству мой поступок, пусть и нарушающий уголовный кодекс.
- Путано говоришь, - посопела Рябченко, затем, на всякий случай, решила наброситься на подругу, - еще назови свою выходку героическим поступком! Понимаю, объяснений от тебя не дождешься, потому что ты сама не знаешь, зачем так поступила...
- Я одно могу сказать, - прервала ее пламенную речь Белова, - поначалу я считала, что решить задачу, расследовать преступление, будет легко. И причина этой легкости в том, что убийца – непрофессионал...
- Мы с тобой это уже обсуждали.
- Ты дослушай сначала... Раз убийца непрофессионал, то он рано или поздно себя выдаст. Тут мы его и накроем.
- Чтобы накрыть, надо иметь круг подозреваемых, чтобы зорко следить за каждым из них и ждать, когда тот или другой совершит оплошность. У тебя есть круг подозреваемых?
- Есть. Но проблема в том, что я теперь стала задумываться: а может ли один из этих людей быть преступником?
- Тогда что это за круг подозреваемых? – резонно рассудила Жанна. – Забыть о нем, и находить новых.
- Я не хочу сейчас сотрясать воздух в связи с тем, что не могу четко сформулировать свои мысли. Но обещаю – когда приду к «общему знаменателю», обязательно тебя просвещу по поводу своих ложных подозрений.
- Ангел, ты хочешь сказать, что...
- Белова не дала ей договорить:
- Я уже всё сказала!
- Ладно, я согласна подождать. Довольно болтовни, давай искать вместе твою пропажу. Только ты скажи для начала, что мы ищем?
- Ты не поверишь – половину игральной карты.
- У тебя такой «правдивый» вид, что мне хочется стукнуть тебя по голове!
- Экая ты сегодня воинственно-настроенная, - осуждающе протянула Ангелина Михайловна. И спросила, - ты мне не веришь?
- Допустим, верю, - проямлила Жанна. – Хотя бы скажи, какой масти была игральная карта?
- Шестерка треф. Половина шестерки треф.
- Черная метка? Никифоровне вручили черную метку и сразу удавили? Что за нехорошая игра? Или эта не игра? Действует маньяк, причем действует спонтанно – жертвы случайные. На месте убийства он оставляет половинку игральной карты. Это его фирменный знак.
- Вполне возможно, - отстраненно проговорила Белова.
- Дура, зачем ты стащила с места преступления улику? - опять набросилась на нее подруга.
- Ну, точно – озверина наелась!
- Я еще и не того наемся, тогда будешь знать, - пригрозила Рябченко и показала Линке кругленький кулачок.
- Успокойся.

- Я спокойна. Продолжаем следствие по делу о похищении улики с места преступления. Подозреваемая Белова, вы можете вспомнить, где находилась половинка игральной карты, половинка шестерки треф, когда вы оказались на месте преступления без позволения капитана полиции Селиверстова? Рядом с телом, под телом...
- Если бы под телом, я бы ее не увидела. Она находилась возле тела Никифоровны, но издали ее невозможно было увидеть. Только вблизи, - отрапортовала «подозреваемая».
- Что было дальше?
- Я сунула карту в карман. Сейчас ее в кармане нет.
- Понятно, - констатировала Жанна Петровна.
- Что именно тебе понятно? Объясни мне, неразумной.
- Кто постоянно отирался возле тебя? Кораблев. Они и умыкнул у тебя находку!
- Зачем ему какая-то затертая половинка карты треф?
- Она была затертой? – подобралась Рябченко. – Почему ты сразу не сказала?! И чего мы молчим, как рыба? Ты слышала, о чем я тебя спросила?
- Жанетта, а ведь Кораблев сказал правду про ведро с водой... Так все и было. Старуха открыла дверь и окропила его «святой» водой.
- Ангел, я и раньше в этом несколько не сомневалась. А ты? Не поверила, потому что это сказал Кораблев? Если кто-то другой сказал, ты бы сразу поверила? Или ты заранее знала о коварных планах Никифоровны?
- Ты так тарыхтишь, что у меня голова взрывается... Насчет коварных планов... Если честно, то один раз она меня тоже окропила «святой» водой, было дело. Но я успела о ее выходке позабыть.
- Впервые слышу.
- Я купила ей продукты согласно составленному ею списку, а булку хлеба купить забыла. Отдала покупки, получила «благодарность» и снова отправилась в магазин, за хлебом. Жара стояла в июле несусветная.
- Ты принесла ей хлеб, а она тебя полила водичкой из ведра?
- Точно так и было. Еще и сказала: «Охолонись, Линка, а то лица на тебе нет».
- И что ты?
- Поблагодарила за приведение в чувство. И с тех пор не оказывала ей тимуровской помощи.
- Получается, что ведро с водой было подготовлено для нас, но вышла незадача – досталось Кораблеву. Одно не пойму – почему Никифоровна не посмотрела в свою «подзорную трубу»? Для начала не изучила непрошенного гостя, а?
- Наверное, была уверена, что вернулись мы с тобой – услышала наши голоса в подъезде. Но мы с тобой завернули к Валентине. Она затаилась. Тут в подъезд заходит Кораблев, мы с ним чуть-чуть разминулись. Стучит в первую попавшуюся квартиру, называет мое имя, и... его поливают из ведра. Кораблев сбежал на улицу, погреться на солнышке...
- Опять же - не хотел уходить несолоно хлебавши – хотел тебя дождаться. Настырный мужик.
- Думаю, Кораблев не соврал. Лужа перед квартирой, его мокрая обувь и слегка подмокший низ брюк тому подтверждение. И что Никифоровна? Сделала дело и закрыла дверь. Возможно, Никифоровна не заметила, что дверь не захлопнулась, она торжествовала – радовалась своей победе. И никак не рассчитывала, что сразу появится убийца. Кораблев слышал шаги в подъезде, но никого не заметил. Убийца спрятался на площадке между первым и вторым этажом, возле мусоропровода. Ему

на глаза попался пакет Шакала Ивановича. Сверху на вещах лежал старый ремень. Не могу быть посвящена в планы убийцы, но знаю одно – он не собирался оставлять старуху, ценного свидетеля, в живых, - повторилась Белова, повторилась специально, чтобы осмыслить ранее сказанное.

- А если предположить, что дверь все же захлопнулась, и Никифоровна сама открыла дверь убийце? Что из этого следует? Что она была хороша с ним знакома.

- Как же, откроет она дверь, - хмыкнула Ангелина.

- Нам же она открыла, когда мы сказали о презенте. И убийца ей мог то-то сказать, что-то сочинить правдоподобное – купить ее за презент.

- Не было у него времени для сочинительства.

- Давай сначала. Никифоровна забрала у нас пакет с гостинцами, захлопнула дверь и только тогда начала говорить, что видела убийцу, но больше ничего нам не скажет. Где в этот момент был человек, который совершил потом убийство болтливой старухи? У меня есть версия – потенциальный убийца не собирался творить злодеяние, просто к ней заглянул, чтобы разобраться, что ей известно. Видимо, он осведомлен о старухиной привычке подсматривать и подслушивать. Тут мы нарисовались, смешали ему карты, он... где-то затаился. Услышал ее слова и тайно порадовался – можно не ходить вокруг да около, а сразу действовать.

- Жан, нас не было около часа, он мог спокойно прийти к старухе и убить ее. Однако он пришел спустя какое-то время, когда Шакал выставил пакет с вещами на площадку. Потом появился «социолог» Кораблев. В это время убийца прятался между этажами, где и подобрал ремень Шкаликова, а пакет с вещами для Сергуни выбросил в мусоропровод. Что он сделал дальше? На всякий случай проверил дверь – заперта ли? Вдруг старуха забыла запереться. Ему чрезвычайно везло – и дверь распахнулась сразу, и старуху искать по всей квартире не надо - вот она, с ведром, еще не успела с ним расстаться. Недолго думая, он накидывает ей на шею ремень и душит. Старуха погибает от удушья, убийца уходит, захлопнув дверь – на этот раз английский замок не дал осечки... Ой, про игральную карту забыла. Карта могла случайно выпасть у него из кармана. Этот вывод я сделала после твоих слов о том, что половинка карты была затертой. Странно, да? Зачем он таскал ее с собой?

- Знать бы, - выдохнула Ангелина. – Если мы пойдем, зачем ему эта половинчатая изношенная вещица, мы ответим на вопрос – кто убийца. Есть варианты? - спросила она у знатной детективщицы, которая выстроила монолог, достойный уважения.

- Пока нет. Мне интересно, у кого осела улика? Кто позаимствовал ее из твоего кармана?

- Опять намекаешь на Кораблева?

- Меня больше смущает Шкаликов. Он мог слышать слова Никифоровны, он мог беспрепятственно ходить туда-сюда. И ремень тоже принадлежит ему. Почему сразу не расправился с ней, когда мы ушли? Я думаю, что-то ему помешало. Или кто-то, - выстроила предположения Жанна Петровна.

- К Шакалу мог прийти гость. Вот и ответ. Гость ушел, он вернулся к своим планам. Кораблев сбежал, а больше Шакалу никто не мешал. Как думаешь, зачем он рассказал нам о ремне?

- Специально – вдруг найдут его отпечатки. Он избавился от своих отпечатков, но вдруг...

- Голубицкого тоже не стоит исключать.

- И Кораблева.

- И Кораблева, - согласно кивнула Белова. – Ты права, он постоянно отирался возле меня, мог выкрасть карту. Мог?

- Вполне. Тогда складывается другая замысловатая картинка. Он убил старуху, вышел на улицу, засунул руку в карман и понял – нет половинки карты. Зачем он носил ее с собой – это уже другой вопрос. Как поступает Кораблев? Он возвращается назад. И понимает, что теперь удача не на его стороне – дверь захлопнулась! Внутри ему не попасть. Тогда он опять выходит во двор и делает вид, что обсыхает после полива.

- Получается, он специально пришел к старухе, чтобы убить, сочинил про тебя – дескать, не знаете, в какой квартире проживает Ангелина Михайловна. Не знаю, что переклинило в мозгах у Никифоровны, но она распахнула дверь и окатила его водой из ведра. А Кораблев, уже вооруженный старым ремнем Шкаликова, взял и задушил ее. И не потому, что она его облила, а потому что старуха слишком много знала. И Кораблев в этом убедился, когда она верещала на весь подъезд.

- Где он был в это время? - недоверчиво протянула Ангелина.

- Где-то был, - разумно ответила Жанна. – Естественно, в подъезде. После совершения жестокого преступления, Кораблев опять оказывается на улице, блаженствует, якобы, под солнечными весенними лучами – тебя поджидает. А на самом деле, размышляет, как ему проникнуть в квартиру убиенной им старухи.

- Наверное, он хотел обратить наше внимание на лужу перед дверью квартиры. Мы бы развили кипучую деятельность, он незаметно порыскал бы возле тела и забрал свою потерю.

- Откуда он мог знать, что мы разоведем кипучую деятельность? – задала вопрос Жанна.

- Я приходила к нему в поисках своего «племянника», сегодня он не удосужился поинтересоваться, нашелся ли «племянник», какова его судьба. Получается, он догадался, что у меня нет никакого племянника... Или, что я допускаю, вся моя подноготная ему неизвестна... Но Кораблев почему-то уверен, что «племянник» никуда не пропал. «Племянник» - это всего лишь повод: мне необходимо было завязать знакомство, чтобы разобраться в гибели Вадима. По мнению Кораблева, я нащупала связь между ним и Вадиком.

- Он понял, что ты везде суешь свой любопытный нос.

- В том-то и дело! – с радостью согласилась Белова. - Обязательно бы сунула свой нос в непонятности с Никифоровной – что за лужа, почему хозяйка не открывает дверь, даже звуков никаких не издает. Когда я подобрала половинку шестерки треф, Кораблев это заметил, и потом со спокойной душой вытащил ее у меня из кармана. Ловкость рук и никакого мошенства!

- Линка, ты злишься? Да, ты злишься! Ты не хочешь, чтобы убийцей был Кораблев, мужчина с обворожительной улыбкой.

- Я бы сказала – со сногшибательной улыбкой.

- Ты на него запала?

- Жанка, нам сколько лет?

- На двоих – сто четырнадцать, - пошутила подруга.

- То-то и оно, - уныло заметила Белова.

- Надо искать мотив! Зачем преступник убил Пушкина, а потом Гаврилову? То, что оба убийства совершил один и тот же человек – это и к бабке не ходи.

- Я все время думаю об этих пресловутых книгах, которые исчезли при перевозке из одного дома в другой. Старые книжки, никакой ни раритет, стоят сущие копейки. Получается, тайна кроется не в самих книгах, а в том, что было внутри. Незнакомец с модной прической, мой, так сказать, племянник, присоединился к грузчикам, видимо, он знал, что и где ему искать. Легче всего забрать книги, а затем в спокойной

обстановке их обследовать. Он обследовал и ничего не нашел. Подумал о Вадиме. Возможно, он знал, где его искать – в финансово-юридической академии. Проследил за ним до его дома. Пришел и потребовал вернуть то, что он себе присвоил. Вадик начал кривляться...

- Мы это уже сто раз обсуждали...
- Получается, у нас трое подозреваемых – Голубицкий, Шкаликов и Кораблев.
- Вот тебе и круг! Для кого ты расстаралась, ради кого умыкнула улику с места преступления?
- Только не надо делать грязных намеков! Ради Кораблева я с места не сдвинусь, не то, чтобы... улики похищать.
- Тогда ради кого?
- Пока сама не знаю. Тебя этот ответ устраивает?
- Странный ответ. Странное поведение.
- То ж теперь...
- Действительно – поздно после драки кулаками махать. Вернемся к нашим баранам, в смысле, к подозреваемым. Я ставлю на Шкаликова.
- Почему на него?
- Голубицкому никакой ремень не нужен, чтобы бабку удавить. Он бы ей легко шею свернул, как курице.
- Можно подумать, ремень нужен остальным потенциальным подозреваемым.
- Нужен, с ремнем проще.
- Эх ты, знатная убийца, много ты понимаешь,
- Ангел, ты бы лучше половинку картушла нашла – вдруг она где-то у тебя затерялась? С картой проще строить версии. Ты хотя бы что-то заметила? Вдруг на карте была какая-то надпись?
- Можно подумать, у меня было время ее рассматривать. Только увидела, что это шестерка треф.
- Что значит половинка. Ровная половинка? Обрезанная ровно по середине? Или как?

Ангелина как будто не услышала вопросов, которыми ее забросала Жанна.

- Если мы ошибаемся? Никифоровну убил кто-то другой, не из нашей троицы? - задумчиво протянула Ангелина, настороженно поглядывая на подругу.

Подруга быстро перестроилась:

- Кораблев стоял возле подъезда. Он сказал, что из подъезда выходили только две женщины – молодая и среднего возраста, высокая и низкорослая, обе полные, из чего мы заключили, что это были Марианна и Зинаида.
- Убийца мог покинуть подъезд другим способом - выйти на крышу, перейти в другой подъезд и спокойно спустить вниз, - вымолвила Ангелина. Она не знала, кто на самом деле убил старуху, но ей не хотелось, чтобы убийцей был Кораблев. И чтобы Голубицкий, тоже не хотелось. И ни Шкаликов. Никто из соседей. Пусть кто-то чужой, пришлый. Так легче осознать, но так сложнее искать преступника. Но он должен себя выдать.

Подруга ее мыслей прочесть не могла, поэтому выдала:

- Преступник мог спокойно вернуться в свою квартиру – он живет в вашем подъезде... Что тебя не устраивает? – спросила она, заметив недовольное лицо Лины.
- Мы ужинать будем, в конце-то концов?
- Тебе кусок в горло ползет?
- Нет.
- Вот и мне – нет. Но чаю я бы выпила.

- Пока хозяйка заваривала чай, Рябченко задумчиво проговорила:
- Кораблев мог и не заметить человека, который выходил из подъезда.
 - Не мог – он ждал меня...
 - Ждал тебя, а на постороннего не обратил внимания... Лина, надо позвонить Кораблеву и спросить. Пусть напряжет память. А вдруг он вспомнит того парня с модной прической, который крутился возле грузчиков... Только не надо на меня смотреть убийственным взглядом и делать вид, что тебе совсем не хочется ему звонить.
 - Совсем не хочется, - откровенно призналась Белова. – Что касается того парня, то его-то он бы точно запомнил и сообщил нам.
 - Если они не подельники.
 - Подельники? Каким боком здесь пропавшие книги? Книги принадлежали Кораблеву, книги пропали во время переезда. У Вадика книг нет...
 - А вдруг были и убийца их забрал? Выстрелил в парня в сердцах, потом провел обыск, нашел то, что искал и удрал.
 - А Никифорова?
 - Она могла себя выдать, когда он направлялся к выходу.
 - Жан, у меня голова увеличилась в десять раз от кучи вопросов и предположений.
 - Ангел, ты расстроена... Понимаю – убийство старухи на тебя повлияло. Какой бы она «хорошей» ни была, но жаль ее.
 - Я думаю о Кораблеве. Уж очень подозрительно он постоянно появляется рядом. Сначала будто бы случайно мы встретились в парке, потом у его дома, потом возле моего дома.
 - Допустим, у его дома ты сама его ждала... А он точно Кораблев? Или выдает себя за Кораблева?
 - Я видела его паспорт. И под описание, которое дал Пышненко, он подходит – брюнет с седыми висками. Но фото в паспорте я пристально не изучала, проверила фамилию-имя-отчество и место жительства.
 - Звонить ему будешь?
 - Не хочу ему звонить. Лучше я сделаю кое-что другое.
 - Конкретнее.
 - Узнаю у Пышненко адрес матери Кораблева, поеду к ней и поговорю. Расспрошу о книгах, о подозрительно парне. Вдруг она знает больше, чем ее сын.
 - Я с тобой!
 - К Пышненко?
 - К матери Кораблева. С Пышненко не обязательно встречаться, можно по телефону поговорить.
 - Милая моя, ночь на дворе, все разговоры переносим на завтра...
Но перенести разговор не удалось.
 - Уже засыпая, Ангелина вдруг подпрыгнула на кровати и мигом слетела с нее.
 - Прошмыгнув прихожую, она взялась за свою сумку, которая мирно лежала на тумбочке. Жанна не успела заснуть, услышала странные звуки, доносившиеся из прихожей, и решила любопытствовать.
 - Подруга усердно копалась в своей сумке.
 - Думаешь, что игральная карта в сумке? – спросила Рябченко. От неожиданности Ангелина выронила сумку из рук.
 - Ты меня напугала, - прошипела она, подняла с пола сумку и зажгла свет. Со светом дело с поисками пошло быстрее.

Ангелина задержала руку в сумке, на подругу она смотрела так, как будто случайно обнаружила миллион рублей.

- Есть? – напряглась Жанна Петровна и вытянула шею.
- Та-та-та-там, - таинственно протянула подруга. Правая женская рука по-прежнему находилась в сумке, левая держала сумку за короткую ручку, длинная ручка сумки болталась без дела.
- Жанка, кажется у меня с головой не в порядке, - призналась хозяйка квартиры, выделив две борозды между бровями. – Сама не пойму, как я могла забыть...
- Линка, только не говори, что ты стащила с места преступления еще одну улику, - пробормотала Рябченко, обреченно глядя на сумку.
- Откуда ты знаешь? – удивилась та.
- Тетя посодют, а ты не воруй... улики. Тебе статья светит, разве непонятно?
- А кто об этом узнает? Ты же не скажешь?
- Не скажу. Давай уже, показывай, что там у тебя.
- Сейчас из шляпы появится кролик, - загадочно улыбаясь, сообщила Белова, опять пропела свое «та-та-та-там» и вытащила из сумки черную перчатку.
- Что это?
- А ты не видишь? Перчатка. Из кожзаменителя. Но что самое интересное – у этой перчатки три съемных пальца – большой, указательный и средний.
- Дай-ка погляжу.

Жанна повертела в руках черную перчатку, затем натянула на свою руку и вынесла вердикт:

- Мне она велика. Где ты ее нашла? Тоже возле тела Никифоровны?
- Ага, - радостно согласилась Ангелина. - Наверное, старуха отчаянно боролась за свою жизнь, до последнего боролась, невольно стянула перчатку с руки убийцы. Одно могу уверенно сказать – это мужчина. Видишь, какая большая у него ручища.
- Ангел, ты идиотка?
- Я Ангел!
- В этой перчатке есть частицы ДНК убийцы. По этим частицам преступника могли вычислить в легкую. Ты это понимаешь?
- Могли бы, если бы у них был подозреваемый.
- А с чего ты взяла, что у них нет подозреваемого?... Одна подозреваемая точно есть, и она стоит передо мной.
- Еще скажи, что и Вадика, и старуху убила я.
- Про старуху не буду утверждать – у тебя есть алиби, и твое алиби это я, ты постоянно была рядом, а вот с Вадиком дело обстоит сложнее...
- Жанна, я не склонна к шуткам.
- Раз назад перчатку не вернуть, попытаемся понять, кому она могла принадлежать. Подсказка – три съемных пальца!
- Мне приходит на ум снайпер.
- И это всё?
- Пока, да. Твои предположения?
- У меня голова не работает, давай перенесем размышления на завтра... Или уже на сегодня – время перевалило за полночь...

Подруги разошлись по кроватям, а перчатка осталась лежать на тумбочке, рядом с сумкой...

Утро выдалось пасмурным и неприветливым. Тучи грозно поглядывали на прохожих и выбирали жертвы. Подруги передвигались по квартире как две сонные

мухи и непрерывно зевали, даже ленились общаться, больше кивали и мычали. Выпив крепкого кофе, немного пришли в себя.

- Пока ты спала, я успела пообщаться с Пышненко по телефону, - сообщила Ангелина. – Он мне говорил, по какому адресу проживает мать Кораблева, но я кроме названия улицы больше ничего не запомнила – ни номера дома, ни номера квартиры. Наверное, посчитала эту информацию ненужной.

- По телефону значит, - задумчиво протянула Жанна, придиричиво изучая кофейную гущу в своей чашке, как будто собиралась гадать. Ангелина скривила рот – усмехнулась, догадавшись, о чем пойдет речь. И не промахнулась со своей догадкой, потому как подруга тем же тоном добавила, - значит, не захотела приглашать Пышненко в гости, не захотела нас знакомить. - После чего сладко зевнула и отставила чашку.

- Ты расстроилась?

- Больно надо!

- Его пригласи, а потом взащей не выгонишь. Так и будет сидеть целый день, а у нас с тобой большие планы на сегодняшний день.

- Можно подумать, Пышненко тунеядец и ему больше делать нечего, как чай в гостях распивать.

- Работа не волк, в лес не убежит, если сердцу не хочется покоя, хочется большой и светлой любви...

- На сеновале, - хмыкнула Рябченко, вспомнив фразу из известной кинокомедии.

- Для сеновала мы с тобой, Жанка, староваты.

- И с этим не поспоришь.

- Надо взять с собой зонты – как бы дождя не случилось.

- Долго нам добираться до матери Кораблева?

- Не близко, до микрорайона Южный, она проживает на улице Пацаева. Предлагаю вызвать такси.

- С чего вдруг?! За ночь разбогатела?

- Ноги болят и суставы крутит, - призналась Белова со страдальческой миной на лице.

- Эх ты, невеста без места!

- Лично я в невесты не напрашиваюсь, мне и так неплохо живется – без женихов.

- Но с женихами, согласишься, как-то бодрее и веселее, опять же про болячки забываешь.

- Я про болячки и так стараюсь не вспоминать, только сегодня что-то ни по себе. Наверное, погода сказывается на самочувствии и на настроении. И спала отвратительно. Всю ночь кошмары снились – летающая рука в черной перчатке из кожзаменителя. Рука тянулась ко мне и пыталась ухватить за горло.

- Достала?

- Я взяла топор, только замахнулась и рука исчезла, как будто ее и не было. И вокруг стало светло-светло.

- А до этого, пока была рука, было темно? Как же ты ее разглядела?

- Это же сон, – резонно ответила Ангелина и нахмурилась, - ноги прям выкручивает. Но ничего, сейчас продолжим расследование и забудем и о ногах, и о суставах. Да, Жан?

- Ангел, а, может быть, ну его на фиг это расследование? Каждый должен заниматься своим делом. Мы – своим, полицейские – своим.

- Решила сдаться?

- Почему сразу – сдать. Не думаю, что из нашей затеи выйдет что-то путное. Неровен час еще в историю влипнем.
- Волков бояться, в лес не ходить.
- А зачем ты вчера наговорила Люське разных глупостей, девочка на тебя обиделась.
- Пусть лучше обижается, живее будет.
- Вижу по твоим распрекрасным глазам, что ты хочешь мне сказать! Я тебя не брошу! Решили - вместе, значит, будем вместе до победного конца... Вместе пойдем в лес.
- Это правильно, - похвалила подругу Ангелина, - вдвоем в лесу не так страшно.
- Знать бы, что делать с уликой, я имею в виду перчатку, о половине игровой карты я не говорю – была и сплыла.
- Куда она могла подеваться? – задумчиво протянула Белова, стоя в прихожей перед вешалкой. Она то брала в руки куртку, то - плащ: не могла сделать выбор. В итоге все-таки остановилась на плаще. Замотала шею легким шарфом – нашла замену теплому шарфу, который ее согревал во время долгого ожидания Кораблева. Полюбовалась на свое отражение в зеркале, туже затянула пояс на тонкой талии, после чего засунула обе руки в карманы и настороженно доложила:
- Жанетта, я начинаю переживать за свою память-беспамятную.
- Что опять не так? Опять что-то нашла? Третью улику с места преступления?
- Первую! Жанка, я вчера искала половину игровой карты в куртке, а она была в кармане плаща – вчера-то я была в плаще! – И протянула подруге вывернутую ладонь с искомой половинкой.
- Рябченко схватила пропавшую накануне улику и принялась ее рассматривать с обеих сторон, даже понюхала.
- Ничего особенного, карта как карта, шестерка треф... Ее часть. Не оторвана, разрезана, причем под углом. Ты была права. На ум приходит какой-нибудь старый фильм про шпионов. Встреча назначена в кафе «Аист», - дикторским голосом сообщила Жанна, - агент Кравчук будет ждать вас за пятым столиком у окна. Вы произнесете пароль: «Не правда ли сегодня хорошая погода?» Ответ: «Не могу ни согласиться, а вчера весь день лил дождь?» Только после этого вы присядете за столик и положите перед Кравчуком половину игровой карты. Кравчук обязан выложить свою половину. Совпадение по срезу должно быть безупречным.
- Жанна, ты в шпионской школе не обучалась?
- В прошлой жизни... - Рябченко двинулась в сторону кухни, встала у окна и принялась изучать карту на просвет. – И все-таки мне не показалось...
- Что тебе не показалось? – из прихожей прокричала Ангелина.
- Жанна вернулась и сообщила:
- В половинке карты треф есть несколько микроскопических отверстий.
- Так уж и микроскопических, - не поверила подруга, взяла из ее рук карту и начала щупать пальцами. – Мда, какие-то бугорки-неровности есть. Зачем в этом куске картона отверстия крохотного диаметра?
- Ты у меня спрашиваешь? Лучше спроси у преступника, потому что у меня ответа нет...
- Ладно, подумаем об этом позже, нам пора двигать... Пожалуй, я не буду таскать улики с собой.
- Это правильно. Но надо их хорошенько спрятать. Мало ли что...

Подруги добрались до микрорайона Южный, в котором проживала мать Кораблева, на маршрутке. На улице начал накрапывать мелкий дождь. Потом дождь резко усилился. Благо, до нужной блочной девятиэтажки было рукой подать.

- Даже хорошо, что погода испортилась – нужная нам особа будет сидеть дома, - высказалась Жанна.

Так и вышло. Причем им повезло вдвойне – никто не пытал через переговорное устройство домофона – кто пришел, зачем пришел, дверь открыли без проволочек, подруги оказались в теплом и сухом подъезде. Ангелина стряхнула мокрый зонт и уверенно зашагала по лестнице. Нужная квартира находилась на втором этаже. Дверь была открыта, на пороге стояла сухопарая пожилая женщина с короткой стрижкой слегка за семьдесят. Седая шевелюра была тщательно уложена. На женщине был пестрый миленький халатик, поверх халатика – фартук цыплячьего цвета, окантованный красной бейкой.

- Здравствуйте, - поздоровались непрощенные гости.
- Здравствуйте, - ответила женщина, приветливо улыбаясь им, как старым знакомым.
- Меня зовут Ангелина, это моя подруга Жанна, мы пришли к вам по делу.
- Проходите, коль пришли, - пригласила она и посторонилась.

В квартире вкусно пахло пирогами с повидлом.

Гости сняли обувь, верхнюю одежду. В прихожую вышла полная женщина, сходство с первой было очевидным. Этой было не более семидесяти. Ее крашенные в каштановый цвет волосы были легкими, как пух, и топорщились как у «созревшего» одуванчика. Белова догадалась, что эта женщина и есть мать Кораблева. Она опять назвала свое имя и имя подруги.

- Меня зовут Анастасия Семеновна, а мою старшую сестру - Алевтина Семеновна. Проходите на кухню, будем пить чай с пирогами.
- Вы так просто приглашаете в дом незнакомых людей, - с легким осуждением произнесла Жанна. – А вдруг мы мошенницы и авантюристки?
- Но вы же ни мошенницы и ни авантюристки, это видно, - с мягкой улыбкой заявила Анастасия Семеновна.

За вкусным чаем с мятой и с пирогами они обсудили непогоду, последние новости в стране и в мире, потом Ангелина решила:

- Анастасия Семеновна, мне известно, что в конце марта ваш сын нанимал грузчиков для перевозки мебели и вещей в эту квартиру. Так же мне известно, что пропали две книги. Мой знакомый, бригадир грузчиков оказался в неловкой ситуации – его никто не обвинял, но, сами понимаете, рано или поздно это произойдет. Он мне рассказал, что рядом с ними крутился один парень. Грузчики решили, что он приходится родственником заказчику, когда они приехали по вашему теперешнему адресу, того парня уже и след простыл. Позже стало известно о пропаже книг – вы сами об этом сказали своему сыну. Мы пришли, чтобы узнать, знаком ли вам тот парень или нет, возможно, он вам кого-то напоминает. Я разговаривала с вашим сыном, с Константином, каюсь мне пришлось ему солгать – я сказала, что пропал мой племянник, а тот парень, который участвовал в погрузке, внешне его напоминает. Ваш сын объяснил, что того парня видел впервые, он подумал, что парень тоже грузчик.
- Я вижу, Ангелина, что вы что-то недоговариваете, но это ваше право, - мягко улыбнувшись, произнесла Анастасия Семеновна. – Теперь что касается вашего интереса. Вы говорите о молодом темноволосом парне с неординарной внешностью?

- У него прическа запоминающаяся, на вид лет двадцать-двадцать пять. Вы его знаете? - с явным недоверием поинтересовалась Белова: слишком быстро добились желаемого результата.

- Знаю, - просто призналась мать Кораблева. – Его зовут Виктор Гондурасов. Немного предыстории, чтобы вам легче было разобраться в возникшей ситуации. У меня за плечами тридцать с лишним лет педагогического стажа. Когда волею судьбы мне пришлось уйти на пенсию, я оказалась ни у дел и сильно затосковала – привыкла всю жизнь трудиться, быть кому-то нужной, а тут... Сын тогда жил в другом городе, сестра целыми днями на работе, я все одна и одна. В общем, едва не заболела. Сама судьба послала мне мать Виктора. Мы с ней разговорились в нашем дворе. Неподалеку, на детской площадке, играл ее сынишка. Молодая женщина призналась, что одна воспитывает ребенка, что ребенок идет в первый класс, с ним надо заниматься, а нее нет времени – она трудится на двух работах. Я рассказала, что преподавала в школе русский язык и литературу... Кстати, мой сын Константин пошел по моим стопам, он преподает историю.

- Рада за вас и за него, - ляпнула Ангелина, мечтая об одном – чтобы историк не заглянул к матери на чай. Жанна будто прочла ее мысли, заерзала на стуле и вернула к теме разговора:

- И что было дальше?

Кораблева продолжила:

- Я предложила ей свои услуги – буду для ее сына гувернанткой, назвала небольшую сумму – и мне к моей пенсии прибавка, и ей необременительно. Вот так мы и договорились. Несколько лет я заботилась о Витюшке, занималась с ним.

- Моего сына тоже Виктором зовут, - вмешалась с ненужными пояснениями Рябченко. Анастасия Семеновна благосклонно кивнула и продолжила.

- Потом Витя повзрослел, стал самостоятельным, но часто прибежал ко мне домой, чтобы я помогла ему с уроками. От сына я скрыла свое репетиторство, не хотела его посвящать, чтобы не было ссор: он хотел, чтобы я пожила для себя. Если бы узнал, чем я занимаюсь, подумал бы, что у меня туго с деньгами.

- А разве нет? – не сдержалась Жанна.

- Мне хватает, - без обиды ответила Анастасия Семеновна, - я привыкла жить по средствам, и много ли нам, старикам, нужно. Да, Алечка?

- Мы не бедствуем, - поддержала та сестру, тоже без всякого недовольства.

- Мой сын постоянно приносит продукты, пытается деньги всучить, но я не беру. Не хочу. Он еще молодой, у него потребности выше.

- И зарплата, небось, с гулькин нос, - в очередной раз ляпнула Жанна.

Если бы Ангелина могла до нее дотянуться, она бы ее урезонила каким-нибудь тайным действием, а так пришлось сверлить болтливую подругу взглядом и играть бровями от возмущения. Жанка тоже поиграла бровями и отвернулась.

- Он не жалуется, - сдержанно ответила младшая Кораблева.

- Анастасия Семеновна, вы не обращайте внимания на мою подругу, - все же не выдержала Белова, - размер пенсии – это ее больной вопрос.

Рябченко промолчала, но могла бы оспорить заявление и сказать, что денег много не бывает.

- Не только у Жанны это больной вопрос, - отчужденно заметила Алевтина, дав понять, что ее тоже не устраивает размер пенсии, но затрагивать эту тему она не привыкла.

- Про Виктора, - вернулась к теме разговора Кораблева. - В детстве мальчик был характерным, но мы быстро нашли с ним общий язык. Все-таки я педагог, могла

подобрать к нему ключик. Я смогла разобраться в его интересах и увлечениях, и увидела перед собой творческую личность. С малых лет он что-то малевал в своих альбомах, показывал мне и матери, а мы не могли понять, что хотел сказать юный художник своей работой. Он терпеливо объяснял. С альбомом не расставался. Я постепенно привила ему любовь к литературе, к поэзии. Со временем он увлекся лепкой из пластилина, потом из глины, запекал свои работы в обычном духовом шкафу. И постоянно рисовал... Вам наскучил мой рассказ. – Гости дружно сказали, нет, не наскучил. - Виктор Гондурасов – неординарная личность во всем, что в своем творчестве, что во внешности... А теперь к главному – книги взял Виктор, я сама ему позволила их взять. Он занимается авангардным искусством, создает авангардные скульптурные композиции из различных материалов – из дерева, стекла, пластика, композитных материалов. Как сам Виктор говорит, его произведения кардинально отличаются от классических скульптур – они мало понятны публике, только легенда под скульптурой дает пояснение, что именно хотел сказать автор своим произведением. Я сторонник классической живописи, классической скульптуры, то это не значит, что я отрицаю авангардизм. В своих работах Виктор не дает прямых объяснений, он прилагает месседж – прямое послание, которое позволяет публике понять замысел автора. Это я повторяю с его слов. В скором времени в ДК «Красный молот» состоится выставка работ художников-авангардистов, в которой принимает участие и Виктор Гондурасов. Он готовит две авангардные композиции. Одна называется «Рыбная ловля, как наука и не только...» Вторая – «Русский язык – наше всё», посвященную мне. Виктор пытался мне описать свои работы, но я мало что поняла. Но обязательно посету выставку, чтобы полюбоваться работами моего мальчика.

- Как я понимаю, книги - это месседж для публики, - отреагировала Белова с совершенно пришибленным видом – от авангардизма всякого рода ей было так же далеко, как американским астронавтам-сочинителям до Луны.

- Это сложно понять, но это так. В первой композиции присутствует книга «Жизнь и ловля пресноводных рыб», как доказательство того, что к любому делу, даже к такому привычному любительству, как рыбная ловля, надо подходит теоретически подкованным; во второй композиции – «Словарь иностранных слов», как презрение ко всему иностранному, потому как русский язык – великий и могучий, это язык Пушкина и Лермонтова, язык Достоевского и Толстого.

- Надо тоже посетить выставку, чтобы разобраться во всей это катавасии, - обронила Жанна. И спохватилась, - наверное, ваш Виктор очень талантливый человек?

- Он очень талантлив!

- Одно не могу понять – почему надо было тайно забирать книги? – не выдержала Ангелина, от авангардной культуры у нее начало ломить виски.

- Виктор живет на улице Ленина, неподалеку от моего бывшего дома, где сейчас проживает мой сын. Свободного времени у Виктора нет, скоро выставка, объясняться с моим сыном я ему запретила – появится много ненужных вопросов, ехать в свою прежнюю квартиру у меня нет возможности - еле передвигаюсь по квартире, ноги сильно опухли, ни в какую обувь не влезаю. Вот я и посоветовала Виктору забрать книги по-тихому, без всякий просьб и объяснений. Жалею, что проболталась сыну о книгах. Надо было промолчать. Надеюсь, он не станет заниматься поисками книг. Время пойдет, забудется...

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - озабоченно проговорила Белова, когда они оказались на улице. Дождь ослабел, редкие капли лениво падали на мокрый асфальт,

на влажную землю. – Думала, что книги – это ниточка к преступнику, оказывается, всё совсем не так.

- Не надо расстраиваться, Ангел, даже лучше, что дело ни в книгах, с книгами мы бы окончательно заплутали в лабиринте.

- Можно подумать, мы на финишной прямой.

- У нас есть половинка игральной карты, шестерки треф, с крохотными отверстиями. И самая главная улика - перчатка с тремя съёмными пальцами.

- Знать бы, что эти улики нам дают...

Прошло несколько дней после визита двух любопытных подруг к Анастасии Семеновне Кораблевой.

За это время прошли похороны Вадима Пушкина, после которых несчастная мать, Валентина Александровна Пушкина, оказалась на больничной койке с гипертоническим кризом...

Но всё по порядку.

Людей на похороны пришло много: и сокурсники покойного, и коллеги Валентины Александровны, и соседи, и друзья, в числе которых были Зинаида, Марианна и их муж и отец в одном лице.

Люська тоже присутствовала на похоронах и постоянно вертелась возле новой подруги, возле Марианны. На Белову она сильно обиделась и почти не общалась, только успела обронить невзначай, что няня младшего Голубицкого, Славика, действительно объявила своему работодателю, что выходит замуж за кадрового военного, и вскоре ее будущий муж получает новое назначение. Белова отреагировала без проволочек:

- Можно подумать, я сказала нечто противоположное – я оказалась права. Так в чем я виновата? В том, что предупредила?

- Кто предупрежден, тот вооружен, - вставила Жанна с многозначительной улыбкой.

Люська промолчала, не стала спорить и доказывать, что уход няни Славика – это не повод ухаживаний старшего Голубицкого за ней, за Люськой.

С того самого дня, со дня гибели старухи Никифоровны, Людмила Яварчук старалась «невзначай» пересечься с Сергеем Голубицким. Первой с ним поздоровалась, и пыталась заговорить, но суровый мужчина молча кивал и проходил мимо. Люська смотрела ему вслед и злилась. Больше на себя, чем на Сергея или дальновидную Белову: и чего она унижается и заискивает... перед каждым высокомерным типом, пусть и симпатичным?!

Но на следующий день действо повторялось. Впрочем, как и злость. Перед сном Люся убеждала себя, что вот завтра... она пройдет мимо с гордо поднятой головой, сделает отстраненное лицо, никак не отреагирует на приветствие. Чем меньше мужчину мы любим, тем легче нравимся ему. Пусть в первоначальном варианте речь шла о женщинах, сути дела это не меняет – так для себя установила решительная Яварчук. Но наступал следующий день, и решительность утекала как дождевая вода в сток.

Накануне похорон Вадима, Люська решила «не делать лицо» перед Голубицким, поздоровалась с ним и с деловым видом сообщила, что произойдет завтра, забыв, что покойный не был близким другом объекту ее пристального внимания. Голубицкий посмотрел на нее, как на умалишенную, которая вырядилась в новую шубу посередине жаркого лета, еще и губы поджал, и величественно поплыл дальше по своим важным делам, которые не имели отношения к привязчивой особе, тем самым дав ей понять, что ему без разницы, что случится завтра. И вообще,

привязчивая особа его здорово раздражает. Люська чертыхнулась и мысленно обозвала гордеца «танком непробиваемым». Потом себя – человекоподобным существом без моральных принципов. И, не отдавая себе отчета, ощупала свое лицо на предмет появления густой растительности, как у всех человекообразных, беспечно прыгающих с ветки на ветку. Девичье лицо было по-прежнему гладким и «ничего себе», по крайней мере ей этого хотелось, чтобы... некоторые взгляделись и оценили по достоинству со всеми вытекающими последствиями. И тут же засомневалась: была бы «ничего себе», Сергей удостоил бы ее вниманием. Хотя бы мимолетно-легким, но все равно поднимающим самооценку. Получается, она «никто и звать ее никак» - для него.

На Люсю накатила жгучая тоска – что ж получается, она никому неинтересна, никому не нужна? Скорее бы вернулись прадед с Марго, единственные родные и любящие ее люди... Есть еще одна... любящая – Ангелина Михайловна, которая всегда поражает мудростью и умением разобраться кто есть кто: она легко раскусила «интерес» Голубицкого к своей безголовой соседке. Не стала юлить, водить хороводы, заявила в лоб – кто, зачем, почему! А она, Люся, крылья распустила, сердечко запустила - напридумала себе черт знает что! А Голубицкий всего лишь подержал ее куртку и рюкзак, разговаривал с ней как нормальный человек, не бука какая-то. Наверное, в тот день что-то съел не то, как любит говорить Марго...

На похоронах Люська изображала перед Беловой одинокую-несчастную-всеми обиженную, чтобы Белова ее приголубила и успокоила. Ее изображение не было похоже на скорбь по усопшему другу. Но скорбь тоже имела место быть, но постепенно Люся возвращалась к прежней жизни – а как иначе, если ты молод, полон сил, мечтаешь, восхищаешься, иногда грустишь и плачешь. Это жизнь.

А что Белова? Она будто бы забыла о ней. И понятно, почему – место не то, кладбище все-таки. Пришла не по сторонам глазеть и оценивать. И все же...

Ангелина Михайловна стояла чуть в стороне от группы людей с подобающим случаю видом, но исподтишка наблюдала за всеми присутствующими. И взгляд у нее был цепкий, будто не взгляд, а аркан какой-то для ловли оленей. Почему именно оленей, Люся сама не знала, просто на ум пришли парнокопытные дальнего Севера. Всплыли в памяти как живые. Почему-то у оленей были человеческие лица, вернее, одно и то же лицо – все как на подбор, и лицо принадлежало не кому-нибудь, а Сергею Голубицкому. Очень шли ему развесистые рога...

Дальше представлять и сочинять Люське расхотелось, ее больше занимала Ангелина Михайловна с ее цепким взглядом-арканом. Знать бы, что у нее на уме. И про давешние тайны Люся так и не выведала, самоустранилась от расследования. Решила устроить личную жизнь...

Ангелина Михайловна высматривала подозрительных личностей: ей казалось, что убийца обязательно придет на похороны. Присутствующие вели себя как положено вести себя на похоронах. Никто не прятал испуганных глаз, никто тайно не торжествовал, никто не вешал на груди табличек с надписью – я убил Вадима Пушкина, с пояснением, что сподвигло его на преступление.

На всякий случай Белова пересчитала людей, присутствующих на кладбище, попыталась запомнить их лица, чтобы после, на поминках, сообразить, кого не хватает – в случае, если случится «недостача». Она рассудила так: убийцу всегда тянет не только на место преступления, но и на место прощания, а что касается поминок, то туда он точно не пойдет – наглости и дерзости не хватит.

В кафе, где проходили поминки по Вадиму, народу даже прибавилось: появились три парня, примкнувших к сокурсникам Пушкина. Видимо, тоже учились вместе с покойным...

На следующий день Ангелина проснулась совершенно разбитая. Долго пила кофе и смотрела в окно, потом наконец сообразила, что окно находится в непотребном состоянии.

Раз умственные способности находятся на нуле, надо заняться физическим трудом, невзирая на недомогание и нежелание, - решила женщина.

Когда она с завидным усердием мыла окно в гостиной, ее взгляд ненароком упал на соседний дом. На лоджии второго этажа в инвалидной коляске сидел пожилой мужчина. На кончике его носа невероятным образом громоздились очки, он совмещал чтение книги с созерцанием природы.

Вот кто ей нужен! Этот мужчина в инвалидной коляске! Он всегда сидит у окна или «гуляет» на лоджии. Иногда появляется во дворе. В вечер убийства Пушкина он вряд ли «гулял» на лоджии, тем более не решился бы появиться во дворе, но от желания полицезреть на непогоду через «плачущее» окно себе бы не отказал. Ни телевизор же смотреть день-деньской. Конечно, в отвратительную погоду редко кто зацепит внимание, но на то и надежда – одинокий прохожий вызовет пристальный интерес.

Ангелина давно жила в этом доме, и мужчина-инвалид ей был знаком еще с тех памятных времен, когда он передвигался на своих ногах, причем передвигался шустро. Тетки во дворе судачили, что он никогда не был женат, но у него несколько детей от разных женщин, естественно, уже взрослых, что детьми он никогда не занимался, но их всех признал – дал свою фамилию. Кажется, выплачивал алименты, раз дети сейчас заботятся об отце-инвалиде. Белову никогда не занимали бабские сплетни про чужую жизнь. Она только знала, что мужчину зовут Арсений Артурович Лебедкин. В былые годы он фанатично увлекался альпинизмом, даже в «серьезном» возрасте, за что и поплатился – во время очередного покорения вершины серьезно повредил позвоночник и стал инвалидом. Еще повезло, что жив остался.

В теплое время года Арсений Артурович любил выезжать во двор и смотреть на играющих детей. В эти минуты у него на лице замирало такое умиление, словно все эти детишки были его любимыми внуками. Детишки чувствовали благожелательное отношение к ним взрослого, подходили и с удовольствием общались, рассказывая о своих важных детских делах. Лебедкин с удовольствием и вниманием их выслушивал, задавал своевременные вопросы. Чинил их поломанные автомобильчики, что-то ненавязчиво советовал и угощал конфетами.

Со взрослыми людьми Лебедкин почти не общался, иногда с матерями детишек перебросится парой фраз и всё.

Ангелина Михайловна его жалела, предлагала свою помощь, но каждый раз Арсений Артурович отказывался. Но он знал, как ее зовут, обращался к ней по имени-отчеству и всегда широко улыбался, показывая свои прекрасные зубы – ненависть стоматологов.

Белова покупала три мороженных – внуку, себе и Лебедкину. Он пытался отказаться, но маленький Пашка приводил весомый аргумент: мне два мороженных нельзя – заболелю, и бабуле нельзя...

Лина хотела как-то обратить на себя внимание Арсения, сидящего на лоджии, но тот или упирал взгляд в книгу, или беспечно водил глазами на уровне своего второго этажа, или опускал глаза вниз, во двор, где копошились немногочисленные малыши.

Белова нашла выход. Сделала из газеты самолет-самолетище и запустила его в полет резким рывком. Самолет спикировал вниз. Пришлось повторно приступить к самолетостроению. На этот раз запуск вышел плавным. До дома старика-инвалида было не более шестидесяти метров, яркий представитель газетного самолетостроения приступил к приземлению в нужное время, ускорил посадку, если не сказать – вошел в пике, как раз перед лоджией с сидящим инвалидом. Инвалид проследил за самолетом, затем непроизвольно поднял глаза вверх. В этот момент зоркая Ангелина принялась совершать руками движения свихнувшейся мельницы. Лебедин, не менее зоркий, ее заметил, помахал рукой и улыбнулся. Ангелина решила напроситься в гости: ткнула пальцем себе в грудь, затем тем же пальцем указала на Арсения, после чего согнула руку в локте, выставив локоть перед собой, в заключении «прошагала» пальцами правой руки по согнутой левой, дав понять, что она сейчас придет к нему. Запоздало сочла свое поведение некорректным, и решил исправиться: указательным пальцем нарисовала в воздухе вопрос – дескать, можно? Но и на этом не остановилась: сжала ладони перед собой, сложила брови домиком – дескать, очень нужно, вопрос жизни и смерти. Лебедин приветливо улыбнулся, кивнул и вывернул свою ладонь в сторону выхода с лоджии – мол, милости прошу, всегда рад.

Белова бросила свои окно-помывочные работы, стянула домашние бриджи, натянула джинсы, футболку переодевать не стала, набросила куртку и поспешила в соседний дом...

Арсений Лебедин проживал в трехкомнатной уютной квартире, где чувствовалась женская рука. Но кроме хозяина в квартире Лина никого не увидела.

Арсений предложил ей чаю, но она отказалась. Описала свою проблему, пояснив, зачем ей понадобилась данная информация. Лебедин признался, что в курсе происходящих в их доме трагических событий. Уточнил дату гибели Вадима Пушкина и призадумался. Думал так долго, что сидящая перед ним Белова подумала, что он уснул с открытыми глазами.

- Я помню тот вечер. Я неважно себя чувствовал по причине непогоды, - наконец очнулся Лебедин.

- Да, тот вечер выдался дождливым, - скоро отреагировала женщина, чтобы ее визави опять не впал в ступор воспоминаний. И затараторила, - и несмотря на непогоду, я решилась выйти на прогулку – хотелось подышать перед сном свежим воздухом. Я прогуливалась по тротуару вдоль дома, не всегда находилась лицом к подъезду, поэтому могла пропустить тот момент, когда кто-то, вы понимаете, о ком я говорю, покинул квартиру Пушкиных и оказался у меня за спиной.

- Я вас видел, Ангелина Михайловна! - с таким восторгом сообщил Арсений Артурович, что она подумала, что пожилой мужчина явно ни в себе, раз так реагирует на ее обычный вечерний променад. Ангелина даже допустила мысль о его тайных чувствах к ней, потому и любое лицемерие доставляет ему громадное удовольствие, но сразу отсекала эту глупую и ненужную мысль.

- Арсений Артурович, попытайтесь вспомнить, видели ли вы еще кого-то еще в тот злополучный вечер? Это очень важно.

- Да, видел, - без промедления признался Лебедин, как будто с нетерпением ждал именно такой постановки вопроса, конкретной, без всякий дальних подходов. - Незадолго до вашего появления на улице ваш подъезд покинул мужчина.

- Мужчина? – вскинула брови Белова, словно ждала другого ответа. – Что за мужчина? Он не показался вам знакомым?

- Ничего определенного ответить не могу, рассмотреть не было никакой возможности из-за проливного дождя, который стеной отгородил от меня всех и вся. Одно могу сказать точно - из подъезда вышел крупный мужчина.

- В чем он был одет? Хотя бы приблизительно.

- При всем желании особо не разглядишь, в чем, а у меня и желания такого не было. Просто зафиксировал факт - вышел мужчина. Потом показались вы. Грешным делом, я подумал, что вы... вместе... Что вы знакомы, - потупив взор, признался Арсений. - Он заехал за вами, и вы почему-то решили покинуть квартиру порознь. Если бы не ваше появление на улице, я о нем вообще быстро забыл.

- Если вы связали его со мной, то, наверное, он был немолод? – вбросила неожиданный вопрос Белова.

- Я об этом не подумал, - пробормотал он, поигрывая скрещенными пальцами. – Мне очень хочется вам помочь, Ангелина Михайловна, но... Погодите...

- Вы что-то вспомнили? – подобралась Белова.

- Я точно помню, что он был без зонта, несмотря на проливной дождь, поэтому мне взбрело в голову, что неподалеку припаркован его автомобиль. Но человек миновал все припаркованные у дома автомобили и покинул двор. Я могу ошибаться, но кажется, он был одет во все темное, и на голове кепка с большим козырьком.

- Бейсболка.

- Ну, да, бейсболка, конечно же. Он еще опускал голову, чтобы козырек закрывал лицо от дождя.

- Хочу уточнить: вы сказали про него «крупный»? Это значит высокий, накачанный, толстый, наконец?

- Из окна второго этажа трудно судить о росте человека, если рядом с ним не окажется кто-то из твоих знакомых, чей рост тебе известен. Не могу назвать его широкоплечим, спортивного вида, напротив, он был скорее тучным, с избыточным весом. Но передвигался скоро, поэтому можно предположить, что он достаточно молод. Сейчас многие молодые люди страдают избыточным весом. Питание, знаете ли, неправильное. И сидячий образ жизни, к тому же, дают свой негативный результат.

Добавить к уже сказанному Лебедкину было нечего. Белова еще раз отказалась от чая, поблагодарила и удалилась...

В полной задумчивости вернулась в свою квартиру, и автоматически занялась прежней работой.

Позвонила Жанна.

- Ангел, привет! Как дела? Есть новости?

Ангелина поведала о визите в соседний дом к Лебедкину.

- Мда... Новостей ноль целых пять десятых, - заключила Рябченко. – Что будем делать?

- Пока не знаю.

- Слышу в твоём голосе некую недосказанность.

- Жанка, мне кажется, что ответ на наш самый главный вопрос - кто убийца - лежит у нас под ногами. Надо только наклониться и подобрать. Но! Это впечатление обманчиво – на первый взгляд кажется, что преступление раскрыть легко, что убийца вот-вот и сам себя выдаст... Или уже выдал, когда оставил на месте преступления улики...

- Так это же хорошо, что оставил улики, - вставила Жанна, насторожившись.

- Я не знаю – хорошо ли, плохо ли...

- Ангел, ты как сказку рассказываешь: долго ли, коротко ли ехал Иван-царевич...

- Сказка – это выдуманная невероятная история. Вот и мне кажется невероятным, что человек, которому принадлежат две вещи, те самые улики с места преступления, является убийцей. Хотя, всё играет ни в его пользу.

- Тааак, - грозно протянула Рябченко. – Что получается? Что у тебя есть подозреваемый, но тебе совсем не хочется, чтобы он был убийцей двух известных тебе людей? Предлагаю, времени не трать даром, назвать его имя, и мы вместе обдумываем все «за» и «против»: я или попытаюсь стать его адвокатом, или - прокурором.

- Не хочу называть ни чьих имен, - неуверенно заявила Ангелина, сопроводив заявление печальным вздохом. В ее голове вертелось продолжение недавнего высказывания Жанны – «времени не трать даром»: и царицу, и приплод тайно бросить в бездну вод. Поэтому ее слегка зазнобило. Она уселась на диван и натянула на плечи теплый плед.

- И не надо называть, - великодушно разрешила Жанна и залихватски пояснила, - потому что я и так знаю, кого ты имела ввиду! - Еще не хватало добавить дерзкое «Ух!», но Жанна этого не сделала. Она выдержала многозначительную паузу и не совсем уверенно пробормотала, мгновенно растеряв свою залихватность, - не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что речь идет о Кораблеве, будь он неладен... Или о Пышненко? – полувопросительно проговорила она.

- Кораблев? Пышненко? С чего ты взяла? Вот еще! Ты меня вообще слушала? Лебедкин описал предполагаемого убийцу, как молодого и упитанного! – внезапно взъярилась Ангелина. На этот раз ее бросило в жар. Теплый плед благополучно слетел с плеч, а Лина слетела с дивана и принялась мерить шагами комнату с недомытым окном.

- Ты ему веришь? Веришь этому Лебедкину?

- У меня нет оснований ему не верить, с чего ты ему придумывать, - более сдержанно заявила Белова и пристроилась на стуле.

- Я не утверждаю, что он сочинил для того, чтобы удержать тебя возле себя или возвыситься в твоих глазах, или оправдать твои надежды с ожиданиями. Он мог ошибиться. Вспомни - был поздний вечер, лил дождь, на улице было так темно, хоть глаз выколи, потому что уличное освещение в вашем дворе оставляет желать лучшего – ни зги не видно, - нравоучительным голосом изрекла Рябченко. – И ты хочешь мне сказать, что Лебедкин смог рассмотреть человека?

- Меня-то он рассмотрел.

- Тебя он знает, а этого... пухляша – нет! Опять же – меня гложат сомнения по поводу объема: на незнакомце могла быть куртка на пять размеров больше – это я утрирую. Куртка, которая увеличивает его габариты. Ни тебе роста, ни особых примет, ничего. Бейболка. Особая примета. Смешно. Сейчас полгорода носят на голове бейсболки – и женщины, и мужчины.

- В чем ты пытаешься меня убедить? Что это мог быть Кораблев? Мужчина нормальной комплекции? Без избыточного веса? Нарочно нацепил пуховик в апреле и увеличился в размерах. Еще скажи, что Лебедкин нарочно направил мои мысли в нужном ему направлении, чтобы... чтобы... оговорить Кораблева, - наконец, собралась она с силами.

- Не собираюсь я тебя ни в чем убеждать, - устало протянула Жанна. - Я хочу, чтобы ты не отмахивалась от очевидных вещей: скорее всего человек, которого видел Лебедкин, является убийцей Вадима. У нас под подозрением трое, из них двое – жильцы вашего подъезда. Методом несложных математических вычислений, мы

получаем одного подозреваемого, который покидал ваш подъезд в вечер убийства, и этим подозреваемым является...

- Кораблев, - упавшим голосом договорила Ангелина.
- Я понимаю, ты... равнодушна к Кораблеву, поэтому тебе сложно принять...
- Жанна, может быть уже довольно говорить о Кораблеве?! – вспыхнула Белова. – Других кандидатур нет, что ли? Или на нем сошелся свет клином?!
- Так и хочется затянуть старую песенку... На тебе сошелся клином белый свет, на тебе...
- Самое время распевать песенки, - взвизгнула Лина.
- Ладно, не буду, - смиренно согласилась Рябченко. – Но если мы обсуждаем кандидата на роль убийцы, то...
- Я не имела в виду Кораблева.
- Ах, не имела, - недоверчиво проворковала Жанна Петровна. – Тогда за кого ты стоишь горой? Кто сам подставился, но ты не веришь, что он убил?.. Чего молчишь, адвокатесса?
- Кажется, в дверь звонят, - слишком радостно сообщила Белова.
- Звонят или ты ищешь причину прервать разговор?
- Жанка, говорю же, ко мне кто-то пришел. Я потом тебе перезвоню.
- Ангел, погоди, не бросай трубку!
- Что еще?
- Ты дверь не открывай, даже если за дверью стоит... знакомый тебе человек. Мало ли с какой целью он пришел... Или кто-то стоит рядом с ним.
- Жан, не придумывай, - вспыхнула Белова и поспешила в прихожую...

Настойчивый визитер успел перейти от звонков к требовательному стуку, что послужило для хозяйки успокоительной догадкой - пришел никто иной, как девочка Люся.

Ангелина изучила гостя в «глазок», убедилась в собственной догадке и только тогда открыла дверь.

Люська светилась искренним счастьем, что послужило Беловой поводом задуматься о нехороших известиях. Обычно так улыбается ребенок-школьник, схлопотавший неуд, но при этом он всеми силами тужиться изобразить жизнерадостный настрой, желая убедить родителей в том, что прошедший день дал одни положительные результаты.

- Тетя Лина! А мы были на рыбалке! – радостно сообщила Люська Яварчук. Выглядела она так, как будто играла в казаки-разбойники: грязно-запыленная. Но вещи на ней были неплохие, хотя и не новые - потертые джинсы, джинсовая курточка, серая футболка, глупая панама, на ногах - старенькие кроссовки.
- Ты вломилась ко мне лишь за тем, чтобы сообщить мне эту сногшибательную новость? - поинтересовалась Лина, любительница чистоты и порядка. Автоматически взяла с полки одежную щетку и прошла ею по одежде молодой соседки, прибывшей с дружественным визитом с рыбалки. Соседка услужливо крутилась на месте, приговаривая:
- Не вломилась, а пришла. И ни одна, а вместе с Марианной. Я ездила на рыбалку вместе с ней и ее отцом.
- Люся, в отсутствие Марго я несу за тебя ответственность, почему ты мне не сообщила о своих планах?
- Потому что...потому что я на вас обижена.

- Была обижена, а сейчас разобиделась и пришла... вместе с Марианной. Кстати, где она, пока я вижу только тебя.

- Марьяш, поднимайся! Чего ты застряла между этажами. Не бойся, Ангелина Михайловна не кусается. – Понизив голос, Люся сообщила, - мы решили прийти к вам за советом. Очень надеемся на вашу помощь и понимание.

- Здравствуй, Марианна, - поздоровалась с кучерявой толстухой Белова.

- Здрате, - пропыхтела девушка в камуфляжной одежде. - Вы извините, что я вот так... без приглашения... Но мне очень нужно с кем-то посоветоваться. Я поговорила с Люсей, и она сказала, что кроме вас мне никто не поможет. Ангелина Михайловна, я оказалась в чрезвычайно затруднительном положении. Я... я... очень боюсь, что меня посадят за убийство Вадика, но я...

- Но ты его не убивала, - продолжила за нее Ангелина совершенно спокойно. Видимо, недавнее заявление не стало для нее сногшибательной новостью. – И в квартире Никифоровны ты тоже успела побывать раньше всех, убийца ни в счет... Чего вы стоите на пороге, входите уже.

Гости оказались в прихожей и принялись снимать с себя верхнюю одежду и стаскивать обувь, а хозяйка, прислонившись плечом к стене, произнесла:

- Марианна, я давно обо всем догадалась.

- В смысле? Я не убивала...

- Мы уже договорились, что ты никого не убивала, просто так сложились обстоятельства, нехорошо для тебя. Но ты была в тот вечер у Вадима? Незадолго до его убийства?

- Вы догадались? – округлила свои необыкновенной красоты глаза Марианна, заикнувшись на одной фразе.

- Она очень догадливая, - сообщила с придыханием Люська. – Таких мудрых и умных людей еще поискать!

- Только без хвalebных од в мой адрес, - пресекла дальнейшие песнопения Белова и пригласила девушек в гостиную. Ответа на свой вопрос она так и не получила. Но всему свое время, пусть Марианна придет в себя, освоится, - решила хозяйка.

Гости оказались в комнате с распахнутым окном, возле которого стоял табурет, на табурете - пластмассовое ведро с водой.

- Наверное, мы не вовремя, вы заняты домашними делами, - опомнилась смущенная Марианна.

- Все нормально, - успокоила хозяйка.

Она ненадолго скрылась в соседней комнате и вскоре появилась вновь. Как профессиональный фокусник достает из шляпы кролика, так у Ангелины в руках оказались найденные на месте преступления улики – перчатка с тремя съёмными пальцами и половинка игровой карты, шестерки треф.

- Твое? – устало спросила она у Марианны. Та дернулась как от пощечины и призналась:

- Мое. – И выдохнула обреченно, - я так и знала.

- Что ты знала? Что обронила ЭТО возле тела задушенной Никифоровны?

- Я ее не убивала, - еле слышно произнесла Марианна, с трудом шевеля сухими губами.

- Да что ж ты заладила одно и тоже! – всплеснула руками Белова.

- Тетя Лина, она не убивала! – заверила Яварчук, превратив глаза в щелки. И сразу обратилась к своей подруге, - ты давай, не мямли, не причитай, а рассказывай, как было дело!

- Мне сложно, - хриплым голосом призналась новая подружка и интенсивно закашлялась. Не надо иметь чрезмерную сообразительность, чтобы догадаться: кашель – это всего лишь своеобразный таймаут для последующего громкого заявления - признания, после которого всё встанет на свои места. Или всё окончательно запутается, если у заявителя есть повод замудрить мозги доверчивым гражданам.

Ангелина Михайловна предпочитала первое – признание: она хотела убедиться в правдивости своих выводов, своих догадок. Речь не шла о признании в убийстве: то, что Марианна никого не убивала, ей было ясно как дважды-два. Эта девушка способна только выловить рыбку из пруда.

Пока Марианна закатывалась кашлем, как неопытная актриса, Белова хмурилась и выжидала. Яварчук не выдержала и занесла руку за спиной подруги, чтобы как следует врезать той по спине, как будто подруга чем-то подавилась. Но рука в виде слабовольного кулачка замерла за спиной Марианны в нерешительности, а неудовольствие медленно стекло с лица Людмилы, после чего кулачок сам собой развернулся, ладонь в утешении легла на плечо Марианны, кашель сам собой резко прекратился, словно это был некий знак – довольно, можно переходить к следующему этапу.

- Марьяш, я понимаю, что тебе сложно, - просюсюкала Люся, поглаживая подругу по плечу, слишком усердно, а Марьяша сложила брови домиком, губки бантиком - выказывала всю сложность своего положения. Люська опять психанула, встряхнула и приказала, - не молчи! Ну!

- Не нукай, не запрягала, - прошелестела Марианна без всякой обиды, на автомате промолвила, как часто бывает в подобных случаях. Люся от возмущения поклацала зубами, намекая, что может сильно покусать нерешительную особу с необыкновенными глазами – на этом все прелести толстухи заканчивались. Так считала сама Люся.

Уставшая от ожиданий хозяйка квартиры звонко хлопнула себя по бедрам, дав понять, что ей расслаживаться некогда, вон, окно не домыто и вообще...

- Ну, - повторилась Яварчук, отчаянно борясь с желанием больно ущипнуть толстуху за румяную щечку. На этот раз толстуха не парировала «автоматом», тяжело вздохнула и подняла глаза на Белову, которая успела вскочить со стула, зайти за него и упереться руками в спинку. Не известно, о чем подумала румяная гостья, а Люся решила, что тетя Лина сейчас шибанет кого-то из них по голове тем самым стулом. Пусть тетя Лина не отличалась рукоприкладством, но раньше и соседей не убивали. Люся втянула голову в плечи, словно ее это могло спасти от удара стулом. То, что возмущение может обрушиться на ее голову, она допускала: самолично привела Марианну к Беловой, помешала процессу генеральной уборки и мыслительному процессу, который занимал трудоголика все последнее время. Люся в этом была уверена на сто процентов – если соседка за что-то бралась, она всегда доводила дело до конца, и пусть раньше это не касалось расследований уголовных дел.

Люся вскочила с дивана и переместилась на стул, за который взялась Ангелина Михайловна.

- От греха подальше, - ляпнула девушка и указала на Марианну, оставшуюся в гордом одиночестве на диване. Белова в ответ хмыкнула, а Люся пояснила, - грех – это не Марианна, просто я за себя не ручаюсь. Обе – и хозяйка, и Люся принялись сверлить Марьяшу взглядами: Люся – свирепым, Ангелина – усталым. Марьяша

опять тяжело вздохнула под их разнообразными взглядами, еще и добавила: ох-хо-хох.

- Не надоело издеваться над занятыми людьми? - вкрадчиво поинтересовалась у нее Яварчук, ее голос не сулил ничего хорошего.

- Что ж я за дура такая невезучая, – выдохнула толстуха, проникнувшись пониманием момента.

- Можно без вступлений, сразу к делу, - разрешила Людмила, складывая руки калачиком на груди. Марианна азартно кивнула – согласилась.

– Я почему про невезучесть сказала? - задалась она вопросом и перешла к ответам,

- потому что у меня такая привычка... появилась в последнее время: оказываться в ненужном месте в ненужное время... - Две особы, сидящая и стоящая напротив оратора, терпеливо ждали продолжения. - В тот вечер я была в квартире у Вадика. У Вадима Пушкина. Признаю. В день убийства старухи, его соседки, я тоже... с...случайно оказалась в ее квартире. Но от Вадика я ушла до его убийства, а... а старуха уже была мертва, когда я... когда я к ней... н...нагрязнула... Ее уже задушили. Кто? Я не з...знаю. Я н...никого не видела, - заикаясь, проговорила девушка.

- Марианна, может тебе дать успокоительного? – ласково спросила Белова и пристроилась рядом с ней на диване.

- Ус..спокоительного? – непонимающе прогнусавила та.

- Или чаю? Хочешь горячего чаю? С лимоном?

- Нет, не хочу, - замотала головой Марианна, - я хочу вам всё рассказать, а то потом моя решительность уйдет окончательно.

- Если тебе трудно, я могу пересказать тете Лине то, что услышала от тебя? С твоих слов, а? Ты же мне смогла спокойно... сравнительно спокойно рассказать, как было дело, - вклинилась со своим предложением Яварчук.

- Пожалуй, я лучше сама, - недолго подумав, сообщила девушка. На ее лице отразился мечущийся мыслительный процесс. - Да-да, от Вадика я ушла незадолго до его убийства, к его соседке, той старухе зашла, когда она уже была задушена, - скороговоркой повторилась она, как будто повторения способствовало восстановлению сложных событий, следовавших друг за другом. Далее пошел сбивчивый текст, - я хотела проверить, жива она или нет, наклонилась, а перчатка и карта выпали из кармана. Я потом хватилась пропажи, решила, что потеряла на рыбалке. После пораскинула мозгами, и испугалась: а вдруг мои вещи остались на месте преступления?! Ужас! С этим и жила все последние дни. Сидела и ждала, что за мной вот-вот придут. В смысле, полиция придет и арестует.

- Марианна, давай по порядку, - спокойно предложила Белова и обратилась к Яварчук, - Люся, пойдти на кухню, сделай чай.

Люся нехотя поднялась и потянулась на кухню, зыркнув в сторону притихшей Марианны, которая будто бы и не заметила ее мимолетного взгляда и ухода.

- Тогда я начну с Никифоровны. Ладно? Мне так легче.

- Как тебе угодно.

- Когда вы с подружкой пришли к тете Вале, я пошла якобы на кухню. Помните?

- Я все хорошо помню, можешь не переспрашивать.

- Пошла я значит на кухню... якобы, а сама выскользнула в подъезд. Каюсь, я слышала ваш разговор со старухой, когда она заявила, что видела убийцу Вадика. Вы очень громко разговаривали, не услышать мог разве что глухой. Я находилась в прихожей квартиры Пушкиных. Мама с тетей Валей зашли в комнату, а я завозилась с кроссовками – у меня шнурок запутался. И я случайно услышала всё то, что она

вам наговорила. А потом подумала, что она могла видеть меня, ведь я была в тот вечер у Вадика. Но я Вадика не убивала! – с жаром заверила она в очередной раз. Ангелина подтвердила решительным кивком. – Понимаете, я... его толкнула, он покачнулся, но удержался на ногах. Я сразу же засобиралась домой... Когда... когда я уходила он мерзко хохотал мне вслед. У меня до сих пор звучит в ушах его смех. Мерзкий до противности смех. Как мне хотелось вернуться и врезать ему кулаком прямо по физиономии, чтобы стереть гаденькую ухмылочку, которая висела на его губах за все время нашего разговора. Зачем я к нему вообще пришла?!

- Правильный вопрос – зачем?

Марианна опять не услышала, продолжала размышлять вслух:

- О чем нам было разговаривать? Я пыталась, а он... не хотел меня слышать... Наверное, потому и смеялся. Может быть, ему было больно, ни физически, конечно, а душевно... Я только сейчас это поняла – смехом он прикрывал свою душевную боль. Ему было плохо, очень плохо. А я его оттолкнула и ушла. Если бы я не ушла, Вадик остался бы жив. Получается, в его смерти есть моя вина, пусть косвенная.

- Марьяша, ты сама сделала выбор – сначала говорим про старуху Никифоровну, потом плавно переходим на Вадима, и ты мне обстоятельно рассказываешь о причине своего визита к нему, про его душевную боль. Впрочем, действуй, как тебе угодно. Главное, говори доходчиво. Пока я лично ничего не поняла, кроме того, что в тот вечер ты была у Вадима, он тебя сильно обидел, но совсем этого не хотел, а хотел спрятать свою душевную боль за насмешкой. Так тебя устраивает? Или идем по порядку? Сначала - Вадик, потом - Гаврилова?

- Лучше продолжу про Гаврилову.

- Значит, ты пошла к Анне Никифоровне Гавриловой выяснить, кого она видела в вечер убийства Вадима? Услышала наш с ней разговор, и вознамерилась объясниться с ней, убедить, что ты ни при делах.

- Пошла... к ней... Да-да, так и было. Она же кричала, что видела убийцу, и расскажет кому следует... Или сказала как-то иначе, не столь важно. Вот и я пошла к ней, чтобы объяснить, что я была тогда у Вадика, но я его не убивала. Конечно, это тайна - моя мама ничего не знает, и мне совсем не хочется, чтобы она узнала, но скорее всего, рано или поздно, тайное станет явным, шила в мешке не утаишь, знает один знает и...

- Ты будешь перечислять все известные тебе пословицы? – не дала ей продолжить Ангелина. И вернула на нужные рельсы, - ты хотела донести до Никифоровны, что не убивала Вадика.

Со стороны могло показаться, что одна бредит, а другая ничего не понимает из ее бреда. Но в голове Беловой недавние вопросы получали ответы, вдали забрезжил выход из запутанного лабиринта. И она отчетливо понимала, что после выхода из лабиринта, она чуть передохнет, соберется с мыслями и с силами и занырнет в новый лабиринт, потому что пойдет новый виток приключений с расследованиями. Но это после, сейчас надо убедиться в своих догадках.

Ангелина хотела вернуть Марианну на нужные рельсы, а Марианна села на старого конька.

- Я не убивала... никого, - в очередной раз заявила она.

- Пони бегают по кругу, - пробормотала выбившаяся из сил Белова, а засевшая на кухне Люся, девушка с обостренным слухом, прокричала:

- Если ты еще раз ЭТО скажешь, мы с тетей Линой убедимся в обратном!

- Я... - затянула нерешительная гостья и сразу осеклась. Затем бойко, более осмысленно, сказала, - на старуху у меня никогда бы рука не поднялась, а Вадика я

не могла убить, потому что он мой сводный брат по отцу. – И даже зажмурилась от своего долгожданного признания. Никаких ответных заявлений не последовало. Марианна открыла глаза и посмотрела на застывшую рядом с ней хозяйку. – Вы мне не верите?

- Почему же, верю. Я недавно догадывалась о вашей родственной связи. Твои родители давно дружили с Валентиной Пушкиной, часто приходили к ней в гости, а потом перестали. Твоя мама заподозрила мужа в измене, но он ее убедил, что между ним и Валентиной, ее подругой, ничего нет и быть не может. Но Вадик рос. Со временем он мог кое-кого напомнить твоей матери. Как ты и сказала – тайное стало бы явным. Твоему отцу этого совсем не хотелось. И он предложил переехать в другой район, подальше от любовницы и сына.

- Вы его осуждаете?

- А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответила Белова.

- Если мне было больно, когда я узнала о предательстве отца, представляю, какого будет матери.

- Что уж теперь, - передернула плечами Ангелина. – И вообще – правильно говорят – не суди да не судим будешь.

- Я тогда была еще маленькой, но кое-что помню. Помню скандал, чего раньше никогда не случалось – мои родители всегда жили душой в душу. Так я всегда считала. Мама выговорила отцу, что он больше любит чужого ребенка, чем свою собственную дочь. Получается, мама приревновала отца к Вадик. Но она не могла допустить мысли, что ее муж и ее подруга... Мама хотела родить мужу сына, отец всегда мечтал о сыне, но я так и осталась единственным ребенком в семье.

- Как ты узнала, что Вадик – сын твоего отца?

- Мне папа сам признался. У нас с ним доверительные отношения, лучше, чем с мамой. Я ему рассказала, что влюблена в Вадика, а он сказал, что это невозможно, я спросила, почему. И он... открыл мне страшную правду. Тетя Валя мечтала о ребенке и не нашла ничего лучше, как... обратиться к супругу своей подруги. Она поклялась, что никогда и никому... Она не будет иметь претензий к отцу своего будущего ребенка. Осознаю – оправдание, так себе, и оно отца не украшает, как не украшает его поведение по отношению к Вадиму в целом, но и его можно понять.

- Никогда не поверю, что твоя мать ни о чем не догадывалась! – воскликнула Люська, появляясь в гостиной с подносом, на котором стояли три чашки с чаем, сахарница, блюдец с кружками лимона и маленькая вазочка с конфетами.

- Может быть, ты и права, но тогда мама хорошо играет свою роль... Впрочем, какое это имеет отношение к убийству. Вы же не думаете, что моя мать могла убить сына своего мужа?

- Не думаем, - без всякого сочувствия высказалась Белова и предложила ей вернуться к убийствам.

- Я сама не знаю, зачем пошла к Вадик. Что у меня было в голове? То ли хотела сообщить радостную новость, что я его сводная сестра, то ли просто хотелось с кем-то обсудить новость, обрушившуюся на мою голову. С кем, как ни с Вадиком, который имеет непосредственное отношение к этой истории, мне говорить о тайне, о которой до некоторого времени знали только двое. Вот я и пришла. Вадик нисколько не удивился ни моего появлению в его доме, ни новости. Оказалось, что он знал, кто его отец. Сколько себя помнит, вопрос отцовства его волновал постоянно. До того мать сочиняла истории про геолога, который ценой своей жизни спас товарищей, но никаких документальных тому подтверждений не предъявляла. Когда мальчик подрос, он потребовал сказать правду. И тетя Валя рассказала

начистоту – кто, почему, и про уговор между ней и его биологическим отцом тоже не забыла рассказать. Вадик успокоился. Встретиться и заново познакомиться со своим отцом Вадик желаний не изъявил, чему тетя Валя была только рада – все ж таки сама нарушила обещание хранить тайну рождения сына... Странно, что я раньше не уловила сходства Вадика с моим отцом – одно лицо. Я на своего папу совсем не похожа, копия матери... Значит, я пришла к Вадиму. Обо всем рассказала. И что Вадим? Он повел себя отвратительно. Заявил, что мой отец трус, и вообще, безответственный человек, аморальный тип, который совратил женщину, которая безумно была в него влюблена, и всё в этом духе. И если бы мой отец, его отец, был бы олигархом, он бы его простил, но раз он не олигарх, а никчемный человек, остановившийся в развитии на начальном этапе, то он ему сто лет не нужен, он слышать о нем не желает. Как я могла дальше слушать эти гадости об отце?! Я оттолкнула Вадика, он пошатнулся, но не упал, и начал смеяться. Мне так хотелось заткнуть ему рот... Или зубы выбить, чтобы не скалился... Дать в морду со всей силы... Но я расплакалась и убежала.

- В чем-то Вадик был прав, - еле слышно проговорила Люся, не зная своего родного отца.

- Тебя видел мужчина-инвалид из соседнего дома, - поспешно сообщила Белова, чтобы не разгорелся спор между девушками. – В тот вечер у тебя на голове была бейсболка?

- Кажется, я точно не помню. Вообще, тот вечер я помню смутно, всё, как в тумане. Только слова Вадима об отце врезались мне в память.

- Так может быть ты убила Вадика и забыла? – встала Люся, настороженно поглядывая на Марианну.

- Как тебе ЭТО в голову пришло?! Ты же сама успокаивала меня, убеждала, что я не могла, что веришь мне... Что изменилось? Я за отца не отвечаю. И ни в моих привычках мстить сводным братьям.

- Ты говоришь во множественном числе? Неужели...

- Люся! – резко осадил ее Белова.

- А что я такого сказала? Мое отношение к Марианне не изменилось... Марьяш, я верю, что ты не убивала, я просто так спросила, для уточнения. Вдруг... ты... непреднамеренно... В состоянии аффекта.

- Люся, тебе лучше помолчать, - прервала ее блуждающие рассуждения Ангелина Михайловна.

- Что вам еще рассказал инвалид из соседнего дома? – обратилась к ней Марианна, показательно не обращая внимания на Яварчук.

- Я давно подумывала, у кого бы спросить о том вечере, кто мог видеть человека, покидающего наш подъезд. Совсем забыла о Лебедкине, об инвалиде, который любит смотреть в окно. Сегодня увидела его сидящим на лоджии с книгой в руках и направилась к нему, для расспросов. Он смутно запомнил человека, который покидал наш подъезд незадолго до моего появления на улице. Лебедкин принял тебя за мужчину. Кроме бейсболки на твоей голове, ему ничего не запомнилось. Так что не волнуйся, он тебя не опознает при всем желании. Тем более, ты не мужчина, а девушка.

- Надеюсь, так и будет.

- Марьяша, твой рассказ вышел сумбурным, но теперь мне всё стало ясным и относительно понятным - ты, действительно, оказалась в ненужном месте в ненужное время.

- Марианну мог видеть убийца Вадима, - сообразила Людмила.

- Боже! – воскликнула та и прикрыла рот рукой.
- Ну и что с того? – передернула плечами Белова, - выдавать ее полиции ни в его интересах, тогда у полиции появятся к нему вопросы, Марианне тоже ничего не грозит: она-то его не видела, и он в этом уверен.
- Откуда вам это известно? - поинтересовалась Люся.
- Чего ты добиваешься? – рявкнула на нее Ангелина Михайловна.
- Я переживаю за Марианну, только и всего. Предлагаю ее спрятать. Увезти куда-нибудь. Туда, где ее никогда найдет убийца. А вот когда его задержат, Марианна сможет вернуться домой.
- Почему бы не подстраховаться, - согласилась Белова.
- Я не могу никуда уехать, у меня занятия в академии.
- Останешься жива, нагонишь, - с комсомольским задором заявила Яварчук. – Наше дело предложить, ваше дело согласиться.
- Я подумаю.
- Думай быстрее, а то поздно будет.
- Люся, следи за языком, - процедила сквозь зубы Ангелина Михайловна.
- А чего это мы чай не пьем? – опомнилась та и на правах хозяйки пригласила всех к столу.

Троица приступила к чаепитию.

Люська была раздосадована и озадачена, мало прислушивалась к разговору за столом. А разговор шел на отвлеченные темы, в основном о рыбалке и учебе в академии. В результате ей наскучили пустые разговоры.

- Как так можно! – возмутилась она, - сидят, чай пьют, болтают, как ни в чем ни бывало! – Как резко начала, так резко и замолчала, но не забыла осуждающе попыхтеть.
- Так кто же убил Налестро? – пробормотала Белова, вникнув в суть возмущения.
- Какого-такого Налестро? – округлив глаза, спросила Марианна. И делая паузы между словами, продолжила свою вопросительную речь, - у нас очередной труп? Почему я об этом не знаю?
- Не все же тебе оказываться в ненужном месте в ненужное время, - заключила с умным видом Людмила, с трудом сдерживая смех. – На этот раз тебе, Марьяша, несказанно повезло. Или ты сожалешь? Не желаешь заработать прогул?
- Я ничего не поняла.
- Ох уж эта молодежь! – философски рассудила Ангелина, - надо знать классику советского кинематографа. Это фраза из фильма «Ищите женщину» с неподражаемой Софико Чиаурели в главной роли!
- Вот именно! – подключилась Яварчук, знавшая фильм «близко к тексту». Настоятельно рекомендую к просмотру!
- Спасибо за рекомендацию, - пробубнила себе под нос толстуха.
- Баш на баш – я жду пояснений! – констатировала Людмила. - Может быть, здесь собрались свидетели и ясновидящие, но я к таковым не отношусь, поэтому хочу разобраться, как ты, Марианна, оказалась в квартире старухи Никифоровны? Что за улики подобрала наша дорогая тетя Лина? Что - мне известно, не слепая. Но они какие-то... подозрительные: перчатка ни перчатка, и обрезок игральной карты. И чего вы обе на меня так смотрите? Получается, я одна такая... безголовая? Или я что-то пропустила?
- Да мы как-то не успели обсудить подробности, - поглядывая на хозяйку, неуверенно проговорила Марианна, словно сомневалась в своих словах и надеялась на подтверждение.

- Пора бы уже, - вздохнула Люся.
- Я оказалась в квартире старухи очень просто - дверь была чуть приоткрыта. Я толкнула дверь и сразу увидела несчастную старушку. Она лежала на полу... И была мертва.
- Ты в этом убедилась? Ты к ней притрагивалась? – округлив глаза от испуга, спросила Яварчук.
- Ну, конечно, я должна была понять – жива она или нет, нужна ей помощь или уже нет. Если бы старушка была жива, я бы не сбежала. А так... Мне пришлось поспешно покинуть квартиру, чтобы меня не засекли и не заподозрили в убийстве. Я вернулась к тете Вале Пушкиной. Пошла на кухню, чтобы приготовить чай. Я была в ужасном состоянии. У меня так дрожали руки, что я не могла справиться с элементарным делом – разлить чай по чашкам.
- Я это заметила, но сочла твой тремор за волнение в связи с последними событиями или за сбой работы щитовидной железы.
- Да, со щитовидной железой у меня проблемы, потому и вес набираю, - призналась Марианна.
- А дверь? Дверь квартиры Никифоровны ты захлопнула, когда покинула квартиру? – застрочила Яварчук.
- Ну, да, захлопнула. А не надо было?
- Лужа перед дверью была? В подъезде? – с опаской уточнила Ангелина Михайловна.
- Была, я точно помню, я ее перешагнула.
- А перчатка? А половинка игральной карты? - поспешно напомнила Люся.
- В тот день мы хотели ехать с отцом на рыбалку. Вернее, он не хотел, чувствовал себя плохо, это и понятно, но я настояла, думала, что отец отвлечется, хотя бы на время. Мы уже собрались, вышли во двор к машине, и отцу совсем стало худо. Я затащила его домой, измерила давление, вызвала «Скорую». Его отпустило. Он шепнул мне, чтобы мы с мамой отправились к тете Вале, поддержали ее. Естественно, я отказалась – как можно бросить его, больного, дома одного. Он сказала, что ему гораздо лучше. И мы должны... Я его поняла и согласилась. Переодеваться не стала, поехала к тете Вале в чем была, и куртку свою рыбацкую надела.
- Это важное уточнение, про куртку? – прицепилась Людмила.
- В кармане куртки были перчатки и обрезаек игральной карты. Карманы на куртке неглубокие, из них постоянно что-то выпадает, особенно, когда присядешь или согнешься. Так и вышло – половинка карты и одна перчатка выпала из кармана, когда я присела возле тела задушенной старушки.
- А зачем тебе перчатки на рыбалке? – недоверчиво спросила Яварчук и нравоучительным тоном выговорила, - сейчас, между прочим, весна – напоминаю для тех, кто забыл, на улице тепло, руки не мерзнут, перчатки без надобности.
- А мне без разницы – зима или весна, у меня всегда руки зябнут, поэтому я всегда на рыбалке в перчатках, ну, кроме лета, конечно. У перчаток три съемных пальца, удобно насаживать наживку на крючок. А кусок карты я использую, чтобы продевать в нее рыболовные крючки, запасные, чтобы всегда были под рукой. Привычка у меня такая, еще с детства. К тому же острый край игральной карты подходит для зачистки крючка. Это мое ноу-хау, мне так удобно.
- Всё очень просто, а мы головы ломали, - пробормотала Белова. Повысив голос, произнесла, - да, Марианна, задала ты нам задачку со своими рыбацкими вещами.

У любого знатока спроси, для чего применяют половину игральной карты, он вовек найдет ответа. Тем более, зачем в картоне крохотные отверстия.

- Какая-то вы, тетя Лина, сегодня... как бы это выразиться... философская, что ли, – с легким осуждением высказалась Яварчук.

- Не поняла, - без обиды пробормотала женщина, не заметившая у себя тягу к философии.

- Не задаете правильных вопросов важному свидетелю, - четко выговорила Люся. Белова предложила ей задать правильный вопрос.

- Марианна, - деловито вступила Людмила, - когда ты покидала квартиру Гавриловой, ты ничего подозрительного в подъезде не заметила? Может быть, кто-то непроизвольно выдал свое присутствие?

- В подъезде стояла гробовая тишина, даже лифт не шуршал. Для меня это было важным обстоятельством, не в смысле лифта, в смысле, что никого в подъезде не было, чтобы в любой момент успеть зашмыгнуть обратно, в квартиру Пушкиных... Пойдите-ка, а лифт кажется шуршал, в смысле, гудел.

- Поднимался или опускался? Приближался или удалялся?

- Удалялся. Поэтому я направилась в квартиру Гавриловой.

- Получается, что в лифте ехал убийца, - констатировала Белова. – Из подъезда он точно не выходил, тому есть свидетель... Преступник подслушал наш разговор с болтливой Никифоровной. Но тотчас не отправился ее убивать. Наверное, ему помешал тот самый свидетель, которого Никифоровна облила водой из ведра. Свидетель еще какое-то время переругивался со старухой через закрытую дверь, потом удалился. Путь убийце был свободен. Могу предположить, что убил он ее не сразу, как предполагала ранее – по времени не сходится: между нашим разговором и визитом к Валентине Пушкиной прошло какое-то время. Мы с Жанной пришли к Валентине, на лужу у дверей старухиной квартиры мы не обратили внимания – вышли из лифта и сразу повернули налево. После нашего появления у Марианны, слышавшей угрозы Никифоровны, появился шанс убедить старуху в своей невинности. Он тихо покинула квартиру, направилась к ней, по дороге услышала движение лифта, в котором уезжал убийца. Куда он направлялся? Возвращался в свою квартиру? Если так, то он живет в нашем подъезде... Или в нашем доме – мог попасть в свой подъезд через крышу.

- Или сбежать через соседний подъезд, - заметила Яварчук. – А свидетель мог не обратить на него никакого внимания. И что это значит? Что нам этого убийцу не найти никогда – мы его не знаем, он был знаком с Вадимом, а старуху устранил как нежелательного свидетеля.

- Каким образом он о ней узнал? – задалась вопросом Ангелина. – Шатался по нашему подъезду, собирая необходимые ему сведения? С риском быть обнаруженным?... Эээ, нет, девочки, убийца - свой, как бы мне не хотелось это признать.

- Когда похороны Никифоровны? – не ко времени спросила Люся, прервав чужой мыслительный процесс.

- Насколько мне известно, ее родственники, кому перейдет ее квартира по наследству, решили похоронить ее по-тихому, - выдержав паузу, сообщила Белова.

- Я их не виню – это их право.

- А они, родственнички эти, не подумали, что теперь Никифоровна будет являться им в кошмарном сне?

- Не нам же, - сомнительно успокоила Ангелина, опять погрузившись в свои мысли. Расследование зашло в тупик в очередной раз. Из одного лабиринта, худо-бедно,

выбрались, теперь втиснулись в новый. И что на этот раз? На этот раз нет ни улики, ни догадок. Одна пустота и непонимание...

До позднего вечера Белова делилась с подругой последними новостями по телефону. Жанна внимательно слушала, убедительно удивлялась откровенным признаниям Марианны, которые стали для нее полной неожиданностью, но в большей степени – догадливости своей подруги Ангелины, для которой признания Марианны неожиданностью не стали: она успела разобраться, кому принадлежат найденные на месте преступления вещи. Потому доселе пребывала в раздراйве – не могла принять, что убийцей является Марианна.

Естественно, Жанна Рябченко не удержалась от мимолетной колкости в адрес все той же прозорливой подруги, которая не поделилась с ней своими глубокомысленными соображениями. Ангелина не стала пускаться в объяснения с расшаркиванием, сделала вид, что ничего не слышит, и принялась рассуждать на тему «как жить дальше», в смысле – где искать убийцу Вадима Пушкина и Анны Никифоровны Гавриловой? Какое-то время подруги обменивались мнениями, в основном – воздух сотрясали, так как никаких умных мыслей в голову не приходило. Белова привычно высказалась, что утро вечера мудренее, на том они и расстались.

Ангелина Михайловна напилась усыпительно-успокоительных таблеток, но прием лекарства ей помог слабо: слишком много впечатлений накопилось за прошедший день.

Женщина пыталась отвлечься чтением примитивно-художественной литературы, бродила по квартире как привидение, пила чай с медом, стояла на лоджии – воздухом дышала, слегка подмерзла, легла с постелью, закуталась в одеяло, согрелась и собралась почитать сном младенца, но не тут-то было. В голове начали бегать и соревноваться разные противоречивые мысли, одна другой лучше. В результате, сон снова испарился. Пришлось лежать и сверлить взглядом темный потолок, не забывая пересчитывать караван верблюдов – чтобы поскорее уснуть. За верблюдами по барханам пошли (?)слоны, которые, по ее собственному решению, двигались гуськом и держались хоботами за хвосты впереди идущих. Что делали в жаркой пустыне слоны – осталось за кадром. Главное в другом – возглавлял процессию сильно загорелый мужчина, отдаленно похожий на красавца Алладина из известного фильма «Волшебная лампа Алладина» и одновременно – на Кораблева, который, по ее мнению, красавцем не был. Первый слон вальяжно размахивал своим хоботом и пытался дотронуться им до Алладина-Кораблева. Тот изворачивался и улыбался – игра доставляла ему удовольствие. От его бесподобной улыбки беспокойное женское сердце пришло в неописуемое волнение. Ангелина тут же представила себя среди барханов. По неизвестной причине она походила на Екатерину Матвеевну из «Белого солнца пустыни». По всей видимости, действие лекарства запоздало начало оказывать нужное действие, женщина незаметно погрузилась в зябкий сон. За окном забрезжил рассвет. Но уснувшей женщине до рассвета не было никакого дела, ей хотелось разобраться в отношениях загорелого брюнета и Екатерины Матвеевны.

Но картинка успела быстро смениться. И вот нет уже никакой русской женщины из «Белого солнца...», нет красавца Алладина в его чалме, перед ней самый настоящий Кораблев, без верблюдов и слонов. Теперь он забрался на вишню и с удовольствием лопают ее спелые плоды, смачно выплевывая косточки в ладошку. За его сидением на дереве и поглощением вишни зорко следят две подруги, притаившиеся на соседнем участке. Кусты малины зверски колются, до две любопытные особы уважаемого возраста слабо обращают внимание на неудобства,

до колкой малины ли им, если перед ними важная задача - следить за Кораблевым. Ангелина прошептала, обращаясь к подруге:

- Он или низкопробный актеришка, который отвратительно играет свою роль, или, напротив, талант каких свет не видывал, потому что легко ввел нас в заблуждение, или хитрец из хитрецов, который взял на себя роль главного отрицательного героя, чтобы увести наше внимание от настоящего преступника.

Жанна уважительно на нее посмотрела и вкрадчиво поинтересовалась:

- Ангел, ты к какому варианту склоняешься?

- Пока не знаю, - подумав, ответила та и спросила, - а ты?

- Он мне симпатичен, - призналась Рябченко, уклоняясь от прямого ответа.

- В связи с чем, ты не хочешь, чтобы он имел отношение ко всем последним событиям? – договорила за нее подруга.

- Как-то так. Поэтому все три твоих варианта - «пальцем в небо». Предлагаю не тратить время на Константина Кораблева и заняться поисками настоящего убийцы.

- Жанна, это ты верно сказала – не тратить время на... этого отвратительного типа.

- Про отвратительного я не говорила, кто-кто, а этот мужчина не отвратительный, - мечтательно закатив глаза, высказалась Рябченко.

- Вот и бери его себе, - придушенным шепотом напутствовала Ангелина, мысленно желая Кораблеву полета с дерева и неблагоприятного приземления.

- Не возьму, не переживай, он по тебе сохнет.

- Высох прям, бедолага, сейчас живот от вишен лопнет. Ест и не подавится.

Из дома показалась девушка. Подруги присмотрелись и поняли – перед ними подруга погибшего Вадика Пушкина по имени Василиса. Белова сообразила, что они находятся на соседнем участке, принадлежавшем прадеду Люси Яварчук, Якову Семеновичу Фредушинскому. Присутствие хозяина пока не отмечалось.

- Интересно, с какой целью Кораблев сюда приперся? Вишни поесть? - заинтересовалась Жанна Петровна.

- Знамо, с какой целью – бабник!

- Ты думаешь, он ухаживает за Василисой? Бред! Она ему в дочери годится.

- Жанка, ты как первый раз замужем, - хмыкнула подруга. – И к бабке не ходи, этот стареющий ловелас за Василисой ухлестывает.

- Ты ревнуешь? – подняла брови Рябченко.

- Я? Ревную? Кого? Кораблева?

- Ты. Ревнуешь. Кораблева к Василисе, - доходчиво ответила подруга. – И краснеть, как маков цвет, не нужно, мне без слов и прочих преобразений всё понятно.

- Вот ты... ума палата, - придушенно, чтобы не услышали на соседнем участке, возмутилась Белова. – Тебе бы все о любви и о любви. Дело серьезное, речь идет о двух убийствах, так что забудь.

- Мы договорились, что Кораблев не имеет отношения к убийствам. У него не было мотива, он вообще не был знаком с Вадимом Пушкиным, тем более, - с Никифоровной. Где Кораблев, а где эти двое.

- Может быть, он и ни при делах, но Василиса...

- А что Василиса?

- Эта девица могла отомстить Вадику за все его проделки. Достал он ее, понимаешь? Все считали, что она находится в поселке Толпино, а она приехала, убила Пушкина и вернулась в поселок. Всё шито-крыто.

- А Никифоровну тогда кто задушил? Тоже она? Василиса?

- А вот с этим сложнее, - сверля взглядом Кораблева, высказалась исколотая малиновым кустом Ангелина.

- Кораблев? – недоверчиво прошептала Жанна.
- Почему бы и нет. Еще ни на такое преступление пойдешь, чтобы оградить от заслуженного наказания свою... пассию.
- Нет, я не верю, - задергала головой Рябченко. – Ты посмотри на него – он не мог, он положительный герой.
- Жанна, он мог, и не спорь.
- Ты сама в это веришь?
- Еще предложи сию минуту ему позвонить и вкрадчивым голосом спросить: «Костик, это не вы убили старушку?» Заодно проследить из кустов за его реакцией. Если он свалится с дерева после неожиданного вопроса, значит, он и убил.
- Подруга не успела никак отреагировать, потому что в кармане Ангелининого сарафана легкомысленной расцветки начал надрываться мобильный телефон.
- Сейчас вся округа будет знать, где мы прячемся, - возмутилась Рябченко, следя за возней Беловой, которая никак не могла отыскать в карманах телефон, вопящий на всю округу. Карманы оказались пусты, а телефон продолжал разрываться в непонятном месте. Жанна принялась заглядывать под малиновый куст, а Ангелина... открыла глаза.
- На прикроватной тумбочке подпрыгивал ее мобильный телефон. Со сна женщина никак не могла сообразить, что делать. Наконец, взялась за телефон.
- Тетя Лина, - заговорила Люська придушенным шепотом под аккомпанемент непонятного металлического скрежета, - к вам идет Кораблев.
- А ты где? – лягнула Белова.
- Я в лифте. Спускаюсь на первый этаж, иду на занятия в колледж. Я столкнулась с Кораблевым прямо в дверях лифта – он выходил, а я вошла в кабину. Вот еду и звоню вам, чтоб предупредить. Возможно, вы не захотите ему открывать дверь. У него в руках была коробка с пирожными. Представляете?! – восхитилась Люся, как будто вместо пирожных в его руках было драгоценное кольцо.
- Люся, который час? - еще не проснувшись и плохо соображая, спросила Белова.
- Половина восьмого.
- Зачем Кораблеву приходит ко мне в такую рань? – резонно поинтересовалась женщина и сладко зевнула. Тотчас раздался звонок в дверь. Она вздрогнула и сообщила, -а вот и явление Христа народу.
- Вы о Кораблеве? Наверное, хотел сделать вам приятное до начала своего рабочего дня. Так вы ему откроете?
- Нет, конечно, я не в том виде, чтобы принимать гостей.
- Ему все равно, в каком вы виде.
- Белова подкралась на цыпочках к двери и прислушалась. Люська продолжала что-то бубнить в трубку. Пришлось Ангелине прервать связь, чтобы громкий голос девушки не выдал ее присутствия.
- В дверь позвонили еще раз. Ангелина отступила в спальню и затаилась. Кораблев не отличался настойчивостью – звонки быстро прекратились.
- Она не стала следить за его передвижениями по двору. Снова легла в постель, но быстро поднялась. Приняла контрастный душ, чтобы окончательно проснуться и прийти в себя, выпила кофе, вяло пожевала кусок сыра. Нарисовала себе лицо – нанесла легкий макияж и отправилась на рынок.
- Оказавшись на шумной улице, она сразу попала в объятия цыганки, которая топталась возле ломбарда.
- Красавица, дай я тебе погадаю! – зычным голосом навязалась молодая цыганка в длинной широкой пестрой юбке и не менее пестрой блузке широкого покроя,

заправленной в юбку. В цыганских ушах болтались серьги, слишком огромные, чтобы быть золотыми. На голове по-цыгански повязан платок.

Навязчивая деваха схватила Ангелину за руки своими цепкими пальцами с нанизанными на них перстнями. Ангелина пыталась прошмыгнуть мимо без потерь. Цыганка не сдавалась, тащилась за ней и по-прежнему предлагала свои услуги.

- Я сама могу тебе погадать, - пригрозила Белова. – Могу сказать, что было, что будет, чем сердце успокоится? Хочешь?

- Я сама всё про себя знаю, - в ответ сообщила «пестрая» девица с длинными смоляными волосами и загадочным голосом добавила, - а вот тебе не мешало бы узнать, что не нужно бежать от своего счастья. Пусть он моложе, пусть ты его плохо знаешь, но это не повод отказываться от любви. Только с ним ты познаешь настоящее женское счастье. Не упusti своего мужчину. Не упusti! – пригрозила пальцем цыганка и двинулась прочь по тротуару, виляя бедрами.

Ангелина осталась стоять посредине тротуара с открытым ртом. Но она была не в том возрасте, чтобы легко поддаваться на всякие уговоры и увещевания, поэтому рот быстро закрылся, мозги встали на место. Белова осмотрелась, и не увидела недавней цыганки. Но женщина заметила, в какую сторону та направилась, и поспешила за ней. Завернув за угол, она в последний момент успела увидеть ту самую «пестроту», садившуюся в неприметный автомобиль. Автомобиль взвыл и рванул с места. Но быстро вспомнил о возможных штрафах за нарушения ПДД, и умерил свой пыл.

Белова нервно поозиралась по сторонам. На ее счастье из салона оптики показалась сын ее подруги, Виктор Рябченко, и направился к своему автомобилю, припаркованному неподалеку. Ангелина Михайловна подлетела к нему на всех парах и приказала следовать на «воон тем автомобилем». Виктор давно перестал чему-либо удивляться, поэтому беспрекословно последовал «за воон тем автомобилем». В данный момент интересующий авто замер на светофоре в ожидании разрешающего сигнала.

Служка не заняла много времени. Уже через пятнадцать минут Виктор Рябченко высаживал Ангелину Михайловну у здания постройки середины прошлого века. Цыганка успела покинуть свой автомобиль и юркнуть в здание через высокие деревянные двери, издавшие зубодробительный звук-скрип.

Белова смогла подобраться ближе. Она знала, что в раньше, еще в советское время, здесь находился кинотеатр «Родина». Оказалось, что сейчас здесь поселился молодежный театр – табличка на фасаде тому свидетельствовала. Недолго думая, женщина проникла внутрь здания вслед за цыганкой.

За стеклянной конторкой сидел моложавый старикан, пил чай из стакана с подстаканником – как в поезде дальнего следования – и выразительно читал вслух газету. Рядом пристроилась пожилая худощавая бабенка с хитрым взглядом. Она тоже хлебала чай, но из чашки. При появлении незнакомки оба прервали свое занятие и воззрились на нее.

- Что вам угодно? – поинтересовался моложавый старикан и приветливо улыбнулся, что было редкостью со стороны всех вахтеров или любых стражей порядка.

- Я видела сейчас свою любимую актрису, она была в образе цыганки, - «призналась» сообразительная Ангелина Михайловна. – Хотела взять у нее автограф, но не успела. Но я могла обознаться. Вы мне не поможете?

- Нет, вы не обознались, это была она, наша неподражаемая Зинаида Воронкова. Увы, я не могу вас пропустить в ее примерную, скоро репетиция. Но вы можете прийти сегодня на спектакль. Билеты еще не распроданы. Скоро откроется билетная касса...

Бабенка с хитрыми глазами выразительно фыркнула – видимо, ей не пришлось по вкусу расположенность ее приятеля к незнакомке, способной составить ей конкуренцию.

- Спасибо за информацию, - обронила Белова и ретировалась.

Она позабыла, куда собиралась идти, направилась к подруге, чтобы поделиться последними новостями, которые касались цыганки и актрисы молодежного театра в одном лице, взявшей на себя роль сводни-свахи. Зинаида Воронкова явно действовала с подачи Кораблева. Еще бы установить их дружеско-родственную связь, тогда и доказательств никаких не нужно.

А вдруг у «цыганки» были другие цели? – запоздало подумала Белова, трясаясь в автобусе, державшем направление к дому ее любимой подруги. – Вдруг она как-то связана с убийцей?

На ум пришел недавний сон с участием Кораблева и девушки Василисы.

Всё очень странно и подозрительно, - пришла к выводу Ангелина, забыв про сводничество...

Жанны Рябченко не оказалось дома. Ангелина запоздало сообразила, что для начала надо было позвонить. Уже взялась за телефон, чтобы узнать, где носит ее подругу, но передумала. Некоторое время постояла столбом возле подъезда Жанны, задумчиво постукивая мобильным телефоном по губам, затем медленным шагом потянулась к остановке общественного транспорта. Тут как назло к остановке подкатил автобус, на котором большими буквами была написана конечная остановка – радиотехнический колледж. В голове Беловой сработал тумблер переключения на нужную волну: именно об этом колледже говорил Кораблев, когда называл место работы. Или она что-то путает? Кажется, Кораблев сообщил, что преподает историю в колледже. Тогда Ангелина подумала о медицинском, в котором учится Люся Яварчук. Но Люся утверждала, что ранее не встречалась с Кораблевым, впервые увидела его в день убийства старухи Никифоровны. Спрашивается, с чего она взяла, что Кораблев преподает в радиотехническом?

- Была - не была, - пробубнила себе под нос Белова и в последний момент вскочила на подножку автобуса.

- Каскадерша, вашу дивизию, - возмутился водитель, проводив ее недовольным взглядом.

- Извините, - процедила сквозь зубы женщина-нарушитель и бухнулась на сиденье.

Оказалось, что ехать ей всего-ничего - не более десяти минут. Ангелина не успела собраться с мыслями в автобусе, а уже оказалась на свежем воздухе.

Осмотрелась и заметила высотку, некогда бывшую каким-то НИИ. По всей видимости, в настоящее время в этой высотке из стекла и бетона находилось учебное заведение - из здания вытекал и в здание втекал ручей молодежи. Добравшись до высотки Белова прочитала табличку, которая гласила, что здесь находится радиотехнический колледж. На самом деле колледж занимал первые два этажа, на остальных этажах поселились разные компании.

Ангелина Михайловна задержалась у расписания занятий, принялась изучать, чтобы отыскать преподавателя истории Кораблева. Так увлеклась поисками, что не услышала дыхания за своей спиной, опомнилась, когда некто нахально обнял ее за талию и прошептал на ухо:

- Кого не ожидал здесь увидеть, так это тебя. Но я несказанно рад тебя видеть.

Женщина вздрогнула от неожиданности, повернула голову и увидела того, кого искала. Лицо Константина было как у некогда оголодавшего путника, которого наконец накормили сразу сытным обедом и ужином.

- Я к тебе сегодня заходил с утра пораньше, но, увы, не застал, - продолжил Кораблев свои признания. - Ты дома не ночевала? – напряженным голосом поинтересовался он, неудачно разбавил напряжение беспечностью.

- Какие мои годы, - усмехнулась Белова, дав понять, что ночевала вне родных стен, причем не одна.

- Действительно, - хмыкнул мужчина, убирая руку с женской талии. Ангелине сразу стало холодно и одиноко. Захотелось вернуть руку на место, но она не решилась возвращать, даже чуть отступила от мужчины – подальше от соблазна. – Что ты здесь делаешь?

- Не поверишь – тебя ищу.

- Почему же – верю, другой причины для визита в это учебное заведение у тебя нет. Разве я тебе говорил, где именно преподаю?

Раз усомнился, то не говорил, - подумала Белова, - тогда почему я увидела название колледжа и села в автобус? Его мать рассказала? Или чуйка? Еще бы моя чуйка помогла мне в поисках убийцы!

- О чем ты задумалась? Я задал слишком сложный вопрос? – На лице Константина не было и намека на улыбку.

- Говорил, - задумчиво пробормотала женщина. Выдержала паузу, во время которой мужчина пристально изучал ее лицо, словно пересчитывал все имеющиеся морщинки. Женщина немного стусевалась, но решительности данное обстоятельство не поубавило. Вдруг он только того и добивается, чтобы переключить мое внимание, - мысленно предположила она и на всякий случай уточнила:

- У вас сейчас перерыв?

- Вообще-то, да. Но я свободен...

- Словно птица в небесах, - вставила сбившаяся с мысли женщина. – Если ты из-за меня, то...

- На сегодня я завершил все лекции, - поспешно доложил он. - Но в шестнадцать часов у меня заседание кафедры.

- До шестнадцати часов я тебя точно не задержу.

- А жаль, - высказался Кораблев и одарил ее жалкой улыбкой.

Они вышли на улицу и, не стовариваясь, двинулись по тротуару. Неожиданно для себя Лина взяла мужчину под руку. Он тут же осторожно погладил ее руку и бережно сжал пальцы.

- Прохожие смотрят на нас с усмешкой – думают, что старуха подцепила молодого мужика.

- Во-первых, ты не старуха, во-вторых, это я за тобой бегаю, а ты шарахаешься от меня, как от чумы.

- Я послушная дочь своих родителей, которые запрещают мне встречаться с парнями, - усмехнулась Ангелина.

- Ввиду твоего раннего возраста, - поддержал шутку Кораблев.

- Костя, зачем ты приходил ко мне сегодня утром?

- Хотел тебя увидеть. Проснулся и подумал – если ее не увижу до начала занятий в колледже, то... что-то обязательно случится.

- Не говорил ерунды, а то, не дай Бог, накличешь беду.

- Со мной все будет хорошо! Ты же рядом.

- Костя, я тебе не верю.
- Почему?
- Потому что мы встретились в неподходящее время. Всё очень странно и подозрительно.
- Кстати, как твой племянник? Нашелся? - спросил мужчина, не обратив внимания на ее высказывание. Возможно, своим вопросом дал понять, что она тоже не всегда говорит правду.
- Не прикидывайся, ты отлично знаешь, что никакого племянника у меня нет и не было, я занимаюсь поисками убийцы Вадима Пушкина.
- Ты подумала, что я мог убить парня за то, что он выкрал две старые книги? Лина, это полная чушь и ерунда.
- Я знаю, что чушь и ерунда, - с неудовольствием подтвердила она, - но на то время у меня была версия, и я обязана была ее проверить.
- Если все подозрения в мой адрес сняты, то почему ты мне не веришь?
- Я не понимаю, почему ко мне ТАКОЕ отношение? Ты молод и... хорош собой, я немолода и...
- Прекрасна! – вставил Костя.
- Ты сам говорил, что хочешь детей, хочешь семью... Я не могу родить тебе детей.
- Помнишь, как в старой американской комедии: «Я не могу выйти за тебя замуж, я мужчина!» - «У каждого свои недостатки». Это была шутка. Если мы будем вместе, то у меня будет семья – ты, твоя дочь, твой зять, твой внук. Они будут моей семьей.
- Раньше я считала, что женщина не должна выходить замуж за мужчину, который значительно ее моложе.
- Оговорка по Фреду – раньше! Значит, теперь у тебя изменилось мнение на этот счет?
- Я не знаю, - подумав, ответила Белова.
- Определяйся быстрее, а то я умру от безответной любви.
- Твои шуточки, твои банальные фразы только отдаляют меня от тебя.
- Больше не буду. Что мне сделать, чтобы ты мне поверила?
- Ничего не надо делать. Пройдет время, я свыknусь с мыслью, что... ко мне неравнодушен молодой мужчина, который вызывает интерес у молоденьких студенток. Вызывает?
- Мне об этом не известно и мне это не интересно. Лина, я тебя люблю, - просто признался он.
- Любовь с первого взгляда, - усмехнулась она.
- Не думаю. Сначала ты мне понравилась, так сказать, запала в душу. Я долго думал о тебе, ждал, когда ты позвонишь. Я догадался, что ты запомнила номер моего телефона.
- Не дождался и занялся поисками, тем самым примкнул к группе подозреваемых в убийстве.
- Есть новости из полиции? Они нашли убийцу?
- Мне сие неведомо. Возможно, мать Вадима что-то знает. Я пойду к ней в больницу и узнаю последние новости. Но не думаю, что следователь докладывает ей о каждом своем шаге.
- Я понимаю, что отговаривать тебя бессмысленно, но... может быть ты оставишь свою затею с поисками убийцы?
- Бессмысленно, - пропела Ангелина, чувствуя себя молодой, беспечной, подвижной, легкой и... влюбленной. Неужели на закате жизни может случиться рассвет? И быстро сникла: о чем я? Какая-токая любовь? Он преследует свои цели, задуривает

мне голову, пытается отговорить меня от расследования, иначе... ему придется... устранить меня физически.

Между тем Кораблев светился счастьем, несмотря на недоверие женщины, в которую он якобы влюблен.

- Если отговаривать тебя бессмысленно, то я весь в твоём распоряжении. Чем я могу помочь?

- Я... не... знаю, - с опаской проговорила Белова, пытаюсь унять дрожь в конечностях. И пытаюсь себя убедить в обратном – Кораблев непричастен к убийствам, он влюблен...

- Лина, Ангел мой, да ты издеваешься! – расцвел он своей неподражаемой улыбкой, от которой раскрываются цветы, от которой ярче светит солнце, от которой немолодое сердце чудным образом становится молодым.

- Знаешь ли, пожилые люди очень доверчивые, их обвести вокруг пальца, что плюнуть, - невзначай обронила она.

- Сейчас ты о ком? Кто здесь пожилой? Ты бы видела себя со стороны – глаза горят, походка пружинистая, голова гордо поднята...

- Еще скажи – от гордости что ты рядом! – вставила она.

- Заметьте, ни я это сказал! - воскликнул Костя и повертел головой. - Вижу цель! – он указал на бутик женской одежды.

- Ты считаешь, что я плохо... неподобающе выгляжу?

- Ты выглядишь прекрасно! Ты лучше всех! Но нам просто необходимо зайти в этот магазинчик, и кое-что примерить, без разницы что, лишь бы попасть в примерочную. Иначе я начну целовать тебя прямо здесь, посередине улицы, на виду у всего честного народа, не думаю, что я моя невоздержанность тебе понравится.

- Костя, ты сошел с ума, - запричитала Ангелина. Костя тянул ее за руку в сторону бутика женской одежды, но она особо не сопротивлялась. – Ты забыл, сколько мне лет? Я не могу...

Мужчина так резко затормозил, что она навалилась на него. Он чмокнул ее в носик и предупредил:

- Чтоб я никогда не слышал о возрасте. Для меня ты лучше всех, и о разных цифрирах я думать не желаю.

В магазине мужчина схватил несколько вешалок с одеждой, и они укрылись в примерочной. Ангелина ругала себя последними словами. Но отступила под мужским напором. Потому что сама этого хотела.

Когда пара вновь оказалась на улице с покупкой – новой юбочкой - иначе их бы не поняли, Белова вспомнила, зачем пришла к Кораблеву.

- Костя, хотелось бы понять, кем тебе приходится молодая цыганка, она же актриса молодежного театра Зинаида Воронкова?

- Девушка, да с вами опасно иметь дело, - сузив глаза, признался мужчина.

- Я жду откровенных признаний.

- Зинка моя дальняя родственница по отцу. Я попросил ее мне помочь.

- Она пыталась мне внушить, что некий мужчина - моя судьба. Не надо иметь выдающийся склад ума, чтобы догадаться, о ком идет речь.

- А то нет? Не судьба? – удивился Константин и пригрозил, - только подумай, прежде чем ответить. А то я сейчас услышу - пока не знаю, мне нужно время.

- Не буду ничего говорить... Или буду?

- Лина, мне уже страшно. Твой взгляд сбивает меня с ног.

- Экий ты восприимчивый к посторонним взглядам.

- Ты не посторонняя.

- Костя, ты сбиваешь меня с мысли. Уже забыла, о чем хотела спросить, - слушавила Лина. Она отлично помнила, о чем хотела спросить, но не решалась.

- Пойдем в какое-нибудь приличное место, я ужасно голоден.

- Пойдем, - без особо желания согласилась Белова. Она вспомнила свой странный сон. Голодный Кораблев уплетает за обе щеки спелую вишню. Рядом прохаживается молодая девушка Василиса.

Не всякий сон может быть вещим, но зачем-то снится именно то, что должно, - подумала Ангелина...

После кафе Ангелина и Константин, не сговариваясь, направились в парк, в котором впервые встретились. Они прогуливались по аллее и почти не разговаривали – наслаждались обществом друг друга. Если мужчина что-то спрашивал, женщина односложно отвечала: ей хотелось продлить мгновение счастья, а беседа или думы, которые бурлили в ее голове и которые она старательно задвинула на второй план, могли помешать и стереть то самое счастье, призрачным облаком окутывающее обоих. В итоге мужчина тоже замолчал, но время от времени исподтишка поглядывал на женщину, поглядывал настороженно, как будто ожидал какого-то подвоха, очередного рассуждения на тему, кто кому пара, кто кому не пара. Она замечала его взгляд, и он ей импонировал: нравилась власть над мужчиной, который привлекал внимание женщин разного возраста, проходивших встречным курсом. И еще она замечала, что мужчина никак не решится что-то сказать. Заводит разговор и на ходу меняет тему после непродолжительной паузы, которой быть не должно. И только он собрался с силами, торжественно обратился к ней - произнес ее имя таким тоном, что она поняла: сейчас сделает некое предложение, и ей придется что-то отвечать, - как сразу предупредительно зазвонил мобильный телефон в ее сумочке. Мужчина не выдержал и чертыхнулся. Женщина тихо порадовалась – она не готова к каким-либо признаниям.

Ангелина извинилась и отошла в сторону. Звонила Люся Яварчук. Она решила доложить, что нашла место, где Марианна может переждать тревожное время – поселок Толпино, дом прадеда. Родители Марианны не возражают, но о причинах поездки они, естественно, не знают. Марианна едет погостить вместе с новой подругой в дом ее прадеда, профессора. Именно на «профессора» сделали нажим – как будто, будь прадед рангом пониже, родители ее бы не отпустили со спокойной душой. Люся не забыла упомянуть Василису, которая проживает по соседству – якобы той будет веселее в компании с Марианной, и Марианна не заскучает в компании говорливой молодой соседки.

После упоминания имени Василисы, Белова напрягалась, ее легкость, пусть и не полномасштабная, испарилась, миг счастья улетучился, сомнения начали давить с новой силой. Лина непроизвольно покосилась на мужчину. Тот заметил ее взгляд, не суливший ничего хорошего, блуждающая улыбка мигом сползла с его уст, он удивленно приподнял брови - что за метаморфоза произошла с его женщиной с один момент?

- Как поживают твои родственники? – деловито спросила Ангелина Михайловна у Люси, повысив голос.

- Они сегодня вернулись в город, чему я несказанно рада.

- Это очень хорошо, - отстраненно произнесла женщина, озадачив Людмилу, которая не поняла, к чему относится «хорошо» - то ли к тому, что предки вернулись, то ли к тому, что дом в Толпино пуст и не появится лишних вопросов у тех самых предков, хозяев дома.

- Тетя Лина, у вас все в порядке? - напряглась девушка, заподозрив неладное.
- Все в порядке, - проговорила Белова механическим голосом.
- Если вам не нравится моя затея с поездкой, так и скажите, - с недовольством проговорила Люська и предложила предложить свой вариант. У Беловой своего варианта не было, она вновь пробормотала:
- Хорошо. – Подумала и добавила, - все просто замечательно.
- Так я и поняла, - поиронизировала Люся.
- Что ты поняла? – автоматически спросила Ангелина Михайловна, пребывая в другом измерении, куда чужие голоса доносятся, но в искаженном варианте.
- Людмила Яварчук решила не продолжать странный диалог, тем более кое-что вспомнила.
- Черт побери, о самом главном-то я забыла сказать! – воскликнула она и, недолго думая, с придыханием сообщила, - Шакала-то повязали. В смысле посадили в кутузку. Его подозревают в убийстве Пушкина и Гавриловой. Представляете?
- Представляю. Этого следовало ожидать, - без эмоций произнесла Белова, затем опомнилась и поинтересовалась, - а ты откуда знаешь? Это достоверная информация?
- Мне Серега Голубицкий сказал, он своими глазами видел, как Шакала сажали в полицейскую машину. Тот успел ему крикнуть, что ни в чем не виноват. Не убивал он. Потом его затолкали в машину. Вот такие дела. Лично я ему верю. Верю, что Шакал Иванович не убивал. Он, конечно, гадкий мужичонка, но не убийца. Опять же помогает убогим, тому же Сергуне... Тетя Лина, почему вы молчите? Конечно, этого следовало ожидать, я имею в виду арест Шакала, но все равно... неожиданно. Такое чувство, что следакам все равно - убил, не убил, им лишь бы уголовное дело поскорее закрыть. Арестовали невиновного человека и радуются.
- Задержали, - автоматически поправила ее Белова, отворачиваясь от Кораблева. – Пока не доказана его вина, он находится под подозрением.
- Думаю, Шакалу без разницы, главное, что он находится в застенках. В СИЗО, - поправилась говорливая Яварчук.
- Люся, ты сегодня вернешься в город?
- Наверное.
- Лучше тебе переночевать в Толпино, а завтра вернешься.
- В принципе, я могу задержаться в поселке на пару дней, завтра суббота, занятий в колледже нет.
- Хорошая идея. Твоим я сообщу.
- Я сама им позвоню, но и вы скажите, успокойте.
- Хорошо. Береги себя, Люся. Передавай Марианне от меня привет. Пусть держится.
- Передам...
- Что-то случилось? – спросил догадливый Кораблев.
- Шакала Ивановича задержали по подозрению в убийстве, - выпалила Лина, хотя, не собиравшись открывать правды – не его это дело. Или наоборот, его? Он потому и околачивается возле нее, потому что хочет быть в курсе событий, чтобы... оградить от проблем свою... Василису.
- Неужели он и правда расправился с обоими – с парнем и со старухой? - лживо-безразлично вставил Константин.
- Ты сам как думаешь? –зачем-то поинтересовалась женщина.
- Я этого... Шакала почти не знаю, тебе виднее.

- Так вот я тебе скажу - Шкаликков не убийца. И Пушкина, и Гаврилову убил кто-то другой. – На Кораблева Ангелина смотрела испытывающе. От ее взгляда мужчина передернулся и высказался:

- Лина, вот не нужно одаривать меня таким взглядом. Не нужно, - внушительно добавил он. – Не хочешь ли ты сказать, что я главный подозреваемый в деле о двух жестоких убийствах? Но это полный бред, и тебе это известно. Если ты ищешь повод, то...

- Честно говоря, я уже не знаю, что и думать, - пробормотала Белова, не дослушав. Ей не хотелось переходить на личное.

- У тебя нет подозреваемых, и ты решила остановиться на мне? Я как-то странно появился рядом с тобой в самый неподходящий... или подходящий момент, в мои чувства ты не веришь. Почему, спрашиваю я тебя? – прицепился с личным Кораблев.

- Я хочу поверить, и... не могу, - выдержав паузу, со вздохом призналась Лина. – Не выходит у меня, понимаешь.

Опять вздохнула, опять выдержала паузу, стараясь не смотреть в сторону затаившегося мужчины. Все-таки заинтересовала его реакция: вдруг он торжествует – сама дает задний ход, эмоций не сдерживает, тут она его и подловит.

Ангелина резко вздернула голову, и принялась изучать бледное лицо Константина, глупо хлопая глазами, будто извинялась и жалела одновременно.

Как же глупо я выгляжу,- подумала она. - Правильно говорят, что от любви человек тупеет. Потом все возвращается на круги своя, и это значит, что... любовь прошла, завяли помидоры. Если быстро промелькнула, помахав крылом, то никакой любви не было по определению? С уходом любви, мозги встают на место? Или они встают на место постепенно, и любовь никуда не уходит, просто пик сумасшествия, временного помешательства, сходит на нет?

Мысленно философствуя, Белова вновь отвернулась, чтобы не выглядеть влюбленной дурочкой, ждущей подачи.

- Лина! Посмотри мне в глаза! – Кораблев схватил ее за плечи и легонько встряхнул. – Что ты видишь? Ты веришь мне? Не молчи! Неужели тебе до сих пор не ясно, что я честен перед тобой?

- Не тряси меня как грушу, - тихим голосом приказала она, высвободилась и отступила. Мужчина притянул ее к себе, она вновь высвободилась, на этот раз неуклюже, выставил руки перед собой, отошла на безопасное расстояние. Теперь на бледном мужском лице нарисовались на щеках два красных пятна – видимо, от возмущения. Ей показалось, что мужчина даже зубами проскрежетал, но никак своего протеста не высказал. Терпеливый. Или хитрее всех хитрецов вместе взятых. Белова выбрала второе – вот как втерся к ней в доверие. К ней, к пенсионерке, в трезвом уме и пока еще хорошей памяти. После чего с ней произошла метаморфоза - вернулась в безрассудную молодость, когда наплеватьски относишься ко всему, кроме любви, которая тебя заглотила... Потом выплюнула, слегка понятой, поврежденной, покалеченной. Решительности, увы, не прибавила.

- Костя, я... жила столько лет одна... пусть не одна, с дочерью, потом с зятем, потом родился внук... - сбивчиво заговорила Ангелина. Кое-как справилась с внутренней борьбой и продолжила более уверенно, понимая, что уходит в дебри, совсем ненужные в данных обстоятельствах. - Я долгое время была женщиной без мужа. Будто бы всё при мне, не уродина какая-то, не глупа, зарабатывала неплохо, за собой следила, а с кавалерами вышла незадача. И вот когда я состарилась, махнула на себя рукой, не в смысле того, что перестала за собой следить... Я говорю что-то не то... Я не знаю, как тебе объяснить... Костя, когда мужчины говорят мне

комплименты, это помогает мне держаться на плаву – для меня комплимент, как таблетка от старости, я им верю, потому что хочу верить. Почему бы мне не быть такой, какой меня характеризуют. На этом ВСЁ, понимаешь, ВСЁ! Никаких отношений, никакого развития событий сказанный комплимент не предполагает. Я мать, я теща, я бабушка, в конце-то концов. Но я не жена, я не могу быть любимой женщиной. Вышла на заслуженный отдых, не в смысле пенсии, в смысле общепринятых общений с противоположным полом. Я не собираюсь осуждать двух одиноких стариков, которые решили встречать вместе закат своей жизни, это их право, но сама я на это никогда не решусь, тем более, не могу представить себя рядом с мужчиной, который... В общем, ты и сам всё знаешь. Мы это уже обсуждали. Если выбирать между теперешней спокойной, пусть и относительно, жизнью и другой, чувственно-эмоциональной, я выберу первую. И не потому, что мне так привычнее, мне так комфортнее. Спросишь, в чем комфорт?

- Чем же я нарушаю твой устоявшийся комфорт?

- Чем? – задумалась Ангелина, закусив губы. – Дискомфорт наступает, когда нет полной уверенности в партнере, когда остается пустота в душе, оставшуюся пустоту дополняет ревность, как следствие – постоянная нервозность – ты находишься в подвешенном состоянии. Мне этого не нужно. Я еще хочу пожить. Тихо и спокойно.

- Может быть, надо попытаться и усомниться в своих предположениях? Ведь полной уверенности пока нет? Одна теория без практики.

- Я забыла, каково это быть женой и любимой женщиной. Я забыла то время, когда была замужем. И не хочу вспоминать, чтобы заново не переживать то, что пережила тогда. Сейчас это будет еще больнее, и я сомневаюсь, смогу ли я с этим справиться, - протараторила женщина, в чем-то повторяясь и не осознавая этого.

- Почему надо думать о худшем варианте, почему нельзя думать о... яблонях в цвету?

- Хм, яблони в цвету... У меня иначе – отцвели уж давно хризантемы в саду...

- Что же ты не продолжаешь? Про любовь, которая живет в твоём сердце?

Ангелина показательно отвернулась, да понять, что продолжать разговор на эту тему она не намерена. Она не заметила, как во время разговора, больше напоминающего монолог, они двинулись по аллее парка, чтобы не привлекать чужое внимание. Инициатива исходила от нее – она сама взяла Костю под руку и потянула за собой. И сейчас, после объяснений, под которыми подвел черту мужской вопрос, Белова продолжала двигаться по инерции, по-прежнему придерживаясь за мужской локоть. Развернуться и сбежать она на решилась, но очень этого хотела.

Встречным курсом прошли две симпатичные девушки, одна что-то шепнула другой, и обе уставились на Кораблева. В их глазах был явный интерес. В нескольких метрах за девицами плыла полная женщина, она тоже с интересом посмотрела на спутника Беловой, затем непроизвольно перевела взгляд на саму Белову и презрительно поджала губы - удивилась тому факту, что рядом с завидным кавалером идет молодящаяся старушка.

У Ангелины невольно вырвалось:

- Что и требовалось доказать.

- Неужели надо реагировать на каждый брошенный взгляд! – возмутился догадливый Кораблев. Лучше бы он промолчал, тогда бы Ангелина начала сомневаться в своей наблюдательности. Она не стала спорить, задумчиво протянула:

- Я не хочу бороться со старостью всеми доступными и недоступными способами, не хочу выглядеть смешной, не хочу, чтобы на меня указывали пальцем.

- Когда человек любит, ему наплевать на мнение других, - парировал Кораблев.

А не слишком ли много ты на себя берешь? – мысленно взвилась Белова, - если я обронила фразу про... хризантемы в саду, без продолжения, но ты взял и додумал сам! Наглец, право-слово! Самоуверенный болван! – С продолжением вышла незадача: все ругательные слова вдруг забылись. Да и не хотелось ей обзывать, хотелось мурлыкать и прижиматься виском к его плечу. Безутешный вздох был итогом ее размышлений.

Лина не допустила мысли, что Кораблев говорил о себе, она забыла о его торжественном вступлении без продолжения, она пришла к окончательному выводу – он с ней играет. Зачем? Над этим стоит поразмыслить на досуге.

Недоверие накатило с новой силой.

- Костя, ты ничего не понял, - констатировал Ангелина с долей презрения, никак не могла сдержаться. Но ей не хотелось его обижать, лучше расстаться по-хорошему, ничего плохого он ей не сделал, пока по крайней мере. - Прости меня, но я не хочу продолжать наши отношения. Ни к чему это. Прощай...

Она застучала каблучками по асфальту. Она не спешила, напротив, шла ни медленно, ни быстро. Рассчитывала, что он ее остановит, вновь попытается переубедить. Костя не пошел за ней, не остановил. Он сказал ей вслед, слегка повысив голос:

- У Роберта Рождественского есть такие строки: «Красивая женщина – это профессия, а все остальное – сплошное любительство».

Ангелина не поняла, что он хотел сказать позаимствованными строками. Могла бы остановиться и спросить, но не стала, догадавшись, что Кораблев именно на это и рассчитывал. Просчитался. И сей факт ее несколько успокоил.

Увы, совсем ненадолго. И будто бы сама проявила инициативу, сама сбежала, но почему слезы душат, почему обида давит тяжелым грузом в области сердца, превращая его в лепешку?

А эти строки: красивая женщина – это профессия... Зачем он их произнес?

Вывод у Лины родился молниеносно: раз красивая, значит, глупая, если глупая, то не стоит иметь с ней дело. Пусть катится, куда хочет, жил без нее сорок пять лет, и еще проживу. Без труда найду другую – только пальцем помани, - сбегутся, только успевай выбирать.

- Еще кастинг проведи, - шепотом посоветовала Белова, не сумев сдержать эмоции внутри себя. Все-таки, накрутила. Злость позволила справиться с обидой, вернуть сердце в положенные формы. Но слезы по-прежнему душили.

Ей так хотелось рыдать! С чувством, с толком, без остановки! А потом умыться холодной водой – смыть всю свою обиду, смыть сомнения. И забыть короткий миг счастья навсегда. Как там пелось в одной песенке – было, было, было, но прошло... Все проходит... Рубцы остаются.

Белова приказала себе не рыдать – нечего разводить нюни на улице, терпи до дома!

Когда добралась до родного дома, переступила порог и прислушалась к себе, то поняла, что всласть рыдать ей не хочется. Перехотелось.

На ум пришли строки Анны Ахматовой: «Как часто мы тревожимся напрасно и видим бурю там, где небо ясно...»

- Милая моя, - обратилась она к поэтессе, - увы, но на моем небе одни тучи, никакой ясности.

Помолчала и жалостливо затянула!

- Тучи, тучи, а тучи как люди, как люди они одиноки, но все-таки тучи...

Осеклась и прошептала:

- Мда, это уже диагноз. Но я молодец – смогла. Решилась. Я молодец. И не грустить надо, а веселиться. Петь что-нибудь... патриотическое, поднимающее боевой дух. Например, о Ленине, о партии, о комсомоле. Громко и с чувством. Как я пела в ту пору, когда у меня случилось воспаление среднего уха. Смешно – среднее ухо, - глупо усмехнулась Лина. Удивительно, но громкое пение патриотических песен помогало снять сильную боль.

Горланить песни ей перехотелось. Она взялась за телефон.

- Жанка, быстро дуй ко мне! И наливку свою не забудь!

- Есть повод? - сладко зевнув, спросила подруга.

- Еще какой!

- Не интригуй, а то мне становится страшно.

- Трусиха! Будем праздновать мою победу над временным помутнением рассудка!

- И быстро отключилась, чтобы пресечь дальнейшие расспросы.

Ангелина Михайловна провела ревизию в холодильнике и запоздало поняла, что у нее в холодильнике «мышь повесилась». Совсем обленилась без своих домашних. Жанка, конечно, с пустыми руками не придет, но все же неловко встречать гостью с сухарями и куском сыра. Придется взять ноги в руки и нестись в ближайший магазин...

Возвращаясь из магазина, Белова встретила во дворе Федора Жукова, слесаря и сантехника в одном лице – мастера на все руки. Федор сиял как начищенный самовар.

Почему, когда видишь улыбающегося человека-одиночку, думаешь, что у него не все в порядке с головой? – задумалась над сложным вопросом Ангелина. – Появляется одно желание - покрутить указательным пальцем у виска. Мол, у этого улыбающегося типа явно ни все дома, чердак поехал вместе с крышей. И никто не подумает, что человек безмятежно счастлив, что его счастье вышло из берегов. Или у него просто хорошее настроение. Он любит весну, любит пробуждение природы. Он умеет радоваться каждой мелочи. Почему сразу – крыша поехала? Это от зависти: сам-то ты не светишься изнутри, поводов нет. А если бы повод был, то все равно не решился бы улыбаться во весь рот. А Федька улыбается, причем так заразительно, что хочется улыбнуться в ответ. Не отказывай себе в желаниях.

Беловой не мешало бы «заразиться», а то настроение хуже некуда. Совсем недавно чувствовала себя женщиной... лет тридцати пяти, летала-порхала, и на тебе – получи свои пятьдесят семь. Своими же руками вернулась в настоящее, вернулась к женскому одиночеству. Тучи у нее! А надо по Ахматовой – небо ясно! Константин не вернется, он все понял. Он устал уговаривать и внушать. Он найдет себе более сговорчивую. Он найдет себе моложе... Любовь... Смешно... В ее-то годы... Это все блажь. Это «истерика» от одиночества. Поистерила - вспомнила время молодое-золотое-беспечное-безрассудное – и вернулась в здравую рассудительность, согласно своему возрасту. Да, у нее «пунктик» относительно возраста. Так что... Прощай, милый мальчик Костик! С наилучшими пожеланиями от зрелой дамы...

- Добрый вечер, Ангелина Михайловна! – затронул ее Федор Жуков, вырвав из мира «плохой погоды».

- Привет, Федор. Как жизнь?

- Прекрасно! – еще пуще расцвет мужчина, как будто только и ждал данного вопроса, чтобы поделиться своей радостью. – Представляете, Ангелина Михайловна, ко мне жена вернулась! Два года минуло, как она от меня ушла. И тут вдруг такой приятный сюрприз! – закатил он глаза.

- Да ты что?! – удивилась новости Белова. - Поздравляю! Неужели уже два года прошло?
- Ага, два. У меня каждый день шел за два. Так мне было без нее плохо. Я ее очень люблю. Всегда любил. Не верю своему счастью. Кажется, сердце не выдержит. Просыпаюсь среди ночи, чтобы проверить, рядом она или мне все приснилось. Рядом. Не приснилось.
- От счастья еще никто не умирал. Так что живи и наслаждайся.
- Наслаждаюсь, еще как.
- Я тебя хорошо понимаю – как никто другой знала, как ты сложно переживал период расставания.
- Спасибо вам за поддержку.
- Обращайся, - усмехнулась Ангелина, - но по другому поводу.
- Я тоже надеюсь, что у нас все будет хорошо. Знаете, что она мне сказала? Что лучше меня никого нет!
- Здорово.
- Говорят беда не приходит одна, оказывается, счастье тоже не ходит в одиночку,
- напустил туману Жуков.
- Есть еще хорошие новости? – без особого интереса спросила Белова. Она спешила, но прервать разговор не могла. Федор парень не шибко общительный, но с Ангелиной всегда разговорчив и откровенен.
- Моя маманя все хворала и хворала, ну, вы знаете. – Белова утвердительно кивнула – знает, что маманя Федора давно и неизлечимо больна. - Я уж, грешным делом, начал готовиться к самому худшему, а она вдруг пошла на поправку, врачи только руками разводят – не ожидали такого чуда.
- Я всегда говорила, что чудеса бывают не только в сказке. Тут главное верить.
- Но это еще не все, - заговорщицким голосом сообщил Федор.
- Что-то еще произошло?
- Произошло, причем все эти радостные события случились за короткий срок, - выдохнул мужчина. Выдержал положенную паузу, для большей интриги, потом тихим голосом сообщил, - я вчера выиграл в лотерею сто тысяч. Не миллион, конечно, но для меня и эта сумма – большая удача.
- Да ладно, - не поверила Белова, еще и рукой махнула, - неужели и правда, выиграл?
- Точно вам говорю – выиграл.
- Вот свезло, так свезло! Прими мои поздравления. Как думаешь потратить выигранную сумму? – деловито поинтересовалась Ангелина, словно имела предложение и была готова его озвучить.
- Честно говоря, еще не думал. И жене еще не сообщил, хотя, меня распирает.
- А почему не сказал?
- Хочу сделать ей сюрприз, купить ей что-нибудь... такое... запоминающее, - мечтательно протянул Федор. – Но не знаю, что. Может быть, вы что-то посоветуете?
- Купи ей колечко, пусть это будет знаком вашего примирения. Вы же с ней по-прежнему состоите в браке, оформлять отношения не нужно?
- По-прежнему в браке. Ни я, ни она не подавали на развод. Наверное, чувствовали, что рано и поздно всё образуется.
- А почему вы расстались?
- Она сказала, что выходила замуж за инженера, а не за слесаря-сантехника. Но когда я ушел из профессии в стране были трудные времена. На зарплату инженера не проживешь, тем более, когда ее дают нерегулярно и крохами.

- Не место красит человека, а человек место – главное, как человек относится к своей работе. Тебя все уважают за твою отзывчивость, за твое доброе отношение к людям, за твою умную голову и за «золотые» руки.

- Спасибо вам, Ангелина Михайловна, за добрые слова. И за совет спасибо. Обязательно куплю жене кольцо.

- И своди ее в ресторан, отметьте ваше воссоединение. Желаю удачи!..

Настроение у Беловой немного улучшилось. Она передумала жаловаться подруге и мусолить тему Кораблева. Чтобы желание не возникло вновь, она решила разбавить свой бабский коллектив и пригласить в гости старинного приятеля Григория Пышненко. Не откладывая дела в долгий ящик, позвонила ему. Тот сразу согласился.

Первой пришла Жанна. Думала увидеть расстроенное лицо подруги – по голосу поняла, что у той не все гладко в личной жизни, а подруга, пусть не скакала по квартире сбесившейся козой, но и головой о стену не билась, даже рот дугой не кривила, выражая высшую степень несчастья вместе с обидой.

- А почему стол накрыт на троих? – с опаской спросила Рябченко, проходя на кухню со своими сумками.

- Я пригласила в гости мужчину, – загадочно сообщила из прихожей хозяйка, поправляя перед зеркалом прическу.

- Если ты пригласила Кораблева, то за каким чертом я приперлась? - с недоумением произнесла подруга и пробубнила себе под нос, - не хочу быть третьей лишней.

Ангелина услышала и прошептала:

- Еще не известно, кто будет третьим лишним. – Повысив голос, потребовала, - Жанка, забудь о Кораблеве! Его нет и никогда не было.

- Кого же ты ждешь?

- Я пригласила в гости Григория Юрьевича Пышненко. Я свои обещания держу!

- Пышненко, - выдохнула Жанна и набросилась на подругу, - а почему ты меня не предупредила? Я должна была подготовиться, привести себя в порядок...

- Жанетта, поверь лучшему зрячему на планете Земля – ты выглядишь прекрасно!

- На мне платье, которому сто лет!

- Несмотря на его годы, оно хорошо сохранилось, - пошутила Белова. – Это платье тебе очень идет!

- Оно меня толстит!

- Напротив - худит!

- Впрочем, зачем на зеркало пенять, если рожа крива - надо меньше жрать! И ведь понимаю, что у меня лишних... энное количество килограммов, а все равно не отказываю себе в удовольствии налопаться чего-нибудь вкусенького, причем на сон грядущий!

- Ты пикантная женщина!

- На любителя...

В дверь позвонили. Жанна заметалась по кухне, Ангелина рывкнула на нее – иначе не возьмет себя в руки.

Григорий Пышненко пришел с бутылкой шампанского и коробкой конфет. Он был при параде: в наглаженных брюках, светлой сорочке. Поверх сорочки новехонькая ветровка.

И когда только успел принарядиться? – подумала о нем хозяйка, вдыхая аромат хорошего мужского парфюма. – Видимо, сделал преждевременный вывод, что я приняла его предложение, потому и в гости позвала. Ну и не идиотка ли? Идиотка. Забыла предупредить, что это обычные посиделки, на троих.

Рябченко затаилась на кухне, пока гость снимал верхнюю одежду и обувь. Хозяйка стояла перед ним навытяжку, прижимая к себе шампанское и конфеты, как караульный с винтовкой в руках, и тихо радовалась, что живет на высоком этаже, иначе подруга сбежала бы через окно. Оставалось надеется, что у нее нет с собой парашюта.

- Проходи, Григорий Юрьевич, - пригласила хозяйка и указала гостю направление следования, на кухню.

- Твои еще не вернулись с курорта? - спросил он, осматривая себя в зеркале и смахивая невидимую пылинку с плеча. Двигать в указанном направлении он не спешил.

- Пока не вернулись – у меня тоже своего рода отпуск, от забот... Проходи уж, я тебя сейчас кое с кем познакомлю, - предупредила она, чтобы расставить все точки над «і»: намекающий вопрос мужчины был слишком прозрачен.

Пышненко приподнял брови, ничего не уточнил, первым зашел на кухню, увидел сидящую с ровной спиной женщину и слегка пошатнулся, словно увидел инопланетянку. Ангелина, следовавшая позади, не видела его лица, на всякий случай заботливо поинтересовалась:

- Гриш, с тобой все в порядке?

Григорий не обратил внимания за ее слова и ошалело пробормотал:

- Глазам своим не верю – Жанночка, неужели это ты?

- Это я, - подтвердила Рябченко, переводя взгляд с мужчины на подругу, маячившую за его спиной.

- Вы знакомы? – удивилась хозяйка, огибая гостя, столбом застывшего на пороге.

Подруга и гость не спешили отвечать. Женское лицо выражало полнейшее недоумение. Мужчина пребывал ни в себе: взгляд затуманился, рот приоткрыт, лицо лоснится. Ангелина не сдержалась и принялась обмахивать его пластиковой доской для нарезки овощей, едва по носу не угодила. Пышненко молча забрал из ее рук «смертоносное» орудие, и снова проговорил:

- Глазам своим не верю. – После чего вернул доску хозяйке. Та приняла и констатировала:

- Значит, вы знакомы... Почему я не в курсе?

- Это было очень давно, еще в восьмидесятом, - признался Григорий, а Лина вопросительно посмотрела на Жанну. Та пребывала в неведении и в легком испуге, оттого вся сжалась и ноги подобрала под стул.

Пышненко двинулся к Жанне мягкой походкой, недолго думая, встал на одно колено, завладел ее рукой и трогательно приложился к ней губами. Не выпуская женской руки из своих трудолюбивых рук, принялся восторженно вглядываться в женское лицо, по-прежнему стоя на одном колене.

- Полный сюрприз, - выдохнула Белова, не подобрав других слов.

- Очень приятный сюрприз и долгожданный, - сообщил с придыханием Григорий Юрьевич.

- Как я понимаю, ты знаком с моей подругой с восьмидесятого года... - протянула хозяйка. Подумала и лягнула, - Жанна, это Григорий Юрьевич Пышненко, я тебе о нем много говорила... хорошего.

- Очень приятно, - промямила подруга и осторожно убрала свою руку. Пышненко улыбнулся, выказав множество морщинок, лучиками убегающих от наружных уголков глаз.

- Впрочем, что это я, - опомнилась Ангелина, - вы же знакомы.

- Жанна, - выдохнул Пышненко совершенно счастливым, удовлетворенным голосом, без труда поднялся на ноги и уселся на соседний стул, едва не промахнувшись – в последний момент хозяйка скорректировала приземление. - Я тебя сразу узнал, ты ни чуточки не изменилась – такая же прекрасная, как прежде. Жанна... Жанна... Кто бы мог подумать, что спустя столько лет мы встретимся с тобой у нашей общей подруги. Как долго я тебя искал, - без пафоса, искренне, признался он, - но я никогда не терял надежды. Да, я был женат, у меня взрослые дети, но я никогда не забывал о тебе. Потому и приехал в этот город в далеком восемьдесят третьем, сразу после службы в армии. Бродил по улицам в надежде на случайную встречу с девушкой своей мечты. Но что я о тебе знал? Только имя. И еще название института, в котором ты училась. И то потому, что в нашем приморском городке была база отдыха вашего вуза. Когда я приехал в этот город, в твой город, сразу пошел в институт, чтобы отыскать тебя, хотя, особой надежды не питал – к тому времени ты успела получить диплом, я всё подсчитал. Кто мне предоставит информацию о девушке Жанне без фамилии, и кто я такой, чтобы давать информацию о ней... Потом я встретил женщину, мы поженились, родились дети. Но я никогда не забывал о тебе. Я всегда тебя любил. Свою покойную супругу я тоже любил, но иначе. А ты вспоминала обо мне, хотя бы иногда?

Во время его содержательного монолога лицо Жанны просветлело, она, наконец, сообразила, кто перед ней.

- Не поверишь, я о тебе вспоминала, - призналась она. - Причем совсем недавно подумала и попыталась представить, как бы сложилась моя жизнь, если бы я вышла за тебя замуж.

- Если бы, да ка бы, да во рту росли грибы, - прошептала Белова. Никто не обратил на нее внимания, но она к этому и не стремилась.

- И как, получилось представить? – заинтересовался Пышненко.

- Нет, не получилось, - покачала головой Жанна. Она даже имени его не могла вспомнить, но об этом она ему никогда не признается.

- Помнишь, в тот год, когда мы встретились, я приглашал тебя в гости к нам домой, хотел познакомить с матерью?

- Помню. Я наотрез отказалась.

- Понимаю – ты была ко мне равнодушна, в твои планы не входило связывать свою жизнь с каким-то деревенским парнем, который по уши в тебя влюбился.

- Мне казалось твое чувство несерьезным. Думала, я уеду, он обо мне забудет.

- Сам не мог предположить, что можно влюбиться с первого взгляда и на всю жизнь... Почему ты не приехала на следующий год? Я так тебя ждал!

- Я уже не помню, почему. Но сокурсники мне рассказывали, что ты обо мне спрашивал.

- Я передавал через них тебе записку, в ней был мой адрес, я рассчитывал, что ты мне напишешь.

- Мне никто ничего не передавал, - с обидой произнесла Жанна. А чему удивляться – они были молоды, легкомысленны. Курортный роман, все несерьезно. Она быстро забыла о нем, даже имени его не могла вспомнить, и особо не пыталась. Оказывается, влюбленного парня из курортного городка звали Гриша. Гриша Пышненко. Давний знакомец Ангелины Беловой, с которой они не разлей-вода долгие годы. Жанна с Ангелиной тоже не разлей-вода, но с Пышненко Жанна ни разу не встретила.

- Странная штука жизнь, - проговорил пожилой мужчина, но еще бравый и душой молодой, - как неожиданно нас развела, так неожиданно и свела. А я всегда верил,

что этот день придет. - Одна крупная слеза выкатилась из его глаза и поползла по щеке, выискивая удобный путь для спуска.

У Жанна увлажнились глаза.

Ангелина на цыпочках покинула кухню. В прихожей набросила плащ и выскользнула из квартиры.

Двое были так увлечены друг другом, что ничего не заметили...

Белова постояла в задумчивости на пороге собственной квартиры. Ее мысли были направлены не на друзей, а на Маргариту Леопольдовну Фредушинскую, которая могла просветить в кое-какой проблеме, высверлившей мозг начинающей детективнице. Ангелина сама не знала, как бы поточнее сформулировать вопрос, чтобы: во-первых, не разозлить деловую особу, не любившую рассусоливать; во-вторых, выдержать напор и не ретироваться, чтобы не получить о себе ненужную информацию. На данные выходы Фредушинская была способна, особенно, когда дико злилась. А злилась она чаще всего от человеческой глупости и мямленья, что тоже считалось глупостью - ограниченностью мышления.

Белова надеялась, что с появлением в жизни Марго прежнему супруга, с его возвращением, далеко немолодая женщина стала добрее, мягче и сдержаннее в оценках. Еще бы доходчиво сформулировать вопрос, чтобы получить ответ и не попасть под раздачу. Ангелина сама была «не лыком шита» - могла дать отпор, но ссориться с Марго ей совсем не хотелось. Тем более, она ее побаивалась. Потому и стояла в нерешительности на лестничной площадке.

- И хочется, и колется, и мамка не велит, - пробормотала себе под нос Лина, вспомнив старую поговорку. После чего подошла вплотную к соседской двери и приложила ухо, надеясь услышать, что происходит за соседскими дверями. За дверями стояла напряженная тишина.

Не стоит тревожить стариков в такое позднее время, - пришла к выводу Белова, но не поспешила удалиться: у нее есть весомая причина для визита. Опять же – надо сообщить об отъезде их любимой правнучки в Толпино – вдруг правнучка запамятовала и не позвонила, усвистела в Толпино, а старики с ума сходят от переживаний. Попытались дозвониться, но у той, как обычно, разрядилась батарея мобильного телефона.

Нет, Люся не могла так поступить со стариками, научена горьким опытом, - мысленно констатировала Лина, - так что причина для визита, - она посмотрела на часы, - пусть не слишком позднего, хлипкая - так себе причина. Свой вопрос, в принципе, я могу задать и завтра, а сегодня лучше не нарушать чужого покоя. Если бы Люська не позвонила своим старикам, Марго стучала бы ко мне в дверь и требовала ответа. Кто, если ни я? Как всегда, крайняя...

Ангелина покопалась в себе и отчетливо поняла, что ей ничегошеньки не хочется: ни вопросы задавать, ни расследования проводить. Вообще не хочется ни с кем общаться. Хочется побыть одной и подумать... о своем, о женском.

На одинокую женщину с новой силой накатила душераздирающая тоска. Бескрайнее одиночество, как у человека, затерянного в бескрайней пустыне. Вокруг ни души. Не важно, что нет еды и питья, главное – никого нет рядом. Нет рядом не просто любой живой души, а той, самой-самой, так необходимой, которая чувствует тебя на расстоянии. С ней, с той самой родственной душой, можно говорить на расстоянии и чувствовать поддержку. Ты держишься из последних сил только благодаря тому, что тебя любят, что тебя ждут, за тебя волнуются. Это стимул в борьбе за выживание.

А если не любят и не ждут? Тогда ложись и помирай. Нет никакого смысла бороться, преодолевать трудности, идти к заветной цели...

Не отдавая отчета своим действиям, Ангелина спустилась на лифте на первый этаж. Двери лифта разъехались, потом закрылись. Ангелина стояла в кабине, погрузившись в свои невеселые думы. Все-таки решила выгрузиться и пойти на улицу. Только оказавшись во дворе Белова запоздало поняла, что у нее на ногах домашние тапки. В тапках далеко не уйдешь. Этак можно в психушку угодить, тем более, с таким безумным взглядом. Конечно, она не видела свое отражение, но ей казалось, что взгляд у нее... пришибленный обстоятельствами.

Чтобы вернуться в нормальное русло, чтобы отказаться от «разбора полетов» сегодняшнего дня и не перейти к оценке своего поведения, она приказала себе собраться. Сказать легко, исполнить сложно. Особенно когда есть одно желание – спрятаться от людских глаз. И стоит только приступить к выполнению своего желания, и ты уже не захочешь никакого общения. Тебе с собой легче и проще. Ты себя жалеешь, ты себя понимаешь, ты себе сочувствуешь, даешь советы, споришь. И радуешься своему одиночеству. А это уже «диагноз». Это конец.

Нет-нет, так нельзя, - подумала Ангелина, - надо жить дальше, делать вид, что в ее жизни не было коротких перемен, что в ее жизнь не врывался мужчина по имени Константин и по фамилии Кораблев...

- По фамилии Степанов и по имени Степан, - пробубнила она себе под нос и горько усмехнулась. Опомнилась и принялась озираться по сторонам.

На удивление в этот тихий вечер двор был пуст, если не считать застывшего в своей инвалидной коляске Арсения Артуровича Лебедкина. Белову будто током ударило: расследование! Она обязана вернуться к расследованию двух убийств. Именно с этой целью она хотела пойти к Маргарите Леопольдовне Фредушинской: все-таки, она главный человек в доме, председатель ТСЖ, поэтому должна знать, что произошло в их многоквартирном доме такого, что за этим ТАКИМ последовали убийства. Ангелина решила найти причину, которая повлекла злодеяния. Убийство старухи Никифоровны – следствие первого преступления: старуха оказалась слишком болтливой, не факт, что она могла что-то видеть – могла оказаться нечаянным свидетелем убийства Вадима Пушкина, своего соседа. Не факт. Мотив убийства Пушкина пока неясен. Действительно, почему некий человек решился на убийство обычного парня? Корысть можно исключить. Что же тогда его сподвигло на преступление?

Белова по-прежнему отрицала участие кого-то из соседей, но, как говорится, против фактов не попрешь. Убийца где-то рядом. И оба злодеяния совершил не Шкаликов, ныне находящийся в СИЗО.

Ангелине оставалось уповать на профессионализм следователя – он разберется, невиновный выйдет на свободу, настоящий преступник окажется на скамье подсудимых. Однако, не известно, сколько бед он еще натворит, пока его задержат и осудят.

Белова на всякий случай поплевала через левое плечо три раза, чтобы не случилось то, о чем она сейчас подумала. Довольно убийств.

Ее окликнули. Она вспомнила, что стоит у своего подъезда в домашних тапках, а во дворе, кроме нее, находится еще один человек. Именно он ее и окликнул.

Честно говоря, у Беловой не было желания общаться с Лебедкиным: все, что он знал и видел, он ей уже рассказал. Болтать на потусторонние темы у нее не было желания. И вообще, Лебедкин своеобразный человек, с причудами: иной раз разговариваешь с ним и не понимаешь, слушает ли он тебя или нет. Будто бы сморит

в упор, будто бы внимает твоим речам, а глаза с поволокой, что говорит о его витании в облаках, о посторонних думках. Сколько раз Белова хотела подловить его и убедиться в своих выводах, но не решилась ставить в тупик человека с ограниченными способностями. Еще не известно, как бы себя вел другой человек на его месте, мог вообще брызгать слюной и посылать ко всем чертям.

Некоторое время Белова пялилась на мужчину-инвалида, который прятался под сенью раскидистой ивы, пока не озеленившейся в полной мере, потому и укрытие вышло так себе, символическое укрытие от чужих глаз. Ангелина Михайловна предположила, что Лебедкин за кем-то следит. За кем и почему? А если за ней? Но откуда бы ему знать, что она окажется на улице. Наверняка он видел, как некоторое время назад она вошла во двор, побеседовала с Федором Жуковым и скрылась в подъезде.

Тогда кто его интересует?

В любом случае Лебедкин заметил ее сразу. Заметил и тайно за ней наблюдал пока она стояла придурковатой скульптурой в домашних тапках. Сдались ей эти тапки! Что хочет, то и обувает. Может, у нее ноги больные, в домашних тапках ей удобнее. И плевать с высокой колокольни на чужое мнение.

Сердце трепыхнулось – чужое мнение! О наплевательстве на чужое мнение говорил Кораблев, когда...

Кто такой Кораблев?.. Кораблев, Кораблев... Что-то не припомню...

Ангелина помахала Лебедкину издали рукой, но с места не сдвинулась. Что дальше? Можно ретироваться в подъезд, можно направиться к нему и завести разговор на тему: какого черта ты прячешься под деревом со шпионским видом? А это идея!

Белова медленно поплыла в его сторону, все больше убеждаясь, что Лебедкин очень подозрительный субъект. Вдруг он вовсе не инвалид? Вдруг он прикидывается? Хочет, чтобы все вокруг считали его человеком с ограниченными способностями? А на самом деле живчик каких поискать. Быть инвалидом ему на руку: разве его можно заподозрить в совершении преступления? Кто на него подумает? Бедный, несчастный человек. И зачем ему убивать молодого парня и старуху? Из спортивного интереса?

Ангелина замедлила шаг, но не остановилась, продолжала двигаться по инерции к раскидистой иве, под которой притаился Лебедкин со шпионским видом.

Если предположить, что после полученной серьезной травмы позвоночника, у него появились серьезные проблемы с головой? - продолжала рассуждать на ходу Белова. – Он мог не сам убить двух человек, а нанять киллера. Почему выбор пал на Вадима Пушкина? Он мог его невзначай обидеть – у некоторых молодых людей напрочь отсутствуют тормоза, они циничны и эгоистичны. Никакой жалости они к особенным людям не испытывают, только презрение, которое выражается не только взглядом, но и словом... Я не обобщаю, мне известны и положительные примеры... Допустим, Вадик сильно обидел Лебедкина... и тот нанял киллера, чтобы тот его наказал. Ага, киллера, который пришел в дом жертвы с травматическим оружием. Несусветная глупость. Вот если бы инвалид был не инвалидом, тогда... Вот вам и мотив» Вадик каким-то образом узнал тайну Лебедкина, тот решил закрыть ему рот навсегда. В этом случае возникает резонный вопрос: зачем Лебедкин разыгрывает комедию? Зачем ему прикидываться инвалидом? Кого он пытается разжалобить? Или у него другие, более глубокие цели, не лежащие на поверхности? Я понимаю, если бы он пострадал в серьезной аварии, виновником в которой был нетрезвый водитель... Но водитель получил бы свой срок и находился

в местах не столь отдаленных... Так-с, что мы имеем: Лебедкин утверждал, что заметил мужчину в бейсболке, сидя у окна. Кто был тому свидетелем? Свидетелей нет, с его слов записано верно. Предположим, что у Лебедкина были с Вадиком какие-то терки, как говорит молодежь. Лебедкин пришел к Вадиду, чтобы поговорить «по душам», услышал, что у него кто-то есть и ретировался. Спрятался неподалеку и стал ждать, когда гость уйдет. У Вадика в тот время была Марианна, они выяснили отношения, Марианна оттолкнула Пушкина и сбежала. Когда она вышла из подъезда, ее засек Лебедкин, но принял ее за мужика... Что не у меня не складывается...

Додумать свою мысль Белова не успела – как бы медленно она не передвигалась, но до инвалида успела добраться.

Арсений Артурович держал в руках раскрытый журнал, но его внимание сосредоточилось на женщине, которая застыла перед ним с видом прокурора, приготовившегося произнести свою обвинительную речь.

- Что-то не так? Я в чем-то провинился? – спросил он с мягкой улыбкой, но в глазах промелькнул если ни страх, то легкий испуг уж точно.

Склонив голову на бок, Ангелина оценивающе рассматривала его, параллельно размышляя по поводу чтения журнала в сумрачное время суток. Журнал – для отвода глаз, мужчина явно кого-то поджидал. Караулил.

Под ее взглядом Лебедкину стало некомфортно.

Сообразительность Ангелины сегодня была ни на высоте: то оплошала со знакомством Жанны и Григория, то сейчас...

- Добрый вечер, Арсений Артурович, - опомнилась она, причем произнесла приветствие безрадостно, дав понять, что для нее вечер совсем недобрый. Вопрос она проигнорировала.

- Добрый, Ангелина Михайловна. У вас все в порядке? - проявил назойливость мужчина.

- Голова разболелась, вот вышла воздухом подышать. – Опустила глаза и пожаловалась, - забыла переобуться.

- Ничего страшного, - рассеянно успокоил ее Лебедкин и поинтересовался, вложив в голос всё имеющееся у него безразличие, - есть новости по двум убийствам?

Какое твое собачье дело?! – мысленно возмутилась женщина, по непонятной причине пропитавшаяся ненавистью к инвалиду. Но вслух сдержанно изрекла:

- По подозрению в убийстве задержан Шкаликов. Думаю, вам об этом известно.

- Что вы говорите! – хлопнул в ладоши инвалид, дав понять, что он не в курсе последних событий, что и подтвердил, - не знал, не знал.

Ангелине очень хотелось сказать какую-нибудь колкость, но она сдержалась.

- Арсений Артурович, мне хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу: мог Шкаликов убить молодого парня и старуху? Вы человек наблюдательный, трезво мыслите, не то что я, женщина с массой противоречивых чувств.

- Чувства - это хорошо, как жить без чувств, - рассудил Арсений, кося на нее подозрительным взглядом.

- И все же, - подстегнула его чувственная дама. Ей казалось, что Лебедкин сию же минуту заклемит позором Шакала Ивановича, чтобы отвести от себя подозрение. Но не на ту напал – она тотчас его раскусит: своим нападками на Шкаликова он выдаст себя. С чего бы ему бить лежачего? Только со злым умыслом.

Беова мысленно потирала руки от своей скорой победы, но Арсений Артурович ее сильно огорчив, встав на сторону пострадавшего:

- Шкаликков – убийца. Это, скажу я вам, анекдот из двух слов, как мы говорили в молодости. На что, на что, а на убийство, тем более, двойное, он не способен, кишка тонка. Вот на мелкие пакости, это он завсегда пожалуйста. У вас иное мнение?

- Почему вы так подумали? Я тоже считаю, что Шкаликков не способен на убийство. Но часто мнения бывают ошибочными - много лет знаком с человеком, будто бы знаешь его как облупленного, а он совершает такоооо, что в голове не укладывается, - напряженно проговорила Ангелина, сосредоточенно поглядывая на ноги мужчины-инвалида, если не сказать – призывно: можно подумать, была экстрасенсом, способным силой взгляда излечить от недуга.

На ногах Лебедкина красовались удобные кожаные туфли. Спрашивается, зачем ему удобство? У Беловой возникло острое желание изучить подошвы туфель на предмет изношенности. Но с другой стороны – почему бы изношенности не быть, если туфли хранятся в шкафу с давних счастливых времен?

Лебедкин не оставил без внимания ее жаркий интерес к его обуви, он возжелал о чем-то спросить, но Белова нагло его перебила:

- Арсений Артурович, возвращаясь к нашему предыдущему разговору, хочу узнать: кроме парня в бейсболке, вы больше никого не заметили в тот пресловутый вечер? Вдруг что-то всплыло в памяти? - При упоминании «парня в бейсболке» ее голос предательски дрогнул.

- Про вечер убийства Вадима - больше ничего, - сдержанно ответил Арсений и обнадеживающе продолжил, - а вот в тот день, когда убили старуху Гаврилову, я видел мужчину, он долго крутился возле вашего подъезда. И вел он себя очень странно, если не сказать - подозрительно.

Азарт ищейки, который полыхнул в глазах Беловой, мгновенно погас, когда высказывание перетекло к мужчине, который крутился возле подъезда.

- В чем же выражалась странность с подозрительностью? – отстраненно спросила Ангелина, чем вызвала недоумение у своего визави.

- Его занимали только его собственные брюки. На первый взгляд, - после паузы признался он.

- А на самом деле? – уточнила женщина, поторапливая замешкавшегося с продолжением мужчину, который внимательно ее изучал, как неизвестного индивида с человеческим лицом.

- Мне показалось, что он кого-то поджидает. И при этом сильно нервничает. Думаю, речь шла о... женщине... Но я могу и ошибаться, - с надеждой на ошибку добавил он.

Беловой хотелось крикнуть: «Вы что, все сговорились?!» Но она не крикнула, даже растянула рот в улыбке и качнула пару раз головой, как будто пребывала в мягком припадке.

Лебедкин повел плечами, словно хотел данным движением сбросить усевшуюся на него стрекозу, пронзил женщину взглядом-рентгеном и поцедил сквозь зубы:

- Ведь вам знаком этот человек? Да, Ангелина Михайловна? - Не дождался ответа от глупо улыбающейся дамы и с недовольством заметил, - я видел, как вы с ним о чем-то беседовали в тот день. Я видел, как вы появились из подъезда в сопровождении своей подруги, как были удивлены и одновременно обрадованы.

- На это раз наблюдательность вас подвела – я ничуть не обрадовалась. Удивлена, да. И хочу заметить, что этот человек вне всяких подозрений, - пресекла она дальнейшие расспросы.

- Но в тот день была убита старая женщина, - напомнил Арсений. – Раньше я его никогда не видел в нашем дворе. Почему он появился именно в тот день? Вам не

кажется это подозрительным? Сейчас вы начнете его защищать, но я прошу трезво посмотреть на это!

- На что? На его появление в день убийства старухи Никифоровны? Разве это не может быть простым совпадением?

- Может... А может быть и нет, - проворчал Лебедкин.

- Арсений Артурович, вы злитесь? В чем причина?

- Вы ошибаетесь, Ангелина Михайловна, я совсем не злюсь, вам показалось.

- Нет, злитесь. Вас раздражает сам факт того, что я защищаю того человека. Но вы сами посудите, зачем ему находиться возле места преступления, при условии, что убийство совершил он? По вашему мнению, он расправился с Никифоровной, вышел на улицу и стал ждать приезда полицейских? Оригинально, не правда ли?

- Возможно, он очень хитер, - неуверенно предположил Лебедкин.

- Ни он один, - вырвалось у Ангелины.

- Что вы хотите этим сказать?

- Только то, что хотела.

Лебедкин стусевался, потом продолжил как ни в чем ни бывало, причем говорил то, что не требовало озвучивания.

- Я видел, как к вашей компании примкнул Федор Жуков, потом появился участковый инспектор капитан Селиверстов. Вы все вместе скрылись в подъезде. Вскоре прибыл наряд полиции. Я подумал, что они прибыли по делу об убийстве Вадима Пушкина - появились новые обстоятельства. Никак не мог предположить, что произошла очередная трагедия, на этот раз с безобидной старушкой.

- Ничего подозрительного или требующего внимания вы больше не увидели? - четко выговорила раздраженная женщина.

- Ничего, - покачал головой Лебедкин.

- Арсений Артурович, вы кого-то поджидаете? Или просто наслаждаетесь одиночеством? - вырвалось у Беловой. - Извините, если я нарушила ваше единение с природой. Она развела руки и посмотрела на ветви зазеленевшей ивы.

- Дышу свежим воздухом, - после недолгих раздумий признался мужчина, потупив взор. - И вы мне не мешаете.

- Мне, пожалуй, пора, что-то я продрогла, все-таки на дворе не лето, а апрель-обманщик, и к вечеру похолодало, а я в одних тапочках...

Оказавшись в подъезде, Белова не дала двери закрыться - оставила узкую щель, и принялась наблюдать через щель за Лебедкиным: сама не знала, чем он вызвал у нее подозрение. Вероятнее всего, каждый человек вызывал у нее подозрение - расследование убийства, не абы что. Или объяснение гораздо проще: пусть она не пуганая ворона, но куста точно боится, знать бы, откуда придет опасность.

Ангелине вдруг начало казаться, что сейчас инвалид, который совсем не инвалид - прикидывается для каких-то своих целей, для начала изучит окружающее пространство, убедится, что он один, и только после этого спорхнет со своей инвалидной коляски и направится к своему дому своим ходом. Или совершит что-то такое - из ряда вон, что послужит доказательством его причастности к двум убийствам... Например, как из-под земли появится крепыш с лицом наемного убийцы, который исполняет любые поручения «инвалида», в том числе и... щекотливые. (Про травматическое оружие она давно забыла) Кто на этот раз будет жертвой? А если она?

Никакой крепыш из-под земли не появился. Но всему свое время - парочка подельников ждет полной темноты. Однако и сейчас ни зги не видно, она с трудом различает силуэт Лебедкина, который по-прежнему сидит в своей коляске.

- Давай, давай, поднимайся, - шепотом подбадривала Ангелина Михайловна Арсения Лебедкина, наблюдая за ним сквозь дверную щель и лелея надежду, чтобы во дворе никто не появился. – Пора, мой друг, пора, солнце скроется, муравейник закроется, - причитала она. От напряжения заслезились глаза. Но, преодолевая неудобства, она не только зорко следила за Арсением и призывала его к безрассудным действиям, но продолжала размышлять, почему у нее возникли подозрения касательно него? Чем он себя выдал? Или ничем себя не выдавал, Ангелина прицепилась к нему от расстройства чувств, по причине плохого настроения? Или за неимением другого кандидата на роль убийцы?

Во дворе зажглись фонари. Это обстоятельство Ангелину огорчило и обрадовало одновременно: с одной стороны, стало легче наблюдать за инвалидом, с другой – крепыш с лицом убийцы точно не появится. А крепыш – это доказательство того, что Лебедкин – заказчик. И если Лебедкин «живее всех живых», то он не будет рисковать и выдавать свою тайну.

Вывод с налетом шизофрении, но другого нет.

В это время Лебедкин засунул руку в карман своей утепленной куртки и вытащил мобильный телефон. Теперь у Беловой от напряжения не только слезились глаза, но ее бросило в жар. Только ноги, занемевшие от неудобной позы - в три погребели, ни капли не согрелись. И рука, которая придерживала входную дверь, тоже занемела, пришлось сменить, а уставшую конечность усердно потрясти, чтобы кровь прилила. Несмотря на все неудобства с ногами, руками и глазами, Белова не сдавалась.

Сначала она решила, что кто-то позвонил Лебедкину, хотя, звонка ей было не слышно, что не удивительно с такого-то расстояния, но Лебедкин не спешил отвечать, просто вертел в руках телефон, при этом настороженно осматривался, убеждался, что в непосредственной близости никого нет. Получается, ни ему звонят, а он хочет кому-то позвонить и выбирает удобный момент.

Ангелина сузила глаза и покивала как болванчик, якобы подтверждая свою уверенность в его участии во всех коварных делах.

Лебедкин убедился в отсутствии свидетелей, и уверенно взялся за телефон. Пока ждал ответа, в упор смотрел на подъезд, в котором некоторое время скрылась его недавняя визави, из чего визави заключила, что речь с неизвестным абонентом пойдет о ней. Взгляд Лебедкина не сулил ничего хорошего.

Белова относилась к той категории людей, которым, если что-то втемяшится в голову, то всё – не выбьешь: если нарекла Лебедкина преступником, то плохи его дела.

- Становится всё интереснее и интереснее, - еле слышно протянула она загадочным голосом. Ей очень хотелось услышать, о чем пойдет разговор, для этой цели ей пришлось увеличить размер щели и изогнуться невиданным земноводным с одним большим ухом. Поза была весьма неудобной, того гляди, выпадет наружу. – Жаль, нет шапки-невидимки, - шепотом заключила она, собралась продолжить свои «умные» мысли вслух, но тут за ее спиной раздался тихий вкрадчивый голос:

- А чем это ты здесь занимаешься, Михална?

От неожиданности Михална дернулась, благо не выпала наружу, а вкатилась внутрь, при этом дверь автоматически защелкнулась. Инвалид остался без наружного наблюдения.

- Черт тебя подери, Григорий Юрьевич, - процедила сквозь зубы женщина.

- Что случилось-то? - обеспокоился тот.

- Ничего не случилось, все нормально, - обронила женщина, изображая вселенскую радость, которая пришла на смену неактивной агрессии.

- Но ты же...

- Всего лишь проверяла дверь на закрывание. Знаешь ли, контакт плохой, отсутствует полное смыкание цепи, - ляпнула Ангелина – нашла нелепое объяснение своему странному поведению.

- Что отсутствует? – заинтересовался Пышненко.

- Уже все в порядке, я в этом убедилась, - пробормотала Белова, прихватила его под руку и потянула к лифту. – Но ты меня напугал. Так неожиданно появился. Прямо подкрался сзади, как самый настоящий злодей, задумавший нечто нехорошее.

- Я не таился, просто подошел, но ты была так увлечена изучением... контакта, что не слышала моих шагов.

- Ты меня искал?

- А то кого же! Мы с Жанной забеспокоились, куда ты могла исчезнуть. Позвонили тебе, а ты мобильник дома оставила. Жанна послала меня на разведку.

- Вот она я, здесь, никуда не пропадала...

Жанна тотчас набросилась на подругу. Та ничего не стала объяснять, как ни в чем ни бывало присоединилась к друзьям.

Весь вечер хозяйка чувствовала себя не в своей тарелке. Возможно, считала себя третьей лишней, хотя, Жанна и Григорий не отдалялись от нее. Ангелина не завидовала двум немолодым людям с сияющими лицами, она была за них рада. Но настроение у нее испортилось окончательно, но вида она не подавала.

Ангелина подумала: если бы сейчас пришел Кораблев и повел себя так, как будто ничего не случилось - они расстались на время, чтобы встретиться вновь и продолжить начатое, то она забыла бы о своих комплексах, отдалась бы чувству. И наплевала бы на чужое мнение.

Но Кораблев не пришел. И не позвонил.

Ближе к полуночи Жанна с Григорием ушли. Ангелина осталась одна. Опять бродила по квартире, любовалась кривобокой луной, которая нагло заглядывала к ней в окно.

Уговорила себя лечь в постель и углубиться в чтение. Легла, но не углубилась: не улавливала смысла прочитанного, а все потому, что мысли были заняты другим.

Но все же сказалось напряжение ушедшего дня, Ангелину потянуло в сон, книга выпала из рук. Уже засыпая, подумала: и все-таки, кому звонил Лебедкин и почему тревожно осматривался, а потом и вовсе принялся сверлить взглядом подъездную дверь? Неужели речь в телефонном разговоре с неизвестным абонентом шла обо мне? Неужели опасность подкралась совсем близко, а я ее не замечаю?..

Ангелина проснулась рано. Несмотря на постоянное недосыпание и насыщенность разнообразных чувств, она пребывала в боевом настроении. Быстро привела себя в порядок, выпила на ходу кофе, вспомнив былые времена, когда опаздывала и впопыхах собиралась на работу. Ей не взгрустнулось по ушедшей молодости, когда она была востребована во всех пониманиях – ей некогда было предаваться ностальгии и меланхолии: время бежало, Шкаликов сидел в СИЗО и ждал ее помощи. В этом она была убеждена, недаром подследственный успел крикнуть Голубицкому, что он не виновен в этих ужасных убийствах.

Перво-наперво надо навестить Маргариту Леопольдовну Фредушинскую, которая занимает ответственный пост председателя тсж, а то улизнет по своим важным делам и ищи-свищи ее. Фредушинская – это вам не Шакал Иванович, бывший

безответственный работник, она постоянно в трудах и заботах, в кабинете ее не застанешь. Однако несмотря на безответственность, Шакала оставили членом правления, так как у него есть «выходы на кое-кого». Так сказал один знающий человек, тоже член правления. Родственных связей между ним и Шакалом замечено не было, как не было сговора – не таков он человек, чтобы вступать в сговор с кем попало. В отсутствие Фредушинской Шкалик «руководит», если можно так назвать его работу спустя рукава.

Ангелине не было никакого дела, есть ли у Шкаликова «выход на кое-кого», нет ли, ей бы с Фредушинской побеседовать и получить нужную информацию, хотя, она сама толком не знает, как правильно задать вопрос, чтобы ее поняли. Но Маргарита Леопольдовна, невзирая на уважаемый возраст, дама сообразительная. Но не из болтливых, увы: в данном случае Ангелина Михайловна предпочла бы разговор с общительным человеком, сдержанно-болтливым, который даст четкий ответ, без пространных рассуждений.

Правильно сделала, что поторопилась – с Марго она столкнулась в дверях, та действительно уже спешила наводить порядок на «ее территории», как называла их общий жилой дом.

Поприветствовав ответственную даму, Белова решила высказаться:

- Маргарита Леопольдовна, не подумайте, что я интересуюсь из праздного любопытства и не подумайте, что я ни в себе, но мне больше не к кому обратиться, кроме вас, потому что только вы держите, так сказать, руку на пульсе...

- Ангелина Михайловна, давайте напрямую, мне некогда ходить кругами, - перебила ее деловая особа с ярко-накрашенными губами.

- Хорошо, - согласно кивнула Белова, - не буду ходить кругами, спрошу напрямую – не произошло ли в нашем доме за последнее время какого-нибудь неординарного события? Я не имею в виду два убийства – о них знает вся округа. А что-то такое, о чем знает узкий круг лиц. Причем, это таинственное событие случилось до двух убийств?

Фредушинская смотрела на нее оценивающе, как будто прикидывала, можно ли с ней поделиться тайной.

- Я – могила, - на всякий случай сообщила Ангелина Михайловна, постучав себя ладонью по груди. Слишком часто в последнее время она долдонит именно это.

- Не в моих правилах рассказывать то, о чем меня просили не говорить, - изрекла дама, причем не слишком уверенно. У Беловой появился шанс выудить информацию, главное – действовать без напора.

- Маргарита Леопольдовна, это нужно для дела.

- Опять вы со своим расследованием, - поморщилась Фредушинская.

- Иначе я не могу, - вздохнула Белова и завершила, - но Люсю я не впутываю.

- Я надеюсь на вашу сознательность, - со всей партийной ответственностью произнесла Фредушинская. Помялась и, понизив голос, смилостивилась, - ну, ладно, я расскажу о том, чему сама стала свидетелем. Не знаю, какое ЭТО может иметь отношение к вашему расследованию, тем более, насколько мне известно, подозреваемый в преступлениях задержан...

- Вы верите, что Шкалик мог убить двух человек? - не выдержала Ангелина. Данный опрос она проводила с завидной настойчивостью, как будто ответы могли повлиять на ход следствия.

- Есть честно, то нет, - подумав, призналась Марго. Понизив голос, сообщила, - в общем так, недели две назад, точнее - не помню, но это произошло до убийства Вадима Пушкина, в квартире Голубицкого... работала следственная группа -

проводился обыск по всем правилам жанра: с полагающимися документами, с понятыми. В общем, всё как положено. Я и Федор Жуков были понятыми.

- У Голубицкого проводили обыск? – обомлела Белова, округлив глаза до невероятных размеров и собрав в гармошку лоб.

- Именно так, - сдержанно и величественно промолвила дама. Видимо, ее смутило лицо визави. Та быстро исправилась – и лоб разгладила, и глаза вернула к обычным размерам. Даже «сделала» лицо умно-оухотворенным, как будто знала, что искали в квартире Сергея - предмет высочайшего искусства, известного всему миру.

Но вопрос, заданный ею, не соответствовал умно-оухотворенному лицу, хотя, не задать его она не могла:

- Что ж полицейские хотели найти у него в квартире?

- Кабы знать, - развела руками Марго.

- Раз вы не знаете, что искали в квартире Сергея, то, как я догадываюсь, у него ничего не нашли?

- Вы невероятно догадливы, - съязвила Фредушинская.

Ангелина набычилась, но промолчала. Маргарита Леопольдовна собралась уйти, но та ей не позволила, вбросив вопрос:

- И чем дело закончилось?

- Знамо, чем: следственным органам пришлось извиниться и ретироваться. Во избежание лишних разговоров, чтобы не портить репутацию Голубицкому, нам с Жуковым доходчиво объяснили, что лучше нам не распространяться, где мы присутствовали и в качестве кого.

- Как сам Голубицкий объяснил причину обыска в его квартире? Его-то вы не могли не спросить.

- А вот и не спросили, - по-детски дерзко ответила дама. Взглянула на растерянную соседку и добавила, - сам Голубицкий инициативы не проявил.

- Что и понятно, - вставила Белова.

- Других событий, заслуживающих вашего внимания, не произошло. По крайней мере, мне об этом ничего не известно, - жестко высказалась Фредушинская.

- Так ли? – засомневалась Ангелина Михайловна, явно чувствуя, что дама что-то не договаривает. Но Ангелина знала одну особенность дамы весьма зрелого возраста – та предпочитала отвечать на четко поставленные вопросы, шагов в сторону не делала и не позволяла втянуть себя в ненужную тягостную дискуссию.

Одарив недоверчивую Белову «благодушным» взглядом, Фредушинская удалилась с гордым видом. А Белова, недолго думая, направилась к Сергею Голубицкому, чтобы дополнить полученную информацию...

Голубицкий открыл дверь не сразу, только после третьего звонка особы, настроенной по-боевому. В руках он держал зубную щетку, его рот был вымазан зубной пастой. Из одежды только шорты. Без приглашения особа втиснулась в прихожую, успев оценить по достоинству рельефную мускулатуру, и напряженным голосом осведомилась:

- Ты один?

Прежде чем ответить, Сергей нагло расхохотался.

- Я пришла к тебе по делу, - ляпнула непрошенная гостья, почувствовав неловкость. Не выдержала и брякнула, - негоже насмехаться над оплошностью пожилой женщины.

Сергей смеяться перестал, поглядывал на нее лукаво-настороженно, приподняв одну бровь. Ангелина не выдержала:

– Каждый думает в меру своей распущенности.

- Пardon, мадам, я без галстука. – С этими словами исчез из поля зрения. Вскоре вернулся в тех же шортах, но в белоснежной футболке, без зубной щетки и с чистым ртом.

- Извини, что я нагрязнула без приглашения, - запоздала произнесла мадам, - но мне очень нужно задать тебе один важный вопрос.

- Надеюсь, много времени это не займет? Я тороплюсь... Кофе будете?

- Нет, спасибо.

- Могу предложить вам сок. Или чай.

- Ты завтракай, а я буду терзать тебя вопросами.

- Прямо так и терзать, - усмехнулся Голубицкий и потянулся на кухню. Лина Последовала за ним.

Кухня была уютной, везде царили чистота и порядок. Чувствовалась женская рука. Белова пристроилась на стуле, озираясь по сторонам, и поинтересовалась?

- А где же Славик, твой сынок?

- Славик уже несколько дней ходит в детский сад, - с чувством полного удовлетворения ответил отец ребенка.

- Не знала. А кто его водит в детский сад? – проявила любопытство соседка.

- Моя невеста. Я намерен в скором будущем жениться.

- Вот даже как, - удивилась Белова. – Впервые слышу, что у тебя есть невеста.

- Как-то быстро все закрутилось, встретились после долгой разлуки, познакомились заново, завязались отношений. Я быстро понял, что лучшей матери для Славика мне не найти.

Ангелина невольно хмыкнула, вспомнил свои слова о выборе Голубицкого, обращенные к Люсе Яварчук.

- Вы пришли, чтобы поинтересоваться моей личной жизнью? – резко высказался хозяин – хмыканье ему не понравилось. – И не надо меня убеждать, что...

- Не собираюсь я тебя ни в чем убеждать, - не дала ему продолжить Ангелина, передернув плечами. – Ты взрослый мальчик, живи как хочешь. Тем более, я тебе никто и звать меня никак.

Голубицкий скривил рот – якобы улыбнулся. Заглянув в кастрюлю, стоящую на плите, вывалил из кастрюли на тарелку овсяную кашу, поставил тарелку в микроволновку, взял со стола чашку с недопитым остывшим кофе, приткнулся задним местом к подоконнику и начал пить, призывно поглядывая на гостью.

- Сергей, - наконец, вступила та, - мне... стало... известно, что у тебя в квартире недавно проводился обыск. – Начало фразы вышло затяжным, конец проскочил как пуля из огнестрельного оружия. Поэтому мужчина долго соображал, прежде чем ответить – сомневался, правильно ли он расслышал про обыск.

- Сорока на хвосте принесла, - констатировал он после паузы.

- Так вышло, - не нашла ничего лучшего Ангелина и развела руками. Поспешно добавила, - я не собираюсь трепать на каждом углу твое имя, с каждым может такое случиться, никто не застрахован от тюрьмы и от сумы. Это так, к слову. Лично я уверена, что ты не можешь быть замешан в неблагоприятных делах.

- Откуда такая уверенность? Вдруг я самый настоящий бандюга.

- Ты один растишь сына, и никогда не позволишь себе нарушать закон, иначе твой сын попадет в детский дом. Я правильно рассуждаю?

- Верно. Сын для меня всё. Почему вас интересует обыск?

- Знаешь, о чем я подумала? Что обыск и убийства могут быть как-то связаны.

- Еще скажите, что это я убил пацана и старуху, - не сдержался Голубицкий, забыв про недавнее высказывание соседки.

- Не мели ерунду. Ясно дело, ты не при чем, но... - Ангелина замялась. - Я не знаю, как тебе донести мою мысль... Но хочу, чтобы ты рассказал мне, что в твоей квартире искали представители следственного комитета.
- Я не хочу вам ничего рассказывать, - уперся Сергей, принимаясь за кашу. Он по-прежнему стоял у окна и всем видом показывал, что кроме завтрака его ничего не интересует.
- Почему?... Что ж ты такой вредный?! Дело серьезное, а он уперся как баран!
- Не хочу и всё, - с неким злорадством произнес Сергей.
- Тебе стыдно говорить на эту тему? Ты все-таки замешал в нехорошую историю? Сергей смотрел строго перед собой, гостью он не замечал. Та не отставала:
- Обыск в квартире проводился? Я ничего не напутала? – прикинулась недалекой Белова. – А-а-а, - протянула она, - не было никакого обыска, это все болтовня недоброжелателей, которые хотят опорочить честное имя. А я-то, доверчивая дуручка, приняла новость за «чистую монету».
- Голубицкий выразительно хмыкнул.
- Сергей, - заканючила Белова, - ну, пожалуйста, скажите правду. Мне очень нужно.
- Зачем? К вам данное недоразумение не имеет никакого отношения.
- Получается, обыск имел место быть, - протянула женщина и повторилась, - и тебе стыдно, вот и все объяснение.
- Вам бы не было стыдно, если бы к вам пришли и начали рыскать по всем шкафам, притащили понятых, стали требовать, чтобы я... - Голубицкий сурово подышал, отчаянно выдохнул и признался, - хорошо, я расскажу, но сразу хочу заявить, что я не при делах.
- Ты рассказывай, рассказывай.
- Дело в том, что одна девушка, которая ходит в наш фитнес-клуб, «положила на меня глаз». Любым способом пытается привлечь мое внимание. Но я дальше общепринятого общения не иду.
- Вообще никогда? – зачем-то уточнила Белова.
- Не будем отвлекаться, - пресек мужчина, но всем видом дал понять, что исключения случаются.
- Не будем, - тотчас согласилась женщина.
- На этот раз эта «модель» - 80-60-80 – притащила на фитнес старинный перстень, похвастать передо мной решила, заодно уединиться. Я повелся, потому что она мне сказала, что у нее ко мне важный разговор. Про перстень я позже узнал.
- Что за перстень?
- Якобы их семейная реликвия, которая передается по наследству.
- Ценный перстень?
- С каким-то синим камнем, я в ювелирке ни бельмеса не понимаю. По мне, что настоящий камень, что искусственный – один черт. Но деваха уверяла, что перстень стоит бешеных денег, почти бесценный. Врала, конечно. Но мне-то что?! Перстень и перстень.
- И давно он у нее?
- Перстень ей подарила мать на двадцатипятилетие, сие знаменательное событие произошло совсем недавно. Так у них в семье принято – дарить эту семейную реликвию именно на двадцатипятилетие. Теперь она со своим... наследием никогда не расстается. Одна беда – перстень ей великоват. Хотела к ювелиру отнести, чтобы уменьшить размер, но не решилась. Носит и на пальце, а если боится потерять, на шее - вешает на цепочку. Ну, никак нельзя с перстнем расставаться – беда случится. Сама меня в этом уверяла. Вот прям низзя и точка. Как раньше жила,

без перстня, ума не приложу, - поерничал мужчина. - И чего только народ не сочиняет! Главное, чтобы не скучно было.

- Как я понимаю, кто-то перстню «приделал ноги»?

- Точно так. Спустя пару дней после нашего разговора перстень исчез. Она не подумала, что могла его потерять, сразу решила, что ее семейную реликвию украли.

- Как же это возможно, если она с этой реликвией не расстается? И где перстень могли украсть? В фитнес-клубе?

- В том-то и дело, что перстень выкрали из ее квартиры, ночью.

- Это установлено точно? Она его не теряла? – протараторила Ангелина, а Сергей ответил осуждающим вздохом. – Хорошо, допустим, всё было так, как ты сказал, но у меня возникает резонный вопрос: где была хозяйка, когда вор шарил по всем шкафам в поисках перстня?

- Дома она была, спала без задних ног, причем не одна... Парень у нее есть.

- И парень спал без задних ног? Может быть, это он присвоил себе чужую ценную вещь?

Сергей принялся обстоятельно объяснять:

- Девушка рассказала полицейским, что о перстне, семейной реликвии, знали двое – я и тот самый парень. Она даже подружкам не стала рассказывать. Не хотела вызвать зависть. Раз о перстне знали только двое, то круг подозреваемых сузился. Мною и тем парнем полицейские занялись вплотную. Я не крал этот перстень, на фиг он мне нужен. Но кто бы мне поверил! В моей квартире провели обыск, но перстня, естественно, не нашли. Уже позже я вспомнил, что на ночь кражи у меня есть алиби.

- Невеста подтвердила?

- Ага.

- Это правда или ты ее попросил, чтобы она подтвердила твое алиби.

- Ангелина Михайловна! – цыкнул на нее Голубицкий.

- Ладно, я тебе верю. Тем более, мне без разницы, кто его украл, у меня есть дела поважнее, - выдала Белова и тут же вбросила короткий вопрос, опровергнув предыдущее утверждение, - ее парень выкрал?

- Парень тоже уверяет, что перстня не брал.

- А наши правоохранительные органы - самые доверчивые органы в мире?

- Фиг бы ему поверили, если бы по ходу следствия не появились странные обстоятельства. Сначала девица вспомнила, что они с парнем были в ночном клубе, хорошо там повеселились, между прочим говорили о перстне, высказывали предположения, сколько он может стоить. Посетители ночного клуба могли их подслушать. При желании, конечно. Сам понимаете – громкая музыка и все такое. После клуба они завалились к ней домой. Выпили шампанского и вырубались. Проснулись ближе к полудню с большими головами, и обнаружили, что перстень, семейная реликвия, тью-тью – кто-то ему «ноги приделал», как вы выразились. Но девица уверена, что домой она вернулась с перстнем, прежде чем идти в душ, положила его в шкатулку вместе с другими украшениями. Судмедэксперт взял у обоих молодых людей кровь на анализ. Анализ показал наличие сильнодействующего снотворного.

- Получается, кто-то добавил им снотворное в какой-то напиток в ночном клубе?

- Нет, снотворное было добавлено в бутылку с шампанским. Бутылка стояла в холодильнике. По возвращении домой подвыпившая парочка решили добавить. Хозяйка вспомнила о шампанском, они выпили всего-то по бокалу или того меньше. И сразу вырубались.

- Бутылка была початой?
- Запечатана, все честь по чести. Злоумышленник ввел снотворное через пробку с помощью шприца – это подтвердила экспертиза. Когда парочка уснула, он спокойно проник в квартиру, прихватил перстень и ушел, не оставив отпечатков. Больше он ничего не взял. Получается, он приходил за перстнем.
- Он сильно рисковал. Откуда ему было известно, что парочка употребит шампанское после изрядных возлияний в ночном клубе?
- Не думаю, что уверенность была, но была надежда – если его подготовка не сработает в эту ночь, то сработает в следующую.
- И он рискнул.
- Ага, рискнул. Ему крупно повезло – все прошло как по маслу: парочка дрыхла и ничего не слышала.
- А когда произошла кража?
- Где-то в начале марта. Я точно не помню.
- А обыск?
- Вскоре и обыск.
- Мне известно, что обыск был недели две назад.
- У вас неправильные сведения. Тот, кто вам рассказал, страдает старческим слабоумием.
- Да, ладно тебе, - отмахнулась Белова. – Человек мог перепутать... Сергей, откуда у тебя эта информация про снотворное в шампанском?
- Сама же девица и растрепалась... Кстати, двадцать пять ей исполнилось первого марта, я хорошо запомнил. Потом она заявила в фитнес-клуб, похвасталась, а через несколько дней перстень украли.
- Она уверена, что о перстне никто не знал, кроме вас и парня?
- Уверена.
- Знают двое, знает третий, знает и свинья, - несколько перефразировала известную поговорку Белова. - Ночной клуб я сразу отвергаю – с шампанским кто-то подготовился заранее. И этот кто-то знал, где девушка живет. Остается фитнес-клуб. Кто мог подслушать ваш с ней разговор?
- Мы общались в моем кабинете, наедине, во все горло не кричали. Так что наш разговор подслушать никто не мог. И почему надо связывать это дело со мной?! Парня вы в расчет не берете? Он мог растрепать о перстне кому-угодно.
- Дойдет дело и до парня. Сейчас я хочу узнать подробности от тебя.
- Может быть, с него начнете? Я на работу опаздываю.
- Мне кажется, что все последние события как-то связаны между собой, - выдержав паузу, обронила Белова. – О причастности парня той девушки к двум убийствам, которые произошли в нашем доме, речь точно не идет. Поэтому... сам понимаешь, - загадочно высказалась она.
- О каких подробностях идет речь? И с какой стати они должны быть мне известны? Как вам известно, я в следственном отделе не работаю.
- Мне кажется, ты знаешь больше, чем хочешь показать.
- С вами как спорить, так легче удавиться. Ладно, спрашивайте, - смиловился Сергей.
- Как была вскрыта входная дверь квартиры девушки?
- Действовал специалист.
- Как я понимаю, преступник наведлся в чужую квартиру по меньшей мере два раза – первый раз добавил снотворное в бутылку с шампанским, второй – явился за

перстнем. Удивляет, что хозяйка не заметила, что кто-то приходил к ней в гости в ее отсутствие?

- Она такая «наблюдательная», как мой сын Славик. Если бы у нее украли менее ценную вещь, включая предмет мебели, она вряд ли заметила.

- Кто знал об обыске в твоей квартире?

- Двое понятых, но им было велено молчать. Еще руководство фитнес-клуба было в курсе, потому что в моем кабинете тоже провели обыск. На моей репутации это никак не отразилось, я много лет там работаю, и ни в чем таком замечен не был.

- Сергей, Вадик Пушкин не посещал ваш фитнес-клуб?

- Нет, конечно.

- Почему – конечно?

- Абонемент ему не по карману. Так что пропажу перстня и обыск в моей квартире никак нельзя связать с двумя убийствами.

- У тебя вид нашкодившего ребенка, который напакостил, но надеется, что возмездие его минует.

- Вот вы... проницательная, с вами опасно иметь дело, - усмехнулся Сергей.

- Да уж – проницательная, - горько усмехнулась Ангелина Михайловна. – Была бы таковой, давно бы вычислила убийцу. А так, мечусь из угла в угол и очевидных вещей не замечаю. – Фразу она договорила еле слышно, еще тише добавила, - не надо смешивать личную шерсть с общественной. – Хотя, позаимствовала высказывание из известной кинокомедии «Кавказская пленница», женщине было совсем невесело: что с расследованием - трясина болотистая, что с личной жизнью... все то же болото.

Белова подумала: правильно, что я рассталась с Кораблевым, тем более, на начальном этапе, пока окончательно к нему не привязалась, теперь могу с удвоенной энергией заниматься расследованием двух убийств и ни о чем другом не думать, не отвлекаться... Но почему все мои мысли крутятся вокруг Кораблева?

- Ангелина Михайловна, с вами все в порядке? – вернул ее в действительность мужской голос.

Женщина очнулась от своим спорных мыслей и поняла, что они стоят в прихожей, и она висит на руке Голубицкого. Тот не противится, напротив, с заботой поглядывает на нее. Странно, почему она плохо о нем думала раньше? Нормальный мужик, не дурак. И вовсе не грубиян.

- Сергей, а тебе наша Люся нравится?

- Люся? Какая-токая Люся?.. Ах, Люся! Так она... это... ребенок еще совсем. Но в общем, нравится.

- Ты с ней... пытаешься... дружить?

- Ну мы общаемся, по-дружески, не более того. Я ж вам говорю – собираюсь жениться. Моя будущая супруга работает медсестрой. Я с ней в одном классе учился, но я чуток постарше: некогда мне было учебой заниматься, все на сборах пропадал.

Ангелина не возжелала установить связь между спортивными сборами и учебой в школе, но скорее всего, Голубицкий оставался на второй год, учителя и директор не прошли навстречу юному спортсмену, подающему большие надежды.

Между тем Сергей поведал о школе олимпийского резерва, куда перешел после многочисленных неудач в обычной средней школе.

- Давай вернемся к нашему делу, - пресекла его поползновения женщина. - Мне показалось или тебе и впрямь есть что мне еще рассказать?

- Не пойму, зачем вы лезете туда, куда вас не просят?!

- Хочу докопаться до истины. Хочу, чтобы виновный сел на скамью подсудимых, а невинный, в данном случае наш Шкаликов, вышел на свободу.
- А то без вас убийцу не найдут, - фыркнул Голубицкий.
- Я этого не говорила, но от своего желания не отступлю. Давай уже, рассказывай, не тяни время. Сам говорил, что на работу опаздываешь.
- Скажу сразу - сведения достоверные. Получены из источника, которому нет смысла не доверять.
- Я сразу догадалась, что у тебя есть агент в органах правопорядка. И я даже знаю, кто. Тебе рассказал наш участковый? Капитан Селиверстов?
- Откуда...
- Мне известно, что благодаря тебе его племянник посещает ваш дорогой фитнес-клуб.
- И что с того?
- Мне в принципе по барабану... Значит, Селиверстов тебе рассказал...
- Только вы никому. – Сергей приложил указательный палец к губам. – Тайна следствия и все такое. – Белова возмущенно попытала, а мужчина решился на откровения. Наконец-то. - Начну по порядку. Еще в прошлом году, в начале отопительного сезона, в квартиру на первом этаже нашего дома, где находится правление нашего тсж, заявила одна дамочка. Ее фамилия Кудряшова...
- Галина Ильинична? Знаю такую.
- Кто же ее не знает – бизнес-леди, которая разъезжает на автомобиле премиум-класса.
- Она такая же бизнесменша, как я артистка балета. Впрочем, речь не об этом. И что дальше?
- В общем, пришла Кудряшова к председателю тсж, чтобы поинтересоваться, почему у нее батареи холодные. Маргарита отсутствовала по неизвестной причине, бразды правления были у одного нашего общего знакомого, у Шакала Ивановича. Тот начал ей мозги компостировать, рисовать радужные перспективы касательно отопления, в общем, заливал, заливал, а Кудряшова, будучи женщиной легко возбудимой и нервной, возьми и запусти в него свою сумку, в которой полно разных женских вещей, в том числе и... - Голубицкий выдержал театральную паузу, интриган, - в том числе и травматический пистолет. Вещички разлетелись по всему кабинету безответственного начальника, который так перепугался, что начал безропотно собирать выпавшие из сумки женские штучки-дрючки. После чего клятвенно пообещал гражданке Кудряшовой, что отопление у нее появится в ближайшее время. Про отопление не скажу – не знаю, но возможно, что слова Шакала Ивановича не были брошены на ветер. С другим незадача - пистолетик пропал. Будто и не было его. Сначала Кудряшова искала пропажу дома, затем – в машине, после чего опять направилась к председателю тсж, в его собственный кабинет, где произошло недопонимание, чуть не приведшее к кровопролитной схватке. Оказалось, что в кабинет вернулась старая новая хозяйка, Маргарита Леопольдовна Фредушинская. Та слыхом не слыхала про летающую сумку с вещичками. Естественно, Кудряшова направилась к Шкаликову на квартиру. Тот заявил, что никакого оружия в кабинете не находил. Женщина не стала спорить, предположила, что потеряла свою опасную вещичку где-то в другом месте. Могу предположить, что сумка нервной дамы летает при любой погоде, теряя при полете вес. Таким образом, травматический пистолет канул в вечность. Кудряшова и думать о нем забыла. И вот... На днях наша уборщица, та что подъезды метет...
- Полина Анатольевна, - подсказала Белова, как будто это имело важное значение. Голубицкий переварил информацию и продолжил:

- На днях... Полина Анатольевна заметила непорядок – почтовый ящик покойной Никифоровны туго забит газетами и разными рекламными листками. Ключика от замочка у Полины Анатольевны нет и никогда не было, портить чужую вещь ей не хотелось, но непорядок нужно было устранить. И что же наша Полина? - с ехидцей спросил Сергей. - Полина решила постепенно освобождать ящик от макулатуры с помощью цепких пальцев. Но так как замок на ящике хлипкий, дверца возьми и отворись. И что увидела наша Полина? А она увидела пистолетик и едва не дала дуба, получив серьезный стресс. Но быстро пришла в себя и сообщила кому? Правильно – капитану Селиверстову, нашему участковому. Тот тотчас прибыл, полюбовался пистолетиком, который спланировал на пол, после того, как очутился в руках ответственного мастера чистоты Полины Анатольевны. Капитан вызвал своих коллег. В результате следственно-розыскных действий было установлено, на кого оформлен травматический пистолет - кому выдано разрешение...
- Разве на получение травматического оружие необходимо разрешение? – удивилась Ангелина, слегка заслушавшись складной речью ехидного «сказочника» Голубицкого, который не только поражал ее своими доселе невиданными качествами, но и глубокими познаниями. Но ерничал он изрядно, паразит!
- А то! Конечно, надо собрать кучу справок, то, се. В общем, замаешься. Но таковы порядки, - развел он руками.
- Выяснили, что травмат принадлежит Кудряшовой Галине Ильиничне?
- Вы чрезвычайно догадливы! – похвалил ее Голубицкий.
- Сергей, кончай Ваньку валять, говори по существу дела! - приказала она.
- Будто бы всё.
- Как это всё?! – всплеснула руками Ангелина Михайловна.
- Далее как по писаному: грозные товарищи в гражданском, но, на самом деле, при погоне, пришли к безалаберной дамочке, та рассказала всё как на духу – про полет сумки, про безрезультатные поиски оружия. В итоге всё совпало – и ремень, и пистолет, залетевший в дальний угол, где его и обнаружил гражданин Шкаликов. Нашел-то нашел, но никому не сказал, чужую вещь владелице не отдал, когда она того требовала. Оставил себе – авось пригодится.
- Пригодилась. Пригодился, - поправила Белова, имея в виду травматический пистолет, и уверенно заявила, - у Шакала Ивановича нет мотива. Зачем ему убивать молодого парня, который вырос на его глазах, и старуху, которая, конечно, жизнь людям портила, однако это не повод отправлять ее в мир иной. А пистолет мог взять кто угодно – кабинет Шкаликова всегда был проходным двором.
- Но это точно кто-то из жителей нашего дома.
- Сергей, ты мужик не только не глупый, но еще и с чувством юмора. А строишь из себя... придурка недоделанного. Зачем? - задала вопрос не по теме Белова, испытывая поглядывая на него.
- Я не строю, у меня внешность такая – качка тупоголового. Просто раньше вы со мной почти не общались, вот и думали, что я гамадрил обыкновенный. Не хочу хвастаться, но у меня имеется диплом о высшем образовании, я окончил педагогический институт. Учитель физкультуры я по образованию. Даже успел недолго поработать по специальности.
- Ты мне ставишь в укор, что я с тобой раньше не общалась? Намекаешь на то, что я нос задирала.
- Ни без этого. К вам, если честно, на козе не подъедешь - подойти боязно. Вы такая... такая...
- Какая?

- Гордая. И язык у вас...
- Боязно? Ну-ну.
- Вы красивая, Ангелина Михайловна! – восхитился Голубицкий.
- Была когда-то, - парировала она со смущением.
- Не скажите...
- Ой, ладно, не обо мне речь.
- Что-то еще? – подобрался Сергей.
- Могу задать тебе еще один вопрос? И снова не по теме? Если ты, конечно, не возражаешь.
- Пожалуйста, раз пошла такая пьянка.
- Ты женишься по любви или твоему ребенку нужна мать?
- Разве любовь существует? Лично я в нее не верю. Достаточно одного уважения, я так думаю. Я свою будущую жену уважаю и буду ей верен. И она будет мне верна, я в этом не сомневаюсь. Сейчас вы скажите, что я неправ, что у меня неправильная философия.
- Скажу, что я уважаю твою искренность и надеюсь на то, что ты свое слово будешь держать – про верность супруге. Мне кажется, что твоя будущая жена – хороший человек, надежный. Надеюсь, что у вас всё получится. И любовь со временем придет. Как без любви?! Без любви никакого терпения не хватит.
- А ваш... этот... как его?
- Сереж, не будем о грустном.
- Понял, не дурак. Если вам понадобится моя помощь, то я всегда готов, как пионер.
- Спасибо. Но я пока не знаю, что мне делать с расследованием убийств. Из головы не выходит украденный перстень твоей знакомой. Можешь дать мне ее адрес, хочу с ней побеседовать.
- Могу дать номер ее телефона, - предложил Сергей.
- По телефону не хочу, лучше глаза в глаза. И лучше ты ей позвони, объясни и договорись о встрече.
- В принципе, я могу, мне это не сложно, но не знаю, даст ли результат ваше общение с этой девахой: это не человек, это одно сплошное недоразумение, состоящее из эмоций. Я был уверен, что она сама где-то потеряла перстень, тем более, он ей велик, и так бы и придерживался этой линии, если бы не снотворное в шампанском.
- Возможно, в череде ее эмоциональных высказываний промелькнет кодовое слово, от которого я начну свой новый путь.
- Где твармат Кудряшовой, из которого стреляли в парня, а где эта девица с ее фамильным перстнем – не вижу связи. Ко всем преступлениям она однозначно не имеет никакого отношения.
- Но Кудряшова сама засомневалась, что потеряла пистолет в кабинете председателя тсж... Если не в кабинете, то где?.. Кстати, Кудряшова посещает ваш фитнес-клуб?
- Кстати – да, посещала, но я ее давненько не видел в клубе.
- До потери пистолета или после она перестала посещать клуб?
Голубицкий задумался, почмокал завернутыми внутрь губами, которые выворачивались при открывании рта, вышел сдержанный звук открываемой бутылки.
- Точно не скажу, но, кажется, после нового года я ее не видел. Но могу навести справки и сказать точнее. А с девицей вы можете пообщаться прямо сейчас, если

пойдете со мной в клуб. – Голубицкий посмотрел на свои наручные часы, - у нее вот-вот закончится тренировка...

Пока Белова поджидала в большом светлом холле фитнес-клуба нужную ей особу, Голубицкий успел справиться у администратора о Галине Кудряшовой. Как оказалось, та перестала посещать фитнес-клуб с начала года по уважительной причине – она беременна.

Сергей Голубицкий направился к Беловой, вид у него был ошарашенный, как будто новость была «из ряда вон». Невольно Ангелина Михайловна предположила, что ее «разведчика» уволили, именно администратор, не имевший полномочий, сообщила ему об этом. По мере приближения, Сергей натянуто заулыбался. На этот раз Ангелине пришлось в голову, что новость непосредственно касается нее, и эта новость срывает ее наповал, а своей улыбкой Сергей мягко ее готовит – соломку подстилает. Сердце в груди затрепыхалось от испуга. Ангелина, не успевшая окончательно потерять рассудок, заставила себя поверить, что разговор с администратором фитнес-клуба не имеет к ней никакого отношения. Что тогда? Неужели Голубицкий узнал, что Кудряшова... что с Кудряшовой... беда?

Ангелина Михайловна попыталась вспомнить, когда в последний раз видела Кудряшову. Кажется, очень давно. И что же получается? Что преступник успел расправиться с несчастной женщиной, чтобы она его не выдала: Кудряшова покумекала и, в конце концов, сообразила, кто присвоил ее травматический пистолет.

Как назло, Голубицкого перехватила роскошная девица с искусственными формами и принялась на него вешаться самым наглым образом. Голубицкий косил глазом на Белову, делавшую выводы на ходу, отчего вид у нее был как у преступника-непрофессионала, не способного запутать следы и с ужасом поджидающего прихода правоохранительных органов. Видимо, ее вид настолько впечатлил Сергея, что он, не объясняя причины, нетактично покинул роскошную девицу, а та, в свою очередь, надула губы, которые и без того были сверх всякой меры.

- С вами всё в порядке? – не доходя пары метров до Беловой, спросил Голубицкий.
- Со мной? – глупо переспросила женщина и прислушалась к своим внутренним ощущениям. Кроме сердца, совершающего пробежку по организму, онемения конечностей, от волнения, и безумных мыслей, роящихся в голове подобно разбуженным в неподобающее время пчелам, более ее ничто не беспокоило. Да и онемение конечностей, как и пробежку сердца по увядающему организму, можно было задвинуть на второй план. Другое дело, что творится с головой – это настоящая проблема. Ни одной разумной мысли не приходит, одна несуразица, как следствие – полнейшее отупение.

- С вами, с вами, - обреченным голосом подтвердил Голубицкий, тем не менее, настороженно поглядывая на нее, как будто надеялся, что всё еще обойдется.

– Со мной-то, все нормально, - наконец, проблеяла Ангелина, взяв короткий тайм-аут на раздумье. И не нашла ничего лучше, как набросится на соседа, - Сергей, говори на чистоту – что с Кудряшовой? Я уже ко всему готова.

- Новость, скажу я вам, Ангелина Михайловна, сногшибательная.

- Ну я же просила, - окрысилась та.

- А чего вы всполошились?

Белова отдышалась, чтобы не озвучить массу нелестных характеристик в адрес провокатора, после чего сдержанно проговорила, четко выговаривая слова:

- Ты не улыбайся, а отвечай, когда тебя спрашивают.
- Ангелина Михайловна, вы прям как учительница на уроке. Еще скажите, что у меня «рот до ушей хоть завязочки пришей». Так наша училка постоянно говорила о тех, кто улыбается без причины.
- Какие завязочки: ты о чем, милый? - не приняла игры «классная» дама.
- Сегодня не ваш день, - пошутил Голубицкий.
- Ты издеваешься? - не выдержала женщина и пригрозила незавидным кулачком.
- Не пойму, зачем портить нервную систему? – передернул крепкими плечами Сергей. - Новость, конечно, неожиданная, но...
- Короче, Склифосовский!
- Мадам Кудряшова перестала посещать наш фитнес-клуб по уважительной причине, - скороговоркой сообщил Сергей, пристраиваясь рядом с женщиной на красном кожаном диване, выдержал ненужную паузу и добавил, - она беременна. Умереть-не встать: тетке за сороковник, а она рожать собралась.
- Ее право, - осадил его Ангелина Михайловна. Подумав, высказалась, - беременна. Ну надо же.
- Если честно, то мне не верится, - признался Голубицкий и тут же опроверг свое высказывание, - хотя, информация достоверная.
- Слушай, я видела Кудряшову на днях, - наконец-то вспомнила Белова. То мучилась-мучилась, и тут вдруг раз и ее осенило. – Она была в плашике-разлетайке, под ним пузико особо не разглядишь, но лицо у нее округлилось, я еще подумала, с чего это ее так разнесло, она всегда следила за фигурой, питалась всякой химической дрянью для похудения, на диетах сидела, опять же в ваш клуб ходила по три раза в неделю, а то и чаще... Вот значит, в чем причина прибавления в весе. Что ж, ее можно поздравить. И восхититься ее храбростью – не каждая женщина решится первый раз рожать в таком возрасте.
- Кудряшова никогда не была худышкой, тренируется до седьмого пота, чтобы вес сбросить, а потом идет в кафешку и лопают по десятку пирожных. Кто вам сказал, что она ограничивала себя во всем?
- Она и сказала. Как-то затронула меня во дворе – хотела спросить, что я делаю, чтобы так выглядеть. Еще сокрушалась, что ей ничего не помогает – ни диеты, ни физические нагрузки.
- Я сейчас свалюсь с дивана от смеха – не помогает! Вы бы столько сладостей лопали каждый божий день, в дверной проем не пропихнулись бы.
- Может быть я и ем всё подряд и без ограничений, но обжорство «не в коня корм». Гены у меня, понимаешь?
- Кто такой Гена? - в очередной раз отшутился Голубицкий.
- Кто такой потерпевший, куда он пошел, - поддержала его немного успокоившаяся Белова, вспомнив фразу из комедии «Мимино».
- Ангелина Михайловна, - посерьезнел молодой мужчина, - откройте великую тайну
- как вам удастся так прекрасно выглядеть...
- В ваши-то годы, - договорила за мужчину Ангелина.
- Я этого не говорил, - подчеркнуто сказал Сергей и погрозил пальцем.
- Никаких секретов у меня нет. Я ем часто и понемногу. Стараюсь не есть после шести, но у меня это не всегда получается. Если очень хочется чего-нибудь калорийного, а значит, вкусного, никогда себе не отказываю, чтобы не портить характер и без того не ангельский.
- Вы самокритичны, - усмехнулся Голубицкий.

Белова, которая держала один и тот же вес в течении долгого времени, презирала все диеты, часто вспоминала поговорку – «если очень хочется, то можно». Но при всем при этом, если становилась на весы и замечала, что стрелка весов переехала ограничительную цифру, то пару деньков отказывалась от сладкого – для нее это не было проблемой, и за ужином делила привычную порцию пополам.

Ангелина всегда считала: движение – это жизнь. Поел, подвигайся, не прилипай к дивану, как некоторые лентяи. Поели, можно и поспать, поспали, можно и поесть – это не для нее.

Голубицкий прикоснулся к руке Беловой. Она посмотрела на него, затем проследила за его взглядом.

В холле показалась мелкая вертлявая пигалица.

- Это она? – на всякий случай уточнила Белова.

- Да, она, - без воодушевления подтвердил Сергей. - Вика, подойди, пожалуйста, - повысив голос, попросил мужчина, поднимаясь с дивана.

Белова вспомнила характеристику Сергей, данную этой особе: 80-60-80. Габаритные размеры были явно преувеличены.

Брюнетка с короткой стрижкой и выразительными глазами, которые были такими огромными на ее маленьком лице, что она походила на инопланетянку, подлетела к дивану. Ангелине показалось, что девушка не сама перемещается привычным способом, а парит над полом под действием потока воздуха, имеющим нужное направление. «Инопланетянка» привстала на цыпочки и чмокнула Сергея в щеку – поздоровалась. Тот в ответ натянуто улыбнулся и вытянулся как солдат на плацу, чтобы следующая попытка с поцелуем не увенчалась успехом.

- Вика, познакомься, это Ангелина Михайловна, она частный детектив, хочет задать тебе несколько вопросов по поводу пропажи твоего перстня.

- Но я не обращалась в частное детективное агентство, - пробормотала девушка, испуганно поглядывая на «частного детектива» неподходящего возраста и неподходящего пола, как ей казалось.

Как ни в чем ни бывало Голубицкий продолжал вещать:

- Ангелина Михайловна – специалист высокого класса, к ней обращаются за помощью отчаявшиеся люди: только в тех случаях, когда дело заходит в тупик. Она одна способна распутать сложный клубок преступлений и найти преступника. Так что пользуйся моментом!

- Как интересно! – воскликнула писклявым голосом Виктория и хлопнула в ладоши на уроне своих губ.

- Сергей преувеличивает мои заслуги, - вставила Белова, пронзив того убийственным взглядом.

Сегодня Сергея мало интересовало чужое мнение и не оказывали никакого влияния чужие проникновенные взгляды. Таинственным голосом он продолжил:

- В данный момент Ангелина Михайловна занимается расследований двух убийств, которые произошли в нашем доме. Она считает, и я не могу с ней ни согласиться, что два уголовных дела – убийства в нашем доме и кража твоего перстня – невероятным образом связаны между собой... Именно так! – с чувством добавил он, выкатив глаза – для пущей убедительности. - Вика, мне пора бежать, но я очень прошу тебя об услуге - пожалуйста, будь откровенна с Ангелиной Михайловной. Расскажи всё, что тебе известно, не пропусти мельчайших деталей. Это чрезвычайно важно. И... не засоряй эфир. Говори только по делу.

- Какой... эфир я не должна засорять? Ты о чем, Сереженька?

- Проехали. Прощайте, дамы, мне пора заниматься своими прямыми обязанностями. – С этими словами Голубицкий исчез.

Вика взирала на детектива с явным любопытством, но с опаской. Белова нагло ее рассматривала со своей сидячей позиции и не предпринимала никаких действий, ни о чем не спрашивала. Некоторое время игра в гляделки продолжалась. Было заметно, что игра тяготит Викторию, но никак не задевает Белову.

В итоге Виктории надоело стоять, она пристроилась рядом с Беловой на диване и устало выдохнула, дав понять, что никаких сил после тренировки у нее не осталось.

- Что вы хотели узнать? Ангелина Михайловна? Я ничего не путаю?

- Верно, Ангелина Михайловна.

Девушка напряглась, как будто услышала кодовое слово, после которого надо совершить некий поступок.

- Вика, не нервничайте, я не буду вас долго мучить вопросами, - успокоила Белова и дотронулась до ее плеча, как бы передала ей свою невозмутимую сосредоточенность и собранность.

Девушка достала из сумки планшет, покопалась в нем, нашла то, что искала и протянула планшет «детективу» со словами:

- Вот, посмотрите, этой и есть мой украденный перстень.

На фото была сама Виктория. Ее правая рука кокетливо прикрывала подбородок, выставляя напоказ материнский подарок. Равнодушная ко всяким безвкусным побрякушкам, пусть и по заоблачным ценам, «детективщица» не нашла в фамильном перстне ничего особенного, даже не поразил сапфир, видимо, настоящий. Бесспорно, перстень стоил немислимых денег, но вряд ли годился для повседневной, так сказать, носки – другого слова Белова не подобрала, - только для торжественных случаев. Но у Вики было свое мнение на этот счет, она что-то бубнила именно о свойствах перстня, ценных для его обладателя, восхищалась и уверяла, что с новым приобретением почувствовала себя другим человеком... Белова слушала вполуха, но кое-какие моменты откладывались в памяти, чтобы после заново переварить услышанное и выудить из разговорного хлама нужную информацию, способную вывести на убийцу. Она по-прежнему придерживалась мнения о связи украденного у Виктории старинного перстня с двумя убийствами в их доме.

Когда болтушка переключилась на занятия фитнесом, посчитав предыдущую тему разговора исчерпанной, при этом подпрыгивала на диване от непонятого восторга, как будто занятия дают ей немислимую по понятиям обыкновенного обывателя прибыль, Ангелина Михайловна сначала удивленно на нее воззрилась – неужели та смирилась с потерей? – затем резко перебила:

- Виктория, вы уверены, что перстень был похищен из вашей квартиры? Насколько мне известно, он был вам велик, поэтому я не исключаю того факта, что вы могли его потерять... в том же ночном клубе.

- Конечно, он был мне велик, не так, чтобы спадать, но все же, - мигом спустилась на грешную землю болтушка-веселушка и выгнула губы дугой. - Я подумывала сходить к хорошему ювелиру, но все же не решилась – мало ли что, вдруг испортит?

Белова неопределенно дернула головой – выразила неуверенную поддержку и затаилась в ожидании продолжения. Зря надеялась. Вика защebetала:

- Конечно, уменьшить размер может быть и можно, но как поведет себя изделие после грубого вмешательства? Вдруг что-то случится с камнем или перстень... перекоsobочит, а? - потребовала незамедлительного ответа худосочная девица.

- В принципе, всё возможно, - на этот раз утвердительно кивнула женщина. – Вика...

- Вот и я об этом подумала! – восхитилась та, не дослушав. - Поэтому решила оставить всё как есть. Я надевала перстень на указательный палец, как вы успели это заметить на фотографии, а сверху закантриполивала другим кольцом.

- Что делали?

- Сверху надевала другое колечко, на тот же палец, - пояснила Вика с возмущенным видом – недогадливая «детективщица» не внушала ей доверия. А Сергей пел ей дифирамбы. Втюрился, что ли, в эту старуху? Однозначно втюрился. Потому не поддается ее, Викиным, чарам. Ну и фиг с ним, она получше себе найдет.

Между тем Белова придирчиво изучала фото.

- Здесь его нет. Другого кольца нет, - пояснила девушка. – Специально его не надела, чтобы он не портил вид. Конечно, я выбрала совсем тонкое колечко, почти незаметное на фоне старинного перстня, по типу обручального кольца, но все равно – гусь свинье не товарищ! – с гордостью заключила она, поставив «детективщицу» в тупик.

Выдержав глубокомысленную паузу, Белова уточнила:

- В тот вечер то другое кольцо, по типу обручального, тоже было на указательном пальце?

- Естественно! – закатила глаза та. – Я знала, куда иду и чем буду заниматься.

- Оно ваше? Обручальное кольцо? Или кто-то подарил и ошибся с размером? – поинтересовалась Белова, хотя данная информация ей была до фонаря.

- Оно мое, - выразительно проговорила Виктория. – Что, не верите? – сникла она по необъяснимой причине. Когда заметила недоверчивый взгляд «детективщицы», которая не успела вставить ни единого слова, то неожиданно призналась, - и правильно делает, что не верите. – Белова сложила брови домиком. Девушка заверила, – вы не подумайте ничего плохого, я его не украла, я его нашла. Наверное, кто-то обронил, я шла по тротуару в парке и заметила, что в траве что-то поблескивает. Заинтересовалась, не поленилась, наклонилась и увидела обручальное кольцо. Я так думаю, что какой-то мужик решил прикинуться неженатиком. А что, такое бывает - приехал в наш город в командировку, начал изображать перед девушкой любовь-морковь, предварительно спрятав обручальное кольцо в карман, а потом не заметил как потерял. Представляю, какой нагоняй он получит от супруги. И поделом ему... Зря я, наверное, подобрала кольцо, - засомневалась девушка, - и мама мне сказала – не надо было, примета плохая. Вот и сбылось... Хотела объявление повесить – кто потерял, прошу обращаться по телефону... - но передумала: начнут доставать всякие придурки.

- И как же вы поступили с этой находкой?

- Отнесла туда, откуда взяла. Я как рассудила - вдруг человек-растеряшка придет на то место и начнет искать. Может и найдет, если кто-то другой его не опередит.

- Вика, когда вы общались с Сергеем в его кабинете, кроме вас двоих там никого не было? - вернула разговор в нужное русло Белова: она была уверена, что найденное обручальное кольцо не имеет отношения к делу, зря она, вообще, о нем заговорила.

- Кабинет, скажите тоже, - приподняла худенькие острые плечики девушка, - кабинетом его можно назвать с большой натяжкой. Да, там есть комната для коротких совещаний - маленький «пенал», которую по устоявшейся привычке называют кабинетом, там тренеры тусуются в перерывах между занятиями. Из кабинета дверь ведет в раздевалку, за раздевалкой – душевые.

- И когда вы разговаривали, никого в раздевалке или в душевой не было?

- Мне показалось, что там были мыши – кто-то скребся. Я еще у Сережи спросила, а он меня высмеял – какие могут быть мыши?! Но я отчетливо слышала, как кто-то скребется.

- Эти... мыши скреблись на протяжении всего разговора?

- Нет, не всего, только в начале, поэтому я никак не могла сосредоточиться. Когда речь зашла о перстне, который мне подарили на день рождения, звук прекратился. Но я не думаю, что в раздевалке или, тем более, в душевой, кто-то был – все двери были нараспашку. Время было позднее... Я специально подгадала, чтобы в клубе никого не было. Только администраторша сидела за стойкой. Но где холл, а где кабинет тренеров.

- Но кто-то скребся, - задумчиво протянула Ангелина, - а потом затих.

- Говорю же – мыши! Услышали людей, испугались и скрылись в норе.

- Ладно, с одним, более-менее, разобрались. Еще один вопрос: Вика, вспомните, пожалуйста, не приходил ли кто-то незнакомый к вам домой незадолго до исчезновения перстня?

- Полицейских тоже интересовал этот вопрос, - с сарказмом проговорила девица. Белова, уставшая от ее звонкого голоса, разносившегося по всему холлу, от ее энергичных жестыкуляций, взяла ее под руку и предложила переместиться на свежий воздух. Вика не стала противиться.

Оказывается, незадолго до кражи к Вике приходил газовщик, о чем она сообщила на улице. Газовщик был в спецовке с соответствующей надписью, он с порога заявил: «Проверка газового оборудования», и без приглашения прошел на кухню. Задал какие-то «дежурные» вопросы, после чего хозяйка оставила его одного заниматься своими привычными делами. Когда покончил с делами, позвал ее, сунул какую-то квитанцию, она подписала, и он ушел.

- Вы можете его описать? Как он выглядел? Во что был одет? Приблизительный возраст?

Вика долго описывала газовщика, ничего конкретного не сказала, больше концентрировалась на незначительных деталях - что он говорил, как он говорил: на пространные темы не рассуждал, не картавил-не гнусавил, предложил заменить газовый шланг, но она отказалась – не до шлангов сейчас. После как-нибудь. Газовщик особо не настаивал.

Беловой показалось, что ее монолог услышали жители пригорода. Не удивительно, что ее разговор с Голубицким о фамильном перстне мог кто-то случайно подслушать – хочешь-не хочешь, а услышишь.

Но что больше всего поразило Ангелину Михайловну, так это заключение монолога:

- Когда полицейский эксперт исследовал замок на входной двери, он сразу заявил, что замок вскрывали, причем ни единожды. Наверное, первый раз грабитель заявился, когда меня не было дома, чтобы добавить в шампанское снотворное, потом вернулся ночью, следовательно, газовщик вне подозрений.

Что ты будешь с ней делать! – про себя возмутилась Белова. Вслух рассудила:

- Почему же похитителем перстня не может быть газовщик? Он распахнул холодильник, заметил бутылку шампанского, и у него родился план. Позже, в ваше отсутствие, он проник в квартиру и осуществил первую часть своего плана. А про двойное проникновение в ваше жилище - это еще бабушка надвое сказала: я сомневаюсь, что можно установить, сколько раз злоумышленник проникал в квартиру, действуя без помощи «родного» ключа.

- Но эксперт так сказал!.. Или я что-то напутала, - засомневалась громкоголосая Виктория. – Мне не верится, что газовщик мог совершить кражу. Он такой... приличный. И выглядел озабоченным, наверное, своих проблем выше крыши.

- Все же, Вика, попытайтесь вспомнить, как он выглядел, - еще раз попросила Ангелина Михайловна и предупредила, - о чем он с вами разговаривал, меня мало интересует – о фамильном перстне он бы точно расспрашивать не стал.

Вика неожиданно заважничала. Или обиделась, что ее предыдущий монолог показался неважным.

- Это был мужчина, - наконец, выдала она из себя. – Пожилой мужчина...

- Какого возраста? - уточнила Ангелина Михайловна, с трудом сдерживая рвущийся наружу гнев. Издевается она, что ли? Или ее поведение - не от большого ума?

- Говорю же – пожилой, ему в районе сорока.

- Что-то еще?

- Можно подумать, я его рассматривала?! Больно надо! - поджала губы девушка.

- Он совсем безликий? Никаких примет, ничего выдающегося? Заметили только его озабоченный вид, следовательно, обронили на него мимолетный взгляд. Я правильно понимаю? - с нажимом спросила Белова, дав понять – если у Вики нет дополнений, то она слепая-ненаблюдательная – это мягко сказано, грубее – дура стопроцентная, которая не замечает очевидных вещей.

Виктория погрузилась в глубокие раздумья, не желая казаться стопроцентной дурой.

- У него были брови, - озвучила она всплывшее воспоминание и приложила расставленные пальцы к надбровным дугам, уперев в лоб тыльные стороны ладоней, – изобразила бровную кустистость.

- Брови как у Брежнева? - полувопросительно поинтересовалась Ангелина, заранее зная, какой ответ-вопрос получит. Так и вышло.

- А кто это?

- Генеральный секретарь ЦК КПСС.

- Какой страны?

- Ладно, проехали. Значит, у него были выдающиеся брови.

- Ага. Ой, и еще у него были усы. – На это раз Вика соединила кончики пальцев и потянула невидимые усы, дав понять, какие были усы у газовщика – длинные и горизонтально вытянутые.

- Театральщина, - со вздохом еле слышно произнесла Белова. Но девушка ее услышала.

- Вы думаете, что и брови, и усы были ненастоящими? - удивилась она, округлив свои и без того огромные глаза. – И что получается? Что газовщик был вовсе и не газовщик, - пробормотала она, приложив ладони к щекам. Громкость звука значительно поубавилась, что благотворно повлияло на барабанные перепонки Беловой.

- Я тоже придерживаюсь этого мнения.

- Но он приходил не только ко мне, и к другим соседям – тоже,- доверительно сообщила Виктория, засомневавшись в своих и чужих выводах. Чем-то газовщик был ей симпатичен. По всей вероятности, своей озабоченностью. В России всегда жалеют несчастных, обездоленных и озабоченных, даже те, кому жалость не свойственна. Девушка хотела продолжить свою адвокатскую речь, но вымотанная беседой «детективщица» успела вставить вопрос:

- Полиция наводила справки в газовой службе: работает у них человек, подходящий под ваше описание?

- Представляете – работает! – восхитилась Виктория.

Беловой очень захотелось треснуть ее чем-нибудь тяжелым по голове, а еще лучше – вставить в рот морковку, как ее вставляют в верхний шар снеговика, изображая нос. Но то нос, а это – затычка для говорливой особы. Но время от времени затычку необходимо вытаскивать, чтобы получать по крохам нужную информацию. Когда Вика уваливает в сторону, раз, и морковку в рот.

- Его имя, фамилия вам известны? Я сама хочу с ним поговорить.

- Имя, фамилия, - призадумалась девица. Вопрос поставил ее в тупик.

Пора переходить к попыткам, - подумала измочаленная Белова.

- Вспомнила! И как я могла забыть такую простую фамилию! Это вам не Рыбоконь какой-нибудь или Пузыревский...

- А это... - поторопила Ангелина, прижав подбородок к груди, от напряженного ожидания.

- Иванов Степан, - облегченно выдохнула Вика. Одарив Белову победным взглядом, она пренебрежительно сообщила, - но этот Иванов Степан совсем не тот Иванов, который приходил ко мне.

- Час от часу не легче! – всплеснула руками женщина и набросилась на болтушку, - а чего ж ты мне голову морочила: работает, именно он ко мне приходил, и усы у него, и брови!

- Так я поначалу думала, что это он приходил, ведь и усы есть, и брови. И рассказывала вам... так, как положено – постепенно, не так, чтобы было начало и сразу конец... Нам провели... эту... очную ставку, и я увидела совсем другого мужика. Да, с усами, да с бровями, но этот Иванов, настоящий, еще старше, ему ближе к пятидесяти. Старик, в общем. И он плотный, а тот... среднего телосложения. Обычного, в общем. Я вот что подумала: ненастоящий газовщик стырил спецовку у настоящего, чтобы заделаться газовщиком...

- Почему ты так решила?

- Она ему была велика, висела на плечах как на вешалке. Видимо, он знаком с настоящим Ивановым... Видел его, в смысле, где-то пересекался. В нужный момент вспомнил о нем, стырил спецовку, заgrimировался и пришел ко мне, чтобы обстановку разведать.

Одна умная фраза за целый час, - подумала Ангелина с облегчением.

- Значит, говоришь, Степан Иванов. А отчество? - поинтересовалась она без всякой надежды на успех – всплеск ума пошел на убыль, что было заметно по лицу девицы. Она успела перенестись в другое место, подальше от пристрастной «детективщицы». Пришлось той распрощаться и двигать в газовую службу.

Уже по дороге Белова вспомнила, что сегодня выходной день, суббота, время перевалило за полдень. Можно попытаться удачу, но лучше перенести разговор с Ивановым Степаном на понедельник. Ангелина направила стопы к родному дому.

Возле подъезда стоял знакомый автомобиль. Рядом с транспортным средством крутился законный владелец, Григорий Пышненко. Жанна Рябченко сидела в салоне и всем своим видом выражала неудовольствие. Едва Лина показала во дворе, подруга выскочила из машины и набросилась на нее:

- Ангел, где тебя носит?! Почему у тебя мобильный телефон отключен?! Мне сказали, что ты ушла с Голубицким. Ушла и как в воду канула. Что происходит, в конце-то концов?! Еще немного и ты бы застала мой хладный труп! Чего ты молчишь, как рыба?! Я тебя спрашиваю – где тебя носило в компании с Голубицким? Ты, вообще, в своем уме?

- Каждый думает в меру своей распущенности, - обронила Белова и направилась к скамейке – день выдался нелегким, хотелось посидеть на свежем воздухе и лучше в полном одиночестве. Где там, Рябченко засемила за ней, приговаривая:
- Когда ты начнешь думать о близких людях, которые волнуются, переживают за тебя? А? Когда?
- Всегда думаю о близких людях, днями и ночами только и делаю, что думаю, - без эмоций сообщила Лина.
- Мы за нее переживаем, места себе не находим, а ей все равно! Ангел, так нельзя! Нельзя так, Ангел!
- Нельзя, Ангел, так, - переставила иначе слова в озвученной фразе Белова.
- Она еще и издевается! Гриш, ты слышишь? Она над нами издевается.
- Рядом с расстроенной женщиной тут же появился мужчина, к которому был обращен призыв. Он положил руку на плечо любимой женщины - безмолвно успокоил.
- Тебе нечего сказать? - сдержанно осведомилась у него любимая женщина.
- Жанночка, я же тебе говорил, что с Ангелиной ничего не случилось, ушла по делам, а телефон разрядился.
- Я телефон дома забыла, очень спешила, - доложила Белова и опомнилась, - а вы что здесь делаете? – Очень надеялась, что сию минуту получит ответ, и останется наедине со своими мыслями.
- Грибы собираем, - схохмила Рябченко без намека на улыбку. Не выдержала, обняла безответственную подругу и вкрадчивым голосом поинтересовалась, - Линка, где ты была?
- Потом расскажу. Я очень устала.
- Очень хорошо, что устала, - взвизгнула подруга и призывно взглянула на Пышненко.
- Михална, а мы за тобой, - вступил он. - Вот собрались с Жанночкой ко мне на дачу. Присоединись к нам?.. Там можно отдохнуть в тишине. Ты как? Согласна?
- Ребята, мне...
- Ангел, отказа мы не принимаем. Тебе нужна передышка. Отдохнешь пару деньков, а потом с новыми силами вернешься к расследованию.
- Я так понимаю, что ты даешь задний ход, - осудила Лина подругу.
- Старые друзья своих не бросают, - заверил Пышненко.
- Лин, поехали, ну, пожалуйста, - заканючила Жанна.
- Ты и мертвого уговоришь. Хорошо, я поеду, но с одним условием.
- Что за манера ставить условия?! – вспыхнула Жанна Петровна. – Неужели нельзя без всяких условий?
- Жанетта, а чего это ты глаза прядешь? Неужели я просчитала все твои ходы?
- Почему сразу мой? Может быть, это было предложение Григория?
- Девчонки, я к машине, а вы тут без меня договариваетесь. - С этими словами Пышненко улизнул в своему автомобилю, припаркованному у подъезда Лины.
- На подобное коварство способна только ты, - упрекнула подругу Белова.
- В чем же здесь коварство? В том, что я хочу устроить личную жизнь подруги?
- Я тебя об этом не просила.
- Да, не просила, но я вижу, как ты страдаешь.
- Одень очки – я не страдаю. Я занимаюсь расследованием убийств двух человек, которых знала долгие годы. Вадик, вообще, вырос на моих глазах. Я страдаю от своей беспомощности и неспособности.

- Так что? Едем? – не обратив внимания на «плач Ярославны», прицепилась Рябченко.
- Я поеду, только в том случае, если где-то по дороге мы... случайно не подхватим одного господина, - поставила условие Ангелина.
- Он тебя любит.
- Его право.
- И ты его любишь.
- Люблю свою дочь, своего внука и тебя. Вот весь перечень моих любимых людей.
- Про зятя забыла.
- И зятя, конечно, куда ж его денешь, - усмехнулась Лина.
- Ангел, ты не будешь жалеть? У тебя есть последний шанс восстановить отношения. Когда я позвонила Кораблеву, он...
- Во-первых, я тебя об этом не просила. Во-вторых, человек с фамилией Кораблев мне незнаком. Точка...

Они возвращались в город в воскресенье, ближе к вечеру.

Ангелина пребывала на седьмом небе от счастья – давным-давно они с Жанкой так прекрасно не ленились. Всё дела, да дела, постоянная озабоченность, думы-раздумья, а тут – только и делай, что ничего не делай, как говорил в одном мультфильме известный персонаж.

Действительно, никакие мысли - ни умные, ни коварные, ни глупо-бытовые - голову не посетили. Даже мысли о расследовании, которые терзали Белову всё последнее время, смилоствивились и на время затаились где-то далеко и глубоко.

Радужный хозяин Григорий Пышненко взял на себя все обязанности – и знатного огородника, и шашлычника, и удачливого рыбака, и повара... Главное – он всем видом показывал, на какой заоблачной вершине счастья он пребывает. Иногда замирал и выискивал глазами свою избранницу, словно не верил, что достиг своей цели, пусть и на закате жизни. А избранница млела от его взглядов, как девочка-подросток млеет от взглядов красавчика-одноклассника, который обратил на нее внимание.

Лина была счастлива от того, что счастливы ее близкие люди.

Сидя в салоне автомобиля на заднем сидении, она ловила себя на том, что улыбается. Смотрит в окно, любит пейзажем и улыбается. На ее голове лихо сдвинут венчик из одуванчиков, порозовевшее лицо слегка побаливает от ласковых, но навязчивых солнечных лучей. Лина любит надежным затылком водителя. Водитель поглядывает на нее в зеркало заднего вида и время от времени подмигивает, как будто они заговорщики. Жанка дремлет рядом с подругой. И тоже улыбается во сне.

О Кораблеве Лина ни разу не вспомнила. Так ей казалось. Но на любой телефонный звонок реагировала настороженно.

За два дня Кораблев не дал о себе знать... Впрочем, ничего нового: он давно ей не звонит и не появляется.

Когда Белова оказалась во дворе, она заметила на скамейке, на которой накануне сидела вместе с Жанной, Федора Жукова. Рядом пристроился в своем инвалидном кресле Арсений Лебедкин. Он с сочувствием что-то говорил Федору. Заметив Ангелину Михайловну смолк и заулыбался.

Белова кивнула и прошла бы мимо, если бы не повязка на голове Жукова, в виде шапочки.

- Федор, что-то случилось? – спросила она, приближаясь к скамейке.

- Бандитская пуля, - усмехнулся Федор.
- Он еще и шутит, - насупился Лебедкин и обратился к женщине, - Ангелина Михайловна, а ведь мы с Федором вас поджидаем. Дело у нас к вам.
- Конфиденциальное, если можно так выразиться, - вставил Федор. – Но сразу скажу – это не моя инициатива, в том смысле, что я не хотел вам ничего рассказывать, а Арсений Артурович настоял.
- Белова хотела сказать, что Лебедкин ищет любой повод, чтобы обратить ее внимание...
- Стоп! – мысленно осадил она себя. - А ведь как верно я подумала – ищет повод! А я-то, старая дура, вдруг начала подозревать Лебедкина во всех смертных грехах! Списала себя со счета – не рассматриваю себя в качестве женщины, заслуживающей мужского внимания. Отсюда и недоверие к Кораблеву. Опять этот Кораблев!.. О чем я? Об интересе Лебедкина. Надо всего лишь внимательно посмотреть ему в глаза и все станет ясным и понятным. Все элементарно, Ватсон! Наш уважаемый Лебедкин просто-напросто влюбился. И теперь ищет повод, чтобы объясниться. Не знает, на каких санях ко мне подбраться. Недаром Голубицкий говорил обо мне страшные вещи – боится меня народ, если быть более точной - мужской люд. Мои подозрения возникли из-за его странного и неуверенного поведения. Хорошо. С этим разобрались. Что дальше? Зачем они сидят и ждут меня? Неужели эти двое сговорились, чтобы привлечь мой интерес, слово-за слово, разговоры-разговорчики, выход на новый уровень общения, то да се... Не выйдет, господа хорошие!
- Друзья мои, у меня нет ни сил, ни желания... проводить с вами разбор полетов, - с трудом подобрала определение женщина. - Я очень устала и хочу спать. Спокойной всем ночи.
- Ангелина Михайловна, вы не можете так просто взять и уйти, - промямлил озадаченный Жуков.
- Я тебе искренне сочувствую, Федор, хотя, не знаю, что произошло. Очень надеюсь, что время терпит, и завтра мы обо всем поговорим. А теперь, с вашего позволения, мужчины, я должна вас покинуть, - промолвила Белова, но исполнять свое решение не спешила – слишком загадочными выглядели оба соседа. Она замерла в метре от скамейки, пристально изучая перемотанную бинтами голову гениального сантехника.
- Ангелина Михайловна, дорогая, - вступил в переговоры Лебедкин, - вы не только красивая женщина, вы умная, вы сообразительная...
- На это и расчет, - вставил Федор.
- Увы, нам это не дано, - развел руками Арсений.
- Я ничего не понимаю. Можно без лирических вступлений.
- Речь пойдет об очень серьезных делах, вопрос жизни и смерти, - понизив голос, сообщил раненый.
- Ангелина Михайловна, вы обязаны сделать правильные выводы из того, о чем мы сейчас расскажем.
- Вы себя совсем не бережете. Подумайте хотя бы о своих близких, - вставил с придыханием Федор.
- Вы мне угрожаете? – без намека на испуг поинтересовалась Белова.
- Мы? Вам? – задохнулся от возмущения Жуков. – Как вы могли такое подумать!
- Федор неправильно выразился, - присоединился к нему Арсений и осудительно на него взглянул. Пришлось Федору изображать вселенскую боль с прикладыванием обеих рук к перемотанной бинтами голове.

- Довольно ломать комедию. Или вы мне рассказываете, что приключилось, почему я вижу перед собой раненого в голову бойца, или я ухожу, - пригрозила Ангелина Михайловна.
- Вам грозит опасность, - шепотом сообщил Арсений Артурович, озираясь по сторонам.
- Надо по порядку, - вмешался Жуков, переставший страдать.
- Согласна, - кивнула бесстрашная дама с венком из одуванчиков на голове. – Кто начнет?
- Я жертва, мне и начинать, - проблеял Федор. – Всё случилось ранним воскресным утром. Только я вышел из своего подъезда, как на меня напал неизвестный. Он приложил меня головой к стене дома, прямо со всей дури взял и стукнул пару раз головой об стену. Голова чуть не раскололась, боль ужасная. Я почти потерял сознание. Тогда неизвестный меня встряхнул, чтобы я пришел в себя и принял к сведению его слова.
- Ну? Что он тебе сказал? – с трудом сдерживая улыбку, спросила Белова.
- Вот вам весело, Ангелина Михайловна, - обиделся Федор, - а мне совсем не смешно.
- Извини, Федор. Я тебя слушаю.
- Он мне сказал, чтобы вы не лезли не в свое дело, а то хуже будет. Это первое и последнее предупреждение. После этих слов он испарился, как будто его и не было. Я бы так и подумал – не было никого – если бы не разбитая голова.
- Ты в полицию заявил?
- Не заявил и не буду заявлять. Что я им скажу? Я не успел рассмотреть нападавшего, свидетелей нет. Даже Арсений Артурович ничего не видел...
- Я еще спал, рано было, - доложил тот с глубоким сожалением в голосе.
- Федор, надо заявить о нападении в полицию, - упорствовала Белова.
- Не хочу. Будет только хуже. Ангелина Михайловна, я вас очень прошу, бросьте вы это расследование. Шкаликова повязали, дело раскрыто.
- Да, Ангелина Михайловна, - поддержал Жукова Лебедин, - оставьте расследование правоохранительным органам.
- Арсений Артурович, это вы рассказали Федору о моем расследовании?
- Я, знаете, тоже не слепой и не полный дебил – кое-что заметил, кое-о чем давно догадался. А потом Люся Яварчук подтвердила мою догадку, - с жаром высказался Жуков. - Арсений Артурович мне ни слова не сказал. Он очень хороший человек. Когда сегодня утром на меня напал неизвестный, я не нашел ничего лучше, как пойти к нему, чтобы он оказал мне первую медицинскую помощь.
- Почему домой не пошел?
- Боялся жену напугать. Столько кровищи было, жуть.
- Надо было «Скорую» вызвать.
- Да, ну их, врачей этих, - отмахнулся Федор. – Пока приедут, кровью истечешь.
- И все-таки, надо поехать в больницу и сделать рентген, возможно, у тебя, Федя, сотрясение. Голова не кружится? Тебя не тошнит?
- Все нормально. Только за вас переживаю.
- Спасибо, конечно, - промямлила Лина и подумала, что все за нее переживают, кроме Кораблева. Он ничего не знает об угрозах. И не узнает.
- Чем мы можем вам помочь? – поинтересовался Лебедин.
- Ничем. Свое расследование я прекращаю – не могу рисковать здоровьем моих родных и друзей, - беспечно пробормотала она. Мужчины переглянулись и тяжело

вздохнули – явно не поверили. – Но тебе, Федор, надо быть настороже. Одно не пойму – почему он выбрал тебя?

- Наверное, понял, что Федор не способен дать ему достойный отпор, - ответил за него Лебедкин. Хотел как лучше, получилось как всегда: Федор обидчиво поджал губы.

- Вы давно здесь сидите? – спросила Лина у мужчин, чтобы сменить тему разговора.

- Давно, а что? - заинтересовался Жуков.

- Люся не возвращалась домой? Не видели?

- Нет, не видели, - ответил за обоих Федя. – Разве она куда-то уезжала?

- На выходные поехала к подруге в поселок, должна вернуться на электричке вечером. – Ангелина посмотрела на часы. – Впрочем, еще не время бить тревогу. Но на сердце почему-то беспокойно, - покачала головой женщина, поблагодарила за заботу, дала невнятное обещание, что не будет заниматься расследованием, и побрела к подъезду. Мужчины смотрели ей вслед. Она чувствовала спиной их взгляды.

- Ангелина Михайловна, - окликнул ее Лебедкин. Она остановилась и оглянулась. Лебедкин что-то шепнул своему приятелю и покатил к ней на своей инвалидной коляске.

- Я вас слушаю, Арсений Артурович, - сузив глаза, сказала она, когда он к ней приблизился.

- Ангелина Михайловна, я давно хотел вам сказать... Давно хотел признаться... Но не решался, потому что я... инвалид. Зачем вам инвалид. Но сейчас у меня появился шанс на выздоровление, я еду в Израиль на лечение... Что-то я не то говорю... Одним словом, я вас люблю, Ангелина Михайловна. Люблю давно. Я хочу, чтобы вы об этом знали. Мало ли, что меня ждет в будущем. Прогноз прогнозом, но... всякое может случиться. Сердечко у меня давно барахлит.

- Надо надеется на лучшее.

- Больше вы ничего не хотите мне сказать?

- Ваше признание меня не удивило.

- Только и всего?

- Я очень надеюсь, что операция пройдет успешно, вы вернетесь к прежней жизни... И вы встретите достойную женщину. Возраст никогда не был помехой для счастья. Я точно знаю, что начать жизнь заново никогда не поздно, было бы желание... Я могу задать вам один вопрос? Он давно меня мучает. – Лебедкин согласно кивнул. – Недавно вечером мы с вами беседовали во дворе, потом я ушла, а вы собрались кому-то звонить. Кому, если не секрет? Если не хотите отвечать, не отвечайте, ваше право.

- В тот вечер я так и не решился признаться вам в своих чувствах. После вашего ухода, решил – позвоню и скажу. По телефону как-то легче.

- Но не позвонили.

- Нет. Как-то неправильно... Всё это неправильно... И сегодня не нужно было... Вы любите другого мужчину? Того, с кем вы разговаривали в день убийства старухи Гавриловой?

- До свидания, Арсений Артурович, - ускользнула от ответа Белова.

После вопроса Лебедкина она осознала, что любит. Любит того, другого, чью фамилию пытается забыть, как и его самого. А он... подлый негодяй...

Рано утром в дверь Беловой настойчиво позвонили. Она решила, что пришла Люся. Сейчас начнет барабанить кулаком в дверь. Ничего нового, всё, как всегда. Ей,

видите ли, надо срочно доложить, как прошли выходные в компании Марианны и Василисы.

Однако незваный гость продолжать измываться над дверным звонком. Тревога обуяла Ангелину Михайловну. Она накинула халатик и поспешила в прихожую. Руки так тряслись, что она с трудом справилась с замком.

На пороге стояла растрепанная и встревоженная Маргарита Леопольдовна Фредушинская.

- Люся пропала, - сказала она гнусавым от долгих слез голосом и вошла в квартиру.

- Как пропала? Она должна была вчера вернуться. Что произошло?

- Люся позвонила с пригородного вокзала, сообщила, что приехала, скоро будет дома... А потом... - Марго зарыдала в голос.

Белова никогда не видела ее в таком «разобранном» состоянии.

- Маргарита Леопольдовна, проходите на кухню, я напою вас успокоительным.

Старушка отказалась от успокоительных капель, но в кухню прошла и села на стул. Собралась с силами и продолжила:

- Наверное, моя девочка только вышла из электропоезда, она шла по перрону и разговаривала со мной по телефону. Потом с кем-то поздоровалась, а мне сказала, что перезвонит позже. Я была спокойна и легла спать. Утром просыпаюсь, иду к ней в комнату и понимаю, что... моя девочка не ночевала дома. Я набираю ее номер, а мне говорят, что телефон абонента отключен.

- Она обещала перезвонить и не перезвонила, - задумчиво протянула Белова, вспомнив старуху Никифоровну, которая возмущалась безразличием прабабки по отношению к правнучке. Речь идет не о безразличии, конечно, а о полной уверенности, что с правнучкой ничего плохого случится. Что поделать – такой у Марго мужской характер: никаких волнений «на пустом месте».

- Надо в милицию идти... Писать заявление... Как думаете, Ангелина Михайловна?

- Вместе пойдем. Я сейчас. Я быстро. - Хозяйка успела дойти до прихожей, как услышала, как на прикроватной тумбочке разрывается возмущением ее мобильный телефон. Женщина придала себе ускорение, влетела в спальню и прежде чем ответить на звонок, посмотрела, кто звонит. На экране высветились знакомые имя и фамилия – Людмила Яварчук.

- Люся! – заверещала Белова на всю квартиру, - Люся нашлась!

Через секунду Марго уже стояла возле нее.

Белова не успела ничего сказать - накинуться, поругать, что-то спросить, в итоге успокоиться и порадоваться, как услышала в трубке грубый незнакомый мужской голос, явно искаженный специальными техническими средствами.

- Это второе предупреждение. Надеюсь, теперь ты будешь сговорчивее. А то вдруг взбредет в голову продолжить свое расследование. Запомни – это последнее китайское предупреждение. – Незнакомец мерзко захихикал. – Ты – по-хорошему, я тоже – по-хорошему. Тебе ясно?

- Это ты похитил Люсю? – прошипела Белова. – Ты? Что с Люсей? Где она? Молчишь? Ну, молчи, молчи, как бы тебе навсегда не замолчать. И послушай МОЕ первое и оно же последнее китайское предупреждение - если хотя бы один волос упадет с ее головы, я тебя уничтожу, тварь!

- Не груби, тетя, а то хуже будет. Ничего с твоей девкой не случится, если ты будешь сидеть тише воды, ниже травы... Я всё сказал! Ты поняла?

- Дай мне поговорить с Люсей.

- Обойдешься.

- С ней все нормально? Она... жива?

- Не переживай, я ее пальцем не трону. Пока. Сиди дома и не высовывайся. Если я узнаю, что ты нарушаешь обещание, твоей Люсе – капец. Я доходчиво объясняю?
- Я... тебя... поняла.
- И не думай меня перехитрить. У меня все под контролем.
Фредушинская слышала весь разговор – Белова включила на телефоне громкую связь.
- Извините меня, Маргарита Леопольдовна, - выдохнула Лина. - Не думала, что... так выйдет.
- Он не выпустит мою девочку живой. Он побоится... Она его выдаст.
- Будем надеется на лучшее. Я что-то придумую.
- Как долго ЭТО продлится? Пока не осудят Шкаликова? Но следствие может идти полгода или больше... Ангелина Михайловна, вам не кажется поведение этого... человека... странным? Чего он добивается?
- Чтобы я не занималась расследованием, каким-то образом он узнал, что я слишком близко приблизилась к разгадке... Хотя, я так не считаю.
- Что будем делать? Сидеть сложа руки и ждать?
- Именно этого он и добивается. Неужели он рассчитывает, что я буду безвылазно сидеть в четырех стенах, смотреть примитивные сериалы и ждать развязки. Какой развязки? Если он, действительно, выжидает – хочет дождаться суда над Шкаликовым, но это глупо. Разве не так? Любое уголовное дело можно пересмотреть, возобновить расследование по факту вновь открывшихся обстоятельств.
- Он не может быть примитивным, как сериалы, - высказалась Фредушинская, во все глаза смотря на свою визави, от которой зависела жизнь правнучки. – Сами подумайте – он убил двух человек и практически «вышел сухим из воды». Ему несказанно везет, как везет... начинающему игроку в казино.
- Я ни единожды об этом думала: преступник не хладнокровный профессиональный убийца. Что-то в его жизни произошло, и он случайно убил Вадима Пушкина... Потом настала очередь болтливой Никифоровны. Боязнь медленно начала отступать, ей на смену пришло собственное величие – он один такой во всем мире, никто и никогда не сможет его поймать. И вдруг он узнает о моих шагах в правильном направлении. Он начинает паниковать и совершает одну ошибку за другой. Сначала напал на Федора Жукова, потом похитил Люсю.
- Не проще ли ему было расправится с вами и положить конец расследованиям? И почему он решил, что опасность исходит от вас? В полиции тоже не дураки сидят.
- Мы не знаем, что в голове у следователя, но я могу уверенно заявить, что следователь никак не соединил в одно уголовное дело два убийства и одну кражу со взломом.
- Какую еще кражу?
- Сейчас не время, я после вам расскажу. Что касается вашего вопроса о более простом решении проблемы, то... то об этом стоит поразмыслить.
- Вы будете сидеть и думать, а моя девочка... - всхлипнула Маргарита Леопольдовна. – Что с ней? Жива ли она?
- Успокойтесь – Люся жива, - уверенно заявила Белова. Марго вытерла слезы большим мужским носовым платком и выжидательно посмотрела на нее. Ангелина заверила, - я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы найти эту сволочь. Мы знаем, что он звонил мне с телефона Люси. В этой связи у нас появляется возможность запеленговать телефон и вычислить его местонахождение.
- В этом деле я вам не помощник.

- Честно говоря, я тоже в этом деле полный профан. К тому же не могу предпринимать никаких действий - не хочу рисковать жизнью Люси.

- И что же делать?

- Мне нужен надежный помощник.

- Я могу послужить связующим звеном между вами и специалистом, который запеленгует телефон моей девочки.

- Маргарита Леопольдовна, я не исключаю того факта, что за вами тоже ведется наблюдение. Для начала мне нужно добыть чужой мобильный телефон... С вашего звонка не хочу, - опередила ее предложение Белова.

- Я возьму телефон у мужа.

Марго метнулась к себе домой и вскоре вернулась со стареньким кнопочным мобильником. После чего Белова выставила ее из квартиры, чтобы не путалась под ногами.

С чужого мобильника Белова позвонила Голубицкому. Тот долго не отзывался, потом буркнул недовольно: «Алё».

- Сереж, нужна твоя помощь.

- Ангелина Михайловна? Вы?

- Я. Звоню с другого телефона. Так вышло. Поможешь?

- Я приболел.

- Что-то серьезное?

Сергей коротко обрисовал ситуацию – ничего серьезного.

- Так что? – прицепилась Ангелина.

- Для вас – что угодно, даже в такой ситуации, - пошутил мужчина.

- Сережка, мне не до смеха.

- Что случилось?

Женщина рассказала о похищении Людмилы и о звонке неизвестного. Сергей не стал ей пенять – я же вам говорил и все в таком духе. Выслушал и сказал:

- У меня есть один знакомый, он служит в МЧС, у него есть возможность определить, где в настоящий момент находится телефон Людмилы. Ждите...

Сергей перезвонил через полчаса и сообщил:

- Местонахождение телефона Яварук определить не удалось. Скорее всего, преступник отключил телефон, или, вообще, вытацил симкарту и выбросил.

- Честно говоря, я не удивлена, ведь мы имеем дело с хитрым соперником, который вошел во вкус игры, в которой он диктует условия.

- Он сумасшедший? – спросил Голубицкий напряженным голосом.

- Он одержимый... некой идеей.

- Разве это не одно и то же?

- Довольно философствовать. Сергей, я хочу еще раз поговорить с Викой. У меня появилось к ней несколько вопросов.

- Я могу привезти ее к вам. Пусть преступник думает, что это моя любовница. Мы вместе зайдем в подъезд, затем незаметно поднимемся к вам. Хотя... лучше я ей позвоню, и пусть она сама приезжает, - предложил другой вариант Сергей, вспомнив о своем непродолжительном заболевании, требующим его пребывания дома.

- Он не дурак, быстро обо всем догадается, когда увидит Викторину, входящую в наш подъезд.

- Вы по-прежнему настаиваете на той версии, что преступления связаны?

- Теперь я в этом убеждена на сто процентов. Потому он так занервничал.

- Но откуда ему знать о ваших догадках?

- Хороший вопрос. У меня такое чувство, что он постоянно где-то рядом, а я его не замечаю.

- Что ж он, в шапке-невидимке, что ли? – хмыкнул Сергей.

- Может быть, может быть, - пробормотала Белова, погружившись в свои мысли.

- Что будем делать с Викторией?

- Я ей позвоню, дай мне номер ее телефона.

- Куда проще. - Голубицкий продиктовал номер Викторией, и Белова снова взялась за чужой мобильник.

Вика ответила сразу, спросила визгливым голосом: «Кто это?» Белова назвала свое имя и «род занятий», чтобы оживить память и не терять времени даром. И сразу предупредила, чтобы Вика никому не рассказывала об их разговоре - дело идет о жизни очень дорогого ей человека. Затем попросила заново повторить историю старинного перстня, которую слушала вполуха при первой встрече – посчитала данную информацию лишней...

Ангелина Михайловна не могла представить, как себя чувствуют космонавты после приземления, но, наверное, у нее тоже, как и у них, сказывались перегрузки, с той разницей, что у нее – от общения с Викторией. Будто бы и разговор не слишком перенасыщен информацией, и длился не более пятнадцати минут, однако Ангелина страдала от переизбытка чужих эмоций и получения ненужных сведений. Особенное внимание Виктория уделила предмету своего интереса – Сергею Голубицкому, пыталась выяснить у своей визави тайны его личной жизни. Белова чуть не сорвалась и не сообщила девушке о ближайших планах Сергей – о предстоящей женитьбе на бывшей однокласснице. Но благо, вовремя удержала свой порыв, иначе Вика могла повести себя неадекватно, прервать разговор на полуслове. Или залилась слезами, вообще перестала соображать – с соображением у нее и без того большие проблемы, в итоге принялась жаловаться на свою несчастную девичью долю.

Получивскомканную информацию, Белова в изнеможении опустила на кресло. Сцепила ладони и приложила ребра сцепленных ладоней к губам, подпихнув два больших пальца под подбородок. Так ей легче думалось. Привычнее.

Она не знала, сколько времени просидела в такой позе, но подбородок занял от впившихся в него ногтей, оттого и вернулась в реальность.

Голова побаливала, но не так, чтобы понадобилось медикаментозное вмешательство.

Чтобы размять затекшие ноги, Белова принялась мерить шагами комнату. На ум пришли строки поэтессы Ольги Берггольц, которые она процитировала вслух:

- Я недругов смертью своей не утешу, что б в лживых слезах захлебнуться могли, не вбит еще крюк, на котором повешусь. Не скован. Не вырыт рудой из земли.

Строки придали ей физических сил, и возобновили умственный процесс.

Все-таки общение с болтушкой Викторией принесло свои плоды, полученная информация в перекрученном виде выпрямилась, разложилась, осталось сделать выводы. Один вывод родился в голове легко и просто, тем более, он уже был озвучен, теперь пришло окончательное убеждение: на сегодняшний день главной жертвой преступника является она, Ангелина Белова. Следующей будет Людмила. Пока Людмила - его козырь. Он не будет рисковать – устранять девушку: Лина может потребовать разговора с ней, чтобы убедиться, что он не блефует. Ему нужна живая Люся Яварчук. На это вся надежда.

Ангелина настороженно поозиралась по сторонам в полной уверенности, что за ней ведется постоянное видеонаблюдение. Если это так, то это очень плохо – преступник знает о ее действиях.

- Быть такого не может, это паранойя, - убедительно заявила она вслух и четко проговорила, - в моей квартире нет и не было никаких камер видеонаблюдения. И никогда не было подслушивающих устройств.

Но как он обо всем узнает? – подумала она и подтвердила недавнее высказывание, обращенное Голубицкому, - он постоянно оказывается рядом... Или ему кто-то докладывает без злого умысла – потому что его никто не подозревает... Или я сама докладываю?.. Или кто-то другой? Кто? Лебедин? Голубицкий?.. Или Пышненко?.. Или Марианна?.. А может, Кораблев? Неужели я настолько плохо разбираюсь в людях?!

Белова ходила из угла в угол, пытаясь взять себя в руки. Все мысли вертелись вокруг похищенной девушки.

Люська, бедная девочка... Из-за меня она влипла в историю. Как чувствовала – просила ее не вмешиваться, заниматься своими делами, так нет... Всё будет хорошо. Совсем скоро везению убийцы придет конец...

На первый взгляд, бредовая угроза - не высывайся, сиди дома, а если пораскинуть мозгами? На что он надеется? Он уверен, что я буду сидеть дома и ждать... Ждать чего или кого? По его разумению, которое «осталось за кадром» – ни чего, а кого: он придет, и... грянет час его победы... Неужели он рассчитывает, что я приму к сведению его указания? Уже приняла – сижу безвылазно дома. Предпринимаю кое-какие тайные действия, о которых он знать не может... А как быть с Голубицким? Неужели я поторопилась с выбором помощника?

Кажется, кто-то сошел с ума. Точно, ни я. Ясное дело – он, преступник. Он сбрендил от кражи перстня, от двух убийств. Что не удивительно: не каждый способен совладать со своей психикой в такой ситуации. Что мне дает его умственное помешательство? Сумасшедшие более изощрены и находчивы, чем нормальные люди. Разве убийц можно назвать нормальными людьми? Но с виду они кажутся обычными. Взять к примеру зверя Чикатило...

Кто ты? Приходи, не трусь, познакомимся. И разберемся, кто кого.

Увы, пока он меня опережает...

Почему я говорю о преступнике, как о мужчине? Потому что именно мужчина приходил к Вике под видом газовщика. Он работает в одиночку, без пособников...

Ангелина Михайловна закуталась в палантин и вышла на лоджию. Погода выдалась как ее настроение – гадкая: моросил затяжной дождик, по небу бродили тучи, ветер возмущенно метался, постоянно меняя направление.

Лебедин сидел на балконе в своей инвалидной коляске. На нем была защитная накидка от дождя ярко-лимонного цвета. Непостоянный ветер взял инвалида под защиту – отводил от него ледяные струи дождя. В принципе, такой необходимости не было: во-первых, на Лебедине была накидка, во-вторых, он мог укрыться в квартире, а не сидеть на балконе, продуваемом ветрами. Вести наблюдение, сидя у окна в теплом помещении.

Ключевое слово – наблюдение.

Белова пронзила инвалида уничижительным взглядом, не могла сдержать чувств. Видимо, тот проникся, поднял голову, заметил женщину на лоджии и приветливо улыбнулся. Лина отвернулась. Потом все же обратила свой взор на него и помахала рукой. Лебедин приложил ладонь к груди и склонил голову. Это он так извинился за вчерашнее – сделала вывод женщина.

Посидел в неудобной позе пару минут, затем вновь взглянул на нее. Наверное, ее озабоченный вид его обеспокоил. Он дернул головой – спросил, всё ли в порядке. Она показала большой палец – мол, все замечательно, – и отвернулась, чтобы он ее не доставал. А затем, когда палантин окончательно промок, как и ее волосы, вернулась в комнату. Пришлось переодеться в сухое, натянуть на ноги теплые носки.

Надо выпить чаю, – решила Лина. Пошла на кухню, долго стояла посередине, не понимая, зачем пришла. Сердце тревожно ныло, бухало – непривычно напоминало о себе. Вместо чая накапала тридцать капель корвалола, выпила, скривилась, запила водой.

Позвонила Жанна Рябченко, тоже спросила, как дела, есть ли новости. Лина ответила бодрым голосом, что у нее всё прекрасно, занимается генеральной уборкой – намекнула, чтобы ее не отвлекали. Жанна сообщила, что они с Григорием идут сегодня вечером в кино и пригласила подругу присоединиться.

- По-моему, вам и без меня замечательно. Третий лишний, забыла? А если ты думаешь, что я скучаю в одиночестве, то ты сильно ошибаешься. У меня дел невпроворот.

- Ангел, а... Костик не появлялся? – решила на вопрос Рябченко.

- И не появлялся и не звонил, чему я очень рада.

- Рада она, – пробурчала подруга, – так я и поняла.

- Что-то еще? – резко высказалась Лина.

- Ты умерь свою гордыню и позвони ему.

- Кому? – прикинулась дурочкой Белова.

- Костику?

- Какому Костику?

- Кораблеву! – разозлилась Жанна.

- А кто это? Впервые слышу.

- С тобой как разговаривать, лучше ворох белья перегладить.

- Иди, гладь. До свидания...

Он хочет, чтобы я сошла с ума, – подумала Белова, имея в виду, естественно, преступника, за спиной которого два убийства, кража и похищение человека. – Надо что-то делать. Не бродить по квартире с полоумным видом, а предпринимать шаги для спасения Люси... Сначала я, потом Люся... Сначала я, потом Люся... Перемена «мест слагаемых» в данном случае очень важна... Сначала я... Надо оставить прощальное письмо дочери. Я напишу, чтобы меня кремировали, а мой прах развеяли. Так будет лучше... Я смирилась со своей участью?.. Я смирилась. А как же Люся? Что будет с ней?..

Извечный вопрос – что делать? Надо ждать. Он придет. Он обязательно придет, потому и приказал сидеть дома. Глупо. Он надеется, что я смирюсь, что буду ждать? Он сумасшедший. Он одержимый. Правильно заметил Сергей – это одно и то же... Я буду сидеть и ждать... Кто из нас в здравом уме? Еще вопрос.

В дверь позвонили. Ангелина вздрогнула и пролила на себя остывший чай. На непослушных ногах доковыляла до входной двери и заглянула в «глазок». На площадке стояла Маргарита Фредушинская. Ангелина открыла дверь, пожилая женщина проскользнула в квартиру.

- Я ходила в полицию. Написала заявление о пропаже Люси, – шепотом сообщила она. Так же шепотом спросила, – не нужно было?

Белова неопределенно передернула плечами, в свою очередь поинтересовалась здоровьем Якова Семеновича.

- Он пока ничего не знает, я не решилась сказать ему правду. Вы обещали, что всё закончится благополучно, тогда и нет смысла ему говорить. Может быть, потом расскажу... Всё будет хорошо? – заглядывая ей в глаза, как преданная собачонка, спросила Марго.

- Так и будет, - выдохнула Ангелина. – Как вы объяснили Якову Семеновичу тот факт, что Люся не вернулась из Толпино?

- Я сочинила для него историю, что в колледже объявлен карантин из-за какой-то инфекции - все занятия отменены. Зачем ей находиться в городе, если можно пожить в поселке, у нее там подружки.

В дверь снова позвонили. Прежняя процедура с проверкой повторилась. На этот раз на пороге стоял Федор Жуков. На его голове по-прежнему была повязка.

- Здравствуйте, - вежливо поздоровался он, переминаясь с ноги на ногу. И обратился к Маргарите Леопольдовне, - я к вам заходил, а ваш муж сказал, что вы у соседки.

- Какие-то проблемы? – деловито осведомилась Фредушинская.

- Мне тут... сорока на хвосте принесла, что ваша правнучка пропала. Люся.

- Я этой сороке все перья из хвоста повыдергаю, - процедила сквозь зубы Белова, речь шла, естественно, о Голубицком, который растрепал новость об исчезновении Яварчук - больше некому.

- Тише вы, - осадил ее Жуков и приложил указательный палец к губам. – Ангелина Михайловна, я вам говорил, а вы не послушали.

- Ты за этим ко мне пришел – чтобы напомнить о вчерашнем разговоре? - набросилась на него Ангелина.

- Хотел кое-что рассказать, - с хмурым видом сообщил он и приложил ладонь ко лбу. Гримаса боли исказила лицо.

- Болит? – спросила Белова.

- До свадьбы заживет.

- Что ты жене сказал?

- Сказал, что поранился о трубу в подвале.

- Поверила?

- Наверное.

- Чего мы на пороге стоим, заходи, рассказывай, зачем пришел.

- Когда вы вчера ушли домой, а за вами ушел Лебедкин, я еще некоторое время сидел на скамейке. Голова сильно болела. И домой не хотелось идти – начнутся вопросы. Я целый день отговаривался – то одно дело у меня, то другое. В общем, жена до вечера меня не видела... в таком виде. Сижу, значит я, думаю, что сочинить для жены, а тут она мне звонит – легка на помине. «Порадовала» меня супруга, сообщила, что ее мать приезжает, теща моя. И я тотчас обязан ехать на вокзал, встречать ее. Делать нечего – надо встречать. Хотел я вызвать такси, а вдруг вижу, Сергей Голубицкий из подъезда выходит и направляется к своей машине. Я к нему. Прошу подвезти до пригородного вокзала, опаздываю, тещу не успею встретить, а с тещей лучше не ссориться. А Серега мне: не могу, спешу, важная встреча у меня. Ладно, думаю, как ты ко мне, так и я к тебе. Попросишь ты у меня помощи. И всё бы ничего, не было бы никакой обиды, если бы я позже не увидел на парковке у пригородного вокзала... Что бы вы думали? Автомобиль Голубицкого!

- Может быть, ты перепутал? - с надеждой спросила Белова. – Мало ли похожих автомобилей.

- Похожих не мало, но за рулем кто сидел? Голубицкий собственной персоной. Во как! И что же получается? Что он поджидал Люсю.

- Так внезапно нагрязнула теща? Никто не ожидал ее приезда? – не поверила Фредушинская, не обратив внимания на слова о Голубицком. Сей факт не понравился Жукову.
- Я ей про Фому, она мне про Ерему, - пробормотал он себе под нос. Обе дамы расслышали, но промолчали. Лина никак не выказала неудовольствия, а Марго набычилась. Пришлось Жукову «расшаркиваться»:
- Думаю, жена была в курсе, что ее мать приезжает, но помалкивала до поры-до времени, чтобы я не возражал. Я человек мирный, со всеми стараюсь поддерживать добрые отношения, но не с тещей. Мегера она каких поискать. И все ей ни так, все ни эдак. Как говорится – чем дальше, тем роднее. Одним словом, поставила меня жена перед фактом – приезжает, встречай. Не отвертисься. Пришлось вызывать такси, ехать на пригородный вокзал, тещу встречать.
- В котором часу это было? Когда ты был на вокзале? – вклинилась с очередным вопросом Марго, опередив замешкавшуюся Ангелину.
- С Ангелиной Михайловной мы общались во дворе в районе восьми вечера. Еще светло было на улице. А жена позвонила, когда стемнело. В начале десятого. Уличные фонари только-только зажглись, поэтому я заметил Сергея. Получается, в районе десяти я был на вокзале. Недалеко от входа, на парковке заметил машину Голубицкого. И его самого в салоне.
- Он был один? - спросила Лина.
- Один.
- Маргарита Леопольдовна, во сколько вам звонила Люся?
- Люся звонила в десять, в начале одиннадцатого, - неуверенно пробормотала Фредушинская. – Я уже дремала под телевизор, ее поджидала.
- То есть, я так понимаю, что она могла звонить и раньше, и позже, - констатировала Белова.
- Я сейчас вам все расскажу, - деловито вставил Жуков. – Я потому и пришел, когда узнал, что Люся пропала. Тут еще Голубицкий...
- Хватит о Голубицком, давай о Люсе! – призвала Марго.
- Я видел Люсю на перроне, - выдохнул Федор и сделал скорбное лицо, намекнув, что он знает больше, чем говорит.
- Видел?! – охнула прабабка пропавшей девушки.
- Сижу я, значит, на скамейке, жду тещу. Тут электричка подошла. Вижу, из вагона выпрыгивает Люся, достает из кармана мобильник и начинает по нему трещать. Не успела сказать и пары слов, как замечает какую-то девушку, видимо, свою знакомую.
- Как она выглядела? – спросила Белова.
- Здоровая такая деваха. Высокая и толстая. Гром-баба, одним словом.
- Откуда она взялась на перроне? Ждала Люсю? - с недоверием поинтересовалась Ангелина. Она точно знала, что в город Люся вернулась одна, Марианна осталась в Толпино. Они вместе решили, что в городе Марианне грозит опасность.
- А тут начинается самое интересное, - сообщил с придыханием Жуков. – Девушка эта, знакомая Люси, вышла из соседнего вагона той самой электрички.
- Получается, они ехали в соседних вагонах, а Люся не знала, потому и удивилась. Я это поняла по ее голосу, - пробормотала озадаченная Марго.
- Что было дальше? – поторопила Белова.
- Они пошли по перрону вдвоем, переговариваясь.
- Люся не была обеспокоена? Как она выглядела?
- Как обычно, без всякого напряжения.

- Ангелина Михайловна, вы знаете, о ком идет речь? Что это за девица? – потребовала ответа Маргарита Леопольдовна.

- Догадываюсь...

- Надо что-то делать! Надо идти к этой гром-бабе и спрашивать, куда она дела мою девочку! Чего вы стоите столбом?! – возмутилась прабабка.

- Я не стану предпринимать никаких действий, - делая паузы между словами, проговорила Белова. – Я не хочу подвергать жизнь Людмилы опасности.

Фредушинская прожгла ее взглядом и удалилась, громко хлопнув дверью.

- Ангелина Михайловна, - обратился к хозяйке Федор, кося глазом на дверь, как будто боялся, что его начальница может вернуться, - почему вы не можете позвонить той девушке? Вдруг она не имеет никакого отношения к похищению, но может что-то сообщить. Вдруг она видела, как Люся села в автомобиль Голубицкого?

- Федор, отвяжись, а?

- Никогда не думал, что вы такая... такая бессердечная, - подобрал определение Жуков.

- Да, я бессердечная, - согласилась Белова. – У тебя всё?

- Можно попросить у вас стакан воды, мне нужно таблетку запить – голова раскалывается. Что вы на меня так смотрите? Воды жалко?

- Дам я тебе стакан воды, успокойся. Проходи на кухню.

- Я здесь подожду.

Ангелина отлучилась, вернулась не скоро – долго медитировала у окна, залитого дождевыми каплями, как будто собиралась напоить гостя дождевой водой и подумывала, что предпринять. Мысли разлеталась в разные стороны, Лина пыталась утихомирить злость на весь белый свет. Особенно злилась на Федора, который спутал все карты.

Вернулась с кружкой воды. Жуков осуждающе взглянул на неспешную хозяйку, бросил в рот таблетку, запил водой, вернул кружку и откланялся.

Некоторое время женщина слонялась по квартире. Затем решительно взялась за телефон...

Незаметно прошло время обеда. Ангелина вспомнила, что с утра во рту не было ни крошки. Она долго стояла перед открытым холодильником. Потом достала два яйца. Приготовила яичницу. Без аппетита пообедала. Выпила крепкого кофе, съела две шоколадные конфеты. Подошла к окну и выглянула во двор.

Двор был пуст. Дождь лениво заканчивал свое недавнее действие.

На парковке у дома появился незнакомый автомобиль. Из него вышла странного вида женщина. Высокая, с лохматой шевелюрой длинных каштановых волос. В голубых джинсах, сером плаще выше колен и белых кроссовках.

Баскетболистка или волейболистка, - подумала о ней Белова, из-за высокого роста.

Девушка щелкнула брелоком, повертела головой и направилась к первому подъезду. Ранее эту девушку Лина никогда не видела.

Интересно, кто это? К кому она приехала? – зачем-то задумалась жительница второго подъезда Ангелина Белова. Федор проживал в третьем подъезде, следовательно, эта высоченная девица - не его супруга. Лина давно ее не видела, и позабыла, как та выглядит, помнила одно – Жукова имела гренадерский рост, супруг был ей по плечо.

С высоты своего седьмого этажа, Белова не смогла рассмотреть ее лица, не смогла определить возраст незнакомки. Впрочем, какое ей до нее дело...

Включила телевизор. Транслировали старый советский фильм «про любовь». Ангелина смотрела на экран, погрузившись в свои мысли. Опомнилась, вскочила и помчалась в прихожую. Пометалась по прихожей, открыла все замки на входной двери, сразу вернулась назад, выставила кресло таким образом, чтобы сидеть спиной ко входу в гостиную. Уселась и затаилась. Несмотря на громкий звук телевизора, услышала, как кто-то открыл дверь, зашел, тихо двинулся в сторону гостиной, где бубнил телевизор.

- Заждалась? – спросил знакомый голос...

Ангелина Михайловна поздно заметила, что в ее туалете начался потоп. Она не стала разбираться в проблеме – на это у них в доме есть специально-обученный человек. Но воду в квартире перекрыла, затем позвонила Федору Жукову. Тот возмутился: «Я только у вас был! Все же было нормально!» - «Можешь не торопиться, я пока лужу на полу высушу, и некоторое время могу обойтись без воды». – «Я закончу в двенадцатой квартире и приду к вам», - пообещал мастер на все руки. В общем, договорились.

Ангелина с большим интересом смотрела кинофильм и ждала сантехника. Присутствие другого человека, которому она радушно открыла дверь заранее, ее успокаивало. Он находился где-то в недрах ее квартиры, но она знала – он начеку, он поможет, защитит, он не позволит преступнику лишиться ее жизни...

Сидела и ждала. Старалась ни о чем не думать. Смотрела телевизор.

Как преступник проник в ее квартиру, она не поняла. Не услышала его осторожных шагов по прихожей, не почувствовала его присутствия в гостиной с работающим телевизором, хотя, была начеку. Когда он опустил свои крепкие и нечеловечески тяжелые руки ей на плечи, она не испугалась. Даже не вздрогнула. Наверное, исчерпала все эмоции. Или просто устала от ожиданий.

- Ну вот и все, - с чувством полного удовлетворения сообщил он, - сейчас я тебя задушу, а потом уйду ненадолго. Вернусь и обнаружу твое бездыханное тело. Ты меня вызывала? Вызывала. Тому есть свидетели. Я пришел, а ты уже мертва. Кто подумает на незаметного сантехника? Настолько незаметного, что его никто не стесняется, что его присутствие никого не обременяет. Нет его, понимаешь? Неет.

- Ты верно сказал – никто? Ответ на мучивший меня вопрос - кто убийца? - лежал на поверхности, а я его не замечала, - скрипучим голосом согласилась Белова.

- Значит, мне в очередной раз повезло, чего не скажешь о тебе. – С этими словами он набросил удавку ей на шею и начал хладнокровно душить. Ангелина успела подставить руки, убийца догадался, что она без борьбы не сдастся, сей факт его не раздосадовал, развеселил. Он медленно душил ее и злобно похихикивал.

Жуков не ожидал одного – что у жертвы появится защитник. Он возник ниоткуда. Высокий брюнет седыми висками, в голубых джинсах, водолазке и белых кроссовках. Но убийца рассмотрел его позже, когда защитник без труда его скрутил, связал ему руки его же веревкой и бросил на диван.

- Где Люся? – четко выговорила Ангелина, склонившись над поверженным врагом.

– Если ты сейчас же не признаешься, я тебя придушу своими руками, сволочь! И скажу, что защищалась.

- Эй, не молчи, - пихнул его ногой Кораблев. – С этой женщиной шутки плохи.

- Она в гараже.

- В каком гараже?

- В моем.

- Ангел, ты знаешь, где находится его гараж? – спросил Костик.

- Знаю... Люся жива? Отвечай!
- Жива, что ей делается. Я специально наплел про Голубицкого, про гром-бабу, чтобы следы запутать. Как ты догадалась?
- Ты же сам сказал накануне, что я умная. И дура одновременно – сама выболтала тебе о Люсе, о том, что она должна вернуться в город на электричке. Ты поспешно отправился на пригородный вокзал, естественно, не тещу встречать, у тебя были другие цели. На что ты рассчитывал? Что тебе удастся всех перехитрить?
- Если человеку начинает везти, то везет до конца, - убедительно заверил преступник с безумным взглядом некогда добрых и доверчивых глаз.
- Нельзя терять ни минуты, надо бежать в гараж! – призвал к действию Кораблев.
- Надо позвонить в «Скорую», вероятно, понадобится помощь медиков. И в полицию надо позвонить.
- Надо выяснить, что он с ней сделал, чтобы провести необходимые действия. Что ты сделал с Люсей?
- Я? – издевательски переспросил Жуков. – Я всего лишь предложил подвезти ее до дома. Для этой цели пришлось угнать чужой автомобиль. Недаром говорят, что у меня «золотые» руки! – похвастал он. - В машине сделал ей инъекцию инсулина, она отключилась. Я привез ее в гараж, связал и ушел, прихватив ее мобильный телефон. Утром дождался, когда ее прабабка забьет тревогу, и позвонил с последним китайским предупреждением.
- Кораблеву зверски хотелось выбить ему все имеющиеся зубы, но пришлось на время отложить экзекуцию.
- Где ключи от гаража? – процедил сквозь зубы Костя, хорошенько встряхнув преступника. Тот клацнул зубами и едва не растерял их по собственной оплошности. После чего с вызовом предложил:
- Найдешь, будут твои.
- Костя проверил его карманы, сразу обнаружил связку ключей в кармане спецовки и сказал:
- Какой-нибудь, да подойдет. Пошли с нами, счастличик! – И снова встряхнул бывшего сантехника и бывшего доброжелательного и отзывчивого человека.
- После его слов, Жуков как-то сник, попросил освободить его от пут, но Костя бросил: «Обойдешься». Пришлось Жукову безропотно следовать в гараж в сопровождении Кораблева и Беловой. Но не отказал себе в удовольствии высказаться в адрес Кораблева:
- Ты мне с первого взгляда не понравился.
- Сейчас же покончу с собой от такого убийственного заявления, - с сарказмом произнес Константин...

Заключение

Спустя неделю после всех событий дружная компания собралась в квартире Кораблева. Ангелина не хотела, чтобы ее дочь узнала, в какую беду едва не угодила ее мать по собственной инициативе, поэтому пришлось тайно собираться у Константина. Кроме хозяина квартиры и его возлюбленной на собрании присутствовали Рябченко с Пышненко, Голубицкий с будущей супругой, милой и улыбчивой молодой женщиной с редким именем Клавдия, весьма привлекательной наружности, и, естественно, Людмила Яварчук. Все ожидали появления Марианны. А пока болтали ни о чем и попивали чай с пирожными. Голубицкий переводил взгляд с Клавдии на Ангелину Михайловну, задерживал взгляд на

последней, при этом поднимал брови, как бы спрашивая ее мнение о будущей супруге. Белова незаметно показала большой палец – женщина-медичка ей, правда, нравилась. Голубицкий удовлетворенно улыбнулся и положил руку на плечо Клавды. Люська недовольно поджала губы и повертела головой в поисках предмета своего другого интереса. В результате впилась взглядом в Белову. Настала очередь Ангелины Михайловны удивляться и задавать безмолвный вопрос. Люся нахмурилась и возмущенно посопела, а женщина развела руками – такова жизнь. Затем не нашла ничего лучше, как промурлыкать:

- А знаешь, все еще будет, южный ветер еще подует, и весну еще наколдует...
- И память перелистает, и встретиться нас заставит, - подпела Жанна. Остальные подхватили и допели вместе куплет и припев.
- Эх, весна! – восхитился Пышненко.

Продолжить философскую речь ему не дал требовательный звонок в дверь. Белова невольно покосилась на Люсю, желая убедиться, что она здесь, а не давит кнопку звонка. И со словами «берем с коммунистов пример», поспешила в прихожую. Хозяин проводил ее влюбленно-восхищенным взглядом и обворожительной улыбкой. Заметившая и взгляд, и улыбку Рябченко, заулыбалась в ответ.

Наконец, появилась Марианна. Она пришла в сопровождении Василисы.

Ангелина зашла в гостиную вслед за новыми гостями и уставилась на Кораблева. Тот, в свою очередь, «расцвел майским цветом» и развел руки, желая обнять всех и сразу. Оказалось – не всех, только Василису, которая поспешила к нему, привстала на цыпочки, звонко чмокнула в щеку, после чего припала к груди со словами:

- Привет, пап! Я соскучилась!
- Привет, дочь! - ответил Кораблев, сграбастав девушку в охапку.
- Дочь? – удивилась Лина.
- Чья дочь? – спросила Жанна.
- Я дочь своего отца, - усмехнулась Василиса и спрятала лицо на отцовской груди.
- Ангел, ты что-нибудь понимаешь? – обратилась к подруге Рябченко.
- Неет, - напряженно протянула та.
- Девочки, я вам потом все объясню, - пообещал Костик.
- Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, - предупреждающе проговорила Жанна, с опаской поглядывая на подругу с совершенно белым лицом.
- Лина, ты меня поддерживаешь?

Пристроившаяся на стуле Лина уткнулась в свои колени, затянутые в джинсу, как будто ничего более интересного в окружающем пространстве не наблюдалось.

- Обстановка накаляется, - попытался разрядить атмосферу улыбающийся хозяин.
- Константин! – цыкнула на него Рябченко, полностью взяв на себя инициативу по переговорам.
- Ну, ладно, ладно, - поспешно сказал Кораблев, тоже с опаской кося глазом на любимую женщину. - Если коротко, то дело было так. Я был знаком с матерью Василисы с институтских времен. Мы некоторое время встречались. Итогом наших встреч стала ее беременность. Я предложил девушке выйти за меня замуж. Она меня высмеяла – сказала, что я неподходящая партия, голый-босый студент, что у нее есть на примете более выгодная кандидатура на роль мужа и отца ее ребенка. Она сообщит ему о своей беременности, и никуда он не денется – женится как миленький. Я пытался ее переубедить, уговаривал, грозил, но все было тщетно. В итоге она заявила, что сомневается, мой ли это ребенок...
- Костя, может быть не надо при Василисе, - промямлила Ангелина.
- Мне эта старая история известна, - вставила Василиса.

- Потом я окончил институт, уехал в другой город, женился. Однажды мы с женой приехали в гости к моей матери, и я встретил свою старую любовь. Она шла в сопровождении мужчины и маленькой девочки. Девочка была моей точной копией. Так я без всяких экспертиз ДНК убедился, что Василиса моя дочь. Я начал помогать материально. Когда Василиса подросла, я, с позволения ее матери, открыл ей правду.

- Моя мать успела трижды побывать замужем, все ее мужья относились ко мне с добротой. Но когда встретила своего родного отца, поняла, что такое настоящая отцовская любовь. Пап, я тебя обожаю!

- Я тебя тоже обожаю, дочь!

- Попахивает бразильским сериалом, - высказалась Марианна.

- Это жизнь, подруга, - вздохнула Люся и деловито донесла до присутствующих, – если мы разобрались с родственной связью дяди Кости и Василисы, то пора перейти к рассказу тети Лины... Ангелина Михайловна, вам предоставляется слово для доклада.

Ангелина вмиг преобразилась и начала без промедления:

- Начну с перстня, похищенного у девушки Вики, которая регулярно посещает фитнес-клуб, где работает Сергей Голубицкий. Именно с перстня и началась вся эта история. Сама не могу понять, что подтолкнуло меня связать кражу с убийствами. Предысторию я опущу, перейду к главному – я обратилась за помощью к Сергею. Он познакомил меня с Викторией. Девушка рассказала мне о краже фамильного перстня из ее квартиры, о расследовании. Главное – как перстень оказался в их семье. Ее прапрадед выиграл старинный перстень в карты, дело было в начале тридцатых годов прошлого века. Как я узнала позже, что подтвердило мою догадку, перстень принадлежал предку Жукова, заядлому игроку. Еще до революции он спустил все свое состояние, которое ему досталось от отца, человека известного и уважаемого. Перед смертью отец поведал своему отпрыску, что фамильный перстень приносит удачу – якобы его когда-то давно заговорила старая гадалка-румынка. И велел беречь перстень, не расставаться с ним, иначе удача покинет их семью. Жуков знал об истории перстня, знал, почему он оказался в чужих руках. Именно с перстня, как я уже сказала, началась эта трагическая история... Толчком стала обычная бытовая проблема - в тренерской душевой фитнес-клуба засорился слив. Сантехник, как назло, уехал на похороны родственника в другой город. Сергей подумал о Жукове, вызвонил его. Тот приехал в клуб, занялся прочисткой слива. Дело шло к закрытию. Вика пришла к Сергею, чтобы похвастаться подарком ко дню своего двадцатипятилетия. Говорила она громко, не таясь. Вика после призналась мне, что слышала мышиную возню в душевой – так ей показалось, на самом деле, это был Жуков. Когда он услышал, о чем она говорит, то забыл о сливе и затаился. Сергей упустил из вида, что кроме них с Викторией в помещении есть еще один человек. Когда Вика покинула фитнес-клуб, Жуков пошел за ней, проследил за ней до квартиры. Потом заявился к ней под видом газовщика, даже загримировался для этой цели. Возможно хотел расправиться с девушкой и забрать перстень, но то ли не решился, то ли ему что-то помешало. В холодильнике он заметил бутылку шампанского, с помощью шприца ввел в напиток сильнодействующее снотворное. Скорее это случилось позже, когда хозяйка отсутствовала. В результате Вика и ее парень выпили шампанского, вернувшись из ночного клуба, и уснули крепким сном. Вор проник в квартиру, нашел то, что искал, и спокойно удалился. А Вике с парнем сильно повезло, что, будучи в изрядном подпитии, они выпили совсем немного шампанского, сдобренного снотворным. Большая доза могла обоих убить.

- Откуда у Жукова такие богатые познания в медицине? – заинтересовалась Жанна Петровна.
- А Интернет на что? В аптеке можно купить без рецепта все что угодно.
- Неужели перстень и правда приносит удачу? – не поверила Люся.
- Не уверена, но Жуков мне хвастал, что в последнее время ему везет: жена к нему вернулась, в лотерею выиграл, мать пошла на поправку.
- Вот и не верь всяким рассказам о гадалках и наговорах, - попытала Жанна.
- А причем здесь Вадик Пушкин? И Никифоровна? – не понял Сергей Голубицкий.
- Никифоровна пострадала по причине собственной болтливости – ничего и никого она не видела в день убийства Пушкина, цену себе набивала, когда мы с Жанной к ней нагрянули с гостинцами. Ее слышали не только мы, но и Жуков. Он пришел к Шкаликову, тот его вызвал по его специальности. Некоторое время Жуков занимался своими профессиональными обязанностями в квартире Шакала Ивановича - не мог бросить дела и сбежать, чтобы себя не выдать, - и раздумывал над проблемой, которая может у него появиться, если бабка начнет болтать. План в его голове созрел, когда в прихожей Шкаликова он заметил пакет с вещами для бомжа Сергуни. Сверху лежал старый ремень. Увидев ремень, Жуков обрадовался, не столько своей сообразительности, сколько тому, что можно подставить Шкаликова. Он прихватил ремень и направился к Никифоровне. Перед дверью ее квартиры заметил лужу. Постучал, назвал себя и спросил, все ли у нее в порядке. Старуха распахнула дверь, чтобы рассказать «любезному другу» о своей победе над разными любопытными людьми, но Жуков, недолго думая, втолкнул ее в прихожую, задушил старым ремнем Шкаликова и сбежал, оставив дверь открытой. Убийца решил покинуть подъезд через чердак, чтобы не рисковать и спокойно оказаться у себя дома. Видимо, лифт был занят, ему пришлось идти пешком. Возле мусоропровода он заметил пакет Шкаликова, предназначенный для Сергуни. Не отдавая отчета своим действиям, он закинул пакет в мусоропровод...
- Чем задал нам задачку, - вставила Жанна.
- Шкаликов заметил пропажу пакета с вещами и вернулся к себе домой. В этот момент в подъезде появляется Марианна. Она тоже слышала наш разговор с Никифоровной, будучи в квартире Пушкиных, и решила с ней объясниться. А Жуков решил не рисковать, на каком-то этаже сел в кабину лифта и поехал на верхний этаж. Звуки поднимающегося наверх лифта слышала Марианна, после чего направилась к Гавриловой.
- Жуков не боялся, что его кто-то заметит, а потом вспомнит, что он находился в подъезде во время убийства? – просила Рябченко.
- Он сантехник и вообще мастер на все руки, обслуживает всех жильцов нашего многоквартирного дома, мало ли, какие дела его привели в подъезд, что он делает на верхнем этаже, зачем полез на чердак. На это и был его расчет: такого распрекрасного во всех отношениях человека, но незаметного, никто не заподозрит не только в неблагоприятных поступках, тем более, в ужасных преступлениях. Это же Федор, наш Федор Жуков. Добрейшей души человек. Человек-невидимка – будто бы есть, будто бы его нет. Как мебель...
- Так что там с Марианной? – заинтересовалась Василиса. – Она тоже могла погибнуть от руки этого «распрекрасного» чудовища?
- Поэтому я увезла ее в поселок Толпино, - хвастнула сообразительностью Люся.
- Повторюсь,- продолжила Белова, - Марианна хотела убедить Никифоровну в своей непричастности к убийству Вадима: она была в тот роковой вечер у него в гостях, и старуха могла ее видеть. Марианна набросила куртку и выскользнула из квартиры

Пушкиных, где в это время находились хозяйка, мать Марианны, и мы с Жанной. Дверь квартиры Гавриловой была приоткрыта, перед дверью - пресловутая лужа. Марианна толкнула дверь, сразу заметила на полу прихожей старушку, бросилась к ней, чтобы проверить, жива ли она. В этот момент из кармана куртки Марианны выпадают две странные вещицы, которые меня сильно озадачили.

- Что за вещицы? – поинтересовался Голубицкий.

- Скажем так – вещицы для рыбалки, но об этом я узнала позже. А тогда, пораскинув мозгами, я сообразила, кто побывал в квартире Гавриловой. Марианна. Не могла понять, зачем она оставила улики на месте преступления? Специально или случайно получилось? От ответа зависело многое - маньяк-убийца она или случайный свидетель. Я боролась с разными чувствами – с одной стороны я понимала, что все улики против Марианны, но с другой, не могла поверить, что она - убийца. Не могла она задушить старушку-божий одуванчик, не могла убить своего сокурсника, который, к тому же, как выяснилось позже, оказался ее сводным братом. Потом все разрешилось: Люся привела ко мне Марианну, и та обо всем рассказала... Марианна – не убийца, я убедилась в своих предположениях...

- Пока я не вижу связи между украденным перстнем и убийством Вадима Пушкина, - изрекла нетерпеливая Жанна Петровна.

- Я подхожу к самому главному. Итак, Жуков подслушал разговор Виктории и Сергея, он был потрясен рассказом Виктории, пребывал в прострации, и тут ему на беду попадает Вадик. Распираемый эмоциями Жуков не сдержался и обо всем ему рассказал. Вадик не поверил и спросил, уверен ли он, что это тот самый перстень. Жуков ответил, что уверен...

- Откуда такая уверенность? - не выдержала Люся.

- Вот и я не понял – откуда Жуков взял, что это перстень его предка-игрока? – вставил Голубицкий.

- На перстне, с внутренней стороны, выгравированы инициалы его прапрапрабабки, Виолетты Вышнегорской – ВВ. И Вика сообщила тебе об этом. Сергей, ты забыл?

- Что-то припоминаю, - неуверенно пробормотал тот.

- Да-да, Виктория об этом говорила, еще смеялась, что это ее инициалы - Виктория Волкова...

- Понятно, - выдохнул Сергей. – А дальше?

- Вадик, не подумав, предложил Жукову выкрасть старинный перстень. Еще и добавил: «С твоими-то возможностями никаких проблем не должно возникнуть!» В ответ Жуков выдал тайную информацию, дескать, он успел предпринять кое-какие шаги: проследил за девушкой и выяснил, где она живет. Вадик его похвалил и убедил, что он обязан вернуть себе перстень, что это не будет преступлением, это будет называться возвращением собственного имущества. Он ляпнул и думать забыл. Но Жуков повелся. Когда его план по возвращению перстня сработал, он не выдержал и похвастал своими подвигами. И перстень показал. С этой минуты для Жукова начался ад: Пушкин начал его шантажировать, требовал денег. Жуков выплатил ему требуемую сумму, спустя неделю – еще. И Жуков понял – шантажист не успокоится. Однажды вечером Жуков пришел к Вадиму, чтобы договориться по-хорошему, но тот пригрозил, что расскажет о краже нашему участковому, капитану полиции Селиверстову, если Жуков откажется платить. Жуков не сдержался и выстрелил из травматического пистолета, попал в глаз и убил парня.

- Откуда у него пистолет?

- Пистолет принадлежал Кудряшовой, жительнице нашего дома, - со знанием дела заявил Голубицкий. - Он случайно выпал из ее сумки в кабинете председателя тсж. Залетел под батарею, где его и нашел наш сантехник. Нашел и оставил себе.
- Зачем Жуков похитил Люсю? – спросила испуганная Марианна, которая до конца не верила, что ей удастся избежать неприятностей.
- Чтобы я сидела дома и никуда не выходила, - просто ответила Белова. - Чтобы не бегать за мной по всей округе. Чего проще – жертва сидит на месте и ждет убийцу.
- На что он надеялся? – недоверчиво протянул Голубицкий. – Зная вас как деятельную натуру...
- Как революционерку и женщину, идущую к своей цели, наперекор всему, - договорила за него Жанна Петровна, - он мог просчитаться.
- Не мог – на кону стояла жизнь Люси, я исполнила бы его любой приказ, но... попыталась бы переиграть. И мне это удалось. Сначала Жуков заявился ко мне, чтобы найти повод вернуться – он вывел из строя трубку сливного бачка. На тот момент у меня была Маргарита Леопольдовна, прабабушка Люси. Жуков сбился с настроения, выболтал кучу ненужной информации, которая не только ему не помогла, а, напротив, выдала его с головой. Якобы он узнал о похищении Люси от Сергея Голубицкого, потом оговорил самого Сергея – будто бы он в вечер похищения был на пригородном вокзале, потом перекинулся на Марианну, которая ехала в соседнем вагоне, а когда Люся ее заметила, то очень удивилась. Девушки вместе покинули перрон. Я не поверила ни одному его слову. Голубицкий не мог ему рассказать о похищении Люси, он на улице не показывал носа и к себе в гости никого не приглашал: Сергей подхватил кишечную инфекцию.
- Ну, Ангелина Михайловна! – возмутился Сергей.
- Однако, несмотря на недомогание, Сергей откликнулся на мою просьбу – мы общались по телефону.
- Ангелина Михайловна просила меня выяснить, где в настоящий момент находится мобильный телефон Людмилы. Я обратился за помощью к своему приятелю, но, увы, он не помог, хотя, старался.
- Прокололся, значит, убийца, лишнего наболтал, - вставил Пышненко.
- Откуда он узнал обо мне? – спросила Марианна. – Неужели видел, как я выбегала из квартиры Вадика?
- Вполне вероятно. Чему был весьма обрадован – очень подходящая кандидатура на роль убийцы. Пока я шла по ложному следу, убийцу всё устраивало.
- Откуда он узнавал новости? – задала вопрос Марианна.
- Собирал по крупицам.
- В этом есть и моя вина, - призналась Люся. – Но разве я могла подумать на Жукова?! На кого-на кого, а на него – никогда.
- Ты ни одна такая, - вздохнула Белова. - У меня тоже язык не держался за зубами. Будто бы всё указывало на Жукова, но я до последней минуты не могла поверить, что он – преступник. Когда Марго ушла, Жуков попросил воды, таблетку запить, я отлучилась на кухню, а он в это время проник в туалет и ослабил гайку на бачке унитаза, чтобы у меня случился потоп, чтобы я его вызвала. И я его вызвала. Он рассчитывал со мной расправиться, потом выйти, вернуться и обнаружить мой труп.
- Тетя Лина, почему вы все-таки подумали на Жукова? - спросила Люся.
- Когда Вика рассказала мне историю перстня, о том, что он приносит удачу, я вспомнила, как Жуков мне хвастался, что у него пошла «белая» полоса в жизни – жена, лотерея, мать. Я сложила два и два. Но не сразу.
- А кто разбил Жукову голову? – задала вопрос Жанна. – Неужели сам расстарался?

- Чего не сделаешь, чтобы отвести от себя подозрение, - хмыкнула Яварчук.
- А заодно и запугать меня, чрезмерно любопытную особу, которая наступала ему на пятки, - добавила Ангелина. - Заигрался мальчик, иначе не скажешь. Страх затуманил мозги – начал совершать лишние движения... Сидел бы тихо, никто бы его не заподозрил.
- Получается, Ангел, ты догадалась, что скоро в твою дверь постучит убийца, - настороженно пробормотала Жанна Рябченко.
- Именно так. Но я не настолько самоуверенна, чтобы взять на себя роль достойного противника, в физическом плане. Я позвонила Константину, объяснила ситуацию. Константин мигом откликнулся. Я попросила его проникнуть в подъезд незаметно. И слегка изменить внешность, ведь Жуков видел его раньше. Появление Кости могло спугнуть преступника, я боялась за Люсю.
- Костик, как тебе удалось изменить внешность до неузнаваемости? – заинтересовался Пышненко.
- Костя решил сменить пол, - ответила за него Белова, несколько смутив мужчину. - Я видела из окна, как из автомобиля выходит странноватая дамочка баскетбольного роста. Чутье мне подсказало, что это прибыло Мое Спасение. Я немного успокоилась. Подготовила мизансцену. Когда Костя пришел и спросил своим бархатным голосом: «Заждалась?», я окончательно успокоилась, поверила, что все закончится благополучно. Только после этого позвонила Жукову, и беспечно и в тоже время слегка озабоченно сообщила ему о своей бытовой проблеме.
- Где в это время находился Костик? – уточнила Жанна.
- Он прятался в соседней комнате. Что произошло потом, вам известно.
- Это-то нам известно, - задумчиво протянула подруга, нам неизвестно другое – когда свадьба?
- Вам лучше знать, ты же говоришь о вашей с Гришей свадьбе, - выкрутилась Белова.
- Если рыцарь спас принцессу, она обязана выйти за него замуж! – воскликнула Жанна Петровна и показательно посмотрела на подругу, потом перевела взгляд на Кораблева, который за все время рассказа не проронил ни слова, как будто не участвовал в поимке опасного преступника и спасении возлюбленной.
- Я что-то упустила? – прикинулась несведущей Лина.
- Ой, не надо играть роль дуры бестолковой, ты всё правильно поняла, - хмыкнула Жанна.
- Гриш, ты сделал ей предложение руки и сердца? – обратилась к старому приятелю Белова, пребывая на своей волне.
- С этой женщиной невозможно договориться, - возмутился Григорий. – Она, видишь ли, не хочешь узаконивать наши отношения, ее всё устраивает.
- Стыдоба – в наши годы и свадьба, - хмуро заметила Жанна.
- Я не говорю о пышном торжестве, пойдем в загс и распишемся, - предложил Григорий.
- У Пышненко должна быть пышная свадьба - каламбурчик, - обронил Кораблев, стараясь не смотреть в сторону Ангелины.
- А у Кораблева? – заинтересовалась дочь Василиса.
- Кораблев как пионер – всегда готова. Но моя избранница... та еще штучка.
- Жанка, ты слышала, он назвал меня штучкой, - усмехнулась Лина.
- Не была бы штучкой, не была бы такой желанной...

Сентябрь 2018г. – февраль 2019г.